
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 8, No. 4 (2022)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 8, №4 (2022)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2022

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CrossRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: phinauki@mgimo.inno.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies, Volume 8, No. 4, (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2022. – 221 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polygot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки;
- группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 8. №4. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2022. – 221 с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 8. №4.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 23.12.2022 г. Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 27,63. Тираж 500 экз. Заказ № 1471.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Head of the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Director of Language Training and Bologna Process Department, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Alexey N. Akeksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проф. кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Verbalization of the value concept “TOLERANCE” in the speech of German-speaking youth 8
(on the material of TRU DOKU reports)
Alla V. Anishchenko, Karina A. Tumasyan
- The function of the article in the modes of substantive nomination in Portuguese 21
Varvara A. Butko, Nikolay V. Ivanov
- Deanthroponymic contaminants as objects of language game (based on the material of Spanish-language media) 34
Iurii P. Murzin
- The strategy of evaluative argumentation as a means of linguistic modeling 52
of the police image in oppositional Russian and American newspapers
Valeriya E. Nesterova
- Experience in annotating connectives in Japanese text – lessons and prospects 64
Sergey V. Chironov

TRANSLATION STUDIES

- Parametric analysis of Russian-Persian dictionaries of military terms 89
Mohammadi Mohammad Reza, Baharloo Hadi, Golkar Abtin, Haghzare Davoud
- Methods and techniques of interpretation of mythical and magic characters’ 105
names in Russian folk tales in Persian
Siyami Eidlak Khalida
- Rendering personifications in the 19th century French translations 116
of Mikhail Lermontov’s novel “A Hero of Our Time”
Evgeniya A. Solovyeva
- Difficult cases of using the indefinite pronouns and adverbs with affixes 129
-nibud, -libo, -to, koe- with indefinite meaning among the Iranian audience
Majid Estiri

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

- Contractions as the new trend in PR professional language: linguistics and linguodidactics 140
Olga D. Vishnyakova, Elizaveta A. Vishnyakova, Alla P. Minyar-Beloroucheva, Polina E. Sergienko
- Individual and psychological differences in learning Russian as a second language 152
Kosar A. Salimi, Masume Eslami

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

- “Drink for the soul”: coffee tree and coffee as a symbol of the Arab national mentality 164
Elena Kuhkareva
- Wordplay in Spanish advertising discourse 177
Anna V. Makarycheva, Ekaterina V. Smirnova
- Géneros discursivos de la red social Instagram en el segmento hispanohablante 189
Ekaterina S. Syschikova, Elena A. Savchuk
- Modern Egyptian novel: development trends 204
Nina A. Uspenskaya, Ella V. Iakovenko

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вербализация ценностного концепта «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» 8 в речи немецкоязычной молодёжи (на материале репортажей TRU DOKU) <i>Анищенко А.В., Тумасян К.А.</i>	8
Функция артикля в модусах субстантивной номинации в португальском языке 21 <i>Бутко В.А., Иванов Н.В.</i>	21
Отантропонимические контаминанты как объект языковой игры (на материале испаноязычных СМИ) 34 <i>Мурзин Ю.П.</i>	34
Стратегия оценочной аргументации как средство лингвистического моделирования 52 образа полиции в оппозиционных российских и американских газетах <i>Нестерова М.Е.</i>	52
Опыт аннотирования коннекторов в японоязычном тексте: уроки и перспективы 64 <i>Чиронов С.В.</i>	64

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Параметрический анализ русско-персидских словарей военных терминов 89 <i>Мохаммади Мохаммад Реза, Бахарлу Хади, Голкар Абтин, Хагзаре Давуд</i>	89
Способы и приёмы интерпретации имён мифических и волшебных персонажей 105 русских народных сказок при переводе на персидский язык <i>Сиями Эйдлак Халида</i>	105
Передача персонификации во франкоязычных переводах XIX столетия 116 романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» <i>Соловьёва Е.А.</i>	116
Сложные случаи употребления неопределённых местоимений и наречий 129 с аффиксами -нибудь, -либо, -то, кое- со значением неопределённости в иранской аудитории <i>Эстири М.</i>	129

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Реализация сокращений как новая тенденция в профессиональном языке связей 140 с общественностью: лингвистические и лингводидактические аспекты <i>Вишнякова О.Д., Вишнякова Е.А., Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.</i>	140
Индивидуальные и психологические различия при усвоении русского как второго иностранного языка 152 <i>Салими К.А., Эслами М.</i>	152

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

«Напиток для души»: кофейное дерево и кофе как символ арабского национального менталитета 164 <i>Кухарева Е.В.</i>	164
Игра слов в испаноязычном рекламном дискурсе 177 <i>Макарычева А.В., Смирнова Е.В.</i>	177
Речевые жанры социальной сети Инстаграм в испаноязычном сегменте 189 <i>Сыщикова Е.С., Савчук Е.А.</i>	189
Современный египетский роман – тенденции развития 204 <i>Успенская Н.А., Яковенко Э.В.</i>	204

VERBALIZATION OF THE VALUE CONCEPT ‘TOLERANCE’ IN THE SPEECH OF GERMAN-SPEAKING YOUTH (ON THE MATERIAL OF TRU DOKU REPORTS)

Alla V. Anishchenko, Karina A. Tumasyan

Moscow State Linguistic University,
38, Ulitsa Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

Abstract. The article is devoted to studying means of representing the value concept ‘tolerance’ in the speech of modern German-speaking youth. The purpose of the research is to determine the place of tolerance among other values of the modern German society and to systematize the language units that reflect commitment to this value. The research material consists of 50 short documentaries created by the German-speaking YouTube channel ‘TRU DOKU’ and released in 2020–2021. The speakers’ value systems are reconstructed by means of analyzing their evaluative statements. The latter are divided into explicit direct, explicit indirect and implicit ones, depending on the degree of their compliance with the generalized formula of evaluative statements derived from background reading on the topic. In the course of the study, the speech products of the project participants are examined for the presence of language means that help to convey evaluativeness. The list of such linguistic means includes adjectives, nouns, verbs of general and specific evaluation, intensifying adverbs and particles, predicates of opinion and perception, comparative constructions, including the ones in the form of metaphors and phraseological units. Special attention is paid to emotive and emotive-associative vocabulary. In addition, the semantics of lexemes used in the context of evaluative statements is taken into account, which can also be used as a source of information about the speakers’ value systems. As a result of the analysis, it was found that implicit evaluative statements prevail when it comes to displaying ‘tolerance’ as a value. In addition to the listed types of language units, the verb *sich wünschen* is widely used to express wishes and hopes, modal verbs and the verb *lassen* are employed to convey attitudes towards tolerance and the opposite, undesirable situation of discrimination. Furthermore, the construction “*egal* + indirect question” and the cliché “*jemanden so nehmen, wie man ist*” are relatively frequent. The semantics of lexemes in the analyzed contexts enabled the inference that the participants of the videos encourage the viewer to make a cognitive effort in order to better understand other cultures and behaviors. The general conclusion about the place of tolerance in the value system of the German-speaking youth is that this concept is currently gaining more ground, but is not yet a generally accepted value, as evidenced by a large number of explicative constructions in the speech of the participants.

Keywords: value, concept, evaluative statement, emotive lexis, youth language, pragmatics

For citation: Anishchenko, A.V., Tumasyan, K.A. (2022). Verbalization of the value concept ‘TOLERANCE’ in the speech of German-speaking youth (on the material of TRU DOKU reports). *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-8-20>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РЕЧИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ МОЛОДЁЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕПОРТАЖЕЙ TRU DOKU)

А.В. Анищенко, К.А. Тумасян

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38

Аннотация. Статья посвящена изучению средств репрезентации ценностного концепта «толерантность» в речи современной немецкоязычной молодёжи. Цель настоящего исследования заключается в определении места толерантности среди других ценностей современного немецкого социума, а также в систематизации языковых единиц, эксплицирующих данную ценность. Материалом исследования послужили 50 документальных фильмов малого формата, размещённых на немецкоязычном YouTube-канале TRU DOKU в 2020–2021 гг. Система ценностей индивида реконструируется посредством анализа его оценочных суждений, которые могут быть разделены на эксплицитные прямые, эксплицитные не прямые и имплицитные в зависимости от степени соответствия обобщённой формуле оценочных суждений, выведенной в ходе работы с теоретическим материалом. Продукты речевой деятельности протагонистов анализируются с целью выявления языковых средств создания оценочности. В перечень таких языковых средств входят прилагательные, существительные, глаголы общей и частной оценки, усилительные частицы, предикаты мнения и восприятия, сравнительные конструкции, в том числе скрытые сравнения в виде метафор и фразеологических единиц. Особое внимание уделяется эмотивной и эмотивно-ассоциативной лексике. Помимо этого, анализу подвергается семантика лексем, используемых в контексте с оценочными суждениями, которая также может быть использована как источник информации о ценностных ориентирах говорящего. В результате анализа установлено, что при трансляции ценностной установки «толерантность» преобладают имплицитные оценочные суждения. Помимо перечисленных типов языковых единиц, важную роль играют глагол *sich wünschen* для выражения желания, модальные глаголы и глагол *lassen* для передачи отношения к толерантности и обратной, нежелательной ситуации дискриминации; относительно частотны конструкция *egal* + косвенный вопрос и клише *jemanden so nehmen, wie man ist*. Семантика лексем в анализируемых контекстах позволяет сделать вывод о том, что участники фильмов призывают зрителя к когнитивному усилию для лучшего понимания иных культур и моделей поведения. Общий вывод о месте толерантности в системе ценностей немецкоязычной молодёжи состоит в том, что данный концепт укрепляет своё положение, но пока не является общепринятой ценностью, о чём свидетельствует большое количество экспликативных конструкций в речи участников.

Ключевые слова: ценность, концепт, оценочное суждение, эмотивная лексика, язык молодежи, прагматика

Для цитирования: Анищенко А.В., Тумасян К.А. (2022). Вербализация ценностного концепта «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» в речи немецкоязычной молодёжи (на материале репортажей TRU DOKU). *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-8-20>

1. Введение

За последние десятилетия фокус лингвистических исследований сместился с изучения структуры языка и единиц отдельных языковых уровней к междисциплинарным темам, дающим возможность ответить на вопросы антропологического плана. Интерес к человеческому фактору объясняет тот факт, что предметом исследований всё чаще становится связь языка с внутренним миром говорящего, а также с культурой общества, в котором на данном языке говорят. Отдельное место среди этих направлений занимает изучение отражения в языке ценностных ориентаций как отдельных индивидов, так и целых социальных групп.

Данная работа посвящена анализу репрезентации ценностных ориентиров, а именно аксиологического концепта «толерантность», в речи немецкоязычной молодёжи. Материалом для исследования послужили пятьдесят видеосюжетов с YouTube-канала TRU DOKU, базирующегося в ФРГ. Общая длительность исследовательского корпуса составила двенадцать часов.

Понятие «толерантность», подразумевающее терпимое отношение к иному мировоззрению и образу жизни, стало особенно актуально в начале XXI века. С одной стороны, глобализация способствовала миграции населения, увеличив вероятность контактов представителей различных социальных групп, отличающихся как внешним видом, так и менталитетом. С другой стороны, важным фактором стало развитие Интернета, в особенности социальных сетей, которые дали пользователям возможность заявлять о себе и своей индивидуальности широкой аудитории.

В рамках данной работы мы ставим перед собой цель определить, какое место толерантность занимает среди других ценностей современного немецкого общества, а также выявить типичные языковые средства, служащие для трансляции данной ценности говорящими.

2. О понятии «ценностный концепт»

Многие учёные, занимавшиеся аксиологией и аксиологической лингвистикой (Г. Х. фон Вригт, М. Рокич, В. Циллиг, И. И. Ивин, А. Н. Баранов, В. И. Карасик, И. А. Стернин, Е. Ф. Серебренникова), трактуют ценность как ментальный конструкт, возникающий в сознании человека и представляющий собой свойство, положение вещей, или состояние, которое данный индивид одобряет, уважает и / или желает иметь [3]. Концепт в свою очередь определяется как основная единица сознания, вобравшая в себя культуру социума. Ключевым признаком концепта является его «овеществление» в словах соответствующего языка [5]. Считается, что чёткого соответствия между концептами и лексическими единицами не существует, однако анализ продуктов речевой деятельности позволяет максимально точно раскрыть концептосферу индивида или социальной группы. Так как ценности являются одной из составляющих духовного мира человека, они находят своё отражение в языке в виде концептов. Таким образом, под аксиологическими (ценностными) концептами мы понимаем ценности, объективированные в (языковом) сознании говорящего.

Важно отметить, что ценности имеют двойственный характер: чему-либо желанному всегда противопоставляется нечто нежелательное и неодобряемое индивидом. В рамках нашего исследования понятиям «толерантность», «терпимость», «принятие» противостоят такие явления, как дискриминация и исключение индивида из группы, частью которой он желает быть.

Ценностные установки и ориентиры формируются в социуме и являются отражением культуры. Несмотря на то, что ценности отдельных индивидов не всегда полностью совпадают с ценностями, принятыми и господствующими в социальной группе, к которой они принадлежат, справедливо считать, что ценности социальной группы первичны: в процессе познания мира и социализации индивид либо принимает, либо отвергает существующие ценностные установки, формируя свои собственные [6]. Впоследствии именно усвоенные ценности служат для человека неким компасом, который определяет его поведение в конкретных ситуациях и контекстах. Такая соотнесённость ценностей с обществом, в котором они действуют, позволяет исследователям относить их к параметрам, релевантным для описания культурных пространств.

3. Принципы и методы исследования

В лингвистике существует несколько подходов к выявлению ценностных ориентиров на основе продуктов речевой деятельности индивида. В данной работе мы придерживаемся подхода, согласно которому ценности говорящего транслируются и, соответственно, могут быть реконструированы по его оценочным суждениям. Оценочным считается такое высказывание, в котором говорящий показывает своё отношение к какому-либо предмету, явлению или ситуации. Оценивание действительности, в которой живёт говорящий, происходит на базе уже сложившейся, но подверженной изменениям и модификациям в процессе взаимодействия с миром системы ценностей. Индивиду оценка помогает выбрать подходящую реакцию на происходящее вокруг. Оценочный речевой акт призван воздействовать на слушателя, побуждая его к определённым действиям, так как во многих оценочных суждениях содержится скрытое предписание [1]. Таким образом, трактовка оценочных суждений является предметом скорее прагматики, нежели семантики. Тем не менее, как будет видно из последующего анализа, семантика языковых единиц, выбранных непосредственно для оценочного суждения или используемых в одном контексте с оценочным суждением, является основой передаваемого смысла.

Последнее связано с тем, что предикаты общей оценки, такие как «хороший», «правильный», не имеют семантической наполненности и не передают никакого смысла в отрыве от контекста. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, оценочные суждения по своему содержанию зачастую неполные, в связи с чем говорящий стремится их дополнить [1]. Как известно, оценочные элементы высказываний и оценочные языковые единицы противопоставляются дескриптивным. Логическое описание предшествует оценке, так как изначально говорящему необходимо определить свойства, подлежащие оценке. Синтаксически описание может следовать за оценкой, находясь, например, в придаточном предложении причины. Данное замечание обуславливает необходимость учёта и интерпретации контекстов при анализе системы ценностей говорящего.

По своей структуре оценочные суждения могут существенно отличаться друг от друга, поэтому первым шагом к анализу языковых средств служит разделение всех оценочных суждений на группы. Классификация, на которую мы опираемся в данном исследовании, была разработана на основе классификации немецкого исследователя С. Винко [12]. Все оценочные суждения делятся на эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные оценки могут быть в свою очередь прямыми и непрямыми. Эксплицитные прямые оценочные суждения соответствуют формуле $P = O \text{ ist } WA$, где P – это предикат оценки, O – оцениваемый объект, WA (от нем. *Wertausdruck*) – выражение качества, которое приписывается объекту оценки. Эксплицитные не прямые оценочные суждения могут быть сведены к данной формуле путём простой трансформации. Зачастую такие высказывания содержат предикаты мнения и восприятия (например, *Ich halte X für gut* → *X ist gut für mich*). К имплицитным оценочным суждениям мы относим все остальные высказывания, транслирующие оценку явления говорящим, но не соответствующие приведённой формуле напрямую или опосредованно.

Таким образом, к языковым средствам, сигнализирующим оценочность высказывания, можно отнести, помимо существительных, прилагательных, глаголов общей и частной оценки и предикатов восприятия и мнения [11], [2], такие элементы, как усилительные частицы, сравнительные конструкции, в том числе скрытые сравнения в форме метафор и устойчивых выражений [10]. Перечисленные единицы часто бывают эмоционально окрашенными, что нам представляется логичным, ведь эмоциональная реакция индивида на предметы и события выполняет на психологическом уровне те же функции, что и оценка в его языковом сознании – формирование собственного отношения к происходящему и выбор подходящей модели поведения [9]. В нашем исследовании эмотивности лексики уделяется особое внимание, так как эмоциональность в целом является одной из ключевых черт языка молодежи [8]. Важно также отметить, что поскольку в анализируемом материале говорящие сообщают о событиях и эмоциях, пережитых ранее, эмотивная лексика часто заменяется на эмотивно-ассоциативную, которая называет эмоции, не выражая их напрямую [7], что тем не менее даёт ценные сведения для анализа.

4. О материале исследования

Источником эмпирического материала для анализа оценочных суждений и формирования общей картины ценностей немецкой молодёжи послужили видео с немецкого YouTube-канала TRU DOKU. Возраст участников видео варьируется от 17 до 34 лет. Данный канал курируется и финансируется организацией funk, призванной предложить немецкоговорящей молодёжи развлекательный и образовательный контент, соответствующий их запросам и увлечениям. Выбор YouTube как основной платформы для публикации репортажей TRU DOKU обусловлен её популярностью. Согласно исследованию «Jugend / YouTube / Kulturelle Bildung. Horizont 2019», 86 процентов опрошенных молодых людей в возрасте от 12 до 19 лет смотрят видео на YouTube регулярно [13]. Опрос платформы Appinio выявил, что ресурс активно используется в том числе для образовательных целей¹.

Каждый репортаж является личной историей одного или двух человек. Как правило, речь идёт о сложных жизненных обстоятельствах, с которыми столкнулся герой (травма, физическое или ментальное расстройство, потеря близкого, травля, нападение, переезд и расставание с родиной и др.). На первый взгляд может показаться, что данный медиапродукт ограничен как в темах, которые освещаются, так и целевой аудиторией. Однако сам канал описывает свою тематику так: *Dokus über inspirierende Menschen, abseitige Welten und verblüffende Phänomene* – документальные фильмы о людях, которые вдохновляют, о необычных мирах и удивительных явлениях. Используемые в данном слогане эпитеты подчёркивают тот факт, что видео, представленные на канале, должны вызвать интерес у широкой публики. На момент написания статьи канал TRU DOKU имеет 230 тыс. подписчиков.

В видео TRU DOKU приводятся размышления героев о том, что для них является самым важным в жизни, что они осознали, пережив описываемые события. Серия роликов посвящена людям с необычными профессиями, которые также столкнулись с некоторыми сложностями ввиду своего выбора. Канал TRU DOKU ставит перед собой задачу распространить информацию о том, какие трудности испытывают различные люди, повысить осведомлённость тех, кто с данными явлениями не знаком, и поддержать тех, кто находится в похожей ситуации. Видео длятся в среднем 15 минут. Общий объём проанализированного материала составляет 12 часов.

5. Анализ оценочных суждений о толерантности

Концепт «толерантность» в разных своих аспектах представлен в 40 процентах проанализированных видеосюжетов. Количество оценочных высказываний по теме составило 72. В этих репортажах речь идёт о людях, которые столкнулись с дискриминацией или агрессией из-за своей выделяющейся внешности или необычного вида деятельности и нестандартного образа жизни. Толерантность, принятие – это те качества, которые герои данных роликов хотели бы видеть в окружающих их людях. Некоторые герои берут на себя более активную роль, пытаются своими словами и действиями убедить зрителей и своё окружение в том, что никакое отклонение от «нормы» не должно восприниматься негативно. Своим примером они показывают, что с пред-рассудками, укрепившимися в обществе, необходимо бороться. Необходимо также отметить, что авторами оценочных суждений в анализируемой категории являются не только сами герои, подвергнутые дискриминациям, насмешкам или травле, но и их друзья и близкие, знающие о толерантности не понаслышке.

¹ Appinio: Zwei Drittel der jungen Deutschen können nicht mehr auf YouTube verzichten [Электронный ресурс] – URL: <https://clck.ru/WtcEn> (доступ 15.03.2022).

5.1. Эксплицитные оценочные суждения

Эксплицитные прямые оценки в проанализированном материале немногочисленны (12,5% от общего числа выявленных оценочных суждений). Оценочные предикаты выражены прилагательными общей оценки *wichtig* (важный), *positiv* (положительный), *schön* (зд. хороший, прекрасный), *nicht schlimm* (нем. неплохой). Одна из героинь описывает момент из жизни, когда она оборвала контакт со своей матерью, но признала позже, что ей было важно её простить (см. далее (1)). Другая героиня видео, в результате долгих медицинских обследований узнавшая своей диагноз – аутизм, считает *важным*, чтобы у врачей и психиатров не было предрассудков в отношении подобных расстройств. Помимо этого, она пытается воодушевить зрителей, которые столкнулись с подобной ситуацией, объясняя, что нет *ничего плохого* в том, чтобы диагноз поставили как можно раньше (см. далее (2)). Девушка-карлик объясняет зрителям, что ей *важно* показывать разные аспекты своей жизни в социальных сетях. Почти в каждом высказывании этой категории содержится комментирующая часть, призванная объяснить, почему говорящие придерживаются такого мнения. Комментарий вводится союзом *weil* или частицей *ja*. Это свидетельствует о том, что толерантность, о которой так много говорится в европейском социокультурном пространстве, ещё не стала нормой для всех членов социума (см. далее (3)):

(1) *Irgendwie konnt' ich dann plötzlich Verständnis für meine Mutter entwickeln. Zum einen ist es **wichtig**, ihr zu verzeihen, weil... jeder macht mal Fehler in seinem Leben, und zweitens ist es auch wichtig für mich selbst, damit ich weiter in meinem Leben vorankommen kann²;*

(2) *Das Wichtigste, was ich Menschen mitgeben will, die gerade diagnostiziert worden sind, dass es **nichts Schlimmes** ist. Die Diagnose verändert dein Leben ja nicht negativ. Alles, was man von der Diagnose bekommt, ist **was Positives**, weil man sich selbst besser kennenlernen kann³;*

(3) *Mir ist **wichtig**, das zu zeigen. Weil es ja darum geht, dass ich eben nicht die kleinwüchsige Janina bin, die ein Leben führt, was andere nicht führen. Sondern ich ein normales führe⁴.*

В некоторых видеофрагментах описывается ситуация, обратная желаемой. При этом в высказывании протагониста используются предикаты отрицательной оценки. Так, девушка, страдающая мизофонией (нетерпимостью к различным звукам), рассказывает, что ей не пошло на пользу длительное недопонимание со стороны окружающих: *weil das Unverständnis dauerhaft da war, und es mir **nicht guttat***⁵.

О борьбе с предрассудками рассказывает девушка, страдающая легастенией – болезнью, затрудняющей приобретение навыков чтения и письма. Несмотря на этот недуг, девушка старается и продолжает учиться так же хорошо, как её сверстники. Она говорит о положительном чувстве, которое у неё возникает, когда она справляется с чем-то лучше, чем от неё ожидали: *die Erwartung von anderen zu brechen, ist ein **sehr gutes Gefühl***⁶.

Эксплицитные непрямые оценочные суждения (36,1% от общего числа оценочных суждений) основываются на желаниях участников репортажей и их эмоциональной реакции на то, что происходит в их повседневной жизни. Так, многие используют глагол *sich etwas wünschen* (желать) в изъявительном или сослагательном наклонении, возможно, в зависимости от того, насколько вероятным они считают подобное развитие ценностных установок, чтобы выразить свою надежду на распространении толерантности в обществе. В приведённых контекстах речь идёт о таких

² Unglückliche Kindheit: Raschas Weg zur Selbstliebe [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/0WiCAyvzDfc> (дата доступа 15.03.2022).

³ Nach Essstörung und Depression: Endlich die richtige Diagnose! [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/x2qkQ5ccEbc> (дата доступа 15.03.2022).

⁴ Gegen alle Vorurteile: Janina ist kleinwüchsig und selbstbewusst. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/BYir2IjkrPU> (дата доступа 15.03.2022).

⁵ “Ich habe mir gewünscht, ich wäre taub!” - So lebt Denise mit Misophonie. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/efeh7GTJrn4> (дата доступа 15.03.2022).

⁶ Zu dumm für die Schule? Sina hat es allen gezeigt und macht heute Abitur. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/Pg6JYYxEn5s> (дата доступа 15.03.2022).

проблемах, как нетерпимость к дискалькулии (неспособности к освоению арифметики) (см. (1)) и синдрому Дауна (см. (4)), а также о расизме (см. (2)) и гомофобии (см. (3)):

(1) *Ich **wünsch mir auf jeden Fall viel mehr Verständnis dafür. Dass die Leute mit Dyskalkulie sich auch nicht mehr verstecken müssen***⁷;

(2) *Ich **würde mir wünschen, wenn mich jemand kennenlernt oder ich jemanden kennenlerne, dass man sich für die Person anders interessiert, als wo sie herkommt***⁸;

(3) *Was ich **mir im gesellschaftlichen Bereich wünsche...** Dass das nicht mehr als Krankheit, Verfehlung oder zeitweiliges Phänomen angesehen wird. Sondern dass das akzeptiert wird*⁹;

(4) *Ich **würd' mir manchmal einfach wünschen, dass ... die Gesellschaft noch 'n bisschen offener ist für die Menschen mit Behinderung. Einfach, dass die irgendwie mehr in die Mitte von uns geholt werden***¹⁰.

Эмоциональные реакции можно проиллюстрировать на примере репортажа о расизме. Героиня ролика, девушка африканского происхождения, которую удочерила немецкая семья, использует глагол *aufwühlen* (раздражать), относящийся к ассоциативно-эмотивной лексике, чтобы описать свою реакцию на вопросы людей о её происхождении в первые минуты знакомства: *Das ist für mich eine Frage, die schon tiefer geht, als nur „wie gehts dir?“. Es ist etwas, was mich **innerlich aufwühlt***¹¹.

В некоторых репортажах поднимается тема предвзятого отношения к человеку из-за его внешнего вида. Участницы видео подчёркивают, что они отдают приоритет характеру человека и его внутреннему миру. Одна из них употребляет фразеологизм (*kein*) *gutes Licht auf etwas werfen* (представлять что-л. в нехорошем свете), критикуя тот факт, что некоторые люди судят окружающих исключительно по внешности: *Ich finde, **es wirft auch kein gutes Licht auf unsere heutige Gesellschaft, dass Äußerlichkeiten so einen hohen Stellenwert haben, dass man Menschen, die jetzt nicht normschön oder perfekt sind, so schlecht behandeln muss***¹².

В подобных контекстах говорящие также описывают своё эмоциональное состояние, что позволяет судить об их оценке описываемых явлений. Та же девушка говорит о том, что её ранил тот факт, что после значительных изменений в её внешности некоторые знакомые перестали с ней общаться. Она использует глагол *verletzen* с усилительной частицей *unglaublich*: *Mich hat das **unglaublich verletzt, dass mich jemand verlässt aufgrund meiner Veränderung, die natürlich auch für mich ein Riesending ist***¹³.

Девушка-карлик перечисляет в своём сюжете аспекты, которые для неё представляют большую ценность, чем внешность человека. При этом она использует глагол *zählen* (иметь значение), который передаёт важность чего-либо для говорящего. Прилагательное *egal* используется, напротив, для того чтобы подчеркнуть, что внешность и происхождение партнёра для неё не имеют значения:

*Meine wichtigste Erkenntnis war auf jeden Fall, dass es eben egal ist, wie groß der Partner oder die Partnerin ist, woher die kommt. Sondern letztendlich gemeinsame Interessen, Vorstellungen zählen. Gemeinsame Ziele im Leben, die man zusammen erreichen kann, oder sich unterstützen kann*¹⁴.

⁷ Unter Druck: Wie Christina mit ihrer Dyskalkulie umgeht. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/qvm-HXkN60Q> (дата доступа 15.03.2022).

⁸ “Es ist ein Muss aufzupassen was man sagt” – Nadia über ihren Umgang mit Rassismus in Deutschland. [Электронный ресурс]. – URL: https://youtu.be/_wR7k-eAx5Y (дата доступа 15.03.2022).

⁹ “Endlich darf ich zeigen, wer ich bin!” - Asenas (23) Outing vor der Familie. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/bl8mzRc3ppE> (дата доступа 15.03.2022).

¹⁰ Tanzen gegen Vorurteile: Nina gibt alles für ihre Schwester mit Down-Syndrom. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/6lD2c-n5wGk> (дата доступа 15.03.2022).

¹¹ “Es ist ein Muss aufzupassen was man sagt” - Nadia über ihren Umgang mit Rassismus in Deutschland. [Электронный ресурс]. – URL: https://youtu.be/_wR7k-eAx5Y (дата доступа 15.03.2022).

¹² Magenverkleinerung: Macht dünn sein glücklicher? [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/e8Vxysk5G1o> (дата доступа 15.03.2022).

¹³ Magenverkleinerung: Macht dünn sein glücklicher? [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/e8Vxysk5G1o> (дата доступа 15.03.2022).

¹⁴ Gegen alle Vorurteile: Janina ist kleinwüchsig und selbstbewusst. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/BYir2IJkrPU> (дата доступа 15.03.2022).

То же прилагательное *egal* (всё равно, без разницы), повторенное трижды с целью придания высказыванию особой эмоциональной выразительности, присутствует в речи другой участницы проекта. Она говорит о том, что вне зависимости от этнического происхождения все граждане Германии заслуживают уважения:

*Seit klein auf haben wir gelernt, Mensch ist Mensch. Egal, ob er biodeutsch ist, deutsch mit Migrationshintergrund, ob er Asylant ist, türkischstämmig, kurdischstämmig, das war uns immer egal. Und das haben wir hier gelernt in Kesselstadt, solange jemand nett zu mir ist, bin ich nett zu dir. Egal, was für Wurzeln du hast*¹⁵.

Тема принятия часто ассоциируется у участников репортажей с концепцией «принимать кого-либо таким, какой он есть». Героиня, которая открыла танцевальный кружок ради своей младшей сестры с синдромом Дауна, выражает свою надежду на будущее следующим образом: *Ich würde mir wünschen, dass Marie in ihrer Zukunft einfach in 'nem Umfeld weiterhin aufwächst, wo sie so genommen wird, wie sie ist*¹⁶. Девушка-карлик говорит о принятии со стороны своего молодого человека: *Ich freu mich, dass ich einen Partner habe, der mich nimmt, wie ich bin*¹⁷. Некоторые из проанализированных репортажей поднимают тему и принятия себя. Так, девушка, страдающая алопецией (патологическим выпадением волос), признаёт, что лучше бы осталась такой, какая есть, даже если бы была возможность вернуть волосы: *Und ich dann lieber so bleibe, wie ich bin*¹⁸. Наречие *lieber* подчёркивает однозначное предпочтение героини при наличии двух вариантов.

5.2. ИмPLICITНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ СУЖДЕНИЯ

ИмPLICITНЫЕ оценочные высказывания, доля которых в исследуемом материале составила 51,4%, следуют нескольким стратегиям. Когда говорящие затрагивают темы толерантности и принятия, они призывают зрителей быть терпимее, употребляя различные модальные глаголы. Блогер, который прославился на сервисе YouTube «списками ненавистных вещей» (нем. *Hasslisten*), признаётся, что никогда не транслировал ненависть всерьёз. Напротив, подчёркивает он, *wir sollten ein bisschen netter sein*¹⁹. Помимо этого, он делится историей школьных лет, когда он сталкивался с насмешками, но никогда не прибегал к мести: *Nur, weil dich jemand attackiert, musst du ja nicht sofort zurück attackieren*¹⁹. Упомянутая ранее героиня, сильно изменившаяся внешне, призывает к тому, чтобы люди проявляли больше понимания по отношению к себе и окружающим: *Man muss viel Verständnis für sich und die anderen haben und auch verstehen, warum andere das schlimm finden. Ich glaube, das ist schon mal ganz wichtiger Schritt*²⁰. Используемые в этих высказываниях модальные глаголы *sollen* и *müssen* предписывают зрителям в менее и, соответственно, более категоричной форме правильное, с точки зрения говорящего, поведение.

В контекстах о сознательном противодействии стереотипам модальные глаголы занимают также важное место. Модальный глагол *wollen* можно встретить в репортаже о молодом человеке, справившемся с анорексией, а именно в эпизоде, где он объясняет, зачем написал книгу: *In dem Buch, was ich geschrieben hab' was Magersucht bei Männern thematisiert, damit wollte ich natürlich auch 'ne Lücke füllen, die es noch nicht gab. Es gibt sehr wenige Bücher über essgestörte Männer*²¹. Модальный

¹⁵ Anschlag in Hanau überlebt: Arjin sah dem Täter in die Augen. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/zmi9abreknk> (дата доступа 15.03.2022).

¹⁶ Tanzen gegen Vorurteile: Nina gibt alles für ihre Schwester mit Down-Syndrom. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/6lD2cn5wGk> (дата доступа 15.03.2022).

¹⁷ Gegen alle Vorurteile: Janina ist kleinwüchsig und selbstbewusst. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/BYir2lJkrPU> (дата доступа 15.03.2022).

¹⁸ Wenn dir alle Haare ausfallen - Julius Leben mit Alopecia. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/M10R4-kIqkw> (дата доступа 15.03.2022).

¹⁹ Hassen für die Massen: Comedian Michael Buchinger hasst beruflich. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/lsg6kNmD5xo> (дата доступа 15.03.2022).

²⁰ Magenverkleinerung: Macht dünn sein glücklicher? [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/e8Vxysk5G1o> (дата доступа 15.03.2022).

²¹ Magersucht: Wie die Essstörung Arons Leben bestimmte. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/7ejWN9Wngpc> (дата доступа 15.03.2022).

глагол передаёт, таким образом, его желание и твёрдое намерение побороть существующий стереотип о том, что анорексией страдают только девушки.

С определёнными предрассудками борется также героиня, работающая в пожарной команде добровольцев. С помощью модального глагола *müssen* с отрицанием она выражает идею, что не каждая девушка обязана следовать идеалам красоты: *Nicht jede Frau hat dann gern wie ich geschminkt und Nägel und, ne? Muss ja auch nicht*²².

Наконец, стоит обратить внимание на использование глагола *lassen*, который в проанализированных контекстах позволяет героине выразить своё нежелание мириться с дискриминацией из-за физических недостатков:

*Ich hab dann Ende der achten Klasse beschlossen, mich nicht mehr fertigmachen zu lassen. Und ich hab mich vor die Klasse gestellt und gesagt: Ey, jetzt reicht's*²³;

*Ich hab zwar diese Krankheit, aber ich lass mich nicht deswegen jetzt unterkriegen*²⁴.

Высказывания друзей и партнёров главных героев упомянутых репортажей, свидетельствуют о том, что анализируемые концепты также имеют для них большое значение. Друг героини, которая борется с депрессией, говорит, что принимает её такой, какая она есть, используя глагол *nehmen*: *Und ich nehm sie so, wie sie ist*²⁵. Подруга молодого человека, у которого диагностировали синдром дефицита внимания и гиперактивности, говорит о том, что им успешно удаётся поддерживать взаимоотношения, так как они не категоричны по отношению друг к другу: *wir sind urteilsfrei*²⁶.

Подруги девушки, которая из-за своего генетического заболевания передвигается на коляске, отмечают, что она для них является примером, используя следующие существительные с положительной коннотацией: *Kämpferin*, *Vorbildfunktion*. Также они описывают её положительное влияние на себя, используя глагол *zeigen*: *Sie ist ein lebensfroher Mensch. Und sie ist halt auch 'ne Kämpferin. Und sie zeigt uns auf jeden Fall, dass wir auch an unsere Träume glauben können*²⁷. Сходную функцию выполняют глаголы *lernen* и *lehren* в следующих контекстах:

*Ich hab vor allem gelernt, geduldiger zu sein und Rücksicht zu nehmen. Und dass Dinge, die mir leichtfallen, die für mich selbstverständlich sind, nicht für alle Leute selbstverständlich sind*²⁶;

*Die Verantwortung meinem Paps gegenüber und der Situation gegenüber hat mich sehr verändert und sehr geprägt. Hat mich... gelehrt, geduldiger zu sein, mit mir selbst und mit meiner Umgebung*²⁸.

5.3. О соотношении понятий «толерантность» и «принятие»

Как видно из всех проанализированных выше контекстов, герои репортажей TRU DOKU не называют ценностные концепты «толерантность» (нем. *Toleranz*) и «принятие» (нем. *Akzeptanz*), когда выражают свою позицию. Вместо этого они более понятными широкой публике словами говорят о своём желании быть принимаемыми и воспринимаемыми определённым образом (нем. *j-n nehmen, akzeptieren, als [normal] ansehen*). Герои, находящиеся по другую сторону, то есть те, кому приходилось проявлять терпимость, помимо перечисленных лексем, используют также

²² Als Frau bei der Feuerwehr: "Es gibt Männer, die einen belächeln". [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/CKS8Px0lрКА> (дата доступа 15.03.2022).

²³ Gemeinsam stark: Leonita hat ihre BFFs immer an ihrer Seite. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/lтDSNIbHwqs> (дата доступа 15.03.2022).

²⁴ Tanzen gegen Vorurteile: Nina gibt alles für ihre Schwester mit Down-Syndrom. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/6lD2c-n5wGk> (дата доступа 15.03.2022).

²⁵ Drogenaustausch als Heilmittel? Theresa über ihre Ketamin-Therapie. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/Gx532K38Bfc> (дата доступа 15.03.2022).

²⁶ Beziehungsunfähig durch ADHS? Erja und Tobias über ihre On-Off-Beziehung. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/eoyA733e6Zg> (дата доступа 15.03.2022).

²⁷ Gemeinsam stark: Leonita hat ihre BFFs immer an ihrer Seite. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/lтDSNIbHwqs> (дата доступа 15.03.2022).

²⁸ Ich kämpfe für dich: Sofia (23) pflegt ihren schwerkranken Vater. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/wGCHL4pd2tU> (дата доступа 15.03.2022).

Geduld, geduldig sein (терпение, быть терпеливым), *Rücksicht auf etwas nehmen* (принимать что-либо в расчёт), говоря о том, чему научились за время общения со своими друзьями и близкими. В этих случаях речь идёт скорее о принятии, о пассивном состоянии, в котором индивид примиряется с обстоятельствами или определёнными качествами другого человека.

При обращении к трактовке понятия «толерантность» можно отметить, что при всей близости «толерантности» к «терпимости», исследователи говорят о более активной позиции индивида в случае «толерантности» [4]. Часто проявление толерантности означает не просто отсутствие враждебной реакции на инаковость, а попытки узнать больше о другой культуре, другом мировоззрении, состоянии другого человека, и понять это. Именно к такому более активному принятию и призывают в большинстве случаев участники TRU DOKU. Они говорят о когнитивном усилии, ожидаемом от общества. К лексемам, употребляемым в данных контекстах, относятся *Verständnis* (понимание) и *Unverständnis* как обратное, нежелательное влияние. Героиня, затронувшая тему расизма в своём репортаже о пережитом во время теракта в Ганеу, призывает всех *глубже разобраться* в теме (*Aber ich wünsche mir, dass sich jeder damit auseinandersetzt. Und dass man bei sich selbst anfängt. Und sich selbst fragt: «Bin ich vielleicht ein Rassist?»*²⁹). Героиня другого репортажа о расизме пытается убедить зрителя в том, как важно *интересоваться* личностью человека в первую очередь, а не его происхождением (...*dass man sich für die Person anders interessiert, als wo sie herkommt*³⁰). Другая героиня говорит о важности разговора с человеком, которого сложно принять (*Also, die gesamte Beziehung hat nur funktioniert, weil wir miteinander geredet haben*³¹).

Наконец, в некоторых репортажах идёт речь и о принятии самого себя, так как под давлением норм, принятых в обществе, некоторым и это может даваться нелегко. Одна из героинь говорит о пользе вовремя поставленного правильного диагноза, в результате чего человек может раньше начать познавать себя (*Alles, was man von der Diagnose bekommt, ist was Positives, weil man sich selbst besser kennenlernen kann*³²). Другая участница рассказывает о своём анализе общественных идеалов и о том, к какому важному выводу она пришла в результате (*Meine wichtigste Erkenntnis war auf jeden Fall, dass es eben egal ist, wie große der Partner oder die Partnerin ist, woher die kommt*³³). Подобные высказывания свидетельствуют о том, что герои постоянно анализируют ситуацию с опорой на свою систему ценностей, учатся принимать и понимать как себя, так и окружающих.

6. Выводы и перспективы исследования

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о некоторых тенденциях, наблюдаемых в немецком социуме по отношению к теме «толерантность». Пытаясь донести до зрителей, насколько важно проявлять толерантность и понимание и не мыслить стереотипами, участники репортажей следуют одной из следующих стратегий:

1. О важности толерантного отношения к окружающим говорится напрямую; говорящий использует предикат общей положительной оценки. Высказывание имеет экспликативную составляющую, которая призвана убедить тех, кто сомневается в правильности приведённых рассуждений.

²⁹ Anschlag in Hanau überlebt: Arjin sah dem Täter in die Augen. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/zmi9abreknk> (дата доступа 15.03.2022).

³⁰ “Es ist ein Muss aufzupassen was man sagt” - Nadia über ihren Umgang mit Rassismus in Deutschland. [Электронный ресурс]. – URL: https://youtu.be/_wR7k-eAx5Y (дата доступа 15.03.2022).

³¹ Beziehungsunfähig durch ADHS? Erja und Tobias über ihre On-Off-Beziehung. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/eoyA733e6Zg> (дата доступа 15.03.2022).

³² Nach Essstörung und Depression: Endlich die richtige Diagnose! [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/x2qkQ5ccEbc> (дата доступа 15.03.2022).

³³ Gegen alle Vorurteile: Janina ist kleinwüchsig und selbstbewusst. [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/BYir2IJkrPU> (дата доступа 15.03.2022).

2. Участник говорит о своём желании видеть больше терпимых и понимающих людей, но при этом не использует предиката оценки. В качестве предиката в высказывании выступает глагол *sich wünschen* в различных наклонениях.

3. Для выражения идеи о том, что важно проявлять уважение и понимание к окружающим, участники репортажей описывают ситуацию, обратную желаемой. Затем они выражают своё отношение к ней, используя оценочные лексемы, в том числе устойчивые выражения, и эмотивно-ассоциативную лексику с негативной семантикой.

4. С помощью модальных глаголов *müssen, sollen* говорящий призывает зрителей проявлять больше терпимости. Модальный глагол *wollen* служит для выражения намерения бороться с предрассудками. Глагол *lassen* в высказываниях типа «*Ich lasse mich nicht + Infinitiv*» демонстрирует нежелание говорящего мириться с дискриминацией и негативными стереотипами.

5. Говорящий на своём примере показывает, как он проявляет толерантность по отношению к другим. При этом используется глагол *zählen*, с помощью которого участник репортажа отмечает, что для него важны определённые внутренние качества, а не внешние данные, этническое происхождение и др. То, что участник считает неважным, передаётся конструкцией из прилагательного *egal* и косвенного вопроса (например, *egal, woher er kommt*). Другая рекуррентная формула – «*jemanden / sich so nehmen / so bleiben, wie man ist*».

6. С помощью глаголов *zeigen, lernen, lehren* говорящий иллюстрирует положительное влияние от общения с теми людьми, по отношению к которым он проявил толерантность, в то время как другие этих людей отвергли.

Помимо этого, в ходе анализа было установлено, что большая часть участников репортажей призывает не просто к принятию и терпимости по отношению к ним или их близким, а к некоему когнитивному усилию, в результате чего зритель научится понимать людей, которые выглядят или ведут себя необычно.

В заключение необходимо отметить, что ценностные концепты «толерантность» и «принятие» широко представлены в роликах канала TRU DOKU, часто становясь центральной темой репортажа. Это несомненно говорит о том, что толерантность как ценность приобретает всё большее значение для молодёжи. Как было установлено при анализе оценочных суждений данной категории, их характер частично свидетельствует о том, что толерантное отношение к людям, которые по каким-либо причинам выделяются, проявляется пока ещё не во всех ситуациях и не всеми членами немецкоязычного общества: если представленная позиция нуждается в пояснении, ценность, транслируемую в этой позиции, нельзя назвать общепринятой и общепризнанной. Стоит признать, что в первую очередь за проявление толерантности ратуют те молодые люди, которые столкнулись с дискриминацией. Однако по достаточно обширному спектру тем в видео, которые попали в данную категорию, можно сделать вывод о том, что объектом насмешек и травли может стать любой, ведь каждый член социума уникален и в чём-то не соответствует общепринятой норме. Учитывая факторы, названные ранее – глобализация и стремительное развитие социальных сетей – значение толерантности, вероятно, будет только возрастать в будущем.

© Анищенко А.В., Тумасян К.А., 2022

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. 338 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. М.: УРСС, 2002. 261 с.
3. Ивин А. А. Классическое и неклассическое определение ценности / А. А. Ивин, И. П. Никитина // Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. Минск, 2014. С. 95–98.
4. Гулина Н. А. Понятие толерантности: история и современность / Н. А. Гулина, Т. М. Садкина, Е. И. Филимонова // Sciences of Europe #26, 2018. С. 54–56.
5. Карасик В. И. Антология концептов. Том 1. / В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.

6. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Л. Г. Викулова и др. / под общей ред. Е. Ф. Серебренниковой. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография / В. И. Шаховский. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 208 с.
8. Henne H. *Jugend und ihre Sprache. Darstellung, Materialien, Kritik.* / H. Henne. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1986. 385 S.
9. Hülshoff, Th. *Emotionen* / Th. Hülshoff. Ernst Reinhardt Verlag, 2012. 336 S.
10. Läzer R. Zur Illokutionsstruktur von Pressekommentaren – Ein praktischer Beitrag zur Theoriendiskussion der Handlungsorientierten Textanalyse. // *Zeitschrift Für Germanistik*, 9(4), Peter Lang AG, 1988. S. 472–479.
11. Sandig B. Ausdrucksmöglichkeiten des Bewertens. Ein Beschreibungsrahmen im Zusammenhang eines fiktionalen Textes // *Deutsche Sprache*. 7, Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1979. S. 137–159.
12. Winko S. *Wertungen und Werte in Texten. Axiologische Grundlagen und literaturwissenschaftliches Rekonstruktionsverfahren.* / S. Winko. Braunschweig; Wiesbaden: Vieweg Verlag, 1991. 234 S.
13. *Jugend / YouTube / Kulturelle Bildung.* Horizont 2019. Studie: eine repräsentative Umfrage unter 12- bis 19-jährigen zur Nutzung kultureller Bildungsangebote an digitalen Kulturorten [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Wtc8Q> (дата доступа 15.03.2022).

References

1. Arutiunova, N.D. *Typy iazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt* [Types of language meanings: evaluation, event, fact]. М.: Nauka. 1988. 338 p.
2. Vol'f, E.M. *Funktional'naiia semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. М.: URSS, 2002. 261 p.
3. Ivin, A.A. and Nikitina, I.P. Klassicheskoe i neklassicheskoe opredelenie tsennosti [Classical and non-classical definition of value]. *Filosofiiia i tsennosti sovremennoi kul'tury: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 10–11 oktiabria 2013 g.* 2014, pp. 95–98.
4. Gulina, N.A., et al. Poniatie tolerantnosti: istoriia i sovremennost' [The notion of tolerance: history and modernity]. *Sciences of Europe* #26, 2018, pp. 54–56.
5. Karasik, V.I. and Sternin, I.A. *Antologiiia kontseptov. Tom 1* [Anthology of concepts, vol. 1]. Volgograd: Paradigma, 2005. 352 p.
6. Serebrennikova, E.F., et al. *Lingvistika i aksiologiiia: etnosemiometriia tsennostnykh smyslov: kolektivnaia monografiia* [Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings]. М.: TEZAURUS, 2011. 352 p.
7. Shakhovskii, V.I. *Kategorizatsiia emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme iazyka: monografiia* [Categorization of emotions in the lexico-semantic language system]. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 208 p.
8. Henne, H. *Jugend und ihre Sprache. Darstellung, Materialien, Kritik.* Walter de Gruyter, 1986. 385 p.
9. Hülshoff, Th. *Emotionen.* Ernst Reinhardt Verlag, 2012. 336 p.
10. Läzer, R. Zur Illokutionsstruktur von Pressekommentaren – Ein praktischer Beitrag zur Theoriendiskussion der Handlungsorientierten Textanalyse. *Zeitschrift Für Germanistik*, 9(4), 1988, pp. 472–479.
11. Sandig, B. Ausdrucksmöglichkeiten des Bewertens. Ein Beschreibungsrahmen im Zusammenhang eines fiktionalen Textes // *Deutsche Sprache*. 7, 1979, pp. 137–159.
12. Winko, S. *Wertungen und Werte in Texten. Axiologische Grundlagen und literaturwissenschaftliches Rekonstruktionsverfahren.* Vieweg Verlag, 1991. 234 p.
13. *Jugend / YouTube / Kulturelle Bildung.* Horizont 2019. Studie: eine repräsentative Umfrage unter 12- bis 19-jährigen zur Nutzung kultureller Bildungsangebote an digitalen Kulturorten. <https://clck.ru/Wtc8Q> (Accessed 15.03.2022).

Сведения об авторах:

Анищенко Алла Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: исследование эмотивного компонента речи, лингвистика текста, лингвопрагматика, сетевой дискурс, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, аудиодескрипция. E-mail: allan031@yandex.ru

Тумасян Карина Арамовна – аспирант первого года обучения, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: аксиологическая лингвистика, исследования эмотивного компонента речи, социолингвистика, язык молодежи, когнитивные исследования языка, мультимодальная коммуникация. E-mail: i_am_k_a_r_i_n_a@mail.ru

About the authors:

Alla V. Anishchenko, PhD in Philology, is Associate Professor, Head of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, MSLU University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: emotive language analysis, text linguistics, linguopragmatics, Internet discourse, linguocultural studies, intercultural communication, audio description.

E-mail: allan031@yandex.ru

Karina A. Tumasyan, is a 1st year PhD student, lecturer, Faculty of the German Language, MSLU University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: axiological linguistics, emotive language analysis, sociolinguistics, youth language, cognitive studies of language, multimodal communication.

E-mail: i_am_k_a_r_i_n_a@mail.ru

* * *

THE FUNCTION OF THE ARTICLE IN THE MODES OF SUBSTANTIVE NOMINATION IN PORTUGUESE

V.A. Butko

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
124047. Moscow, Bolshaya Sadovaya st., 14.

N.V. Ivanov

Moscow State Institute of International Relations (University)
119454. Moscow, Pr. Vernadskogo St., 76

Abstract. This paper presents a functional analysis of the grammar of the article in Portuguese. The article is seen as a morphological category that serves to differentiate the modes of substantive nomination in speech. A special status of the article in Portuguese, compared with the other grammatical categories, is underscored. Unlike other categories, that are mainly illustrative, serving to describe the object, the article characterizes the subjective mode of reference of the sign to the object. The function of the article has three aspects: true side (referential basis), pragmatic (communicational stress) and stylistic (cultural value). Several linguistic approaches to the article, covering these three functional aspects, are examined. Three modes of substantive nomination are pointed out: definite article nomination, indefinite article nomination and without article nomination (d/a-nomination, i/a-nomination, w/a-nomination). The functional meanings of the three nominative modes are correlated with all functional semantic aspects: referential, pragmatic and stylistic. The difference between the grammar of the article in substantive word-combinations and the grammar of the article in predicative constructions is outlined. On the one hand, it is an attributive and complementive grammar of the article within a substantive phrase. On the other hand, the article marks the function of a syntactic actant in the sentence. At this level, the article obtains the capacity to be an instrument to stress the rhema accent in linear structure of the utterance. At this level too, the article reveals its stylistic function. The paper presents a number of examples that show the use or omission of the article in the sentence according to its function. A brief summary presents the parameters of interpretation and differentiation of various types of substantive nominations in Portuguese with regard to the function of the article: reference, indication, quality, rhema-stressing, context newness. The paper may be of interest to the linguists specializing in the sphere of grammar of Portuguese and other Romance or German languages.

Keywords: article, reference, modus of substantive nomination, definite-article nomination, indefinite-article nomination, without-article nomination, Portuguese

For citation: Butko, V.A., Ivanov, N.V. (2022). The function of the article in the modes of substantive nomination in Portuguese *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 21–33. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-21-33>

ФУНКЦИЯ АРТИКЛЯ В МОДУСАХ СУБСТАНТИВНОЙ НОМИНАЦИИ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В.А. Бутко

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
125047, Москва, ул. Большая Садовая, 14

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена анализу функции артикля в португальском языке. Артикль трактуется как морфологическая категория, дифференцирующая модусы субстантивной номинации в речевом узусе в аспектах содержательного применения имени. Подчёркивается особый статус артикля в ряду других грамматических категорий португальского языка. В отличие от других грамматических категорий, которые можно назвать объективными и ситуативно-описательными, артикль характеризует субъективный модус отнесённости знака к объекту. Функция артикля раскрывается в трёх аспектах: истинностном (референциальном), прагматическом (коммуникативно-выделительном) и стилистическом (культурно-ценностном). Рассматриваются существующие подходы к изучению функции артикля в лингвистике, в которых в той или иной степени охватываются эти три аспекта в их взаимосвязи. Выделяются три модуса субстантивной номинации, маркируемые посредством функции артикля: определённо-артиклевая номинация, неопределённо-артиклевая номинация и безартиклевая номинация (соответственно, о/а-номинация, н/а-номинация и б/а-номинация). Функциональная нагрузка трёх модусов раскрывается на всех трёх содержательных уровнях: референциально-семантическом, экспрессивно-выделительном и стилистическом. Проводится дифференциация грамматики артикля в субстантивных словосочетаниях и в предикативных конструкциях. В одном случае можно говорить о комплетивно-атрибутивной грамматике артикля в составе субстантивного словосочетания, в другом – о его функции как маркера грамматического актанта в составе предложения. Во втором случае артикль приобретает способность выступать в качестве инструмента ремовыделения в линейной структуре высказывания. В этом же масштабе рассмотрения обнаруживает себя стилистическая функция артикля. В статье приводится достаточное количество примеров на применение или опущение артикля в зависимости от той или иной содержательной функции. В конце статьи даётся обобщение, в котором перечисляются параметры интерпретации различных форм субстантивной номинации, маркируемых артиклем, на материале португальского языка: референция, индикация, качественность, ремовыделение, контекстная новизна. Статья может быть интересна для лингвистов, специализирующихся в сфере грамматики португальского и других романских и германских языков.

Ключевые слова: артикль, референция, модус субстантивной номинации, определённо-артиклевая номинация, неопределённо-артиклевая номинация, безартиклевая номинация, португальский язык

Для цитирования: Бутко В.А., Иванов Н.В. (2022). Функция артикля в модусах субстантивной номинации в португальском языке *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 21–33. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-21-33>

Референция – вершина речевого семиозиса, сущностный критерий и предметное основание истинностной функции знака, определяющей его соответствие обозначаемой внешней реальности. Референция венчает процесс содержательной объективации мысли в масштабе предложения. Её можно понимать как условно материальную точку отсчёта в том схематическом мыслительном представлении внешней реальности, которое создаёт говорящий, используя семантические средства языка, и которое принято называть языковой картиной мира. Следует уходить от одностороннего понимания референции. Важно видеть не только объективную, но и субъективную её сторону. «Функцию референции в полном её понимании следует проводить не от знака к объекту, а от субъекта к объекту через свойства символической формы. Обратной стороной референции является выявление смысловой реальности субъекта» [5, с. 14].

В языке референция – атрибут и исключительная функция имени существительного. В этом обнаруживается стихийный материализм всякой мысли в формах её вербальной репрезентации. За всем, что мы мыслим, так или иначе должен стоять или полагаться некоторый материальный субстрат. Предметную основу любой мысли составляет так или иначе рисуемая говорящим пространственная схема события, в которой ключевую роль играет субстантивный элемент.

Особенное регулятивно-логическое влияние субстантивация получает в абстрактных рассуждениях, в которых материально-пространственная схема мысли приобретает самодовлеющий характер и «объектами» становятся события, концепты, сущности, которые в принципе никакой предметности в себе не несут. Каждый язык имеет массу абстрактных существительных, концептуализирующих понимание реальности: красота, знаковость, решимость, возможность, влияние и пр. На базе абстрактных имён обнаруживает себя феномен, который можно было бы назвать предметно-грамматическим априоризмом понимания. Структура понимания предшествует семантике понимания. Мыслеобразование реальности предшествует самой реальности в процессе понимания, и ключевым элементом в этом процессе является субстантив – элемент, являющийся основанием и носителем функции референции в предложении. Основная задача мысли в понимании реальности – найти и представить в том или ином приближении референцию к этой самой реальности. Референция – граница понимания реальности. С одной стороны, она – достижение мысли, с другой, она – её основание и точка отсчёта.

Референция – гибкая функция, в которой степень отнесённости имени существительного к внешней реальности может дифференцироваться по критерию определённости. Центральное место среди многих способов субстантивной детерминации в португальском, как и во многих других романских, а также германских языках, занимает артикль. Различные виды субстантивной детерминации как бы группируются вокруг артикля.

Надо сказать, что и в некоторых безартиклевых языках (например, в славянских) исследователи отмечают действие функции артикля в речевом узусе, – но не как формализованной грамматической, а скорее как интуитивной категории. Артикль в этих языках замещается различными местоименными или количественными детерминативами [7]. В этих языках субстантивная номинация как бы тянется к некоторому предполагаемому категориальному центру определённости, который при этом не имеет формального закрепления. В отношении русского языка делается вывод о том, что он «... находится в состоянии поиска артикля. Об этом свидетельствуют разные способы выражения категории определённости/неопределённости, сосуществующие в современном русском языке» [7, с. 8]. В ряде исследований изучается развитие форм детерминации от латыни к артиклям в романских языках. Латинские детерминативы трактуются как романские протоартикли [9, с. 211], [10]. Прежде всего, выделяется определённый артикль, ориентированный на местоименную указательную парадигму, вслед за которым всё больше утверждается неопределённый артикль, тяготеющий к адъективной качественной детерминации.

С появлением определённого и неопределённого артиклей в романских языках недифференцированная субстантивная номинация становится дифференцированной. Артикль становится неотъемлемой частью морфологии имени существительного. Появляются и закрепляются в своих функциональных признаках три модуса номинации: определённо-артиклевая, неопределённо-артиклевая и безартиклевая (далее, соответственно, о/а-номинация, н/а-номинация и

б/а-номинация). Каждый из модусов обладает своим смысловым ресурсом. Во многих работах по артиклю основное внимание уделяется собственно артиклевым формам субстантивной номинации, то есть о/а-номинации и н/а-номинации. Б/а-номинация чаще всего остаётся в стороне и не получает достаточного функционального описания, что заметно сужает общее понимание функции артикля в языке. В настоящей статье, посвящённой функциональным аспектам морфологии артикля в португальском языке, мы постараемся отчасти восполнить этот пробел.

Артикль – трудно объяснимая грамматическая категория. Его нельзя отнести к разряду частных словоизменительных категорий, как, например, число, род или падеж существительного. Артикль не имеет реляционной функции, то есть лишён нарративно-описательного статуса. При этом присутствие артикля в том или ином его модусе обязательно для всякой субстантивной номинации. Три модуса артикля (о/а, н/а, б/а) образуют устойчивую грамматическую парадигму в португальском языке. Артикль как бы стоит по другую сторону от всей остальной грамматики имени, характеризуя субстантивную номинацию в целом. Что привносит артикль в семантику слова? Каково его предназначение?

Артикль – это не просто семантический, но также прагматический и, в каких-то ситуациях речевого узуса, стилистический феномен. Артикль – это значимый маркер смысловой дифференциации модусов субстантивной номинации в языке. Три функциональных измерения артикля взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии.

Первичная функция значения – идентификация обозначаемой внешней реальности. Артикль является феноменологическим маркером такой идентификации. Мы, используя семантику слова, как бы даём имя обозначаемому (видимому или данному нам в представлении) объекту: существительное-слово превращается в существительное-имя объекта. Г. Гийом называет артикль «регулярным вводящим знаком имени» [2, с. 32]. Имя и объект встречаются в акте именовании: данный объект здесь и сейчас обозначен мною этим именем. Такую встречу М. Хайдеггер характеризовал при помощи термина *da-sein* (*здесь-бытие*). Семантика имени, снабжённая артиклем, показывает феноменологию бытия объекта, данного мне здесь и сейчас в моём представлении.

Семантическая феноменология имени переходит в перформативную прагматическую феноменологию: феноменология здесь и сейчас данного в семантическом представлении объекта переходит в феноменологию здесь и сейчас произнесённого и адресуемого другому субъекту слова. И здесь также маркером такой субъективной феноменологии при имени существительном может выступать артикль. Семантика имени получает контекстуальное и коммуникативное осмысление.

Выше прагматической стоит стилистическая, или индивидуальная культурно-личностная феноменология артикля, где он выступает маркером субъективной оценки, которую говорящий даёт объекту в акте обозначения. Артикль становится показателем смысловой значимости обозначаемого объекта.

Рассмотрим каждый из уровней феноменологии артикля на примерах из португальского языка. В первую очередь нас будут интересовать дистрибутивные свойства артиклевых маркеров в португальском языке, а именно их дополнительная контекстная дистрибуция, где каждый из маркеров несёт в себе некоторое отличительное качество, характеризующее соответствующее значимостное понимание объекта, стоящее в оппозиции к другим артиклевым маркерам. Будут рассмотрены случаи: 1) семантической контекстной дистрибуции, 2) прагматической контекстной дистрибуции и 3) стилистической контекстной дистрибуции артиклей в португальском языке. Будет затронута узуальная вариативность артиклей как при именах нарицательных, так и при именах собственных.

1. Семантика – объективная сторона референции в знаке. Семантика – высшее и основное предназначение артикля. Именно здесь артикль имеет своё устойчивое формальное применение, становится грамматическим спутником субстантивного значения. Артикль помогает значению достигать необходимой точности и определённости в предметной идентификации обозначаемой реальности. Эта сторона феноменологии артикля изучена наиболее подробно и получила наибольшее число научных интерпретаций. Основное внимание в исследованиях по семантике ар-

тикля уделяется объяснению модусов определённости и неопределённости в плане их генезиса и их связи с местоименными, адъективными и количественными способами детерминации имени в языке. В тени этих интерпретаций нередко остаётся модус б/а-номинации, который не получает достаточного объяснения. Полноценное комплексное изучение функции артикля в языке должно учитывать все три возможных модуса субстантивной номинации.

Известны две комплексные семантические трактовки функции артикля в языке, в которых делается попытка интегрировать в рамках единой грамматической парадигмы все три модуса номинации. Первая может быть названа объективно-семантической. Её можно также назвать истинностной, поскольку она ориентирована на то, насколько семантика имени соответствует отображаемой в имени реальности объекта. Вторую можно назвать субъективно-семантической. Она ориентирована на внутреннюю структуру значения, раскрывает механику взаимосвязи экстенционального и интенционального аспектов значения в акте именованности.

1.1. Объективно-семантическая трактовка артикля получила распространение в школьных грамматиках. Этот подход строится на базе двух категориальных оппозиций: 1) определённости – неопределённости и 2) соотнесённости – несоотнесённости. Первая оппозиция устанавливает различие между определённым и неопределённым артиклями, вторая предназначена для объяснения различий между артиклевым и безартиклевым употреблением имени [6, с. 16-17]. Этот подход, ввиду его простоты, оказывается весьма эффективным в практике преподавания языка.

O amigo do meu irmão sabe falar português. Друг моего брата умеет говорить по-португальски.

Um amigo do meu irmão sabe falar português. /Один/ друг моего брата умеет говорить по-португальски.

Aquele rapaz que fala português é *amigo do meu irmão*. Тот парень, который говорит по-португальски, *друг моего брата* (является *другом моего брата*).

В первой и второй фразах определённый (*o amigo*) и неопределённый (*um amigo*) артикли соотносят семантику имени с конкретным лицом – участником описываемой ситуации. Разница между двумя номинациями состоит в том, что первая из них является *референциально завершённой*, а вторая – *референциально незавершённой*. В первой выбор объекта осуществлён окончательно, не приемлет дальнейшей предметной конкретизации. Во второй объект не отобран окончательно, подразумевает дальнейшую предметную конкретизацию. Отсутствие артикля в третьей фразе (*amigo*) не несёт в себе предметности и вообще не предполагает какой-либо предметной селекции в рамках описываемой ситуации. Субстантив *amigo* служит здесь качественной характеристикой другого объекта и не предполагает прямого указания на присутствующий в структуре описываемой ситуации объект. Субстантив *amigo* здесь лишён предметной нагрузки. Н.Д. Арутюнова видит в такого рода номинациях «нереферентное употребление имени» [1, с. 10, 95]. Таким образом, имея в виду непосредственно семантический референциальный статус трёх модусов субстантивной номинации, мы можем охарактеризовать первый из них (о/а-номинацию) как референциально завершённый, второй (н/а-номинацию) как референциально незавершённый и третий (б/а-номинацию) как нереферентный¹.

Объективно-семантический подход наиболее подробно объясняет два модуса субстантивной номинации: референциально завершённый (о/а) и референциально незавершённый (н/а). Однако он гораздо менее пригоден для объяснения нереферентного (б/а) модуса, то есть случаев опущения артикля.

¹ Ряд авторов, работающих в сфере испанской грамматики, имея в виду случаи употребления имени существительного без артикля, проводят дополнительное различие, характеризуя одни из этих случаев как маркированное опущение артикля, а другие – как употребление имени с «нулевым» артиклем [3, с. 138]. Мы считаем избыточной такую дифференциацию. «Нулевой» артикль при таком подходе претендует на роль «четвёртого модуса» субстантивной номинации, грамматический статус которого не вполне прояснён и морфологическое закрепление которого тоже не определено. Оба случая, как бы их ни рассматривать, охватываются одной и той же формой: контекстным употреблением существительного без артикля. В настоящей статье мы данного различия не проводим.

В референции, которая очевидна в о/а- и н/а-номинациях, выделяются два её аспекта: идентификация и индикация. В б/а-номинации, которая характеризуется как несоотнесённое (т.е. нерелевантное) использование имени, ослабляется или вообще утрачивается индикативный аспект. Иными словами, имя, не теряя свою идентифицирующую семантическую способность, перестаёт указывать на объект, или, по крайней мере, это указание в нём становится нерелевантным, уходит на второй план. О/а-номинация и н/а-номинация фактуализируют семантику слова, связывают её с реальностью. Б/а-номинация виртуализирует семантику существительного, отрывает её от реальности.

Рассмотрим в соответствии с объективно-семантическим подходом, какие различия могут возникать между артиклевыми номинациями и б/а-номинацией в а) субстантивных словосочетаниях и в б) предикативно-именных сочетаниях. Первые мы называем связанным использованием имени, вторые – свободным использованием имени. В первых одно существительное стоит в атрибутивном или в комплетивном подчинении к другому. Во вторых оно занимает самостоятельную синтаксическую позицию относительно сказуемого, то есть может быть подлежащим, дополнением, обстоятельством, частью именного сказуемого, иными словами, занимает позицию синтаксического актанта.

1.1.1. В субстантивных словосочетаниях, где второе существительное адъективируется и становится атрибутом первого, мы отмечаем полное отсутствие объектного указания у второго существительного, что, собственно, отвечает критерию несоотнесённости согласно объективно-семантическому подходу. Это можно назвать виртуальным использованием имени. Так, в словосочетании *moeda de ouro* (золотая монета) в элементе *de ouro* мы не имеем в виду указание на конкретный материальный объект (кусочек золота). Мы понимаем, что это – характерная для португальского языка субстантивная форма образования относительного прилагательного (*de ouro* – золотой, из золота). Существительное *ouro* здесь не несёт в себе самостоятельной референциальной функции: как таковое оно не указывает на объект, но говорит о материальном качестве другого объекта (*moeda*).

Субстантивное словосочетание атрибутивно-адъективного типа превращается в комплетивное, если ко второму существительному в нём добавляется артикль. Так, названия знаменитых лиссабонских улиц содержат в себе определённый артикль *Rua do Ouro* (Золотая улица) и *Rua da Prata* (Серебряная улица). Имеется в виду, что здесь когда-то работали ювелиры по золоту и по серебру. Опущение артикля подводило бы нас к тому пониманию, что эти улицы буквально сделаны из золота или из серебра. Исторический термин *Золотая лихорадка* также в португальском языке обозначается с использованием определённого артикля: *Corrida do ouro*. Здесь, как представляется, имеется в виду: *погоня за золотом*. По той же формуле образуется словосочетание *a corrida aos armamentos* (гонка вооружений). С другой стороны, известная во многих европейских языках историческая метафора «Золотой век» – *Idade de Ouro* – в португальском не имеет артикля и не предполагает буквального отношения к ценному металлу. Мы говорим: *Золотой век русской поэзии*. В Португалии говорят: *Золотой век Португалии (Idade de Ouro de Portugal)*; под этим понимается XVI век, век Великих географических открытий).

Следует внимательно подходить к тому, где использовать и где не использовать определённый артикль в такого рода субстантивных словосочетаниях в португальском языке. Например, “... *a taxaço do carbono* elaborada pela Comissão Europeia... afeta *as cadeias do aço e do cimento* do Brasil” (“.../система/ налогообложения на карбоновые выбросы, разработанная Еврокомиссией... может негативно отразиться на /экспортных/ цепочках стали и цемента Бразилии”). Здесь нельзя сказать “*cadeias de aço*”*: опущение определённого артикля полностью меняло бы смысл выражения: “/экспортная/ цепочка стали” превращалось бы в “стальная цепочка”*. Мы опускаем артикль в выражениях *botija de gas* (газовый баллон) или *contrato de gas* (газовый контракт). Но следует использовать определённый артикль при переводе на португальский язык выражений: “газовый ОПЕК” – “*OPEP do gas*” или “газовый шантаж” – “*chantagem do gas*”. Есть и другие случаи, где та семантика, которая в русском языке выражается через прилагательное, в португальском передаётся при помощи субстантивных словосочетаний комплетивного типа

(через o/a-номинацию): *Idade do Gelo* (ледниковый период), *Guerra dos Cem Anos* (Столетняя война), *agência das redes* (сетевое агентство), *crise dos cereais* (зерновой кризис), *Organização do Tratado do Atlântico Norte /OTAN/* (Организация Североатлантического Договора /НАТО/). Артикль вносит важное семантическое различие в следующих словосочетаниях: *trabalho de casa* (домашняя работа) – *trabalho da casa* (работа по дому).

В комплетивных субстантивных словосочетаниях (с артиклем) референциальная нагрузка смещается ко второму существительному. По крайней мере, её можно считать распределённой между первым и вторым существительными. В субстантивных словосочетаниях атрибутивного типа (без артикля) референциальным приоритетом пользуется первое существительное.

1.1.2. В приведённых выше примерах позицию артикля можно считать связанной, одно существительное в них является атрибутом или компонентом другого существительного и, значит, не имеет самостоятельной синтаксической функции. Самостоятельную синтаксическую позицию имеют те существительные, которые соотносятся со сказуемым и играют роль синтаксического актанта (подлежащего, дополнения, обстоятельства). Впрочем, и здесь в бытийных предложениях с глаголом *ser* (быть) существительное также может нести атрибутивную функцию, которая маркируется опущением артикля: *Ele é professor* (он – преподаватель), *Já era adido honorário em Berlim...* /E. Queiroz/ (Он уже был почётным представителем в Берлине...), *F.C. Porto é campeão* (Футбольный клуб Порту – чемпион). В расширенных определениях может появляться неопределённый артикль, конкурирующий с б/а-номинацией: *É um governo que não tem mais credibilidade* (Это – правительство, которому больше нет доверия); *Guarda é uma força armada destinada a defender uma determinada área* (караул – это вооружённое подразделение, предназначенное для охраны и обороны объекта). Очевидно, что в такого рода предложениях субстантивная номинация с опущением артикля в португальском языке берёт на себя ту функцию, которая в русском языке свойственна существительным в творительном падеже, отвечающим на вопрос: Кем он или нечто является? Кем я его считаю (называю)? *O castelo foi declarado patrimônio mundial* (Замок был объявлен всемирным наследием); *Um ano depois ele foi eleito senador* (Годом позже он был избран сенатором); *Não posso chamar a isso verdade* (Не могу назвать это правдой).

Более широкой и гибкой интерпретации требуют случаи использования или опущения артикля в предложениях со сказуемыми более сложной валентной семантики: *Vítimas têm o direito à justiça e recompensação...* (Пострадавшие имеют право на справедливость и на компенсацию); *Já era adido honorário em Berlim e todas as noites punha casaca* (E. Queiroz) (Он уже был почётным представителем в Берлине и каждый вечер надевал фрак); *Essas pessoas trabalham, têm família, pagam impostos e contribuem para a economia dos EUA e de seu país de origem...* (Эти люди работают, они имеют семью, платят налоги, способствуют развитию экономики США и своих стран); *Esse acordo... gera segurança jurídica e significa recursos que vão ser compartilhados com países em desenvolvimento* (Этот договор... создаёт /условия/ правовой безопасности и означает /доступ/ к ресурсам, которые можно разделить с развивающимися странами). Во всех этих предложениях случаи опущения артикля нельзя назвать в полном смысле слова «нереферентными». Este ano Portugal ainda não comprou gás a Moscovo (В этом году Португалия ещё не покупала газ у Москвы). За всеми этими обозначениями стоят реальные объекты: *vítimas* (пострадавшие), *casaca* (фрак), *família* (семья), *impostos* (налоги), *recursos* (ресурсы) и т. д. Следует найти иное объяснение, почему в отношении этих объектов в этих фразах говорящий использует нереферентную форму обозначения.

1.2. Объективно-семантический подход констатирует выбор между различными артиклевыми номинациями, но не вполне объясняет их. По большей части способ номинации объясняется собственной семантикой имени, отражающей природу объекта (исчисляемое или неисчисляемое, конкретное или абстрактное, имеет или не имеет при себе определение). Отдельно выделяются обозначения времени суток, дней месяца или недели, географических объектов, профессий, должностей и т.д. Всё это формулируется в виде трудно усваиваемых обучаемыми правил. В целом, объяснение даётся «от-объекта».

Иное объяснение артиклевых номинаций даёт *субъективно-семантический подход*. Этот подход ориентирован на внутреннюю содержательную механику субстантивной номинации, трактуя её в терминах взаимосвязи экстенционального и интенционального аспектов (т.е. логических объёма и содержания) в структуре субстантивного значения [4]. Этот подход предлагает деятельностное объяснение субстантивной номинации. Номинация трактуется как речевой акт, осуществляемый в конкретных условиях говорящим. Выдвижение на первый план либо экстенционального, либо интенционального аспекта значения не просто зависит от фактической данности объекта, но также от выбираемого говорящим ракурса его рассмотрения, то есть в значительной мере представляет собой субъективный выбор говорящего. Такую трактовку можно назвать объяснением «от-субъекта».

В артиклевых номинациях на первый план выдвигается экстенциональная сторона значения. Это предметно-соотносительные, фактуализирующие виды номинации. Объект идентифицируется сущностно, *субстанциально*. Интенциональная сторона значения отодвигается на второй план, в подразумевание. Объект исчисляется количественно, по объёму: *A implementação da estratégia da luta contra a criminalidade organizada foi insuficiente* (Реализация стратегии борьбы с организованной преступностью была недостаточной). В этом примере определённый артикль при существительных (*a implementação, a estratégia, a luta, a criminalidade organizada*) повышает их индикативную функцию. Эти существительные указывают на конкретные известные всем реальные объекты, это: документы и действия правительства, существующая в стране преступная практика. Такую номинацию следует понимать как референциально завершённую, она подразумевает однозначное указание на объект и не предполагает сравнение.

Отдельно следует выделить н/а-номинацию, которая выше была определена как референциально незавершённая. Она как бы требует семантической достройки объекта, дальнейшего контекстного развития или домысливания: *...enfrentamos uma dura realidade* (мы столкнулись с жестокой реальностью). Неопределённый артикль здесь имплицитно подразумевает потенциальное сравнение с другой реальностью (другим объектом), отличной от данной именуемой. Такая импликация может быть названа внешней, привходящей. В данном примере подразумевается, что могла бы быть «другая реальность», «менее жёсткая». *O selecionador quer um Portugal a bom nível frente ao Japão* (Тренер хочет [видеть] Португалию на хорошем уровне [в матче] против Японии). *Um Portugal* здесь метонимическое обозначение. *Portugal* – имя собственное, которое по сложившейся традиции должно использоваться без артикля. Неопределённый артикль здесь – маркированное обозначение, которое несёт в себе семантику местоимения «такой»: «Тренеру нужна такая Португалия, которая была бы на уровне Японии». Для неопределённого артикля характерна импликация инаковости, чего нет в о/а- и в б/а-номинациях. Последние можно назвать безальтернативными номинациями.

В б/а-номинации на первый план выдвигается интенциональная сторона значения. Её называют *качественным* видом идентификации объекта [12, с. 116-117]. Выдвигая на первый план интенциональную сторону значения, говорящий как бы отвлекается от субстанциальной реальности объекта: *E souberam-se horrores* (и пошли ужасные слухи). В данном примере говорящий имеет в виду качество слухов и отвлекается от их количества. Список этих слухов в понимании говорящего потенциально «не закрыт», могут появиться новые слухи того же качества. *Haverá abertura para outros tipos de organizações...* (Мы будем открыты для других видов организаций...). Дословно в этом примере сказано: *будет открытость**. При слове *abertura* (*открытость*) здесь невозможно употребить артикль. Семантика слова раскрывается изнутри, со своей сигнификативной стороны, по интенционалу.

Исследователи отмечают функциональный сдвиг в семантике существительного без артикля. Существительное частично де-субстантивируется [4, с. 94] и приобретает свойства, которые характерны для прилагательного [11, с. 56-57] или для глагола, что можно назвать частичной адъективацией и вербализацией существительного. *O Primeiro Ministro do Reino Unido... diz que não quer mais aumento de impostos* (Премьер-министр... говорит, что не хочет дальнейшего повышения налогов). В этом примере мы отмечаем смещение элемента *aumento de impostos* в сторону глаголь-

ной функции. /*O governo/ adota Bitcoin como **moeda legal*** (/Правительство/ принимает Биткойн как *официальную валюту*). Здесь опущение артикля скорее маркирует адъективацию существительного *moeda legal. Estado pode assumir **controle de empresas críticas*** (Государство может взять на себя *управление* предприятиями в тяжёлом экономическом положении). Здесь элемент *controle* без артикля функционально близок к глаголу. *Há reservas para um mês e **não há motivos para preocupação*** (/Имеющихся/ резервов /зерна/ хватает на месяц и нет причин для *беспокойства*). Здесь опущение артикля при слове *preocupação* (беспокойство) маркирует функциональное смещение существительного в сторону глагола. Если бы возле этого слова стоял определённый артикль, то это бы усиливало индикативную функцию существительного и означало указание на конкретное беспокойство, испытываемое тем, к кому обращено это высказывание.

2. Выдвижение экстенциональной или интенциональной стороны значения имени существительного – характерный инструмент смыслового маркирования в португальском языке. Говорящий активно пользуется функцией артикля, чтобы направить внимание слушающего по смыслу в нужном направлении. Артикль используется не только как семантический, но и как прагматический маркер. Функция артикля в определённых условиях становится показателем смысловой и выразительной динамики высказывания, определяя, от чего и к чему развивается мысль. От артикля может зависеть дистрибуция тема-рематического отношения в линейной структуре высказывания. Исследователи отмечают, что о/а-номинация – это потенциально тематический вид номинации [8, с. 49], н/а-номинация и б\а-номинация – это потенциально рематические виды номинации [4, с. 94].

Определённый артикль трактуется как анафорический маркер в масштабе контекста и, шире, в масштабе дискурса. В этом своём качестве определённый артикль дейктичен. В дополнение к функции объектного (т.е. собственно семантического) указания в нём появляется функция контекстного и дискурсивного указания. В масштабе контекста он указывает на упомянутую ранее в тексте информацию, на предшествующие номинации. Однако анафорический контекстуальный дейксис расширяется до масштабов дискурса: тот же самый артикль используется для указания на общеизвестные факты, вещи, события. Думается, именно этим объясняется возможность использования определённого артикля не только в тематической, но и рематической части высказывания: *O Governo passa a implementar o novo plano de recuperação económica* (Правительство приступает к реализации *нового плана восстановления экономики*). Элемент *o novo plano de recuperação económica* стоит с определённым артиклем. Этим показывается, что этот план уже был принят ранее взамен старого, и сейчас только начинается его реализация, которая до какого-то момента откладывалась. Если мы представим себе другую ситуацию, где правительство не приступает к реализации принятого ранее нового плана, но лишь объявляет о его принятии, то в этом случае невозможно употребить определённый артикль: *O Governo anunciou um novo plano de recuperação económica* (Правительство объявило о *новом плане экономического восстановления*). Элемент *um novo plano* с неопределённым артиклем маркирует ввод новой ранее никому не известной информации, то есть выполняет интродуктивную функцию в масштабе контекста и в масштабе дискурса.

В н/а-номинации за контекстной рематизацией стоит дискурсивная рематизация, то есть то, что можно назвать обновлением дискурса. Под этим понимается появление и закрепление новых фактов в жизни человека или в общественной жизни. Существующая картина мира даётся в её развитии, дополняется новыми элементами, событиями. При этом в ней продолжают присутствовать старые, уже известные или очевидные факты, которые обозначаются с использованием определённого артикля. Феноменология субстантивной номинации имеет не только контекстуальное, но и дискурсивное измерение. Контекстная феноменология дополняется феноменологией дискурса.

Опущение артикля является не менее ярким ремовыделительным маркером, чем н/а-номинация. В то же время в ней нет функции ввода новой информации. Она решает другую прагматическую задачу. На первый план в ней выдвигается качественная сторона значения. Её можно назвать качественно завершённой номинацией. Качественная ха-

рактизация объекта мыслится как окончательная, кульминационная. В этом смысле б/а-номинация противостоит о/а-номинации, которая является референциально завершённой, но некачественной.

Как н/а-, так и б/а-номинация может быть характерным средством рематического выделения существительного, подлежащего или прямого дополнения, стоящего в препозиции к сказуемому: *Um desfile militar foi realizado nesta terça-feira* (Торжественное военное прохождение состоялось в этот вторник). *Artilharia e foguetes foram disparados durante o exercício denominado Olfaça-1400* (Стрельба из артиллерийских орудий и запуски ракет производились во время учений Олфака-1400). *Mulheres, crianças, homens foram presos e algemados...* (Женщины, дети, мужчины арестовывались и на них надевались наручники...). *Ultrapassagens mal calculadas, excesso de velocidade estiveram na origem de muitos acidentes* (Плохой расчёт при обгоне, превышение скорости стали причиной многих дорожных аварий). Если бы при выделенных элементах в приведённых выше примерах стоял определённый артикль, то рематический акцент переносился бы в конечную часть высказывания, то есть в свою естественную позицию, и высказывание меняло бы свою смысловую направленность.

Опущение артикля нельзя считать строгим средством рематизации. Б/а-номинацию нередко можно встретить и в тематической части высказывания: *... fontes disseram a Reuters que tal não deverá acontecer* (... источники сообщили Рейтерс, такое не должно произойти).

3. Помимо объективно-семантической и выделительно-прагматической, исследователи отмечают также стилистическую функцию артикля. Стилистика – наименее разработанная сторона португальского артикля. До сих пор наиболее подробно её рассматривал португальский стилист Р. Лапа [12].

Стилистическую функцию артикля можно назвать субъективно-значимостной. Её можно также назвать дополнительной, в ней нет ничего строгого и закономерного. За ней стоит желание говорящего подчеркнуть собственное отношение к обозначаемому объекту. Стилистическая функция усиливает или, наоборот, нейтрализует указание, добавляя к нему ценностный колорит. Обычно это *подчёркнутое* использование или опущение артикля. Рассмотрим несколько характерных примеров и прокомментируем их:

Deixarás pai e mãe – diz a religião ao sacerdote [12, с. 116] (Ты должен будешь оставить отца и мать, – говорит религия священнику). Элементы *pai e mãe* здесь даны без артикля. Этим подчёркивается их значимость для человека. Конечно, речь не идёт о том, что человек забудет своих отца и мать. Аналогичный пример: *Pai, mãe, esposa, filhos – tudo deixou o pobre emigrante* [12, с. 116] (Отец, мать, супругу, детей – всё оставил бедный эмигрант). Употребление этих элементов с артиклем привносило бы тот смысл, что человек бросил конкретных людей, своих родных.

António Sérgio deixou órfã a nossa rádio (Антонио Сержио оставил сиротой наше радио). Это фраза из некролога. Имеется в виду, что радио *осиротело* в связи со смертью А. Сержио. Употребление артикля при существительном *sirpota* (a *orfã**) радикально меняло бы смысл фразы. Получалось бы, что этот человек оставил свою дочь-сироту радио-редакции. Вместо возвышенного смысла звучала бы ирония.

Esta menina é uma joia (Эта девочка настоящий бриллиант). Неопределённый артикль здесь подчёркивает ценностное выделение. Аналогичный пример: *A dependência do gas russo é uma verdadeira preocupação para os Europeus* (Зависимость от российского газа вызывает настоящую озабоченность европейцев). *Um Portugal à imagem de Cristiano Ronaldo* (Португалия по образу Криштиано Роналду).

Употребление определённого артикля возле имени собственного также может быть стилистически маркированным. Это придаёт оттенок фамильярности по отношению к упоминаемому таким образом лицу: *O Bolsonaro está a destruir todas as conquistas do povo brasileiro*. Здесь мы видим попытку пренебрежительного упоминания имени президента страны Ж. Болсонаро (Этот Болсонаро разрушает все завоевания бразильского народа).

Однако тот же определённый артикль может придавать возвышенный оттенок: *O Vicente não era um jornalista. Era o jornalista* (вариант перевода: Висенте был не просто журналистом, он был

журналистом с большой буквы). *O Alentejo já foi o celeiro de Portugal* (/Регион/ Алентежу когда-то был житницей Португалии).

ESG não é moda. Mas está na moda (/Критерии/ ESG² это не мода, но это сейчас в моде). В этом примере мы видим игру слов, в которой участвует артикль.

Выводы

Артикль – это грамматический маркер смысловой актуализации имени в португальском языке. Артикль дифференцирует модусы субстантивной номинации в речевом узусе: определённо-артиклевую номинацию, неопределённо-артиклевую номинацию и безартиклевую номинацию. Не имея описательной нарративно-реляционной семантической функции, которая свойственна падежно-предложному аспекту грамматики существительного, артикль маркирует относительную феноменологическую реальность субстантивной номинации в её комплексном деятельностном понимании. При помощи артикля феномен номинации раскрывается в своих истинностном (относительно объекта), актуально-выразительном (относительно другого субъекта) и культурно-значимостном (в дискурсивном опыте языка) аспектах. Артикль способен высвечивать тот или иной из трёх аспектов имени в предложении и в высказывании. Чаще всего на первый план выдвигается объективно-истинностная (референциальная) сторона имени, которая является наиболее очевидной. Значимым является также использование артикля как прагматического и/или как культурно-значимостного маркера.

Проведённый в настоящей статье анализ позволяет дифференцировать артиклевые модусы субстантивной номинации в португальском языке по следующим параметрам:

а) по параметру референции: о/а-номинация характеризуется как референциально завершённая, н/а-номинация – как референциально незавершённая, б/а-номинация – как неререферентная;

б) по качественному параметру: о/а-номинация характеризуется как некачественная (т.е. чисто идентифицирующая), н/а-номинация – как качественно незавершённая, б/а-номинация – как качественно завершённая;

в) по параметру указательности: о/а-номинация и н/а-номинация характеризуются как индикативные, б/а-номинация – как неиндикативная;

г) по параметру контекстной информационной новизны: о/а-номинация и б/а-номинация характеризуются как неинтродуктивные, н/а-номинация характеризуется как интродуктивная;

д) по параметру способности рематического выделения: н/а-номинация и б/а-номинация характеризуются как выделительные (т.е. как способные маркировать рему высказывания), о/а-номинация – как невыделительная (т.е. преимущественно как тематический маркер).

Указанные параметры могут служить критериями функциональной маркированности артикля (референциальной, прагматической и/или стилистической) в различных грамматических контекстах. Артикль – один из сложнейших элементов португальской грамматики и важнейшее средство смыслового манёвра в португальском языке. Объяснение теории артикля и практическая отработка навыков его применения в речи не следует ограничивать рамками начального этапа языковой подготовки, но следует продолжать и развивать на протяжении всего периода обучения иностранному языку.

© Бутко В.А., Иванов Н.В., 2022

² ESG (Environmental, Social and Corporate Governance) (порт. ambiente, social e governança empresarial) (рус. экология, социальная политика, корпоративное управление) – требования к современной коммерческой деятельности.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 2000. 896 с.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
3. Иванова У.Ю. Случаи отсутствия артикля в испанском языке – ошибка или правило. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. №12-2, декабрь 2018г. М.: НИТУ МИСиС, 2018. С. 136-139.
4. Иванов Н.В. Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа (на материале португальского языка). // ВЯ № 2. 1994. С. 90-96.
5. Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса – Дисс. на... д. филол. наук, М. 2002. 377 с.
6. Канонич С.И. Функция артикля в испанском языке (к вопросу о служебных словах в языках аналитического строя). – Дисс. ... докт. филол. наук. М. 1974.
7. Касаткина Р.Ф. Русский язык ищет артикль // ВЯ №2, 2012. С. 3-9
8. Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М.: Изд. лит-ры на ин. языках, 1961. 265 с.
9. Пиотровский Р.Г. Как родился определённый артикль в романских языках// Res philologica. Памяти академика Г.В. Степанова. М.-Л.: Наука, 1990. С. 207-216.
10. Сабанеева М.К. Романские протоартикли в недрах латыни: вопросы теории и генезиса //ВЯ №6, 2003. С. 4-14.
11. Grimm H.-J., Heinrich G. Der Artikel. Leipzig: VEB-Verlag Enzyklopädie, 1976. 101 s.
12. Lapa R. Estilística da Língua Portuguesa. Coimbra: Coimbra-Editora, 1977. 302 p.

References

1. Arutiunova, N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a person]. Moscow: Iazyki russkoy kultury. 1998. 896 s.
2. Guillaume, G. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [Principles of theoretical Linguistics]. Moscow: Progress, 1992. 224 s.
3. Ivanova, U.Yu. *Sluchai otsutstviia artiklia v ispanskom iazyke – oshibka ili pravilo*. [Cases of absence of article in Spanish – a rule or an error]// *Sovremennaiia nauka: aktualnie problemi teorii i praktiki*. Serii: gumanitarnye nauki, №12-2, december 2018. Moscow: NITU MISiS, 2018. S. 138-139.
4. Ivanov, N.V. *Smyslovaia funktsiia artiklia: opyt logiko-filosofskogo analiza (na materiale portugalskogo iazyka)* [Conceptual function of the article: a philosophical essay (by Portuguese examples)]. // *Voprosy Iazykoznaniiia* №2, 1994. S. 90-96.
5. Ivanov, N.V. *Symvolicheskaiia funktsiia iazyka v aspektakh semiogeneza i semiozisa* [Symbolic function of language in the aspects of semiogenesis and semiosis] Dissertatsiia na... doktora filol. nauk. M. 2002. 377 s.
6. Kanonich, S.I. *Funktsiia artiklia v ispanskom iazyke (k voprosu o sluzhebnykh slovakh v iazykakh analiticheskogo stroia)* [The function of the article in Spanish (on the question of auxiliary words in analytical languages)]. Dissertatsiia na... doktora filol. nauk. M. 1974.
7. Kasatkina, R.F. *Russkiy iazyk ishchet artikl'* [The Russian language searching for the article]. *Voprosy Iazykoznaniiia* №2, 2012. S. 2-9.
8. Krushelnitskaya, K.G. *Ocherki po sopostavitel'noy grammatike nemetskogo i russkogo iazykov* [Essays on the comparative grammar of German and Russian]. Moscow: Izdatel'stvo Literatury na inostrannykh iazykakh, 1961. 265 s.
9. Piotrovskiy, R.G. *Kak rodilsia opredelionnyy artikl v romanskikh iazykakh* [How the definite article in the romance languages was born]// *Res philological*. In memory of the academician G.V. Stepanov. Moscow-Leningrad: Nauka. 1990. S.207-216.
10. Sabaneeva, M.K. *Romanskie protoartikli v nedrakh latyni: voprosy teorii i genezisa* [Romance proto-articles in the heart of Latin: theory and genesis]// *Voprosy Iazykoznaniiia*. №6, 2003. S. 4-14.
11. Grimm, H.-J., Heinrich, G. *Der Artikel*. Leipzig: VEB-Verlag Enzyklopädie, 1976. 101 s.
12. Lapa, R. *Estilística da Língua Portuguesa*. Coimbra: Coimbra-Editora, 1977. 302 p.

Сведения об авторах:

Бутко Варвара Александровна – исследователь, преподаватель 35 кафедры (романских языков) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. Сфера научных интересов: лингводидактика, лексикология и грамматика португальского языка.

E-mail: varvarabutko@mail.ru

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: теория перевода, семиотика, семантика, теория коммуникации, грамматика португальского языка.

E-mail: e-nickma@mail.ru

About the authors:

Varvara Butko is researcher, teacher of Portuguese at the Department of Romance Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Spheres of scientific interest: didactics of foreign languages, Portuguese grammar and lexicology. E-mail: varvarabutko@mail.ru

Nikolay Ivanov, Doctor in linguistics, is full professor, Chief of Romance Languages Department, MGIMO, (Moscow, Russia). Spheres of scientific interests: theory of translation, semiotics, semantics, theory of communication, Portuguese grammar. E-mail: e-nickma@mail.ru

* * *

DEANTHROPONYMIC CONTAMINANTS AS OBJECTS OF LANGUAGE GAME (BASED ON THE MATERIAL OF THE SPANISH-LANGUAGE MEDIA)

Iurii P. Murzin

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of anthroponymic occasionalisms-contaminants – lexical innovations created on the basis of anthroponyms, used in publications of the Spanish-language media within the framework of the communicative strategy and creative potential of the language game, implemented during the dynamic process characteristic of modern Spanish socio-political discourse. Objectives: a) to identify models of this method of word formation and b) to establish the type of relations realized between the components of the above-mentioned derived words.

The anthroponyms selected by random sampling from the publications of Internet publications are studied, considered as objects of language game, on the basis of which, as a result of deliberate word-making, accidental formations are created – contaminated formations expressing, in addition to nominative meaning, expressiveness and emotive coloring.

In the analysis of the material, the method of component analysis of the word was used; the word-formation method of studying transformational techniques; the method of contextual analysis, which allows to identify the communicative parameters of the use of language units and contextual features of the implementation of their meaning in the text; descriptive-analytical method to identify the essential characteristics and features of the linguistic facts under consideration against the background of extralinguistic factors; the classification method and the method of linguistic and stylistic analysis, focused on identifying the specifics of individual word usage due to the communicative and aesthetic tasks of the author of the text.

The relevance of this study is due to the attention of linguists to axiological issues, the increasing regularity of the use of language play in the media space in particular, contamination as one of the means of expression in the Spanish-language media at the present stage, using anthroponyms as an object. Anthroponymic contaminated formations are growing quantitatively and becoming more diverse, and there is a need to systematize their models and study their structure and semantics.

As a result of the examination carried out on a certain array of initial data, semantic-stylistic, axiological functions of contaminants – mainly defamatory, invective – are established, in accordance with the pragmatic goals of the author of the text.

The models of creation of anthroponymic contaminants by both occasional and conventional word-formation means are identified and systematized.

Keywords: media discourse, language game, anthroponymic contaminants, associative potential of contaminants, linguistic and cultural community

For citation: Murzin I.P. (2022). Deanthroponymic contaminants as objects of language game (based on the material of Spanish-language media). *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 34–51. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-34-51>

ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ КОНТАМИНАНТЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Ю.П. Мурзин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена исследованию отантропонимических окказионализмов-контраминантов – лексических инноваций, созданных на основе антропонимов, используемых в публикациях испаноязычных СМИ в рамках коммуникативной стратегии и креативного потенциала языковой игры, реализуемого в ходе динамического процесса, характерного для современного испанского общественно-политического дискурса. Поставленные цели: а) выявить модели данного способа словообразования и б) установить тип отношений, реализующихся между компонентами вышеназванных лексических новообразований.

Исследуются антропонимы, отобранные методом случайной выборки из публикаций интернет-изданий, рассматриваемые как объекты языковой игры, на основе которых в результате преднамеренного словотворчества создаются окказионализмы – контраминированные образования, выражающие, помимо номинативного значения, экспрессивность и эмотивную окраску. При анализе материала применялись метод компонентного анализа слова; словообразовательный метод исследования трансформационных приёмов; метод контекстного анализа, позволяющий выявить коммуникативные параметры использования языковых единиц и контекстные особенности реализации их значения в тексте; описательно-аналитический метод – для выявления существенных характеристик и особенностей рассматриваемых лингвистических фактов на фоне экстралингвистических факторов; классификационный метод и метод лингвостилистического анализа, ориентированный на выявление специфики индивидуального словоупотребления, обусловленного коммуникативными и эстетическими задачами автора текста. Актуальность данного исследования обусловлена вниманием лингвистов к аксиологической проблематике, ростом регулярности использования языковой игры в медийном пространстве, в частности, контраминации как одного из средств выражения экспрессии в испаноязычных СМИ на современном этапе, использующего антропонимы как объект. Отантропонимические контраминированные образования растут количественно и становятся всё более разнообразными, и возникает необходимость систематизации их моделей и исследования их структуры и семантики.

В результате рассмотрения, проведённого на некотором массиве исходных данных, установлены семантико-стилистические, аксиологические функции контраминантов – преимущественно диффамационного, инвективного характера, в соответствии с прагматическими целями автора текста.

Выявлены и систематизированы модели создания отантропонимических контраминантов как окказиональными, так и узуальными словообразовательными средствами.

Ключевые слова: языковая игра, отантропонимические контраминанты, дискурс СМИ, ассоциативный потенциал контраминантов, лингвокультурное сообщество

Для цитирования: Мурзин Ю.П. (2022). Отантропонимические контаминанты как объект языковой игры (на материале испаноязычных СМИ). *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 34–51. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-34-51>

В современной лингвистике заметно усилился интерес к проявлениям творческого потенциала языка, одним из способов реализации которого является языковая игра – коммуникативная стратегия, активно используемая в политическом дискурсе.

Термином Л. Витгенштейна («Философские исследования», 1945 г.) «языковая игра» в филологии, в частности, в стилистике, обозначается специфическое употребление языковых единиц, осознанное говорящим в функциональном отношении, то есть соотнесённое со сферой общения. Это «определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, то есть на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект».

Языковая игра всегда направлена на создание в языковой (речевой) структуре нового смысла, незнакомого ранее слушателю/читателю, и связана с активностью языковой личности и её способностью творчески использовать языковые знания. Языковая игра не может состояться как таковая без понимания её адресатом [19], который, таким образом, активно участвует в языковой игре, предложенной творцом гибридного слова. Для понимания контаминантов требуется опора на контекст или определённую ситуацию, для чего в тексте часто даётся их непосредственная мотивация [8].

Одним из приёмов языковой игры является контаминация, называемая также телескопией. Первый из названных терминов получил наиболее широкое употребление.

Контаминация, согласно общепринятой точке зрения, – один из самостоятельных типов языковой игры, результатом которой является создание инноваций контаминированной структуры и семантики [5].

В настоящей статье мы придерживаемся широкого подхода к контаминации по В.З. Санникову, который относит к контаминации все те случаи языковой игры, когда: 1) формально в новообразовании представлены, хотя бы одной буквой (точнее, фонемой), оба исходных слова; 2) в значении новообразования сложным способом переплетаются значения обоих исходных слов [15, с. 164], при этом имеет место «взаимодействие языковых единиц, соприкасающихся либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду, к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [2, с. 206].

В результате контаминации образуется сложное слово, в семантике которого присутствуют номинативные значения объединяемых единиц и свойственные им аллюзивные смыслы [11], а в целостной семантической структуре полученного сложного слова может возникнуть новое значение.

Контаминированные образования относятся к газетизмам и образуют обширный и разнообразный тематический состав слов: общественно-политическая, официально-деловая, военная, спортивная лексика и т.д. Единственное, что объединяет эти слова, это социально-оценочная окраска. Именно эти слова и выражения, даже будучи малоупотребительными, типичны для газеты, наиболее ярко выражают её идею, установку, реализуют одну из важнейших её функций – функцию воздействия. Данная лексика обладает газетно-публицистической функционально-стилевой окраской, направленной на формирование оценки, являющейся специфической стилиевой чертой и ставшей излюбленным средством журналистов для создания имиджа того или иного политика или иного публичного лица [16, с. 41, 143]. Подобные приёмы используются для са-

мопрезентации журналистов, для привлечения внимания, для демонстрации читателям своего искусства владения языком и стилем и вызваны желанием уйти от речевых штампов.

По замечанию М.В. Панова, характерной чертой языка нашего времени является усиление личностного начала, что находит специфическое выражение в сфере словопроизводства. В данный процесс активно вовлекаются, в качестве базовых основ, собственные имена лиц наших современников, что отражает тесную связь языка с современной действительностью [12, с. 27].

В политическом антропонимиконе испаноязычных СМИ значительную группу составляют имена государственных и общественных деятелей, политиков – как собственной страны, так и иностранных, действия которых находятся в фокусе общественного внимания, они легко узнаваемы и оцениваются тем или иным образом. Антропонимы, ставшие, вследствие частотности своего употребления, ключевыми словами эпохи, активно вовлекаются в словообразовательный процесс и представляют собой один из самых «неогенных» классов слов в настоящий период времени. Вновь образованные единицы однозначно соотносятся с реальными носителями соответствующих имён собственных, а добавляемые к ним целиком или частично форманты – от реальных или вымышленных имён собственных или от имён нарицательных, несут оценку, мотивированную какими-либо качествами личности, её деятельностью или связанными с ней событиями, проявлениями симпатии или антипатии к личности и её действиям и т. п. Окказионализмы рассматриваемого класса широко представлены в текстах современных испаноязычных СМИ.

Касательно семантико-стилистического аспекта окказионализмов, А.Г. Лыков [8] указывает, что «окказионализм зависим от контекста, привязан к нему в конкретно-речевом употреблении, что обуславливает его функциональную одноразовость – свойство, выражающееся в том, что окказиональное слово создаётся говорящим для того, чтобы оно употреблялось в речи всего лишь один раз. «Абсолютная свежесть» окказионального слова передаст уникальность ситуации, её предельную конкретность, которую в такой мере бессильно выразить каноническое слово как единица языка».

Анализ материала

Своего расцвета телескопия достигла в XX-XXI вв., что обусловлено активным действием ряда стимулирующих факторов, к числу которых относят широкое распространение глобализации во всех сферах, включая языковую. Происходит распространение заимствований, в том числе интернациональной лексики, и некоторых иноязычных грамматических конструкций, создание калек, а также дальнейшая конвергенция, то есть взаимопроникновение языков [7, с. 150]. Многие окказионализмы, появившиеся на свет в одной стране, легко проникают в другие лингвокультуры. Заимствование является естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова [14].

В испаноязычной прессе активно используются пришедшие из английского языка лексемы с компонентами *-gate* и *-exit*. Эти два форманта-интернационализма входят в состав словообразовательной модели «имя собственное + имя нарицательное» («ИС + ИН»), по которой в испаноязычном общественно-политическом дискурсе создаются новые окказионализмы-контаминанты, образующие деривационные ряды.

Каждый из формантов *-gate* и *-exit* репрезентирует соответствующий когнитивный сценарий, то есть абстрактную ментальную модель, представляющую собой интерпретацию говорящим некой ситуации внеязыковой действительности как типового динамического процесса, состоящего из последовательности эпизодов и предполагающего набор участников с дифференциацией их ролевых функций, стратегиями их действий, целями, следствиями и попутными эффектами [6, с. 181].

Актуализация данной функции лексемы *gate*, означающей 'ворота' и входящей в состав урбанонима *Watergate* ('Водные ворота'), связана с событием, произошедшим в комплексе зданий

с этим названием в Вашингтоне, где располагалась штаб-квартира Национального комитета Демократической партии и где накануне президентских выборов 1972 года были обнаружены подслушивающие устройства, незаконно установленные сторонниками переизбрания президента-республиканца Ричарда Никсона. В этой связи в стране разразился «Уотергейтский скандал», и через два года переизбранный президент, участвовавший в сокрытии данных о прослушивании, был вынужден уйти в отставку [31].

Данная лексема, являясь частью наименования места события, в результате метонимического переноса **ЛОКУС** → **СОБЫТИЕ** и вследствие переосмысления её семантики из-за смены признаков, положенных в основу названия предмета [7, с. 37], изменилась функционально [10, с. 315] и приобрела значение ‘публичный скандал’; таким образом ложномотивированная языковая единица приобрела свойства словообразовательного элемента в составе композитов, используемых в испанском языке для названия целого ряда публичных скандалов по аналогии с Уотергейтским, фигурантами которых выступают, как правило, политики, правительственные чиновники, родственники высокопоставленных лиц, представители бизнес-сообщества, а также лица, входящие в их окружение, вовлечённые в коррупционные схемы, финансовые махинации или в какие-либо незаконные, преступные действия или действия, далёкие от общепринятых морально-этических представлений¹ [18].

Известен ряд скандалов, названных по именам женщин, с которыми некие лица – лидеры государств – состояли в предосудительной связи.

Monicagate – **Моникагейт**, скандал Клинтон-Левински, крупнейший сексуально-политический скандал в истории США [21].

Noemigate – **Ноэмигейт**, скандал, в центре которого оказался 73-летний премьер-министр Италии С. Берлускони, которого в прессе называли *viejo calavera* – *старый гуляка*, из-за связи с 18-летней соотечественницей Ноэми Летицией [39].

Обстоятельства иного рода послужили основанием для названия именем женщины скандала **Yomagate** – **Йомагейт** (1991 г.) – по имени фигурантки судебного дела о наркотрафике Амалии Беатрис Йома, супруги брата тогдашнего президента Аргентины Карлоса Менема, занимавшей пост в правительстве страны [52].

Именем женщины назван политический скандал **Delcygate** – **Делсигейт**, разразившийся в Испании в январе 2020 года по поводу неофициальной встречи в международном аэропорту Мадрида министра правительства Испании Х. Л. Абалоса, члена ИСРП, с вице-президентом Венесуэлы Делси Родригес, которой, как и другим высшим чиновникам Венесуэлы, запрещён въезд на территорию ЕС [41].

Политическую и правовую подоплёку скандала под названием **Clintongate** – **Клинтонгейт**, в центре которого в своё время оказалась Хиллари Клинтон, раскрывает контекст и однозначно указывает на персону, о которой идёт речь: *Un ‘Clintongate’ a la germana: ¿decidirá un escándalo judicial al próximo canciller alemán? Los socialdemócratas acusan a los conservadores de instrumentalizar la Justicia en un caso similar al de los ‘e-mails’ de Hillary Clinton en 2016* [46]. – «Клинтонгейт» немейки: определит ли судебный скандал, кто будет новым канцлером Германии? Социал-демократы обвиняют консерваторов в использовании правосудия в случае, аналогичном случаю с и-мейлами Хиллари Клинтон в 2016 году.

В данном случае в названии скандала усматривается сложный знак, выраженный прецедентным именем **Clinton**, с которым связана прецедентная ситуация – скандал, широко освещав-

¹ В испаноязычных странах известны аналогичные скандалы под названием **Petrogate** – **Петрогейт** (коррупция в сфере нефтедобычи, Перу, 2008 г.),

Petexgate – **Петексгейт** (незаконное использование средств профсоюза работников государственной нефтяной компании Pemex для финансирования избирательной кампании, Мексика, 2001 г.), **Milicogate** – **Миликогейт** (коррупция с участием высших чинов армии, Чили, 2015 г.; *milico* – Ч. разг. военный), **Valijagate, maletagate, maletinazo, escándalo del maletín** – ‘скандал вокруг чемоданчика’ (попытка ввезти через границу в Аргентину из Венесуэлы незадекларированные денежные средства для финансирования президентской кампании 2007 года; название происходит от существительных *valija, maletín* – чемоданчик, кейс).

шийся в прессе. Происходит «дублирование» названия скандала, разразившегося вокруг одного политика и коннотации и дифференциальные признаки которого проецируются на новую, аналогичную ситуацию, связанную с другим политиком другой страны и послужившую основанием для переноса названия. При этом исчерпывающая мотивация данного переноса эксплицируется в контексте.

Морально-этическую и криминальную составляющую скандала обнаруживает контекст с новообразованием *Санчесгейт* в публикации о взломе личного гаджета председателя правительства Испании: *Los dos 'qui prodest' del Sánchezgate: El presidente del Gobierno y la ministra de Defensa fueron víctimas del afamado programa de espionaje Pegasus* [36]. – Двое, «кому это выгодно»: *Санчесгейт. Председатель правительства и министр обороны пострадали от знаменитой программы «Пегасус»*.

Претендент на пост канцлера ФРГ от Социал-демократической партии Олоф Шольц в 2021 году подвергся обвинениям в финансовых махинациях, совершённых им ранее, в бытность бургомистром Гамбурга. В финансовых органах администрации города прошли обыски. В связи с этим скандалом в немецкой, а затем и в испанской прессе появилось контаминированное образование *Scholzgate – Шольцгейт* [46].

Очевидно, что «именные» скандалы могут быть различного рода – сексуально-политического, морально-этического, криминального, чисто политического.

Несколько завуалированное смысловое сближение со словообразовательным элементом *-gate* можно отметить у лексемы *virus* в составе образования *Corinna-virus: A los titulares del coronavirus se han unido los del "Corinna-virus", quedando más difuminados que si estuviéramos en otra situación de normalidad. Todo se queda cerca de la corona y las cabezas coronadas, en cualquier caso* [24]. – К заголовкам о коронавирусе добавились заголовки о «Коринна-вирусе», которые были бы не столь значимы, если бы положение было иным, нормальным. Так или иначе, всё это касается института монархии и коронованных особ.

Языковая игра основана на намеренной речевой ошибке – малапропизме, заключающейся в сходстве по произношению и написанию слова *corona* – названия вируса и вызванной им пандемии, и имени *Коринны* Ларсен, предпринимателя, близкой подруги испанского короля Хуана Карлоса I, как предполагалось, непосредственно вовлечённой в коррупционный скандал, связанный с именем экс-короля Испании, подозреваемого в уклонении от уплаты налогов и отмывании средств.

Лексема *gate* в прямом значении не несёт какой-либо стилистической окраски и приобретает пейоративную коннотацию лишь в качестве соответствующего словообразовательного компонента, тогда как лексема *virus* (от *лат.* – «яд») в современном знании обозначает агента, способного вызывать инфекционную болезнь, чем и обусловлено негативное значение контаминанта. Отрицательная характеристика лица и связанной с ним ситуации скандала даётся через название болезнетворного, вредоносного вируса, поражающего человека.

Смысловое сближение с формантами *-gate* и *-virus* в значении «скандал» обнаруживается и у элемента *-Plag* («осколка» лексемы *plagio* – *плагиат*, то есть незаконное использование охраняемых законом результатов чужого творческого труда) в составе окказионализма *SánchezPlag*, дискредитирующего премьера-социалиста Педро Санчеса в связи с сообщениями о недобросовестном использовании им чужого интеллектуального труда в нарушение морально-этических и правовых норм: *SánchezPlag, el 52% de la tesis del presidente está plagado o tiene errores* [49]. – *СанчесПлаг: 52% диссертации председателя [правительства] представляет собой плагиат и содержит ошибки*.

Другой формант – *-exit* стал таковым в 2012 году в составе контаминанта *Grexit – Грексит*, образованного путём соединения английских слов *Greece* (Греция) и *exit* (выход), обозначавшего гипотетический выход Греции из Еврзоны. Затем, накануне референдума о выходе Великобритании из ЕС в 2016 году, средства массовой информации ввели в широкое употребление английский неологизм *Brexit – Брексит*, образованный по аналогии с *Grexit* от слов *Britain* (Великобритания)

и *exit* (выход). Брексит – это сокращённое название процесса выхода Великобритании из состава ЕС и всех событий, которые с этим связаны [3].

Данный формант нашёл своё применение также для обозначения ситуации «ухода», связанной с конкретными лицами. Так, в начале 2020 года в испанской прессе появилось сообщение об уходе с королевских должностей британского принца Гарри и его супруги Меган Маркл, пришедшейся немного не ко двору в чопорном британском истеблишменте. Сложившиеся обстоятельства получили название *crisis Megxit* – кризис *Megxitum* (*Meghan* + *exit*) [29].

Одним из очередных новообразований стал контаминант *Borxit* – связанный с вечеринкой на Даунинг-стрит в разгар пандемии коронавируса, в которой принял участие премьер Борис Джонсон и в результате чего прозвучали требования его отставки: *Desde que echaron a Trump, éste [Boris Johnson] debería haber caído también, Borxit is Borxit* [28]. – После того, как прогнали Трампа, он [Борис Джонсон] должен был пасть, Борксит значит Борксит.

В число словообразовательных средств языковой игры входит и лексема *ego*, в значении *exceso de autoestima* [27] – чрезмерно высокая самооценка. С её помощью, из-за нежелания П. Санчеса вступать в правительственную коалицию с представителями Народной партии, партий «Подemos» и «Граждане» образован контаминант *Egosánchez*, от *ego*, *egoísta* + *Sánchez*: *Egosánchez no pacta con Iglesias, ni con Casado, ni con Rivera* [34] – Эго-Санчес не идёт на договорённости ни с Иглесиасом, ни с Касадо, ни с Риверой.

Лидер же партии «Подemos» Пабло Иглесиас настойчиво добивался включения его самого в новое правительство. Отношение в испанских политических кругах и в обществе к этому политику неоднозначное, что выражено в следующем высказывании о нём, содержащем характеристику в виде телескопного образования: [Pablo Iglesias] *es comunista: o manda o es que ha muerto. Pero Pablenin es malo, no tonto, así que ha copiado de Vox la apelación a los votantes como índice de su propia dignidad* [34]. – [Пабло Иглесиас] коммунист: ему либо командирство, либо смерть. Однако *Пабленин* – коварен, но не глуп, поэтому он перенял у [партии] Вокс манеру апеллировать к избирателям как мерило своего достоинства.

В телескопном наименовании *Pablenin* прочитываются имена *Pablo* + *Lenin*. В этом случае второй элемент – прецедентное имя – служит определением лица, обозначенного первым элементом, в результате чего создаётся образ политика-последователя коммунистической идеологии, что автором публикации оценивается негативно.

В испанской прессе закрепилась данная модель «ИС + ИС» для названий целого ряда политандемов, образованных из частей имён действующих лидеров стран, в которых а) один компонент является определяемым, а другой – определяющим или б) оба компонента выступают в одинаковой, номинативной роли, а соответствующая характеристика им даётся в контексте. Таковым явилось телескопное образование *Merkozy* (*Merkel* + *Sarkozy*) – *Меркози*, когда журналисты заметили попытки со стороны этих лидеров воссоздать франко-германский тандем, который воспринимался как средство доминирования обеих держав в Евросоюзе и название которого часто сопровождалось словом «диктат»: *Durante varias décadas, la UE funcionó al paso del dictado franco-alemán* [43]. – В течение нескольких десятилетий ЕС работал под диктатом Франции и Германии.

В своё время аналогичное стремление А. Меркель и Ф. Олланда также не осталось незамеченным, и появился окказионализм *Merkolland* (*Merkel* + *Hollande*). Эти шаги были восприняты позитивно, о чём свидетельствует контекст: *...el optimismo que genera el acercamiento entre Merkel y Hollande (Merkolland)* [26] – ... оптимизм, порождаемый сближением между Меркель и Олландом.

Также доброжелательно были встречены совместные действия лидеров Германии и Франции по укреплению ЕС в другом случае: *La sociedad Mercron (Merkel + Macron) tiene mejores oportunidades de generar buena voluntad en Europa que las que jamás tuvo la sociedad Merkozy... Tanto Merkel como Macron necesitan que la sociedad Mercron funcione para poder crear una Europa más fuerte* [35]. – У компании *Меркрон* больше возможностей для создания доброй воли в Европе, чем когда-либо было у компании *Меркози*. ...Как Меркель, так и Макрону нужно, чтобы компания *Меркрон* работала на создание более сильной Европы.

Иную оценку получил тандем **Merkoron** (*Merkel + Cameron*): *Merkoron ha impuesto su Ley: la canceller de Alemania, Angela Merkel, y el primer ministro del Reino Unido, David Cameron, están OK sobre el futuro presupuestario de Europa: austeridad, recorte del gasto público, intentos de saneamiento de las deudas soberanas y los déficits de Estado* [42]. – **Меркорон** навязывает свои законы: канцлер Германии Ангела Меркель и премьер-министр Соединённого Королевства Дэвид Кэмерон договорились о будущем бюджета стран Европы: режим строгой экономии, сокращение государственных расходов, попытка санации суверенного долга и дефицит бюджета стран.

Негативная оценка выражается через сочетание «навязывает свои законы» и через пояснение существа данных «законов». При этом окказионализм имеет структурное отличие от предыдущего – между обоими его компонентами встроено «пустой» аффикс «о», не имеющий собственного значения [1], но благодаря которому данное новообразование графически и фонетически отличается от предыдущего.

Название политтандема **Busharraf** (*Bush + Musharraf*) воспринималось бы как нейтральное, поскольку не несёт какой-либо оценки, а выполняет номинативную функцию. Однако ему предпослано определение, выражающее совершенно определённую оценку: *El golpista aliado de EE. UU. al que llaman «Bush-arraf». Pervez Musharraf era un aliado clave de Bush en su combate contra Al Qaida desde el 11-S... Era un valioso peón de Washington...* [25]. – **Путчист-союзник США по имени «Буш-арраф»**. Первез Мушарраф был ключевым союзником Буша в борьбе с Аль-Каидой после 11 сентября... Он был ценной пешкой Вашингтона....

В отличие от предыдущего наименования окказионализм **Macroneón** (*Macron + Napoleón*) – «говорящий»: *El derrotado Macron o Macroneón, que imita al genocida corso en la técnica de publicitar campañas ruinosas como la de Egipto como grandes victorias de la civilización occidental, pretende borrar su derrota tras quedar como tercera fuerza en el Parlamento* [33]. – **Потерпевший поражение Макрон, или Макронеон**, подражающий корсиканцу, проводившему политику геноцида, рекламируя провальную кампанию, подобные египетской, как великие победы западной цивилизации, стремится оправдаться от поражения после того, как его партия стала третьей силой в парламенте.

В данном контексте через экскурс в историю безуспешного египетского похода Наполеона автор приводит основание, по которому построен контаминант **Macroneón**, характеризующий политика как неудачника.

Для понимания значения следующих контаминированных образований необходимо знание политической ситуации, сложившейся в Каталонии накануне выборов мэра Барселоны 2019 года, на которых бывший премьер-министр и бывший депутат Национального собрания Франции Мануэль Вальс, каталонец по происхождению, возглавил список партии «Граждане» в Испании. Будучи уже депутатом муниципального совета Барселоны, М. Вальс проголосовал за переизбрание мэром Ады Колау, своей соперницы на выборах, что привело к его разрыву с партией «Граждане» [37].

В этой связи автор статьи, оценивая негативно стремление французского политика войти в политический класс Каталонии и усмотрев в этом активную роль Макрона, которого именует тем же окказионализмом, вводит в повествование нового «персонажа» под именем **Microrrivera** (*Micro- + Rivera*) – **Микроривера** – тогдашнего лидера партии «Граждане», третьей политической силы в Испании: *El genocida corso tuvo a dos reyes polichinelas, Fernando VII y Carlos IV, para humillar a España, pero los patriotas españoles acabaron humillándolo a él en el campo de batalla. Pero Macroneón no tiene el primer ejército del mundo, así que su muñeco no es rey de España y las Indias. Debe conformarse con el tercer partido de España, al que extravía un dirigente, que, ayuno de toda dignidad nacional e intelectual, nulificado en su cuna política barcelonesa por el maquereau político Valls y tras la jibarización de su partido, cabe llamar Microrrivera* [33]. – **Корсиканец, проводивший политику геноцида, использовал двух королей-марионеток – Фердинанда VII и Карла IV, чтобы унижить Испанию. Но патриоты Испании в итоге унизили его самого на поле битвы. Однако армия Макронеона – не самая сильная в мире, потому и его марионетка – не король Испании и Индии. Ему приходится довольствоваться третьей партией Испании, ведомой по сомнительному пути её лидером, которого, начисто лишённого национального и интеллектуального достоинства, дискредитированного на его полити-**

ческой родине политическим сутенёром Вальсом и с его измелъчавшей партией, следует называть **Микрориверой**.

В данном случае языковая игра построена на значении размернооценочных префиксов **micro-** и **macro-**, указывающих на масштабность предмета или явления. Логико-семантическая оппозиция **Macro-/Micro-** служит основой характеризующего «имени» Альберта Риверы – председателя партии, утратившей популярность и получившей на повторных выборах в парламент страны в ноябре 2019 года 10 мест против 47 в апреле того же года и которого автор статьи называет словом *тийесо* – марионетка.

Телескопное образование **Macroneón** содержит аллюзию на Наполеона: часть его имени **-eón** служит определяющим и указывает на амбиции и властные претензии лица, имя которого, представленное первым словом, является определяемым. Из контекста следует, что в данном случае носитель имени **Macroneón** лишён величия, однако смысловой компонент **Macro-** придаёт ему некую псевдозначимость.

Автору публикации, озаглавленной **Trumpistán** (**Trump** + **-i-stán**, перс. в совр. значении «страна» [50]), сторонники Трампа видятся некоей страной: *...Estados Unidos rurales, ignorantes hasta los tuétanos... . No puede ser que la misoginia, la homofobia, transfobia, el fanatismo religioso y el atraso intelectual sigan imperando en buena parte de los Estados de la Unión. La mitad de ese país considera a Trump su ídolo porque ese es su modelo por seguir: el dinero por encima de la educación, mi bienestar por encima del bien común y mi religión por encima de las libertades de género y reproductivas de todos los habitantes* [30] – ...[жители] *захолустных сельских Соединённых Штатов, невежественные до мозга костей Нельзя допустить, чтобы женоненавистничество, гомофобия, трансфобия, религиозный фанатизм и интеллектуальная отсталость царили во многих штатах. Половина страны считает Трампа своим идолом, поскольку он является образцом для подражания: «деньги превыше образования», «моё благополучие превыше общего блага» и «моя религия превыше гендерных и репродуктивных свобод всех жителей».*

Гражданам «страны» **Трампистан** даётся негативная характеристика с различных точек зрения, которая, как и само название, благодаря второму компоненту этого окказионализма, вызывает ассоциации с некоторыми ныне существующими государствами, где исповедуются подобные антиценности; таким ёмким средством показано существо положения, создавшегося в реальной стране.

Ожидавшийся провал политики Трампа и её пагубных последствий выражен контаминантом **trumpírricas** – сложным авторским прилагательным, образованным присоединением к имени **Trump** оценочного прилагательного **pírrico**, производного от имени античного правителя **Pirro** – **Пирр**, означающего «достижение, повлекшее собой беду, победу, стоившую слишком больших жертв, успех, ведущий к неудаче, приобретение, обернувшееся потерями» [13]: *Trump, a quien sus defensores consideran el triunfo de la derecha gringa, podría ser lo peor que le hubiera podido pasar a ese movimiento. Quizá valga ensamblar un nuevo adjetivo para advertir a quienes quieran imitarlo: ojo con las victorias 'trumpírricas'* [51]. – *Трампа, в ком его защитники видят торжество правых в США, пожалуй, есть то самое наихудшее, что могло произойти с этим движением. Может, стоит составить новое прилагательное для предостережения тем, кто захочет действовать как он: будьте осторожны с **трампировыми** победами.*

К имени политика добавляется уничижительное определяющее с целью дискредитировать его, сформировать у реципиента негативное отношение к названному лицу и его действиям. Определяющим выступает второе слово как коннотативное, несущее пейоративную оценку.

Сочетание **era Trumputin** (**Trump** + **Putin**) характеризует атмосферу в отношениях США и России, сложившуюся в годы пребывания Дональда Трампа на посту президента США: *¿Puede la era Trumputin convertir a la UE en una potencia militar? Europa impulsa iniciativas de integración en Defensa. Por un lado, la súbita frialdad con los Estados Unidos de Trump. La sensación de que Europa ya no puede contar con la protección de Washington como ha sucedido en los últimos 70 años. Por el otro, la creciente asertividad rusa y, como derivada, un panorama de desmorone de los acuerdos de control de armas que puede cambiar radicalmente la situación estratégica de Europa* [47]. – *Станет ли ЕС военной державой в*

трампутинскую эпоху? Европа продвигает инициативу интеграции в области обороны. С одной стороны – внезапное охлаждение отношений с Соединёнными Штатами при Трампе. Ощущение того, что Европа не может рассчитывать на защиту со стороны Вашингтона, как происходило на протяжении семидесяти лет. С другой стороны – растущая напористость со стороны России и, как следствие, – разрушение договоров по контролю над вооружениями может радикально изменить стратегическую обстановку в Европе.

В телескопном образовании **Trumputin** оба компонента семантически равноценны по отношению к друг другу и выступают в одинаковой роли – в качестве метонимического обозначения стран – США и России именами их президентов, но сам контаминант выступает в роли атрибута существительного *era* – эпоха и служит отрицательной характеристикой сложного положения Европы, выраженной эксплицитно: отсутствие защиты со стороны США, негативное воздействие со стороны России, радикальное изменение положения Европы, ожидание ухудшения стратегической обстановки на континенте.

Размах общественного движения против расизма и насилия в отношении чернокожих «Жизни чёрных важны» в США и выступления несогласных с результатами выборов в Беларуси в 2020 году послужили поводом для установления аналогии между этими событиями, выраженной в контаминанте **Trumpkashenko**, вынесенном в заголовок статьи со следующей аргументацией: *El '#blacklivesmatter' y las calles de Minsk nos vuelven a enseñar el extraordinario potencial democrático del ruido de los silenciados* [38]. – Движение «Жизни чёрных важны» и улицы Минска вновь демонстрируют необычайный демократический потенциал тех, чьи голоса не слышны.

В данном новообразовании оба форманта находятся в одинаковой номинативной функции и между ними существует отношение сравнения и сопоставления; окказионализм служит метонимическим обозначением стран, где, по мнению автора, происходят аналогичные процессы, причина которых кроется в самих лидерах и их действиях.

В контаминации участвуют и такие узуальные словообразовательные элементы, самой своей семантикой выражающие отношение к лицу, как **-filo** и **-ifobo**: **Casadófilos** – «Касадофилы», сторонники лидера Народной партии Пабло Касадо и сочувствующие ему, и **Sanchifobos** – «Санчифобы», противники, оппоненты главы правительства Педро Санчеса [48].

Выдвижение кандидатуры Хиллари Клинтон на пост президента США в 2016 году также стало причиной словотворчества: критики увидели в этом факте проявление неуёмных амбиций, семейственность в политике, карьеризм и стремление воплотить давнюю «династическую» мечту четы Клинтон – запланированный ими много лет назад совместный «штурм Белого дома», в котором каждый из них проведёт по два президентских срока. В прессе появилось телескопное образование **Billary** как игровое, шутовское именование супружеской четы, сопровождаемое негативной оценкой в комментариях: *...una especie de monstruo hermafrodita bautizado como Billary cuya avides de poder termina siendo el compendio de todos los males imaginables* [44] – ...какой-то монстр-гермафродит, названный **Billary**, жажда власти которого в итоге стала выражением всех мыслемых зол.

Само английское прилагательное **billary**, применяемое в отношении человека, служит дерогативным семантико-стилистическим средством оценки, эксплицирующим негативную коннотацию: **billary** означает жёлчный. В структуре окказионализма ассоциативно-образный компонент выступает как основание эмоцио-нальной оценки и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы [9].

С приходом ультраправого политика Жаира Болсонару на пост президента Бразилии и утверждения им авторитарного стиля правления в испанской прессе появилось целое семейство окказионализмов, образованных от одной и той же базовой основы по следующим моделям:

а) инициальная часть фамилии + формант **-gate**: **Bolsogate**, *el escándalo de corrupción que involucraría a Bolsonaro y su familia* [20]. – «**Болсогейт**» – коррупционный скандал, в который может быть вовлечён Болсонару и его семья;

б) инициальная часть фамилии + знаменательное слово, значение которого «дублируется» в контексте: **Bolsocreayentes** [22] – «верующие в Болсонару»; **bolsojunior** – «младшие Болсонару» –

сыновья Ж. Болсонару, не являющиеся членами исполнительной власти, но активно комментирующие политические события на уровне правительства; *bolsogurú* – «болсогуру», «идеологический гуру», ультраконсерватор О. де Карвальо (ныне покойный), проживавший в США и критиковавший военных в составе правительства, выступающих против военного присутствия США на территории Бразилии и силового сценария разрешения кризиса в Венесуэле, также предостерегающих от возможности ухудшения торговых отношений с арабскими странами и Китаем в случае, если Бразилия будет неуклонно следовать в политическом фарватере США; *bolsocanciller* – министр иностранных дел кабинета Болсонару Э. Араужо, представляющий идеологическое направление правительства; *bolsomonarquía* – «болсомонархия»; *bolsopolémica* – «болсополемика» [23].

Таким образом формируется деривационный ряд, выполняющий строевую функцию и организуемый целый фрагмент текста статьи [10, с. 310].

Кроме того, в соответствующих случаях контаминанты принимают форму множественного числа, например, общеизвестный англицизм *bolsojuniors* и изобретённый для дерогативной характеристики политических противников окказионализм *voxsonaros*, состоящий из названия испанской партии *VOX* – *Вокс*, и части антропонима – фамилии лица, дискредитирующая характеристика которого даётся в тексте: “*Voxsonaros*”: *el presidente español Pedro Sánchez comparó a la oposición de derecha con Jair Bolsonaro, conocido por sus opiniones racistas, misóginas y homóforas* [32]. – «*Вокссонарос*»: *Председатель правительства Испании Педро Санчес сравнил правую оппозицию с Жаиром Болсонару, известным своими расистскими, женоненавистническими и гомофобными высказываниями.*

В контаминанте *voxsonaros* название партии является определяемым, которому приписываются личные свойства лица, обозначенного финальной частью фамилии.

Формант *-sonaros* (от имени *Bolsonaro*) в форме множественного числа в контексте сохраняет очевидную связь со своим денотатом, и именно эта связь позволяет видеть в данном примере «свёрнутую» метафору [4, с. 73] – *(Bol)sonaros* = *политики типа Болсонаро*.

Частью антропонима определяемое представлено и в контаминанте *Pfizerico*: [Al periodista Federico Jiménez] *Losantos lo han bautizado como «Federico vacunas» o «Pfizerico», en alusión a la multinacional que patentó uno de los primeros antídotos contra el virus* [40]. – [Журналиста Федерико Хименеса] *Лосантоса прозвали «Федерико-ваксером» и «Пфайзерико» – по названию транснациональной корпорации, зарегистрировавшей одну из первых вакцин против коронавируса.*

Прозвище мотивировано активной позицией лица о пользе вакцинации и образовано от названия фирмы, носящей имя одного из её основателей, и финальной части урождённого имени того же лица, выступающей в функции определяемого. При этом на конечный слог первого имени накладывается омонимичное начало конечного элемента: *Pfizer* + *Federico*.

В общественно-политическом дискурсе также отмечаются случаи контаминации-перекрещивания, при которой объединению подвергаются два сочетания, имеющие сходство в семантике, то есть относящиеся к одной фразеосемантической группе, и образованные по одинаковым или сходным синтаксическим моделям [17].

Таковыми являются сочетания, состоящие из имени и фамилии лица. Контаминация-перекрещивание происходит по буквенной схеме $AB + CD = AD$. Посредством такого объединения имени и фамилии реальных персон на основе их одинаковых или сходных политических взглядов и позиций создаётся некий «говорящий» комплексный образ действующих политиков.

Так, проводя аналогию между Великобританией и Каталонией ввиду стремления части политиков первой выйти из состава ЕС, а второй стать самостоятельным государством, и состояния, в котором оказался консерватизм в результате их деятельности, автор статьи «Закат консерватизма» [45] прибегнул к контаминации-перекрещиванию для игрового обозначения и характеристики общности позиций представителей истеблишмента данных страны и региона.

Речь идёт о Борисе Джонсоне, премьер-министре Великобритании, яром стороннике выхода его страны из Евросоюза, и Артуре Маса, бывшем главе Каталонии, стороннике движения за независимость своего региона. Автор статьи посредством контаминации-перекрещивания – перестановкой их урождённых имён – создаёт окказиональные имена, сопровождая их критической

характеристикой: **Boris Mas** – o **Artur Johnson** –, uno en su región, el otro en su nación, han dinamitado el conservadurismo. El apocado y anodino parvenu catalán y el enérgico prócer cosmopolita han diluido su formación en el populismo rampante y dominante. – **Борис Мас**, или **Артур Джонсон**, один в своём регионе, другой в своём государстве – расшатали позиции консерваторов. Жалкий и ничтожный выскочка каталонец и выдающаяся личность, энергичный и искушённый деятель, растворили свою идеологию в господствующем ползучем популизме.

Этим же средством создаётся коллективный образ других лиц – Микеля Исеты, испанского политика, первого секретаря Социалистической партии Каталонии, министра центрального правительства и противника независимости Каталонии, и Джереми Корбина, британского политика, лидера Лейбористской партии, выступавшего за сохранение членства страны в таможенном союзе ЕС: *El camaleónico Miquel Corbyn* – o *Jeremy Iceta* –, acomodaticio superviviente del establishment que cree un poco en cada cosa. Artur Johnson se crece porque Jeremy Iceta nunca se lanzará del todo a pararle los pies. – *Приспособленец Микель Корбин*, или *Джереми Исета*, непотопляемый, выживший представитель истеблишмента, верящий во всё понемногу. Артур Джонсон набирает силу, потому что Джереми Исета никогда ничего не сделает, чтобы остановить его.

Аналогичным образом автор публикации создаёт общую характеристику Ады Колау, испанской политической и общественной деятельницы левого толка, мэра Барселоны, и Найджела Фаража, британского политика, лидера Партии Brexit, критикующего евроинтеграцию в рамках ЕС и еврозоны: *Nigel Colau* – o *Ada Farage* –, agitadores que pescan en las aguas que revuelven. – *Найджел Колау*, или *Ада Фараж*, возмутители, ловящие рыбку в воде, которую сами же мутят. Автор видит в них носителей порицаемой на Западе политической стратегии национал-популизма, давая ему следующую характеристику: *El nacionalpopulismo es una sola cosa, un único monstruo de dos cabezas y la gran amenaza de Europa*. – *Национал-популизм – это нечто единое целое, двуглавый монстр, представляющий большую опасность для Европы*.

Итак, проанализированные окказионализмы отвечают коммуникативной установке: а) выполняют номинативную функцию (название лица, партии) или б) наряду с номинативной функцией несут экспрессивность и эмоциональность, позволяют более точно и ёмко выразить мысль, демонстрируют авторское отношение, оценку предмета речи и направлены на манипулятивное воздействие на реципиента в целях формирования определённого отношения с его стороны.

Окказионализмы служат для выражения индивидуально-авторской идеи и выходят из активного употребления с утасанием общественного резонанса от соответствующего события или забываются при смене стиля поведения или по окончании политической карьеры деятеля, с именем которого они связаны.

Что касается некоторых формантов, то они могут надолго оставаться в арсенале словообразовательных средств, например: формант *-gate* и появившийся позже *-(e)xit*. Первый из них входит в качестве характеризующего и оценочного элемента в состав контаминантов, указывающих, как правило, на какое-либо вовлечённое в публичный скандал официальное лицо или на иное лицо, ставшее прямым участником скандала.

Результаты исследования

Проведённое исследование позволило установить ряд структурных моделей трёхэлементного и двухэлементных контаминантов, основанных на способе соединения их частей:

1. Два полных ИС с общим звуковым сегментом: **Trumputin**.
2. Полное ИС + полное отантропонимическое прилагательное с общим звуковым сегментом: **Trumpírrico**.
3. Инициальная часть ИС + полное второе ИС с общим звуковым сегментом: **Pablenin**.
4. Инициальная часть ИС + «пустой» аффикс + финальная часть второго ИС: **Merkoron**.
5. Полное ИС + финальная часть второго ИС без общего звукового сегмента: **Pfizerico, voxonaros**.

6. Полное ИС + финальная часть второго ИС с общим звуковым сегментом: *Busharraf*, *Billary*.

7. Полное ИС + инициальная часть ИН без общего звукового сегмента: *SánchezPlag*.

8. Инициальная часть ИС + полное ИН без общего звукового сегмента: *bolsopolémica*.

9. Полное ИС + финальная часть второго ИС без общего звукового сегмента: *Trumpkashenko*.

10. Инициальная часть ИС + финальная часть второго ИС с общим звуковым сегментом: *Merkozy*.

11. Инициальная часть ИС + финальная часть второго ИС без общего звукового сегмента: *Merkolland*.

12. Полное ИС + формант *-gate*: *Scholzgate*.

13. Инициальная часть ИС + формант *-(e)xit* без общего звукового сегмента: *Megxit*, *Borxit*.

Инициальная или финальная часть каждого исходного антропонима может быть представлена любым его осколком, позволяющим образовать требуемую комбинацию. Так, разные части имени собственного *Bolsonaro* послужили для образования контаминантов *bolsocanciller* и *voxsonaros*.

В процесс контаминационного словообразования вовлекаются, наряду с антропонимами, полнзначные лексические единицы испанского (*bolsocanciller*) или английского языков (*bolsojuniors*), отантропонимические прилагательные (*Trumpírrico*), узуальные словообразовательные средства, как то: элемент *-istán*, имеющий значение локативности (*Trumpistán*), аффикс *ego-* (*Egosánchez*), а также образующие антонимические пары аффиксы *micro-*, *macro-* (*Microrrivera*, *Macroneón*) и суффиксоиды *-filo*, *-ífobo* (*Casadófilos*, *Sanchífobos*), присоединяемые к полному или усечённому имени политика и выражающие когнитивно-ценностную значимость.

В соответствующем контексте может актуализироваться название публичного скандала с именем главного фигуранта, за которым стоит прецедентная ситуация: *Clintongate*.

В структуре контаминантов прослеживаются тема-рематические отношения между базисным (определяемым) элементом и определяющим элементом, несущим новую, оценочную информацию, характеризующую базисный элемент с какой-либо точки зрения. Взаимное положение «определяемого»/«определяющего» может быть различным: любой из формантов окказионализма может находиться как на первой, так и на второй позиции, но в каждом конкретном случае оно строго фиксировано: *Scholzgate*, *trampírrico*, *SánchezPlag*, *Pablenin*; или в препозиции: *Microrrivera*, *Egosánchez*, *Bolsogurú*.

В качестве определяющего элемента может выступать прецедентное имя: *Pablenin*, *Macroneón*.

Когда между обеими частями контаминантов типа *Merkozy* нет отношения «определяемое»/«определяющее», их оценка эксплицируется в контексте. Так, выражая союзнические отношения между США и Пакистаном посредством контаминанта *Busharraf*, автор даёт негативную оценку Мушаррафу, называя его «путчистом» и «пешкой».

Некоторые форманты контаминированных образований приобретают свойство узуальных словообразовательных средств и закрепляются в языке в этом качестве. Из числа исследованных к ним можно отнести формант *-gate*, употребляющийся с наибольшей частотностью. Окказионализмы с такими элементами характеризуются воспроизводимостью в современной речи и образуют словообразовательное гнездо *Watergate*. Лексема *gate* вошла в испанский язык в качестве форманта в новом значении – «публичный скандал», тогда как лексема *exit* как формант привносит собственное, основное словарное значение «выход», «уход».

Основанием оценки могут служить исторические данные, связанные с лицом, имя которого используется для характеристики современного политика посредством контаминанта: *Macroneón*.

Оценка может быть выражена через актуализацию внутренней формы окказионализма (*Billary*), может быть заложена в его семантической структуре или эксплицирована в его когнитивно-словесном окружении, контекстуально.

Оценка может быть положительной или отрицательной. В исследованном массиве данных преобладает негативная оценка, в некоторых случаях выраженная однозначно лексическими средствами: *Trumpírrico*; словообразовательными средствами *Microrrivera*; или контекстуально. Положительная оценка однозначно эксплицируется в контексте лишь в редких случаях: *Merkoron*.

Игра слов, представленная в виде окказионализма *Billary* или как противопоставление *micro-/macro-* в приложении к действующим политикам, привносит, помимо субъективной оценочности, оттенок информационно-развлекательной журналистики.

В данной модели ИС выступает в качестве определяющего слова, помогает реконструировать когнитивный сценарий, референтную ситуацию и в сочетании с фоновыми знаниями реципиента служит аллюзией на имена остальных участников.

Выводы

В испаноязычном общественно-политическом дискурсе контаминация представляет собой распространённый и продуктивный способ образования окказионализмов на основе антропонимов. Весь корпус новообразований такого рода можно рассматривать как некую макросистему в лексике современного испанского языка, в которой могут быть выделены словообразовательные гнезда.

В контексте политического противостояния происходит активизация оценочного отношения к оппоненту. Обилие контаминантов, базовой основой которых являются антропонимы, подчёркивает антропоцентрический характер данного окказионального словообразования.

Отантропонимические контаминанты исследованного «каскада», прежде всего, выполняют *номинативную* функцию, обозначая явление, событие, лицо или группу лиц, и *характеризующую* функцию, выражая те или иные их свойства или качества.

Контаминация позволяет создавать яркие, многомерные и ёмкие образы, построенные посредством приёма «сравнения», предполагающего сопоставление или уподобление тех или иных лиц одного другому, или их качеств по общему (чаще всего отрицательному) признаку и выражающего определённые смысловые отношения между компонентами новообразования.

© Мурзин Ю.П., 2022

Список литературы

1. Аффикс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bigenc.ru/linguistics/text/1842071> (Дата доступа: 10.08.2022).
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. С. 206.
3. Брексит [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wikipedia.org> (Дата доступа: 18.03.2019).
4. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 73
5. Ильясова С.В. Языковая игра в газетном тексте [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D395%26level1%3Dman%26level2%3Darticles> (Дата доступа: 24.08.2022).
6. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 181.
7. Лейчик В.М. Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 216 с.
8. Лыков А.Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово [Электронный ресурс]. URL: http://www.studopedia.net/6_12882_slovoobrazovatelnaia-proizvodnost.html. (Дата доступа: 31.07.2022).
9. Модальность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bigenc.ru/linguistics/text/2221549> (Дата доступа: 31.01.2022).
10. Николина Н.А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество: [сборник научных трудов] : К 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ, 1996. С. 309–318.
11. Николина Н.А. Контаминация как способ компрессивного словообразования // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 41–45.
12. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики. М.: 1988. С. 27.
13. Пиррова победа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chtooznachaet.ru/znachenie-frazeologizma-pirrova-pobeda.html> (Дата доступа: 30.01.2022).
14. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-200.htm#zag-505> (Дата доступа: 7.09.2021).
15. Саников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Языки славянской культуры», 2002. С. 164.
16. Солганик Г.Я. Газетизмы. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rus-stylistics-dict.slovaronline.com/18-Газетизмы> (Дата доступа: 23.08.2022).

17. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис... канд. филол. наук. Ярославль, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cheloveknauka.com/okkazionalnaya-frazeologiya-1#:~:text=Объединению%20подвергаются%20две%20ФЕ%2С%20образованные,относящиеся%20к%20одной%20фразеосемантической%20группе> (Дата доступа: 18.07.2022).
18. Что такое «Уотергейтский скандал»? [Электронный ресурс]. URL: https://www.zen.yandex.ru/media/id/5d78c51343fdc000c3a7c0e8/chto-takoe-uotergeitskii-skandal-5d8b5f23118df00b2726121?utm_source=serp (Дата доступа: 21.06.2020).
19. Языковая игра. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rus-stylistics-dict.slovaronline.com/271-Языковая%20игра> (Дата доступа: 12.06.2019).
20. “Bolsogate”, el escándalo de corrupción que involucraría a Bolsonaro y su familia. URL: <https://www.eldesconcierto.cl/2018/12/29/bolsogate-el-escandalo-de-corrupcion-que-involucraría-a-bolsonaro-y-su-familia/> (Дата доступа: 24.08.2022).
21. Batalla C. Bill Clinton: a 20 años de su confesión en el “Monicagate”. URL: <https://www.elcomercio.pe/archivo-elcomercio/archivo/bill-clinton-20-anos-confesion-monicagate-noticia-547108> (Дата доступа: 28.01.2022).
22. Brum E. Brasil, (des)gobernado por Twitter. URL: https://www.elpais.com/elpais/2019/03/05/opinion/1551794221_555348.html (Дата доступа: 27.01.2022).
23. Brum E. Cien días bajo el dominio de los perversos. URL: https://www.elpais.com/internacional/2019/04/11/america/1554996308_017043.html (Дата доступа: 4.08.2022).
24. Clavero Álvaro. Entre coronavirus y “Corinna-virus”. URL: <https://www.lacomarca.net/opinion/entre-coronavirus-corinna-virus> (Дата доступа: 6.08.2020).
25. Clemente E. El golpista aliado de EE. UU. al que llaman «Bush-arraf». URL: https://www.lavozdegalicia.es/noticia/internacional/2008/08/19/golpista-aliado-ee-uu-llaman-bush-arraf/0003_7071276.htm (Дата доступа: 17.07.2019).
26. Compass Group. Agárrense de las manos. URL: <https://www.webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:k7EJlQ-n9aAEJ:https://www.economista.com.mx/opinion/Agarrense-de-las-manos-20120522-0009.html&cd=20&hl=ru&ct=-clnk&gl=ru&client=opera> (Дата доступа: 17.08.2022).
27. Ego. URL: <https://www.dle.rae.es/ego?m=form> (Дата доступа: 23.08.2022).
28. Fresneda C. Boris Johnson se tambalea cercado por el ‘Partygate’ con voces de dimisión de su propio partido. URL: <https://www.elmundo.es/internacional/2022/01/12/61df1a0721efa00d5e8b45ad.html> (Дата доступа: 29.01.2022).
29. Galaz M. Meghan Markle regresa a Canadá mientras el príncipe se enfrenta a la crisis. URL: https://www.elpais.com/elpais/2020/01/10/gente/1578645819_584012.html (Дата доступа: 16.06.2020).
30. García de la Torre M.A. Trumpistan. URL: <https://www.eltiempo.com/opinion/columnistas/maria-a-garcia-de-la-torre/columna-de-maria-garcia-de-la-torre-sobre-las-elecciones-en-ee-uu-547138> (Дата доступа: 5.11.2020).
31. –gate. URL: <https://www.es.wikipedia.org/wiki/-gate> (Дата доступа: 21.06.2020).
32. Guirado J. Sánchez equipara a PP, C’s y VOX con Bolsonaro: “Los voxsonaros son tres derechas que buscan la involución”. URL: <https://www.okdiario.com/espana/sanchez-equipara-pp-cs-vox-bolsonaro-voxsonaros-son-tres-derechas-que-buscan-involucion-356892> (Дата доступа: 4.08.2022).
33. Jiménez Losantos F. Macroneón y Microrrivera. URL: <https://www.libertaddigital.com/opinion/federico-jimenez-losantos/macroneon-y-microrrivera-88127/> (Дата доступа: 29.08.2022).
34. Jiménez Losantos F. Tanto ego, tanto desastre. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/2019/07/17/5d2e0fc1fdddf6bb18b45f0.html> (Дата доступа: 17.07.2019).
35. Leonard M. Expectativas de la alianza ‘Mercron’. URL: https://www.elpais.com/elpais/2017/07/24/opinion/1500888000_155700.html (Дата доступа: 24.07.2020).
36. Los dos ‘qui prodest’ del Sánchezgate. URL: https://www.elespanol.com/opinion/editoriales/20220503/qui-prodest-sanchezgate/669573038_14.html (Дата доступа: 17.07.2022).
37. Manuel Valls Galfetti. URL: https://www.es.wikipedia.org/wiki/Manuel_Valls_Galfetti (Дата доступа: 29.08.2021).
38. Martínez-Bascuñán M. Trumpkashenko. URL: https://www.elpais.com/opinion/2020-08-29/trumpkashenko.html?event_log=oklogin&o=cerrado&prod=REGCRART (Дата доступа: 30.08.2020).
39. Mora M. Anatomía de Berluscolandia. URL: https://www.webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:wFTW95r3cRc-J:https://elpais.com/diario/2009/06/07/domingo/1244346753_850215.html+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera (Дата доступа: 17.07.2019).
40. Moraga C. La extrema derecha y sus medios afines chocan por las vacunas: “los Bebelejías” contra “Pfizerico”. URL: https://www.eldiario.es/politica/extrema-derecha-medios-afines-chocan-vacunas-bebelejias-pfizerico_1_8342745.html (Дата доступа: 23.08.2022).
41. Muñoz R. Ábalos: el escudero que pierde su doble poder. URL: <https://www.webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:BOo3dCjOV6MJ:https://elpais.com/espana/2021-07-10/abalos-el-ministro-quemado-por-el-delcygate-y-la-victoria-de-ayuso.html+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera> (Дата доступа: 28.01.2022).
42. Quiñonero J.P. España, subvencionada por Europa, siempre. URL: <https://www.unatemporadaenelinfierno.net/2013/02/09/merkoron-dicta-su-ley-a-europa-hollande-aliado-con-rajoy-espana-subvencionada> (Дата доступа: 12.06.2019).
43. Quiñonero J.P. Merkoron dicta su Ley a Europa; Hollande, aliado con Rajoy; España, subvencionada. – URL: <https://www.unatemporadaenelinfierno.net/2013/02/09/merkoron-dicta-su-ley-a-europa-hollande-aliado-con-rajoy-espana-subvencionada/> (Дата доступа: 12.06.2019).
44. Ramírez P.J. Mejor ‘Billary’ en mano que ‘Obambi’ volando. URL: <https://www.reggio.wordpress.com/2008/02/10/mejor-billary-en-mano-que-obambi-volando-de-pedro-j-ramirez-en-el-mundo/> (Дата доступа: 30.06.2019).
45. Redondo J. El ocaso conservador. URL: <https://www.elmundo.es/opinion/2019/09/08/5d73e459fdddf238c8b4589.html> (Дата доступа: 15.07.2022).

46. Risco I. Un 'Clintongate' a la germana: ¿decidirá un escándalo judicial al próximo canciller alemán? URL: https://www.elconfidencial.com/mundo/2021-09-20/clinton-gate-alemana-decidira-escandalo-judicial-proximo-canciller_3291459 (Дата доступа: 17.08.2022).
47. Rizzi A. ¿Puede la era Trump Putin convertir a la UE en una potencia militar? URL: https://www.elpais.com/internacional/2019/02/22/actualidad/1550844250_142644.html. Дата обращения. 1.06.2019 (Дата доступа: 23.08.2022).
48. Rodríguez Teruel J. La nueva normalidad de Pedro Sánchez y Pablo Casado. URL: <https://www.almendron.com/tribuna/la-nueva-normalidad-de-pedro-sanchez-y-pablo-casado> (Дата доступа: 9.09.2021).
49. Sanz S. Sánchez Plag, el test final de los internautas: el 52% de la tesis del presidente está plagado o tiene errores. URL: <https://www.okdiario.com/espana/sanchezplag-prueba-final-52-tesis-del-presidente-esta-plagiado-o-tiene-errores-3643490> (Дата доступа: 31.01.2022).
50. -stán. URL: <https://www.es.wikipedia.org/wiki/-stán> (Дата доступа: 25.01.2022).
51. Ways T. Una victoria trumpírrica. URL: <https://www.eltiempo.com/opinion/columnistas/thierry-ways/una-victoria-trumpirrica-columna-de-thierry-ways-544563> (Дата доступа: 22.10.2020).
52. Yomagate. URL: <https://www.es.wikipedia.org/wiki/Yomagate> (Дата доступа: 27.07.2020).

References

1. *Affiks* [Affix], <https://www.bigenc.ru/linguistics/text/1842071> (Accessed 10 August 2022).
2. Akhmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of the linguistic terms]. M.: KomKniga, 2007. P. 206.
3. Breksit [Brexit], <http://www.wikipedia.org> (Accessed 18 March 2019).
4. Gudkov, D.B. *Precedentnoe imia y problemy precedentnosti* [Precedent name and precedent problems], M.: LENAND, 2020. P. 73.
5. P'iasova, S.V. *Iazykovaya igra v gazetnom tekste* [Language game in newspaper text], <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D395%26level1%3Dman%26level2%3Darticles> (Accessed 24 August 2022).
6. Kubriakova, E.S. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. M.: 1996. P. 181.
7. Leichik, V.M. *Liudi i slova: Kak rozhdaitsia i zhivut slova v russkom iazyke* [People and words: How words are born and live in the Russian language]. M.: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2008. 216 p.
8. Likov, A.G. *Sovremennaia russkaia leksikologiya. Russkoe okkazonalnoe slovo* [Modern Russian lexicology. Russian occasional word], http://www.studopedia.net/6_12882_slovoobrazovatel'naya-proizvodnost.html. (Accessed 31 July 2022).
9. Modalnost' [Modality], <https://www.bigenc.ru/linguistics/text/2221549> (Accessed 31 January 2022).
10. Nikolina, N.A. "Skorneniye" v sovremennoi rechi // *Iazyk kak tvorchestvo [sbornik nauchnykh trudov : K 70-letiiu V.P. Grigor'ieva]* ["Skorneniye" in modern speech // Language as creativity: [collection of scientific papers] : To the 70th anniversary of V. P. Grigor'iev.], M.: IRLa, 1996. pp. 309–318.
11. Nikolina, N.A. *Kontaminatsiia kak sposob kompressivnogo slovoobrazovaniia* [Contamination as a way of compressive word formation] // *Russkii iazyk v shkole*. 2011, № 4. pp. 41–45.
12. Panov, M.V. *Iz nabliudenii nad stilem segodniashnei periodiki* [From observations on the style of today's periodicals]. M.: 1988, p. 27.
13. *Pirrova pobeda* [Pyrrhic victory], <http://www.chtooznachaet.ru/znachenie-frazeologizma-pirrova-pobeda.html> (Accessed 30 January 2022).
14. Rozental, D.E., Telenkova, M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms], <http://www.rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/fc/slovar-200.htm#zag-505> (Accessed 7 September 2021).
15. Sannikov, V.Z. *Russkii yazyk v zerkale iazykovoi igry* [Russian language in the mirror of the language game]. 2-e izd. *ispr. i dop.* [Second revised and enlarged edition]. M.: "Yazyki slavianskoi kultury", 2002. P. 164.
16. Solganik, G.Ia. *Gazetizmy // Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Gazetisms // Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language], <https://www.rus-stylistics-dict.slovaronline.com/18-Газетизмы> (Accessed 23 August 2022).
17. Tre'iakova, I. Iu. *Okkazonalnaia frazeologiya (strukturno-semanticheskii y kommunikativno-pragmaticheskii aspekt)* [Occasional phraseology (structural-semantic and communicative-pragmatic aspects)]: avtoreferat diss. ... kand. filol. n. Iaroslavl, 2011, <https://www.cheloveknauka.com/okkazonalnaya-frazeologiya-1#:~:text=Объединению%20подвергаются%20две%20ФЕ%2C%20образованные,относящиеся%20к%20одной%20фразеосемантической%20группе> (Accessed 18 July 2022).
18. *Chto takoe "Uotergeitskii skandal"?* [What is the "Watergate scandal"?], https://www.zen.yandex.ru/media/id/5d78c51343fdc000c3a7c0e8/chto-takoe-uotergeitskii-skandal-5d8b5f23118d7f00b2726121?utm_source=serp (Accessed 21 June 2020).
19. *Iazykovaia igra. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Language game. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language], <https://www.rus-stylistics-dict.slovaronline.com/271-Языковая%20игра> (Accessed 12 June 2019).
20. "Bolsogate", el escándalo de corrupción que involucraría a Bolsonaro y su familia, <https://www.eldesconcierto.cl/2018/12/29/bolsogate-el-escandalo-de-corrupcion-que-involucraría-a-bolsonaro-y-su-familia/> (Accessed 24 August 2022).
21. Batalla, C. Bill Clinton: a 20 años de su confesión en el "Monicagate", <https://www.elcomercio.pe/archivo-elcomercio/archivo/bill-clinton-20-anos-confesion-monicagate-noticia-547108> (Accessed 28 January 2022).
22. Brum, E. Brasil, (des)gobernado por Twitter, https://www.elpais.com/elpais/2019/03/05/opinion/1551794221_555348.html (Accessed 27 January 2022).
23. Brum, E. Cien días bajo el dominio de los perversos, https://www.elpais.com/internacional/2019/04/11/america/1554996308_017043.html (Accessed 4 August 2022).
24. Clavero, Álvaro. Entre coronavirus y "Corinna-virus", <https://www.lacomarca.net/opinion/entre-coronavirus-corinna-virus> (Accessed 6 August 2020).

25. Clemente, E. El golpista aliado de EE. UU. al que llaman «Bush-arraf», https://www.lavozdegalicia.es/noticia/internacional/2008/08/19/golpista-aliado-ee-uu-llaman-bush-arraf/0003_7071276.htm (Accessed 17 July 2019).
26. Compass Group. Agárrense de las manos, <https://www.webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:k7EJlQ-n9aAEJ:https://www.economista.com.mx/opinion/Agarrense-de-las-manos-20120522-0009.html&cd=20&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera> (Accessed 17 August 2022).
27. Ego, <https://www.dle.rae.es/ego?m=form> (Accessed 23 August 2022).
28. Fresneda C. Boris Johnson se tambalea cercado por el 'Partygate' con voces de dimisión de su propio partido, <https://www.elmundo.es/internacional/2022/01/12/61df1a0721efa00d5e8b45ad.html> (Accessed 29 January 2022).
29. Galaz M. Meghan Markle regresa a Canadá mientras el príncipe se enfrenta a la crisis, https://www.elpais.com/elpais/2020/01/10/gente/1578645819_584012.html (Accessed 16 June 2020).
30. García de la Torre, M.A. Trumpistan, <https://www.eltiempo.com/opinion/columnistas/maria-a-garcia-de-la-torre/columna-de-maria-garcia-de-la-torre-sobre-las-elecciones-en-ee-uu-547138> (Accessed 5.11.2020).
31. -gate, <https://www.es.wikipedia.org/wiki/-gate> (Accessed 21 June 2020).
32. Guirado J. Sánchez equipara a PP, C's y VOX con Bolsonaro: "Los voxsonaros son tres derechas que buscan la involución", <https://www.okdiario.com/espana/sanchez-equipara-pp-cs-vox-bolsonaro-voxsonaros-son-tres-derechas-que-buscan-involucion-356892> (Accessed 4 August 2022).
33. Jiménez Losantos F. Macroneón y Microrrivera, <https://www.libertaddigital.com/opinion/federico-jimenez-losantos/macroneon-y-microrrivera-88127/> (Accessed 23 August 2022).
34. Jiménez Losantos F. Tanto ego, tanto desastre, <https://www.elmundo.es/opinion/2019/07/17/5d2e0fc1fdddf6bb18b45f0.html> (Accessed 17 July 2019).
35. Leonard M. Expectativas de la alianza 'Mercron', https://www.elpais.com/elpais/2017/07/24/opinion/1500888000_155700.html (Accessed 24 July 2020).
36. Los dos 'qui prodest' del Sánchezgate, https://www.elespanol.com/opinion/editoriales/20220503/qui-prodest-sanchezgate/669573038_14.html (Accessed 17 July 2022).
37. Manuel Valls Galfetti, https://www.es.wikipedia.org/wiki/Manuel_Valls_Galfetti (Accessed 29 August 2021).
38. Martínez-Bascuñán M. Trumpkashenko, https://www.elpais.com/opinion/2020-08-29/trumpkashenko.html?event_log=oklogin&o=cerrado&prod=REGCRART (Accessed 30 August 2020).
39. Mora M. Anatomía de Berluscolandia, https://www.webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:wFTW95r3cRc-J:https://elpais.com/diario/2009/06/07/domingo/1244346753_850215.html+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera (Accessed 17 July 2019).
40. Moraga C. La extrema derecha y sus medios afines chocan por las vacunas: "los Bebelejas" contra "Pfizerico", https://www.eldiario.es/politica/extrema-derecha-medios-afines-chocan-vacunas-bebelejas-pfizerico_1_8342745.html (Accessed 23 August 2022).
41. Muñoz R. Ábalos: el escudero que pierde su doble poder, <https://www.webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:BOo3dCjOV6MJ:https://elpais.com/espana/2021-07-10/abalos-el-ministro-quemado-por-el-delcygate-y-la-victoria-de-ayuso.html+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera> (Accessed 28 January 2022).
42. Quiñonero J.P. España, subvencionada por Europa, siempre, <https://www.unatemporadaenelinfierno.net/2013/02/09/merkoron-dicta-su-ley-a-europa-hollande-aliado-con-rajoy-espana-subvencionada> (Дата доступа: 12.06.2019).
43. Quiñonero J.P. Merkoron dicta su Ley a Europa; Hollande, aliado con Rajoy; España, subvencionada, <https://www.unatemporadaenelinfierno.net/2013/02/09/merkoron-dicta-su-ley-a-europa-hollande-aliado-con-rajoy-espana-subvencionada/> (Accessed 12 June 2019).
44. Ramírez P.J. Mejor 'Billary' en mano que 'Obambi' volando, <https://www.reggio.wordpress.com/2008/02/10/mejor-billary-en-mano-que-obambi-volando-de-pedro-j-ramirez-en-el-mundo/> (Accessed 30 June 2019).
45. Redondo J. El ocaso conservador, <https://www.elmundo.es/opinion/2019/09/08/5d73e459fdddf238c8b4589.html> (Accessed 15 July 2022).
46. Risco I. Un 'Clintongate' a la germana: ¿decidirá un escándalo judicial al próximo canciller alemán?, https://www.elconfidencial.com/mundo/2021-09-20/clinton-gate-alemana-decidira-escandalo-judicial-proximo-canciller_3291459 (Accessed 17 August 2022).
47. Rizzi A. ¿Puede la era Trumputin convertir a la UE en una potencia militar?, https://www.elpais.com/internacional/2019/02/22/actualidad/1550844250_142644.html. Дата обращения. 1.06.2019 (Accessed 23 August 2022).
48. Rodríguez Teruel J. *La nueva normalidad de Pedro Sánchez y Pablo Casado*, <https://www.almendron.com/tribuna/la-nueva-normalidad-de-pedro-sanchez-y-pablo-casado> (Accessed 9 September 2021).
49. Sanz S. Sánchez Plag, el test final de los internautas: el 52% de la tesis del presidente está plagado o tiene errores, <https://www.okdiario.com/espana/sanchezplag-prueba-final-52-tesis-del-presidente-esta-plagiado-o-tiene-errores-3643490> (Accessed 31 January 2022).
50. -stán, <https://www.es.wikipedia.org/wiki/-stán> (Accessed 25 January 2022).
51. Ways T. Una victoria *trumpírrica*, <https://www.eltiempo.com/opinion/columnistas/thierry-ways/una-victoria-trumpirrica-columna-de-thierry-ways-544563> (Accessed 22 October 2020).
52. Yomagate, <https://www.es.wikipedia.org/wiki/Yomagate> (Accessed 27 July 2020).

Сведения об авторе:

Мурзин Юрий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, семантика, лексикология, фразеология, исследование медиа-дискурса. E-mail: yu.p.murzin@inno.mgimo.ru

About the author:

Iurii Murzin, PhD, is Associate Professor of the Department of Spanish at MGIMO (Moscow, Russia). Research interests: cognitive linguistics, semantics, lexicology, phraseology, media discourse research. E-mail: yu.p.murzin@inno.mgimo.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

THE STRATEGY OF EVALUATIVE ARGUMENTATION AS A MEANS OF LINGUISTIC MODELING OF THE POLICE IMAGE IN OPPOSITIONAL RUSSIAN AND AMERICAN NEWSPAPERS

Valeriya E. Nesterova

The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
66 Korepin St., Ekaterinburg 620017 Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the strategy of evaluative argumentation in the Russian and American mass media discourse aimed at linguistic modeling of the Police image. The strategy of evaluative argumentation is one of the most effective communicative strategies for modeling the image of a social institution, where the addresser through appeal to the addressee's emotions creates a certain model verbalized in value components and capable of having a speech impact forming the addressee's opinion and attitude to a certain object or phenomenon. The category of assessment has the greatest speech-influencing potential due to the fact that it can replace logical argumentation in a media text, and evaluations can obtain the character of arguments themselves. The main functions of law enforcement agencies all over the world are to protect citizens' life, health, rights and freedoms, that is, the highest values. That is why the value model is of the greatest interest in the study of the Police as a social institution. The author analyzes media texts, represented in such oppositional newspapers as "Novaya Gazeta", "Kommersant", "The Washington Post" and "The New York Times" for the period from 1 to 30 January 2021. As a result of the analyses of arguments and argumentative acts from oppositional newspapers representing information about the Russian and American law enforcement agencies' activities, the author concludes that the positive image of the social institution of the Police in Russian-language and English-language media texts is actualized in such evaluative components as "morality", "ethic", "humanity", "protection", "safety", "professionalism" and "legitimacy", and the negative image is verbalized in the components "illegitimacy", "arbitrariness", "brutality", "unprofessionalism", "bias" and "threat".

Keywords: law enforcement agencies, image, mass media discourse, linguistic modeling, speech impact, evaluation, the category of evaluation, communicative strategy, argumentative act

For citation: Nesterova V.E. (2022). The strategy of evaluative argumentation as a means of linguistic modeling of the police image in oppositional Russian and American newspapers. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 52–63. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-52-63>

СТРАТЕГИЯ ОЦЕНОЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИЦИИ В ОППОЗИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ГАЗЕТАХ

В.Е. Нестерова

Уральский юридический институт МВД России,
620017, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Аннотация. Статья посвящена реализации стратегии оценочной аргументации в российском и американском массмедиаальном дискурсе, направленной на лингвистическое моделирование образа полиции. Стратегия оценочной аргументации является одной из наиболее эффективных коммуникативных стратегий моделирования образа социального института, в рамках которой адресантом посредством апелляции к эмоциям адресата создаётся определённая модель, вербализованная в ценностных компонентах и способная оказывать речевое воздействие, формируя мнение и отношение адресата к тому или иному объекту или явлению. Категория оценочности обладает наибольшим речевоздействующим потенциалом в связи с тем, что способна заменить в медиатексте логическую аргументацию, а оценки сами могут приобретать характер аргументов. Основными функциями правоохранительных органов во всём мире является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, то есть наивысших ценностей. В связи с этим наибольший интерес в изучении полиции как социального института представляет именно ценностная модель. Автором анализируются медиатексты, представленные в таких оппозиционных газетах, как «Новая газета», «Коммерсант», «The Washington Post» и «The New York Times» за период с 1 по 30 января 2021 года. В результате анализа аргументов и аргументативных актов, представленных в оппозиционных газетах и репрезентирующих информацию о деятельности российских и американских правоохранительных органов, автор приходит к выводу, что положительный образ социального института полиции в русскоязычных и англоязычных медиатекстах актуализируется в таких оценочных компонентах, как «мораль», «нравственность», «гуманность», «защита», «безопасность», «профессионализм» и «законность», а отрицательный образ вербализуется в компонентах «незаконность», «произвол», «жестокость», «непрофессионализм», «предвзятость» и «угроза».

Ключевые слова: правоохранительные органы, образ, массмедиаальный дискурс, лингвистическое моделирование, речевое воздействие, оценка, категория оценочности, коммуникативная стратегия, аргументативный акт

Для цитирования: Нестерова В.Е. (2022). Стратегия оценочной аргументации как средство лингвистического моделирования образа полиции в оппозиционных российских и американских газетах. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 52–63. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-52-63>

1. INTRODUCTION

The communicative-pragmatic direction of modern linguistics considers the language not only as a means of communication but also as an instrument of speech influence capable of managing communicative processes and forming constructive value motivations, orientations and meanings. In this regard many studies (R.M. Blakar [2], T.A. van Dijk, V. Kinch [3], M.R. Zheltukhina [5], O.S. Issers [8], [9], M.V. Katynskaia [12], O.N. Parshina [14], G.G. Pocheptsov [16], N.B. Ruzhentseva [17], I.A. Sternin [18], V.E. Chernyavskaya [21], E.I. Sheigal [23] and others) are devoted to the study of speech behavior techniques, the most effective in terms of the speaker's strategies, as well as the choice of an adequate way of verbal impact on the addressee in a specific communicative situation. O.S. Issers notes that "new forms of communication have led to the emergence of new discursive practices which, being social practices, participate in the creation of the social world"¹ [8, p. 37]. Therefore, nowadays the mass media have the greatest pragmatic potential which have turned into an instrument of social power – the fourth power, capable of influencing the organization of political and social institutions activities and the formation of their image in the minds of the population as well.

According to T.G. Dobrosklonskaya, the media (print, radio, television, Internet) create a single media space in which mass media discourse, in addition to the message and distribution channel, also includes various extralinguistic factors, covering the features of creating a media message, its recipient, feedback, culture-based methods of encoding and decoding, socio-historical and political-ideological context [4]. In this regard it can be stated that there is a certain dependence of political and social processes on the linguistic characteristics of media messages.

In the media special attention is paid to highlighting the activities of social institutions, especially law enforcement agencies, which are part of the executive branch of government and, in fact, a projection of the state power. A lot of domestic and foreign studies are devoted to the study of the Police image (T.V. Agapova [1], A.I. Zolotayko [6], N.P. Kadantseva [10], D.G. Perednya [15], A.V. Tishchenko [19], I.I. Shakalov [22], R.J. Richard [24], J. Schultz [25], W.L. Wayne [26], etc.). In this regard the study of the modeling processes of the police forces' image by linguistic means in media discourse is a promising and relevant area of research.

The category of evaluation expressed in positive or negative evaluative statements and appealing to the intelligence and emotions of the addressee, has the greatest speech-influencing potential in media discourse. Therefore, in our opinion, the most effective strategy for linguistic modeling of the image of law enforcement agencies in mass media discourse is the strategy of evaluative argumentation.

The aim of the study is to analyze the argumentative acts in order to identify the evaluative components within the strategy of evaluative argumentation actualized during the process of linguistic modeling of law enforcement agencies image in the oppositional mass media discourse.

To achieve this aim the study implements the following **tasks**:

- to carry out a selection of media texts on Police activities in Russian and American opposition newspapers;
- to analyze the argumentative acts in order to identify such evaluative components as 'morality', 'ethic', 'humanity', 'protection', 'safety', 'professionalism', 'legitimacy', 'illegitimacy', 'arbitrariness', 'brutality', 'unprofessionalism', 'bias' and 'threat';
- to compare the components and speech techniques highlighted in the process of implementing the strategy of evaluative argumentation in Russian and English-language publications.

2. RESEARCH METHODOLOGY

The contextual analysis of linguistic material based on the interpretive approach within the strategy of evaluative argumentation is chosen as the main method for analyzing argumentation and argumentative acts in media texts representing the image of law enforcement agencies in Russian and American opposi-

¹ Translated by V. Nesterova

tion newspapers. Within this strategy the author singled out value components aimed at linguistic modeling of the image of Police as a social institution. These components, in our opinion, allow considering law enforcement structures either as defenders of certain social values or as exterminators and desecrators of the values. The study was based on the media texts taken from such Russian and American opposition newspapers as *Novaya Gazeta*, *Kommersant*, *The Washington Post* and *The New York Times*. Media texts covering Police activities in Russia and the United States were selected by the method of continuous sampling for the period of January 2021. This period was chosen due to the ongoing political events in the United States of America, the armed confrontation between the supporters of the two political parties in the Capitol, caused by the results of the presidential elections in the USA, in particular. All in all, the continuous sampling method found 187 Russian and 194 American media texts actualizing such evaluative components as 'morality', 'ethic', 'humanity', 'protection', 'safety', 'professionalism', 'legitimacy', 'illegitimacy', 'arbitrariness', 'brutality', 'unprofessionalism', 'bias' and 'threat'.

3. RESULTS AND DISCUSSION

Most researchers agree that the main category within the framework of the implementation of communication strategies and tactics is the category of evaluation where the concept of 'value' acts as a set of meanings and cultural dominants most significant for a certain culture, reflected in the valuable picture of the world and determining the perception of the people, and their mentality [11, p. 166-167].

The main way of reflecting the value system is the category of linguistic evaluation understood by linguists as a "socially fixed attitude of native speakers («good» – «bad», «legal» – «illegal», «friend» – «enemy», etc.) to an extra-linguistic object, to facts of language and speech" [20, p. 7]. All evaluations or assessments include not only approval or condemnation but also elements of rational knowledge. While assessing a particular object a linguistic personality always relies on ideal ideas about this object that can be recognized as positively valuable, negatively valuable or neutral [7].

Social institutions, including law enforcement agencies, acting as defenders or, conversely, exterminators of certain values, may be either perceived as valued or devalued by citizens and treated as aggressors and destroyers of generally accepted values and norms. Thus, in opposition newspapers news reports on the activities of law enforcement agencies are subdivided into models that 1) create a positive Police image and 2) sharply criticize the activities of Police forces through the verbalization of evaluative components that represent social and personal values.

Among the media texts that model a positive image of the Police within a strategy of evaluative argumentation one can single out argumentative acts that explicate such components as 'morality' and 'ethic', 'protection' and 'safety', 'professionalism' and 'legality'.

An example of actualization of '**morality**' and '**ethic**' components of police officers is a passage from the following media text: «Более 270 тысяч россиян привлекли к ответственности за пьяное вождение в 2020 году» [*Kommersant* from 02/01/2021]. The addresser's intentions to model the image of police officers as defenders of law and order and ethical values are achieved by using *the superlative degree of comparison* in the argument «пьянство за рулём остаётся наиболее социально опасным явлением». The perlocutionary effect is enhanced by the statistical data cited which contributes to the establishment of trust relationship with the audience through not withholding the information but by open publication of these numbers («С января по ноябрь 2020 года более 270 тысяч водителей в России привлекли к административной ответственности за вождение в состоянии опьянения. Это на 2,8% меньше, чем за аналогичный период 2019 года ... за невыполнение требований полиции о прохождении медосвидетельствования на состояние опьянения были привлечены к ответственности ещё 151,1 тысяч человек. Это на 4,6% меньше, чем за тот же период годом ранее»). This statistics is also aimed at realization of the principle of law enforcement system transparency.

In the context taken from the news report entitled "Rioters breached the Capitol as they waved pro-police flags. Police support on the right may be eroding, experts warn" [WP, from 08/01/2021] the evaluative components '**morality**', '**ethic**' and '**humanity**' are also explicated when police officers are represented as assistants who sympathize with citizens: "... several officers at the Capitol on Wednesday seemed sym-

*pathetic to the rioters. Police helps some supporters of the president wash out their eyes after being hit with chemical irritants. At the Capitol gates, some smiled and posed for photos". The perlocutionary effect is enhanced in **antithesis** "But unlike at racial justice demonstrations, where police would fire chemical munitions into areas where protesters were being treated by medics or advance on ailing protesters ..."* aimed at demonstrating a contrast between different methods used by police officers and their attitude to citizens.

The text entitled «СМИ: в Москве задержали больше 30 человек после конфликта со стрельбой» [Kommersant, from 03/01/2021] simultaneously verbalizes such components as '**security**' and '**protection**'. This context is an evaluatively unmarked argumentation, however, a positive evaluation of the police officers' actions is given through the representation of Police as defenders of life, health and peace of the population, guaranteeing safety (*Сотрудники полиции, прибывшие на место, задержали и доставили в полицию около 35 человек*) and protection of citizens from unlawful encroachments (... *жители пожаловались полиции на драку*) professionally performing their official duties (*Полиция восстановила события по камерам видеонаблюдения*).

In a fragment of a newspaper message "Police Officer Who Responded to Capitol Riot Dies Off Duty" [NYT, from 10/01/2021] the components of '**protection**' and '**safety**' are also modeled through the representation of Police as defenders of democracy and the historical heritage of the country, the life and health of the population even at the cost of their own lives: "Four days after a violent mob stormed the Capitol, overrunning its police force, an officer who was assigned to protect the Senate during the siege died off duty, the Capitol Police announced on Sunday". **The epithet** in "a violent mob" enhances the addresser's intentions to exaggerate the situation; and **references to the opinion of the authority figures and Government** constitute an argument in favor of a positive attitude towards each police officer ("Every Capitol Police officer ...") as to a person who selflessly fulfills his duty ("a patriot who dedicated his life to defending the Capitol and protecting all who serve ...") protecting the country and its citizens. The perlocutionary effect in the argumentative acts of Gus Papathanasiou and Nancy Pelosi is achieved by using **epithets** in the phrases: "selfless service", "tragic day", "tragic death", "great tragedy", "terrible tragedy", "meaningful support", "real person", **metaphor** "temple of our democracy", **euphemism** "his passing". **Emotionally coloured verbs** in the statements "We are reeling from the death of Officer Liebengood", "... whom I mourn" and the phrase "... Officer Liebengood smiling with a handful of cookies" have an emphatic effect appealing to the recipient's feelings of pity and compassion.

In the passage "Capitol Police Officer Dies From Injuries in Pro-Trump Rampag" [NYT, from 08/01/2021], one can also observe the explication of the '**protection**' and '**security**' components. The intentions of the addresser to form the positive attitude towards law enforcement agencies as defenders of life, health, rights and freedoms of citizens, who ensure security at the cost of their own lives, are realized in the argumentative acts of the Congress representatives Tim Ryan and Rosa DeLauro who expressed condolences on the death of a police officer. The perlocutionary effect is achieved explicitly in the phrase "the bravery of the law enforcement who protect us every day" and implicitly by using **epithets** in "tragic loss", "senseless death her", **the metaphor** "heart breaks", **the modal verb** "must". The statement of law enforcement agencies traces an appeal to the feeling of compassion actualized by the use of **the comparative degree of the adjectives** "deepest sympathies", **euphemism** – "their loss" and the **emotionally coloured verb** "to mourn".

The modeling of a positive image of the US Police and the verbalization of the component '**professionalism**' can be traced in the media text "Opinion: Prince William police shot and killed a 79-year-old man. Was it a preventable tragedy?" [WP, from 01/01/2021]. So, the reference to the authority figure, Amy Ashworth (Commonwealth Attorney), does not simply justify police actions but indicate their professionalism and the use of **the epithet** "tragic encounter" stands for a desperate situation for police officers performing their duties ("... the use of deadly force "justified and reasonable under the circumstances of this tragic encounter"). The statistics below appeal to citizens' feelings of compassion for police officers who are forced to resort to drastic measures ("Of the nearly 1,000 fatal police shootings in the United States every year, experts estimate that about 100 of them are suicide by cop"). The statement that the US police in their professional training take into account the psychological characteristics of individuals and use psychological techniques to eliminate such incidents also testifies to the professionalism of law enforcement

agencies. Thus, despite the negative context the addresser gives a positive assessment of the professional actions of the police officers.

An example of modeling a positive image of police officers and actualization of the ‘legitimacy’ component can be the newspaper report entitled «МВД возбудило уголовное дело после новогодних пожаров в лесах Сочи» [*Kommersant*, from 07/01/2021]. In this neutral context law enforcement agencies act as legal representatives of the natural values protection. The perlocutionary effect is achieved by using **legal terminology**: «возбудить уголовное дело по факту», «заводить административное дело в отношении», «умышленное уничтожение или повреждение имущества» as well as by **citing** concrete articles from **the Criminal Code** (ч. 2 ст. 167 УК РФ), **figures** (13 административных дел, личности шестерых подростков, 10 природных пожаров) and **referring to a reliable source of information** (Глава Сочи Алексей Копайгородский: “Те, кто совершает подобные действия, – преступники, и отвечать за содеянное им придётся по всей строгости закона”).

In the following argument the addresser shows the legality of the actions of the US law enforcement officials and verbalizes the ‘legitimacy’ component: “No doubt acting chief Phelps was correct when he said the incident underscores the dangers officers face, but one has to wonder whether sending armed police to deal with a suicidal 79-year-old is the best approach” [WP, from 01/01/2021]. **The antithesis** in the argument makes the addressee doubt the effectiveness of not every single officer who performs his duties under the law but the whole structure. This fact contributes to establishment of trust relationship with the audience and simultaneously exposes representatives of law enforcement agencies as victims and hostages of circumstances.

However, among the opposition publications representing information about law enforcement agencies one can find media texts filled with critical remarks about police officers and their actions. In general, such articles are written in the ironic tone with sarcastic remarks about police officers, thereby modeling the negative image of the entire structure by verbalizing such components as ‘non-professionalism’, ‘brutality’, ‘illegality’, ‘arbitrariness’ and ‘threat’.

Thus, in a fragment of the newspaper article «Стражи гор» [NG, from 03/01/2021] such components as ‘illegitimacy’ and ‘arbitrariness’ are verbalized. The speech impact on the addressee is realized by the method of **imposing presuppositions** where the author’s intentions to create the negative image of law enforcement agencies and his negative evaluation of the events are expressed in the following argumentative act: «... 14 дней митингов, блокирования промышленной техники, столкновений с «титушками» и ОМОНОм. Претерпевающая атаки слезоточивым газом и дымовыми шашками. Отправляясь за решетку». Enhancing of the perlocutionary effect is achieved by **the elliptical constructions**, as well as a **common noun** ‘titushko’ derived from the surname of the athlete Vadim Titushko (proper name) and denoting a collective term for young people of athletic build and in tracksuits acting as provocateurs [13]. The words «титушки» and «ОМОН» standing together draw attention to the illegal actions and excessive cruelty of Police forces who attract instigators and mercenaries to help organize violent provocations, riots and other actions with the use of physical force. In the argument below, the addresser’s intentions are aimed at exaggerating the situation by opposing the actions of Police acting as an antagonist to the civilian population: «... Они защитили свою культуру (шихан воспет в народных легендах), свою национальную гордость, и главное – своё право распоряжаться родной землёй». In the argument «За 14 дней жители республики показали не только местным, но и московским властям, что уничтожать своё наследие и превращать башкирские горы в деньги они не дадут», the method of **imposing presuppositions** models the negative image of Police assisting officials for whom economic values are in priority over ethical values, cultural and historical heritage. In addition, the author of the article cites monologues of the participants in order to establish trusting relations with the audience. Thus, a reference to the words of an activist, Ruzina Mukhamedzhanova, and a journalist Ramil Rakhmanov helps to establish the involvement of readers in the events through the use of the **Personal pronoun** «мы» and **the pronoun in the Objective case** «нас», **the metonymy** «техника пошла на людей», **the emphatic construction** «Да, было страшно», **the rhetorical question** «Куда нам бежать, если в опасности оказалась Родина?», **the anthesethis with the opposing conjunction «а»** («На самой

горе было страшно только в один день, 15 августа, когда нас, защитников шихана, было несколько десятков, а штурмующих, в том числе силовиков, несколько сотен»).

The **'illegitimacy'** and **'arbitrariness'** components are also modeled in the article "Police Failures Spur Resignations and Complaints of Double Standards" [NYT, from 20/01/2021]. The whole argumentative act is built on the opposition of supporters and the opponents of ex-President D. Trump, that is the implementation of *the category of 'friend or foe'* where Police forces are classified as 'alien' and the officers are represented as people committing arbitrariness, pushing peaceful citizens (*peaceful protesters*) into vans without identification marks (*unmarked vans*) and showing excessive cruelty (*used pepper spray*). Such a description is inherently ironic since these actions are aimed at ensuring the protection of D. Trump who is not in danger in fact (*so that Mr. Trump could pose for photos in front of a church*). The perlocutionary effect is enhanced by **quoting** the sarcastic words of D. Trump: "When the looting starts, the shooting starts", expressing gratitude to the instigators of the rebellion in his support: "You have to go home now." He added, "We love you. You're very special". To Trump's supporters Police were not so aggressive as to their peaceful opposition according to Shenita Binns ("They (Police) stood there like statues and did not say anything back except stuff like 'Don't come up here' or 'Don't go that way'").

In the media text entitled «Мухаммад, Аиша и чеченская полиция» [NG, from 05/01/2021] the actions of law enforcement officers are sharply criticized and ridiculed by the author of the article by verbalizing the components **'illegitimacy'**, **'arbitrariness'** and **'brutality'**. In the very title, one can observe such a stylistic device as the lexical semantic **zeugma**, which despite the absence of a unifying component, consists in violating the semantic homogeneity of words in the logical chain: *Muhammad* (Мухаммад) is the main prophet in Islam, *Aisha* (Аиша) is the first wife of Muhammad, but *Chechen police* (чеченская полиция) breaks out of the structure. Such violation of the semantic sequence in this phrase is used by the addresser to focus addressees' attention on the illogicality of further events and create a comic effect. In addition, the title contains *the allusion* that has a reference to the Koran, which is an appeal to the feelings of believers, people confessing Islam, in particular. The ironic tone of all further narration offends their feelings, which, in turn, enhances the perlocutionary effect in modeling the negative image of Police as a social institution destroying religious and confessional values. Next in the context is the 'brutality' component, the «силовики» are represented as 'atheists' endowed with power and applying radical actions in relation to the «беременной» «сироте».

The **'brutality'** component of police officers is also modeled in the passage "Racial Double Standards of Capitol Police Draws Outcry" [NYT, от 07/01/2021]. Police officers in this context are represented as people who exceed their official powers without sufficient reason (*Johnetta Elzie said she was manhandled by officers; a peaceful violin vigil was disrupted when officers in riot gear charged the park and dispersed pepper spray, sending families with children fleeing*), showing extreme cruelty towards the civilian population (... *they (Police) pointed rifles at Black women who were pushing toddlers in strollers and cursed at them to turn around*) and violate human rights and freedoms (*Many times, officers used batons and chemical agents to disperse crowds*). In order to achieve the perlocutionary effect the addresser **quotes** the words of Judge Catherine D. Perry who points out the excessive brutality of Police towards people who already obey their demands ("... *one officer firing pepper spray at the people being arrested*", "*who all appear to be on the ground and complying with police commands*"). The 'brutality' component is actualized explicitly in the argumentative act of the lawyer Javad Hazaeli ("The police made the choice to use violence").

The verbalization of the **'non-professionalism'** component is represented in the following argument: «Но главное даже не это. Если бы чеченская полиция занималась делом, а не показухой, Ислам Исаханов был бы привлечён к уголовной ответственности как минимум по 134-й статье УК РФ задолго до того, как поселил в своём доме, в котором жила его первая, беременная жена, четырёх вооружённых людей» [NG, from 05/01/2021]. The addresser's intentions to model the negative image of law enforcement agencies are achieved through the use of **inversion** «Но главное даже не это» aimed at drawing readers' attention to the problem of unprofessionalism of the Police, *the conditional mood*, and are strengthened by the use of **antithesis** with **adversative conjunctions** «а», *the colloquial word* «показуха», and *the introductory construction* «как минимум», neutralizing the actions of Police forces.

The fragment taken from “Police Failures Spur Resignations and Complaints of Double Standards” [NYT, from 20/01/2021] can also be used as an example to trace the verbalization of the ‘*non-professionalism*’ component. The perlocutionary effect in the context is achieved by contradicting the words and actions of the Capitol Police, according to a deputy Maxine Waters (“*He (Chief Steven Sund) assured me that they have everything under control, that they were on top of everything. They weren’t*”). By arranging the argument in the form of *questions* (*Were the rooftops secured? Would streets be blocked off? Did he know that violent groups like the Proud Boys and the Oath Keepers were vowing to stir up chaos?*) the addresser appeals to the addressee’s emotions, generating distrust of the population to law enforcement agencies and their competence, as well as causing anxiety for their safety intensified by *the adverb* “*anxiously*”, *the epithets* in “*angry mob*”, “*violent groups*”, “*desperate calls for help*”, *the metaphor* “*to stir up chaos*”, and *the gradation* – “*...pro-Trump extremists swarmed the barricades around the Capitol on Wednesday, spraying chemical irritants and wielding lead pipes, injuring more than 50 officers*”. The pejorative image of Police is enhanced by *the irony* – “*they (Police) were on top of everything*” aimed at mocking the lack of professionalism of law enforcement bodies and their inability to fight back against the rebels.

A fragment taken from the media text “Capitol Police Officer Dies From Injuries in Pro-Trump Rampage” [NYT, from 08/01/2021] also actualizes the ‘*non-professionalism*’ component aimed at the Capitol Police who are unable to prevent people’s death, including their own officers. In order to realize the intentions to form the negative image of Police unable to fulfill their responsibilities, to maintain public order, ensure safety, protect life and health of citizens, the addresser appeals to the addressee’s fear who is threatened by a violent crowd. The perlocutionary effect is achieved through the use of tropes such as *the epithets*: “*violent mob*”, “*profound changes*”, and “*robust investigation*”, and *the euphemism* – “*the loss of life*”.

The text entitled “Police Failures Spur Resignations and Complaints of Double Standard” [NYT, from 20/01/2021] explicates the ‘*bias*’ component. Quoting the words of the US President J. Biden about the prejudiced attitude of law enforcement agencies towards the coloured population, the addresser’s appeals to the citizens’ sense of justice and the use of negatively evaluative *metaphors* “*stark contrast*”, “*violent phalanxes*”, “*the mob of thugs*” are aimed at creating a negative image of Police. The officers are presented as persons treating African-Americans with prejudice and conniving at the actions of the white population. The perlocutionary effect is enhanced by the use of *the adverb* “*very differently*” that clearly demonstrates the selective approach of police officers to different segments of the population, which, according to the president, is unacceptable (*We all know that’s true, and it is unacceptable*).

A passage taken from a newspaper article entitled “Racial Double Standard of Capitol Police Draws Outcry” [NYT, from 07.01.2021] also highlights the biased attitude of law enforcement agencies towards various categories of citizens where the ‘*bias*’ component is actualized through the use of *irony* in the following context: “*I think the police will view a leftist protester with a gas mask as more dangerous than a right-wing protester with a semiautomatic rifle,*” Mr. Ellison said”. Contrasting citizens with different ideologies (*a leftist protester with a gas mask / a right-wing protester with a semiautomatic rifle*) indicates a highly politicized American society, including police officers who must remain politically neutral while performing their professional duties, however, they prefer the Republican Party despite its aggressive and paramilitary methods of fighting for leadership. The following argument stresses the police officers’ prejudice against the coloured population while the white population enjoys their respect and condescension: “*Black Lives Matter activists across the country expressed outrage on Thursday at what they said was a tepid response from law enforcement officers to mostly white protesters, saying it stood in stark contrast to the aggressive tactics they have endured for years – officers in full riot gear who have used tear-gas, rubber bullets and batons. It also underscored the country’s uneven system of justice, many said, and lent credence to their insistence that Black people are devalued and viewed as inherently dangerous*”. This example confirms the political preferences of law enforcement agencies and their support for radical rights, who tend to conservatism and white supremacy. The addresser’s intentions to create the negative image of Police are realized through the use of *epithets*: “*tepid response*”, “*aggressive tactics*”, “*uneven system of justice*”, “*inherently dangerous*” and *gradation* in “*officers in full riot gear who have used tear-gas, rubber bullets and batons*” as well.

In a news message «*Rioters breached the Capitol as they waved pro-police flags. Police support on the right may be eroding, experts warn*» [WP, from 08/01/2021] the ‘**threat**’ component is verbalized. The author of the article uses a powerful convergence of speech techniques and tactics in order to implement the strategy of evaluative argumentation. So, in the context, the use of **the metaphor** “... a tide of anger and frustration rose”, **the euphemism** “raised a middle finger”, **the repetitive exclamation** “Traitors! Traitors! Traitors!” serves to enhance the negative impact on the addressee’s consciousness where police officers are perceived as traitors of the people, destroyers of ethical, cultural and historical values. The perlocutionary effect on modeling the ‘threat’ component is enhanced by **the reference** to the words of the participants of the riot: “*You should be on our side,*” a woman in a Trump 2020 sweatshirt called at them. “*We the people means police, too!*”. “*Is this honoring your oath? Pushing patriots around?*” another man yelled as an officer shoved him back with baton. ... “*The blue does not back you,*” reads a message posted in a pro-Proud Boys group with more than 37,000 followers on social media app Parler. “*They back the men who pay them*”. The use of the **modal verb** (*should be*), **personal** (*you, we*) and **possessive pronouns** (*your*) serves to create an opposition “people – police”, thereby, realizing the evaluative category ‘**friend or foe**’, where Police are “alien” and pose a threat to the population. The passage “*At racial justice protests over the summer, following a spate of police killing of Black men and women around the country, protesters called police ‘murderers’ and implored officers to join them or take a knee to express solidarity*” is aimed at **exaggerating** the situation by the method of **labeling** “murderers” on police officers.

4. CONCLUSION

In conclusion it should be noted that all media texts contain additional evaluative meanings aimed at providing a manipulative effect on the addressee’s consciousness through the implementation of various communicative strategies and tactics, linguistic means and techniques. One of the most effective strategies of modeling the image of the social institution of Police both in Russian and English-language publications is the strategy of evaluative argumentation based on concrete values. In order to insert the necessary image into addressees’ minds, an addresser creates a certain verbal model minimizing the efforts of a recipient spent on interpreting the incoming information.

Opposition newspapers are aimed at discrediting the current government and its representatives, therefore, Police, being the executive branch of government, often become the object of sharp criticism. However, our contextual analysis of argumentative acts within the strategy of evaluative argumentation has showed that not always do news messages on the activities of law enforcement agencies pursue a pragmatic function of modeling a sharply negative image of law enforcement officers.

For example, the newspaper *Kommersant* contains various articles where Police are represented as professionals ensuring protection and safety of the population; guided by laws and Codes in fulfilling their professional duties, they defend ethical and natural values. The author’s intentions to implement the positive image of law enforcement agencies are verbalized in such components as ‘morality’, ‘ethic’, ‘safety’, ‘protection’ and ‘legitimacy’. The main speech techniques are the use of legal terminology and the comparative degree of adjectives.

In *Novaya Gazeta* one can trace the opposite trend aimed at modeling the sharply negative image of Police where law enforcement officers are represented as people who disregard religious and confessional values putting economic values above ethical, cultural and historical values. Such components as ‘illegitimacy’ and ‘arbitrariness’, ‘brutality’ and ‘unprofessionalism’ of police officers are actualized in media texts. The perlocutionary effect of imposing such an image is achieved through the use of such speech techniques as antithesis, rhetorical questions, introductory constructions, conditional mood, exaggeration, elliptical constructions, the use of common nouns and colloquial words, as well as through the use of tropes such as metonymy, zeugma and allusion.

American opposition newspapers also model the negative image of law enforcement agencies that are a projection of state power in fact. However, the image of separately taken police officers is not subjected to such harsh criticism. So, in *The Washington Post*, on the one hand, by verbalizing the components of ‘threat’ emanating from Police, officers are presented as enemies of civilians, destroyers of ethical and

historical values and, on the other hand, as sympathizing with the citizens and providing them with all possible assistance. The positive image of Police forces in the USA and Russian opposition newspapers is modeled in such components as 'morality' and 'ethic', 'professionalism' and 'legitimacy'.

The New York Times focuses on the actualization of such components as 'illegitimacy' and 'arbitrariness', 'brutality', 'unprofessionalism' and 'bias' of law enforcement agencies. However, with regard to separately taken police officers, a positive image of police officers, acting as defenders of life, health and interests of citizens, is often created. Police officers are represented as professionals ready to risk their own lives for the benefit of public safety and the restoration of order. The main speech techniques used to model the negative image of Police in the US newspapers are the evaluative category 'friend or foe', the use of exclamation constructions, modal verbs, personal and possessive pronouns, rhetorical questions, labeling, gradation and such tropes as metaphors, euphemisms and epithets.

In this study the author does not set the task of conducting a contextual analysis within the implementation of specific tactical schemes.

A prospect for further research may be the analysis of news reports representing the image of the US and Russian Police force in opposition newspapers as within the discrediting strategy.

© Нестерова М.Е., 2022

Список литературы

1. Агапова Т.В. Информационная политика в системе мероприятий по формированию позитивного имиджа правоохранительных органов РФ: на материалах Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу: диссертация ... кандидата политических наук. Москва, 2011. 177 с.
2. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва, 1987. С. 88-125.
3. Ван Дейк Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. Ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Москва: Прогресс, 1996. Вып 13. С. 153-211.
4. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика, 2006. № 2. С. 20-33.
5. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. Москва: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
6. Золотайко А.И. Метафорическое моделирование образа правоохранительных органов в неинституциональном полицейском интернет-дискурсе США и Великобритании: диссертация ... кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2020. 246 с.
7. Ивин А.А. Ценность // Новый философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 819-821.
8. Иссерс О.С. Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени / О.С. Иссерс. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 275 с.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учеб. пособие. Москва: Флинта; Наука, 2009. 224 с.
10. Каданцева Н.П. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России: диссертация ... кандидата педагогических наук. Санкт-Петербург, 2013. 190 с.
11. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166-205.
12. Катинская М.В. Лингвистическое моделирование имиджа: Монография // Благовещенск: Издательство АмГУ, 2012. 168 с.
13. Кто такие «титушки», и почему их так называют на Украине? [Электронный ресурс]. – URL: <https://aif.ru/euromaidan/uadontknows/1036542> (Дата доступа: 08.02.2022).
14. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: диссертация ... кандидата филологических наук. Саратов, 2005. 325 с.
15. Передня Д.Г. Образ работников полиции в газетах и массовом сознании россиян // Социальные исследования. 2016. №2. С. 32-42.
16. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникаций: (От речей президента до переговоров с террористами). Москва: Центр, 1998. 349 с.
17. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. Монография / Н.Б. Руженцева. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. с. 294.
18. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие: монография. Воронеж, 2001. 252 с.
19. Тищенко А.В. Имидж российской полиции как условие формирования институционального доверия граждан // Человек. Общество. Право, 2019. №2. С. 194-198.

20. Хидекель С.С. Оценочный компонент лексического значения слова / С.С. Хидекель, Г.Г. Кошель // Ин. яз. в школе. 1981. №4. С. 7-10.
21. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учеб. пособие. Москва: Флинта; Наука, 2006. 137 с.
22. Шакалов И.И. Имидж российских органов внутренних дел в 2012 году: предварительные итоги реформы (по результатам комплексного изучения общественного мнения) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2012. №3(105). С. 64-70.
23. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
24. Richard R.J. What Influences Overall Citizen Satisfaction with the Police, 2015 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.llrmi.com/articles/legal_update/2015_johnson_citizensatisfaction/ (Дата доступа: 22.08.2021).
25. Schultz J. Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created // Dominican University of California, 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/215555071.pdf> (Дата доступа: 22.08.2021).
26. Wayne W.L. The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement // Sage Open Journal. - vol. 5, 3, 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935> (Дата доступа: 22.08.2021).

References

1. Agapova, T.V. *Informatsionnaia politika v sisteme meropriatii po formirovaniu pozitivnogo imidzha pravookhranitel'nykh organov RF: na materialakh Upravleniia na transporte MVD Rossii po Tsentral'nomu federal'nomu okrugu* [Information Policy in the System of Measures Forming the Positive Image of Law Enforcement Bodies of the Russian Federation: Based on the Materials of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Central Federal District]: dissertatsiia ... kandidata politicheskikh nauk. Moskva, 2011. 177 s.
2. Blakar, R.M. *Iazyk kak instrument sotsial'noi vlasti* [Language as an Instrument of Social Power] // *Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviia*. Moskva, 1987. S. 88-125.
3. Van Dijk T.A., Kinch V. *Strategii ponimaniia sviaznogo teksta* [Strategies of Connected Text Understanding] / T.A. Van Deik., V. Kinch // *Novoe v zarubezhnoi lingvistiki. Kognitivnye aspekty iazyka*, 1988. №7. S. 154.
4. Dobrosklonskaia, T.G. *Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezkul'turnoi kommunikatsii* [Media Discourse as an Object of Linguistics and Intercultural Communication] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser.10. Zhurnalistika, 2006. № 2. S. 20-33.
5. Zheltuhina, M.R. *Tropologicheskaiia suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeistviia tropov v iazyke SMI* [Tropological Suggestiveness of Mass Media Discourse: about the Problem of the Speech Impact of Tropes in the Language of the Media]: monografiia / M.R. Zheltuhina. Moskva: In-t iazykoznaniiia RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003. 656 s.
6. Zolotaiko, A.I. *Metaforicheskoe modelirovanie obraza pravookhranitel'nykh organov v neinstitutional'nom politseiskom internet-diskurse SSHA i Velikobritanii* [Metaphorical Modeling of the Image of Law Enforcement Agencies in the Non-Institutional Internet Police Discourse of the USA and Great Britain]: dissertatsiia ... kandidata filologicheskikh nauk. Ekaterinburg, 2020. 246 s.
7. Ivin, A.A. *Tsennost' [Value]* // *Novyi filosofskii slovar'* / sost. A.A. Gritsanov. Mn.: Izd-vo V.M. Skakun, 1998. S. 819-821.
8. Issers, O.S. *Liudi govoriat: diskursivnye praktiki nashego vremeni* [People Speak: Discursive Practices of Our Time] / O.S. Issers. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2012. 275 s.
9. Issers, O.S. *Rechevoe vozdeistvie* [Speech Impact]: Ucheb. posobie. Moskva: Flinta: Nauka, 2009. 224 s.
10. Kadantseva, N.P. *Formirovanie imidzha sotrudnika organov vnutrennikh del v protsesse professional'nogo obrazovaniia v vuzakh MVD Rossii* [Formation of the Image of the Internal Affairs Bodies Employee in the Process of Professional Education in the Universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia]: dissertatsiia ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2013. 190 s.
11. Karasik, V.I. *Kul'turnye dominanty v iazyke* [Cultural Dominants in the Language] // *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. Volgograd: Peremena, 2002. S. 166-205.
12. Katynskaia, M.V. *Lingvisticheskoe modelirovanie imidzha* [Linguistic Modeling of an Image]: monografiia // *Blagoveshchensk: Izdatel'stvo AmGU*, 2012. 168 s.
13. *Kto takie "titushki", i pochemu ikh tak nazyvaiut na Ukraine?* [Who Are "Titushki" and Why Are They Called Like That in the Ukraine?] [Electronic resource], aif.ru/euromaidan/uadontknows/1036542 (Accessed: 08.02.2022).
14. Parshina, O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniia sovremennoi politicheskoi elity Rossii* [Strategies and Tactics of Speech Behavior of the Russian Modern Political Elite]: dissertatsiia ... kandidata filologicheskikh nauk. Saratov, 2005. 325 s.
15. Perednia, D.G. *Obraz rabotnikov politsii v gazetakh i massovom soznanii rossiiian* [Police Officers Image in Newspapers and Russians' Mass Consciousness] // *Sotsial'nye issledovaniia*, 2016. №2. S. 32-42.
16. Pocheptsov, G.G. *Teoriia i praktika kommunikatsii: (Ot rechei prezidenta do peregovorov s terroristami)* [Theory and Practice of Communications: (From Presidential Speeches to Negotiations with Terrorists)]. Moskva: Tsentr, 1998. 349 s.
17. Ruzhentseva, N.B. *Diskreditiruiushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]: monografiia / N.B. Ruzhentseva. Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2004. s. 294.
18. Sternin, I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdeistvie* [Introduction to Speech Influence]: monografiia. Voronezh, 2001. 252 s.
19. Tishchenko, A.V. *Imidzh rossiiskoi politsii kak uslovie formirovaniia institutsional'nogo doveriia grazhdan* [The Russian Police Image as a Condition for the Formation of Citizens' Institutional trust] // *Chelovek. Obshchestvo. Pravo*, 2019. №2. S. 194-198.

20. Khidekel', S.S., Koshelev', G.G. Otsenochnyi komponent leksicheskogo znacheniia slova [Evaluative Component of the Lexical Meaning of a Word] // *Inostrannye iazyki v shkole*. 1981. № 4. S.7-10.
21. Cherniavskaia, V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviia* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Impact]: Ucheb. posobie. Moskva: Flinta: Nauka, 2006. 137 s.
22. Shakalov, I.I. Imidzh rossiiskikh organov vnutrennikh del v 2012 godu: predvaritel'nye itogi reformy (po rezul'tatam kompleksnogo izucheniia obshchestvennogo mneniia) [The image of Russian Internal Affairs Bodies in 2012: Preliminary Results of the Reform (Based on the Results of the Public Opinion Comprehensive Study)] // *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Filologiia i iskusstvovedenie*, 2012. №3(105). S. 64-70.
23. Sheigal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse] / E.I. Sheigal. Volgograd: Peremena, 2000. 368 s.
24. Richard, R.J. What Influences Overall Citizen Satisfaction with the Police, 2015, www.llrmi.com/articles/legal_update/2015_johnson_citizensatisfaction/ (Accessed 22.08.2021).
25. Schultz, J. Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created // Dominican University of California, 2019, core.ac.uk/download/pdf/215555071.pdf (Accessed 22.08.2021).
26. Wayne, W.L. The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement // Sage Open Journal. Vol. 5, 3, 2015, journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935 (Accessed 22.08.2021).

Сведения об авторе:

Нестерова Валерия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России. Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная, политическая и прагматическая лингвистика, массмедиаальный дискурс, лингвокультурология. ORCID ID: 0000-0002-7467-0029. E-mail: karaelan@mail.ru

About the author:

Valeriya E. Nesterova is Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages at the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. Spheres of research and professional interest: cognitive, political and pragmatic linguistics, mass media discourse, cultural linguistics. ORCID ID: 0000-0002-7467-0029. E-mail: karaelan@mail.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-4-33-64-88

AN ESSAY IN ANNOTATING CONNECTIVES IN A JAPANESE TEXT – LESSONS AND PROSPECTS

Sergey V. Chironov

MGIMO University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This paper offers an overview of an attempt to annotate a text in Japanese with the aim of pointing out all possible connections between elementary chunks of discourse, and the connective devices marking them. Being the first experience in Japanese, it asks for a certain adjustment of the annotation rules already used in the existing schools. This primarily touches upon what entities are connected and also upon the definition of a connective. Furthermore, semantic areas covered by connectives also need correction if reviewed through an in-depth analysis of the speaker's intentions. The obstacles met while carrying out the annotation, and the pervasive patterns revealed, focus around two linguistic factors. On the one hand, structural specifics of the Japanese language cause the speaker to forego multiple transformations warping the surface structure in order to attain linear development of his line of discourse. On the other hand, the genre of the linguistic material (a lecture in tourism marketing) is largely accountable for dominating Causality and Discourse Deployment areas of connectives. It is through those that a higher level of pragmatic motivation is achieved in the explicit markers of the text structure – which turns out crucial in making the speech more persuasive.

Keywords: Japanese language, discourse, connectives, field research, annotation

For citation: Chironov S.V. (2022). Experience in annotating connectives in Japanese text – lessons and prospects. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 64–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-64-88>

ОПЫТ АННОТИРОВАНИЯ КОННЕКТОРОВ В ЯПОНОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье разбираются итоги опыта аннотирования японоязычного текста на предмет выявления связей между элементарными единицами дискурса, а также средств их выражения – коннекторов. Применительно к японскому языку уточняются параметры анноти-

рования, используемые в основных существующих техниках: круг связуемых релятов, статус признаваемых коннекторами единиц. Обсуждаются и пути коррекции правил рубрикации категорий связей, для чего предпринимается последовательный глубокий анализ авторских интенций.

Выявленные сложности и закономерности касаются двух факторов. С одной стороны, это особенности строя японского языка, заставляющие говорящего производить сложные трансформации для линейного развития рассуждения. С другой – жанровые черты исследуемого материала (презентация в сфере маркетинга), определяющие доминирование показателей казуальности и продвижения дискурса, которые обеспечивают высокий уровень мотивированности наличного расположения элементов речевого произведения, что повышает его персуазивность.

Ключевые слова: японский язык, дискурс, коннекторы, экспериментальное исследование, аннотирование

Для цитирования: Чиронов С.В. (2022). Опыт аннотирования коннекторов в японоязычном тексте: уроки и перспективы. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 64–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-64-88>

Драйверами изучения структуры текста в современной лингвистике, помимо расширения наших знаний о человеке, его ментальном мире и естественных языках как одного из его аспектов, являются практические цели повышения эффективности преподавания и перевода, в частности, улучшение качества машинного перевода. Как известно, одну из «родовых» сложностей последнего (знакомую нам всем теперь по опыту использования автоматизированных переводных систем, доступных и онлайн) составляют единицы со сложной семантической структурой, устанавливающие связи между элементами речевого произведения и / или фрагментами ментальной реальности коммуникантов, включая составляющие речевой ситуации. Так, одну из зон этого достаточно обширного пласта языковых единиц составляют коннекторы – род дискурс-маркеров (средств разметки дискурса), выражающих семантические отношения между отрезками речевых произведений различной протяжённости [2] (к данной проблематике мы уже ранее обращались, включая краткий вводный обзор [9]). Изучению этой категории, выделяемой на функциональных основаниях и вследствие этого морфологически неоднородной, посвящены многие исследования, опирающиеся на данные различного рода, включая корпусные [6]. Однако особенно перспективным, в свете отмеченных выше разнонаправленных «запросов» на результаты изучения, представляется подключение к исследованиям и данным, ориентированных на переводные задачи, а зачастую – фактически составляющих его подготовительный этап. Речь идёт о результатах сплошных аннотаций текстов по различным отобранным критериям, что позволяет и протестировать на практике имеющиеся теоретические конструкты, и выявить новые сложности. Касательно тематики коннекторов, такая работа ведётся сразу в нескольких центрах исследований [11], [12], а полученные наработки уже успешно интегрируются в отечественный научный оборот [4]. Правда, применительно к изучению японского языка о такой работе во всяком случае у нас информации не имеется. Настоящее исследование и претендует на роль «пробного шара» в этом смысле.

Объектом исследования является текст выступления японского спикера на онлайн-семинаре для российских слушателей, предоставленный организаторам для осуществления синхронного перевода в конце 2021 года. Скрипт был воспроизведён с незначительными вариациями, представляя собой, таким образом, образчик подготовленной устной речи. Текст относительно компактен (порядка 14 тыс. знаков на японском языке, что примерно соответствует 35-40 тыс. знаков в русском переводе), и посвящён актуальной тематике налаживания практических двусторонних отношений. С учётом времени на показ слайдов его воспроизведение заняло час с небольшим.

Он был разбит автором на 109 абзацев, включающих в общей сложности 289 предложений. Виды семантических связей между отрывками весьма разнообразны и покрывают все типы таковых, выделяемые в различных классификациях. Надо сказать, что многие частные ситуации употребления коннекторов оказываются чрезвычайно поучительными и предоставляют массу сведений для уточнений семантических «портретов» тех или иных типов коннекторов, однако в данной работе на этой стороне вопроса мы не останавливаемся, оставляя их для будущих исследований. Наша цель сейчас – выявить проблемные моменты, возникающие в процессе самого аннотирования, и предложить, возможно, неокончательные, но минимально аргументированные пути решения по ним.

Общий вид полученных данных представлен в табличке ниже. В выборе рубрификаторов на данном этапе мы сочли возможным отталкиваться от категорий, традиционно используемых в японской лингвистике [14], [15]. Они же оказываются ближе и к классификации, применяемой в проекте аннотирования PDTB [11] с трёхуровневым принципом укрупнения, по которому все виды связей подпадают под один тип из четырёх, а именно – «временная связь», «обусловленность» (включая причинность и условность), «сравнение» (уступительность, контраст и сопоставление) и «расширение» (включая присоединение и различные виды дискурсивного развития). Общая структура классификатора проекта SDRT [12] меньше годится для такой работы, делая акцент на отражении оппозиций (не)фактивности и со- и подчинения. Тем не менее, элементы категоризации из обеих систем мы используем, сопровождая их соответствующей меткой-аббревиатурой для возможности отследить смысл ярлыков, не всегда допускающих однозначную трактовку.

Таб. 1. Распределение коннекторов по типам логических связей.

Тип коннектора = уровни:	пропозициональный	иллокутивный	мета
темпоральный	15		
логическая обусловленность:			
причинность (cause)	63(+29)	(+7)	
целеполагание (goal)	25(+5)		
условность	9	2	
соположение:			
сопоставление (contrast)	9(+10)		
противопоставление (concession)	35(+6)	9	
сравнение	6(+2)		
присоединение	27(+61)	7(+11)	
аккумуляция	6(+1)	1	
развитие дискурса:			
сдвиг темы		9(+12)	
равноценность (equivalence)	15(+13)		11(+2)
детализация	33(+16)		1
обобщение	14(+6)		
разработка (elaboration)	55(+11)	1	(+2)
уточнение (level-of-detail)	2(+22)	(+1)	(+3)
авторизация	27(+3)		
топик-комментарий	(+15)	(0)	
вопрос-ответ	3(+12)	1	

**примечание: в скобках указаны случаи без реализации коннектора*

Приведённые цифры не окончательны и предполагают возможность уточнения по мере прояснения вопросов, о которых речь и пойдёт далее.

1. Определение границ релятов

Само определение коннектора предполагает относительную свободу выражения для его аргументов, которые могут быть выражены не только полными предложениями, но и группами та-

ковых, а также клаузами и даже «свёртками» (в терминах В. Гака), чаще всего – номинализатами. Более того, не ставится обязательного условия вербализации релята, что сближает коннектор с классическим пониманием дискурс-маркера, хотя и оказывается хуже применимо к наличному материалу, перегружая интерпретатора подчас излишними, на наш взгляд, функциями «ясновидения» в массиве знаний и представлений коммуникантов, к которым он сам не относится; такие случаи мы оставляем за скобками. В целом (за исключением невербализованных релятов) в тексте мы и наблюдаем именно такое разнообразие выражений для соединяемых коннекторами релятов, минимальный размер которых оказывается довольно близок к понятию «элементарной единицы дискурса» (ЭДЕ) [5]. Это несколько контрастирует с практикой аннотирования, где в целом и общем принято размечать преимущественно соответствия между расположенными линейно и последовательно клаузами.

Мы признаём помимо связей между группами ЭДЕ, которые тем самым становятся одним сложным релятом, ещё и случаи типа искажения линейно-последовательного принципа расположения. К последним относятся вложенное, левонаправленное расположение, а также скачки в связях, когда соединяются несоприкасающиеся реляты. Последнее прямо соответствует выстраиванию говорящим логики своего повествования, где могут быть предусмотрены нагромождения отрезков с одинаковым функционалом, петли или даже пропуски. Второй случай частично обыгрывается системой PDTB, где без изменения номенклатуры предусматривается правое и левое расположение профилирующего аргумента, хотя и не для всех связей, а в основном лишь для группы со значением логической обусловленности. Мы предлагаем распространить эту же схему на весь тип связей «Развитие (дискурса)», где тоже наблюдается смысловая константа в виде односторонне направленной зависимости, которая тоже логически обусловлена – но уже с точки зрения выстраивания говорящим своего рассуждения. К схожести этих двух макротипов связи мы ещё вернёмся, а пока в более практическом плане заметим, что так – прежде всего – возможно снять напряжение, возникающее из-за расхождения между текстовыми эффектами «симметричных» категорий, например, «детализацией слева» и «обобщением справа» и наоборот. Так, всё же ⑦ детализует ⑥, хотя расположено левее, а не ⑥ обобщает ⑦, в пар. 54:

⁶ これらは	⁶ <i>Всё это</i>
⁷ 私も含め、 ウェブ制作チーム全員が	⁷ <i>в том числе и я, весь коллектив сайта</i>
⁸ ボランティアで 地道に行ってきたものです。	⁸ <i>на общественных началах постепенно создал.</i>

Смысловые отношения частей восстанавливаются в переводе на русский (который в данном случае структурно идентичен английскому, для которого строились правила аннотации): ⁶ *Всё это постепенно создал весь коллектив сайта*, ⁷ *в том числе и я*, ⁸ *[притом] на общественных началах*.

Пример со связью «Уточнение» (PDTB Expansion. Level-of-detail), для которой в системе PDTB делается допущение двунаправленности, пар. 13:

⁴ 過去最高の	⁴ <i>Исторически рекордные</i>
⁵ 2000万人超で、	⁵ <i>20 млн человек с лишним.</i>

Не является, видимо, особенностью японского дискурса возможность примыкания слева развивающего аргумента при типе связи «Развитие», которая соответствует SDRT Commentary, как ⑥ в пар. 67:

6 これは失礼な話ですが、	6 Мне прямо неловко это говорить, но
7 サハリンに新しいスキー場あるとは知らなかったのです。	7 [Люди-то] и не знали, что на Сахалине есть лыжные курорты.

Показательно, что такая проблема не возникает при трактовке связей между более «равноправными» элементами – как в случае «Присоединения», «Сравнения» или «Противопоставления». Как правило, здесь обходится без сюрпризов в том плане, что говорящий располагает аргументы именно в том порядке, в котором раскрывается рисуемая им картина действительности.

С возможностью реверсивного расположения релятов тесно связано и «вложенное» их расположение, когда один из релятов оказывается внутри другого. Важнейшими факторами этого нужно признать фиксированное положение сказуемого на правой периферии предложения и мощную тенденцию к тематизации в японском языке.

Относительно простой случай – внедрение одиночного коннектора, см. пар. 79. Само по себе направление связи между ③ и ④ – реверсивное, ведь ③ явно развивает содержание ④, без которого оно, собственно, недоступно пониманию. Такого рода отношения описываются в SDRT как *Commentary*, причём здесь он выступает на пропозициональном, а не на иллокутивном уровне, покуда сам говорящий совпадает с деятелем ④. В таком случае темпоральный коннектор *sono tae ni* (в оригинале он не включает противительности, которая диктуется в переводе нормами русского узуса) не принадлежит, строго говоря, ни одной ЭДЕ в отрывке, связывая сложные реляты <①-②> (внутри – связь «Тема-рема») и <④-③> (связь «Уточнение»).

1 これから話しするのは	1 О чём я бы хотел поговорить дальше, –
2 「サハリンの新しいイメージづくりのための戦略」です。	2 это стратегия создания нового имиджа Сахалина.
(2) その前に、	(2) Но прежде –
3 少しだけ戦略的に、	3 немножко в стратегическом плане –
4 ウラジオストックでこれまで起きていることを参考にしましょう。	4 давайте изучим, что до сих пор имело место во Владивостоке.

Собственно, в более простой форме записи (которая соответствовала бы более ранним версиям аннотационных систем) речь велась бы всего о двух распространённых отрывках, где ① с ② сливаются вместе, а ④ поглощает ③. В нынешнем же варианте внедрение коннектора, не соответствующего прямо с ③, получается, только подтверждает существование реверсивной связи.

Задача усложняется, если перед «забежавшей вперёд» ЭДЕ встраивается отрезок, не представляющий собой коннектор. Чаще всего это будет топик или близкий к нему отрезок, хотя это так не всегда, см. разрыв ⑧ в пар 13:

7 日本で初めてとなる	7 Первый в Японии
8 ウラジオストックの旅行案内書	8 путеводитель по Владивостоку –
9 「Platウラジオストック」	9 «Плат-Владивосток»
を2018年4月に刊行しました。	(8) [мы] выпустили в апреле 2018 года.

Один из путей в таких случаях – отделить топик и постулировать связь «Тема-рема». Вообще, для случая японского эта связь кажется не такой надуманной, как в описаниях методичек для аннотаторов, если присмотреться к разнице вариантов, см. пар. 108:

1 最後に、サハリンのみなさんをお願いしたいのは、	1 В завершение хочу всех вас попросить вот о чём:
2 私たちのコンテンツづくりや情報発信にご協力いただきたいことです。	2 Давайте сотрудничать в создании и распространении нашего контента!

Здесь дуализм темы и ремы дополнительно выпячивается использованием «расщеплённой» конструкции (клефта) с тематизацией. Без неё всё предложение было одним длинным выражением просьбы (исходный вариант), от которого имеющийся вариант отличается, правда, вхождением самого речевого акта просьбы под статус известной (адресату) информации (это известный эффект релятивизации). Исправляет это явное искажение другой, ещё более радикальный способ: пойти дальше и расщепить предложение на два, где ② будет детализировать обозначенный в ① речевой акт. Именно он и будет ближе всего к логической форме излагаемого.

Очевидны, однако, ограничения такого подхода к явлениям тематизации в тексте, который, если его абсолютизировать, заставит принудительно «расщеплять» все высказывания с чётко выраженным актуальным членением. А с учётом приемлемости невербализованных релятивов возникает «шанс» нагромоздить ещё больше связей. Так или иначе, при любом решении, видимо, останется некоторое напряжение, натяжение, если не натяжка.

В ряде случаев ради сохранения линейной последовательности есть соблазн посмотреть на синтаксическую структуру «сквозь пальцы» (пар. 3):

6 私のような	
7 【旅行メディアの仕事をしている】	7 работающих в сфере туристских медиа
人間にとって、	для людей + 6 Как я

Строго говоря, ⑦ здесь является «Уточнением» по отношению к вершине pingen = люди в правой части разорванного ⑥. Однако в случае минимальной замены адъективной формы сравнительного оборота в левой части ⑥ на адвербиальную возникает другая структура, с единым ⑦, которая, как утверждают информанты, и «слышится» в предъявленной:

6 私のように	
7 【旅行メディアの仕事をしている】人間にとって、	7 Для таких людей, работающих в сфере туристских медиа
	6 Как я

Здесь ⑥ – уже не «уточнение», а «детализация» ⑦, как видно по возможности замены на вводный (мета)противительный оборот *watashi mo soo desu ga* = Я сам такой... Неудивительно, что этой проблеме не уделено места в технике аннотирования, разработанной для случая английского языка, не знакомого с такими структурными возможностями и вариациями.

К вложенным структурам в основном тяготеют связи мереологического типа, а именно – расширение/сужение, или детализация/генерализация. Причина во многом в том, что они затрагивают более локальный фрагмент дискурса, который, однако, при минимальных трансформациях, может быть постулирован как самостоятельная ЭДЕ.

А вот пример перекрёстного «скачка» в дискурсивных связях, решительно «отслаивающихся» здесь от синтаксических:

¹ サハリンのみなさん、	¹ Дорогие сахалинцы,
² こんにちは。	² Добрый день!
³ そして、ごぶさたしています。	³ И – простите за [долгое] молчание!
⁴ ちょうど1年前、みなさんと オンライン上でお会いしました	⁴ Ровно год назад с вами встречавшийся онлайн
⁵ <某氏>です。	⁵ <Имярек> [- перед вами].

Линейное развитие включает маркированное коннектором *soshite* «Присоединение» (здесь оно иллюкутивного типа, так как соприкасаются два разных речевых акта) между ② и ③ и продолжается до шва между ③ и ④, где, явственно поддерживаемое порядком слов, который обеспечивает прямое прилежание релятов, имеет место присоединение «Разработки» (SDRT Expansion. Elaboration, см. возможность вербализации *a* именно или более подходящего здесь прагматически в русском *ведь*). Лексической реализацией коннектора во втором случае следует признать наречие *choodo*, характерное для выражения уточнения при невербализованой A1 (здесь уровень связи сублексический: «год назад» уточняет сему «давно», возникающую на прагматическом уровне в *go-bu-sata* = «[вам]-нет-весть»). Однако с точки зрения продвижения дискурса ⑤ связано не с ④, которое формально является его определением, а с ②, так как по общеизвестной норме называть свою фамилию принято после приветствия. Таким образом, между ② и ⑤ возникает связь типа «Присоединение», отличающаяся от аналогичной связи ②—③ невозможностью лексической маркировки (и в русском, см. こんにちは。*そして中村です = *Здравствуйте. {*И - /?И - по-звольте представиться} меня зовут Накамура*), которая резервируется, видимо, для случаев присоединения неожиданного отрезка, интерпретировать который без эксплицитного коннектора адресату было бы сложнее. Указанные связи определяют перестройку литературного перевода на русский язык, где осуществить такую вставку, как здесь между ② и ⑤ было бы сложно, и ③ и ④ пришлось бы перенести в конец абзаца:

Дорогие сахалинцы, добрый день! Меня зовут Накамура. Давно уже мы с вами не общались. Последний раз мы встречались ровно год назад онлайн.

Различие в возможных композициях абзаца здесь явно возникает под влиянием (объяснимого, наверное, на более высоком теоретическом уровне и в терминах общей индуктивной направленности японоязычного дискурса) последовательного левого ветвления японского предложения. В силу этого условия становится возможным структурное клише в формуле приветствия, когда определение к имени (японец обязательно называет его и будучи представлен третьим лицом) предшествует ему, ср. перевод: *Я Петров {, которому Вы любезно адресовали /. Вы любезно адресовали мне} письмо*. Этот штамп обыгрывает говорящий и в приведённом примере.

С вопросом о порядке релятов тесно связан и вопрос об их составе. Как следует дробить их, чтобы получить убедительное сопряжение единиц?

Определения и обстоятельства, как описано в методичках для аннотаций, выделяются в той мере и в том смысле, в каких они вносят вклад в развитие рассуждения. Наиболее чётко это проявляется при связи типа «Причина» и «Противоречивость» (см. сходство с принципом выделения таких оборотов в русской пунктуации), см. обстоятельство времени ③ в пар. 46:

³ コロナ禍で国を超えた人の移動が難しいいま、	³ Теперь, когда пересекать границы мешает пандемия
⁴ 自分にできることは何だろうか。	⁴ Что мы [тем не менее] можем сделать?

Но таков статус не только обстоятельств, но и определений, например, выступающих как «Уточнение» (Expansion.Level-of-detail), см. ⑩ в пар. 27:

¹⁰ そこには、	¹⁰ В этом...
¹¹ アジア文化圏に囲まれた	¹¹ окружённого азиатской культурной зоной
極東ロシアの稀少性や優位性が浮上してくるのです。	⁽¹⁰⁾ ...скрыта экзотичность и преимущество российского Дальнего Востока.

В предложенной трактовке ⑪, вклиниваясь в структуру ⑩, раскрывает смысл характеристики Дальнего Востока как «экзотичного». В литературном переводе расколотое ⑩ восстанавливается, облегчая выделение ⑪.

Обратим внимание на то, что преимущественно левому расположению подобных единиц в японском соответствует правое в русском и английском.

Пример ниже (связь между ① и комплексным релятом <②-③> – «Причинность») демонстрирует соответствие на конструктивном уровне между препозицией в японском и специфической конструкцией в русском, насыщенной семантикой причинности или противительности (пар. 80):

¹ ロシアの都市文化の魅力を持つ	¹ С его прекрасным русским урбанизмом
² ウラジオストクは	² Владивосток
³ 極東ロシアの中でも	³ даже среди других направлений на Дальнем Востоке
特別な存在になっています。	место совершенно особое.

В отличие от обстоятельственных внедрений, которые могут получать особую маркировку [10], определения никогда особо не выделены.

Входить в отношения «Равноценности» (Expansion. Equivalence), как показывает материал, способны не только придаточные, но и просто нерестриктивные определения, необязательно даже распространённые, покуда они выполняют требуемую функцию – предоставление адресату дополнительной информации, проясняющей элемент кода (см. ⑤ в пар. 18):

⁴ 2020年3月にはついに	⁴ В марте 2020 года наконец рейсы открыли «Джал» и «Ана»
⁵ 日系の	⁵ – японские авианперевозчики.
JALやANAも就航を開始しました。	

При достаточно тонкой разработке трудно не признать и роль отдельных семантически насыщенных наречий (оценки, а не образа действия) как отдельных ЭДЕ, образующих с основной предикацией связь «Развития» – «Уточнения» (Expansion.Level-of-detail). В предыдущем примере это наречие tsui = наконец, включающее в описываемую ситуацию ещё неопределённый круг участников, для которых описываемое событие явилось долгожданным. Дилемма перенесения на японский материал техники аннотирования, созданной на основе английских текстов, здесь происходит из того, что в англоязычном варианте такие наречные группы тяготеют к постпозиции, в которой благополучно и размечаются, не нарушая линейного расположения. Но тот же эффект можно получить и в японском, если вынести наречную группу в постпозицию – распространённое явление в устном общении:

⁴ 2020年3月には	⁴ В марте 2020 года рейсы открыли «Джал» и «Ана»
⁵ 日系の	⁵ – японские авианперевозчики.
JALやANAも就航を開始しました。	
⁶ ついにね。	⁶ Наконец-то.

Ясно, что на синтаксическом уровне вариант с парцелляцией вовсе не равноценен оригиналу, но на дискурсивном уровне резкого контраста нет. Но тогда нет причин не размечать наречие этой категории как отдельный релят.

Требования синтаксиса влияют не только на порядок релятов. Иногда ценой сохранения информативно оправданного порядка повествования становится своеобразный «выгиб» поверхностной структуры, как в пар. 19:

² すべては振り出しに戻り、	² [То, что] всё вернулось на исходный уровень
³ 現在に至っていることは	³ и остаётся на нём по сей день, –
⁴ ご存知の通りです。	⁴ вам хорошо известно.

Данный приём, как можно видеть, компенсирует неприемлемость для японского известного приёма «псевдопридаточных». В таких случаях в потоке речи тематическая группа оформляется в конце отрезка высказывания, так сказать, задним числом. При этом поверхностное актуальное членение никак не отвечает действительной информационной структуре. То есть, мы имеем дело с такой же «псевдотемой», риторической уловкой, маркирующей связь «Развития» – «Разработки» (Expansion.Elaboration), допускающую и «вложе эквивалент ④, см. оба варианта литературного перевода:

² Всё вернулось на исходный уровень ³ и остаётся на нём по сей день, ⁴ о чём вам хорошо известно., ср. ² Всё вернулось на исходный уровень ³ и (⁴ как вам хорошо известно) (³) остаётся на нём по сей день.

Последний пример показывает, что даже при строгой регламентации направления распространения предложения (что в случае японского явно становится важнейшим фактором усложнения формы «дерева» дискурсивных связей) существуют способы преодоления этих ограничений. Говорящий всегда обладает значительным люфтом относительно того, как пойти по пути искажения синтаксической структуры или же «поднырнуть» под неё, протаскивая дискурсивные паттерны сквозь не совпадающие с ними формальные образования. Очевидно, что помимо лингвоспецифики на структурном уровне вторым, ещё более важным фактором его выбора, будет степень подготовленности речи. Можно с большой долей уверенности сказать, что в разметке спонтанного устного дискурса многие из затронутых в этой секции проблем были бы нивелированы, а рассуждение значительно приблизилось бы к схеме «одна ЭДЕ на один логический шаг».

2. Выделение коннекторов

Практика аннотации подталкивает к отходу от жёстких формальных требований к единицам, претендующим на статус коннекторов (например, связанных с их неделимостью на взаимно свободные элементы [6], а также расположением непосредственно между соединяемыми релятами). Более выгодный с точки зрения наблюдения за самими этими единицами, такой подход приводит к тому, что ещё большее количество отрезков, оказывается, не связано друг с другом никакими явленными средствами (а цифры эти, как видно из сводной таблицы, и так высоки, о чём ещё пойдёт речь ниже), притом за бортом строго ограниченной категории оказывается некоторое количество единиц, не получающих иного прагматического объяснения, для которых тогда, видимо, нужно вводить некий подкласс «квазиконнекторов». Определённую вариативность среди коннекторов, следующую, кстати, довольно стандартной «сквозной» парадигме ([9]), позволяет охватить трактовка их как речевых реализаций некоторых базовых констант [4]. Но даже для единиц, выпадающих из этой системы, существующие методики аннотации предлагают, и, на наш взгляд, вполне справедливо, выделять коннекторную роль исходя из фактической функции единицы в размечаемом отрезке текста. Поясним это на примере.

Так, в пар. 87 единственный прагматический смысл выражения *sono enchoosen-joo ni* – в обозначении связи «Причинность» между релятами ③ и <④-⑤> (между вторыми существует ре-

версивная связь, описываемая и как «Цель», и как «Уточнение», о чём речь ещё пойдёт дальше). Косвенным подтверждением такого подхода является частичная десемантизация этого оборота, утрачивающего здесь своё исходное значение *экстраполяции* (речь ведь идёт об уже имеющем место событии!), хотя и оставаясь формально встроенным в структуру японского предложения как обстоятельство места:

³ 日本ではここ数年キャンプブームが盛り上がっていて、その延長線上に	¹ В Японии в последние года идёт бум кемпинга, ввиду чего
⁴ 自然の中で楽しむ	⁵ растёт интерес к русской бане
⁵ 野外サウナへの関心が高まっているのです。	⁴ где тоже всё происходит на лоне природы.

Вообще, мы допускаем трактовку, по которой поверхностная структура, особенно в подготовленном тексте, может представлять собой результат многоступенчатых трансформаций, когда в ходе подгонки под формальные, стилистические цели, пропозициональный «каркас» описываемых явлений может затушёвываться. Исходя из этого, показателем связи может считаться любой след на поверхностном уровне, например, выражения основания – как отглагольный послелог-показатель связи «Цель», см. между ④ и ③ в пар. 91:

³ しかし、それらは	³ Но они были отобраны
⁴ 「日本人観光客の実像やニーズ」に即して	⁴ сообразно потребностям реальных японских туристов.
選んだもので、	Поэтому...

Между подобными показателями просматриваются многоплановые синонимичные отношения, включая и темпоральные параметры, см. пар. 101:

² アフターコロナに備えて	² Нацеливаясь на период уже после пандемии
³ 私が始めたいこと	³ Я думаю начать действовать,
⁴ 以下お話しします。	⁴ О чём и расскажу далее.

Расширение круга коннекторов на таких функциональных основаниях, на наш взгляд, только обогатит наши представления и о разнообразии семантических связей между отрезками текста, и о способах преломления в них тонко нюансируемых авторских интенций.

Функции коннектора в таком понимании может выполнять и единица, не только встроенная в структуру предложения, но и находящаяся в иной позиции помимо непосредственно стыка ре-лятов, см. *saranaru* в пар. 92:

¹ もちろん、サハリンにはさらなる魅力があります。	¹ Конечно, у Сахалина есть точки притяжения и помимо этого.
--------------------------------------	--

Строго говоря, функцию, внешне более близкую к коннекторной, здесь уже играет наречие *tochiron* = *разумеется*, приобретающее вторичное значение противопоставления (то есть признаётся правота точки зрения, отрицающей допустимую из предыдущего пассажа инференцию о том, что перечисленным прелести Сахалина ограничиваются). Видимо, эта уловка автора, несколько игровым характером описанного конфликта импликаций активизирующая внимание слушателей, и блокирует появление в препозиции трансформ адвербиального трансформ того же выражения – *sarani*, непосредственно функционирующего как экспликатор «Присоединения».

Сказанное, конечно, вовсе не означает бесконтрольного расширения спектра единиц, причисляемых к коннекторам. Так, «сдвинутые вправо» коннекторы в целом не показывают более чем единичного распространения в исследованном тексте, они ещё оказываются сконцентрированы лишь в нескольких семантических зонах, из которых «Присоединение» отчётливо выделяется по частоте. Насколько можно судить, причина этого отчасти – в возможностях синтаксических трансформаций, в первую очередь – операции так называемого подъёма, когда показатель присоединения крепится непосредственно к «якорному» члену предложения, семантика которого и объясняет соединение пропозиций. Поэтому-то большинство примеров с подобным феноменом и представляют собой случаи употребления частицы *то*, ср. рус. *и/также*, см. связь между ③ и ⑥ в пар. 9:

3 1990年代半ばからほとんど増えていませんでした。	3 В середине 1990-х число [туристов] практически не росло [...но]
6 復調の兆しも見られ、	6 появились и признаки восстановления,

Данный способ связи успешно функционирует и между более протяжёнными релятами, так, 1 в пар. 99 соотнесено посредством его (и ничего более) с 1 в пар. 98, «Разработку» которого представляет собой всё остальное пространство параграфа. Тем самым вербализуется и уточняется всегда относительно более «рыхлая» связь типа ① – ①:

98 1 ロシア文化に親しむことができる場所があります。...	1 Есть места, где можно поглубже узнать русскую культуру...
99 1 日本にゆかりのあるスポットも残っています。	1 Есть также несколько точек, исторически связанных с Японией.

На метауровне присоединительное значение получает нетривиальное толкование, означая присоединение к положительному значению признака и его отрицательного значения. Тогда мы имеем дело с противопоставлением, как в пар. 23, кстати, не находящим никакого другого выражения в примере:

つまり、	То есть,
1 地域の人にとって	1 для жителей региона представляющие
2 誇りある観光資源も、	2 гордость рекреационные ресурсы и те
3 相手によって	3 для их гостей
4 見え方が違ってくる場合があります。	4 могут выглядеть совсем иначе, вот.

Как видно из последнего примера, это свойство показатели присоединения получают далеко не только в японском языке, составляя, в частности, вербализаторы отношений уступительности.

Заявленный подход, правда, требует известной отладки инструментария семантического анализа и связей, и роли самих коннекторов. Так, в ряде мест оказывается вопрос об отнесении единицы к классу коннекторов довольно тонким. Например, в пар. 14 *jitsuwa* мы изначально отнесли к показателям связи «Развитие» – «Разработка» между ① и ③-④:

1 この本は	1 На эту книгу
2 時事通信や朝日新聞など、	обратили внимание ряд СМИ,
いくつかのメディアで注目されました。	2 в частности, «Дзидзи», «Асахи».
3 実は彼らはロシア担当の記者で	3 Видите ли, это были русисты,

⁴ 私にこう言いました。	⁴ <i>которые мне сказали вот что.</i>
-------------------------	--

Однако при втором прохождении материала появилась и другая версия, по которой имеет место связь «Разработка» – «Детализация» (начиная с ③ и далее раскрывается конкретно содержание, уже выраженное в ①). Тогда получается, что *jitsuwa* выступает здесь не как коннектор (на что он способен, тем не менее, в иных контекстах), а «просто» как дискурс-маркер с функцией привлечения внимания к материалу, неизвестному адресату [8]:

¹ На эту книгу обратили внимание ряд СМИ, ² в частности, «Дзидзи», «Асахи». ³ Представьте, это были русисты, ⁴ и они мне сказали вот что.

Ещё один схожий пример находим на стыке параграфов 17 и 18:

¹⁰ つまり、沿海地方への日本人旅行者数が5倍になったのです。	¹⁰ <i>То есть, число японских туристов в Приморском крае выросло в 5 раз.</i>
18 ¹ 当然、日本とウラジオストクを結ぶフライト数が急増しました。	¹ <i>Естественно, резко увеличилось количество рейсов во Владивосток.</i>

Здесь видно, что наречие, не являясь само, во всяком случае, самостоятельным коннектором в традиционном смысле, входит в группу коннектора, модифицируя нулевую вершину в ней. То, что дело обстоит именно таким образом, подтверждает попытка восстановить синтаксическое окружение наречия, когда модификация им релята даёт другой смысл:

¹ 当然な{結果/こと}ですが、日本とウラジオストクを結ぶフライト数が急増しました。=
¹ *Естественным результатом (из ⑩) стало то, что резко увеличилось число рейсов во Владивосток. / То, что число рейсов во Владивосток увеличились, было естественно [само по себе].*

Завершая разбор конкретного примера, важно сказать, что для отражения отвергнутого варианта прочтения ① есть другое лексическое выражение, как раз-таки не несущее отсылки к некой внешней предпосылке оценки, то есть – коннекторной функции. Это *shizen(na koto)*, указывающее на имманентное свойство предмета, а не следствие другого положения вещей.

Спецификой конкретного автора, по-видимому, не ограничивается и «ползучая мутация» показателей между некоторыми смежными значениями. Блок-релят, второй в паре типа «Разработка» (Expansion. Elaboration), в нескольких случаях начинается с *tazu* = *прежде всего*. Вообще это дискурс-маркер, указывающий на первый из ряда тезисов. Но здесь за ним других блоков не следует, то есть он приближается к показателю «Детализации» (Expansion. Instantiation) *naniyorimo* = *превыше всего*. Надо сказать, что и в русском происходит примерно то же самое.

В ряде случаев, видимо, следует говорить о продолжающемся процессе закрепления коннекторной функции за определённым сочетанием единиц, встречающимся в определённом контексте. Так, например, функционирует как показатель условности сочетание ограничительной частицы с показателем инструменталиса (само по себе данное явление весьма обычно для, скажем, русского дискурса с его развитым функционалом деепричастий как с ограничителями, так и без них – см. перевод), см. пар. 103:

² この地図が1枚客室に置いてあるだけで、	⁹ <i>Положив всего один листик с картой в комнату постояльца,</i>
¹⁰ 日本の宿泊客はとても喜ぶと思います。	¹⁰ <i>Мы доставим массу радости клиентам японцам.</i>

В случаях, когда расположенные в разных частях отрезка единицы явно выполняют дублирующие функции, встаёт вопрос о «разорванных» коннекторах. Между ними не то чтобы невозможно усмотреть иерархические отношения, то есть известную модель «якорь-модификатор», широко распространённую, в частности, в выражениях модальности [8]. Правда, для осмысления их

уже требуется некоторое наращение и перенастройка существующего аналитического аппарата. Например, постпозитивное *noda* используется для нескольких типов связи, которые, пожалуй, можно описать через семантический инвариант «Обоснование» (в данном тексте это или «Развитие», или «Причина»), как в паре с препозитивным коннектором, так и одиночно, замыкая маркируемый релят (в какой-то мере это перекликается с ранее уже описанной для него текстовой функцией «подчёркивания» [1]). *Noda* уже фигурировало выше в примере из пар. 23, разделяя с показателем *tsumari* функцию маркировки начала и конца «Парафраза». А в пар. 69 *noda* в одиночку маркирует связь комплексных релятов ⑥-⑧ и ①-⑤, причём без него ⑥-⑧ было бы не авторской трактовкой ①-⑤, а попутным замечанием, допускающим привязку через *chinamini* = *кстати* («Уточнение»):

<p>¹ 「サハリンにコーカサス系や中央アジア系の人たちが暮らし ² レストランがある3ことを知らなかった」 ⁴ これは多くの日本人にとって驚きだったようで、 ⁵ サハリンに対する関心と呼ぶテーマとなったようです。</p>	<p>¹ «На Сахалине живут и кавказцы, и среднеазиаты, ² есть их рестораны, 3 а мы и не знаем». ⁴ Для многих японцев, похоже, это было открытием, ⁵ и, кажется, составляет предмет интереса.</p>
<p>⁶ 多くの日本人が ⁷ ロシアの多民族国家としての特性に想像力を働かせることができたから ⁸ 注目したのだと思います。</p>	<p>⁸ То есть, я считаю, многие японцы почувствовали интерес к тому, что ⁶ активизирует в их воображении специфику России ⁷ как многонациональной страны.</p>

Известно, что разорванные, или рамочные, показатели характерны для целого ряда языков, в том числе, например, китайского, где они носят в разной степени взаимодополняющий и факультативный характер. Пока видно, что вопрос о роли и соотношении их компонентов (особенно с точки зрения модификации коннектора), частично разработанных в понятийном аппарате [4], [7], [1], требует дополнительной проработки.

На уровне постановки вопроса хотелось бы обозначить подкласс риторических средств, которые выполняют роль «виртуальных коннекторов». Прежде всего это – конструктивный параллелизм для типов присоединения и сопоставления, когда внимание адресата фиксирует уже сам факт повторения, как, например, в «логической трапеции» типа «что касается А, то В – это С, а что касается D, то там В – это Е». Ещё одним «стандартным» средством введения дополнительной информации – а значит, и сигналом о её появлении для адресата! – является нерестриктивное определение, о чём уже шла речь выше. В плане дискурсивной значимости такая подача дополнительной информации нацелена как на развитие повествования, так и на обоснование коммуникативного шага. И выбор частично будет предопределён контекстом. Например, в уже упомянутом клише представления при приветствии в подчинённом (левом) положении допускаются лишь ЭДЕ второго типа (иллокутивный тип причинности здесь интерпретируем примерно как «я взял слово и представляюсь вам потому, что между нами раньше уже имело место то-то и то-то»), тогда как перенос этого отрезка в постпозицию звучал бы как чуть превосходящее, предусмотренное приличиями выпячивание собственной релевантности. Ср. практически обратное этикетное решение в русском, показывающее разницу между языками в «весе» придаточного определения: *Я Петров. Я писал Вам письмо / ? Я тот Петров, что писал Вам письмо.*

Как видно из таблицы, степень обслуживаемости коннектором по типам связей далеко не одинаковая. Общая закономерность здесь довольно предсказуема: в эксплицитном обозначении больше нуждаются связи, не самоочевидные просто из предъявления обоих аргументов. Так, повышенный запрос на коннектор предъявляют «Противопоставление», практически всегда маркируется (в данном тексте) «Авторизация». На противоположном полюсе – тип связей, который до-

вольно общо задаётся в методичках для аннотаторов как «тема-рема» и «вопрос-ответ». Причём если «вопрос-ответ» всё же обслуживается в японском устойчивым оборотом *ka to iu to* (в русском ему эквивалентен нуль), то связь «тема-рема» на уровне релятов, более распространённых, чем части одного предложения, разумеется, никак не маркированы. В целом для не выраженных лексически связей в существующих аннотационных системах предусмотрен соответствующий раздел, в описании которого повторяются некоторые модели из (довольно бегло) обозначенных в японской традиции бесконнекторных типов присоединений. Правда, в последней они понимаются скорее как не допускающие лексической реализации [14], здесь же речь идёт о тех, для которых подобрать лексическое выражение возможно, однако автор по тем или иным причинам этого не делает.

Вообще вопрос о предпочтениях в вербализации коннекторов – это интересное отдельное поле для психолингвистических исследований. Из наличного же текста явствует, что говорящий намеренно избегает перегруза эксплицитными коннекторами, тем самым, с одной стороны, стилизуя адресата к (более) активному участию в разработке темы, а с другой – признавая за ним известную автономию. В формальном плане доступны наблюдению, кроме того, некоторые корреляции с использованием в тексте показателей когезии. Часто получается, что бесконнекторное соединение как бы компенсируется ими, см. пар. 2:

¹⁰ 私の場合、東京をほぼ離れることはありませんでした。	¹⁰ Я почти не выезжал из Токио.
¹¹ こんな1年を過ごしたのは高校生以来のことかもしれません。	¹¹ Так провести год мне не доводилось, наверное, со школы.

Появление катафоры по сути выражает связь типа «Тема-рема», никак иначе не маркируемой, см. конец пар. 47 (второй релят ④ – весь абзац 48):

⁴ 次のようなことを地道に行っていました。	⁴ Я понемногу занимался следующим.
----------------------------------	---

Такой выразитель когезии, как дословный повтор, востребован там, где имеет место переход к следующему блоку повествования – как при связи «Присоединение» на дискурсивном уровне, ср. SDRT Narration, см. пар. 104:

⁴ 「旅アト」情報としては、	⁴ Из информации «после поездки»
⁵ SNSを活用し、	⁵ думаю привлечь соцсети,
⁶ サハリン旅行経験者の投稿を募り、	⁶ объявить сбор материалов от побывавших на Сахалине
⁷ 拡散したり、	⁷ может быть, распространять их
⁸ コミュニティづくりを始めたいと考えています。	⁸ и [таким образом] начать формировать сообщество.

Релятом-антецедентом выступает все пар. 102, 103 и первая половина пар. 104, где речь идёт о предыдущих видах работ («до» и «во время»). Все они изначально перечисляются в этих же терминах в пар. 42, так что само по себе упоминание о них автоматически структурирует повествование.

Также «внахлёт» с коннекторами действуют и средства разметки дискурса, выдавливающие эти, как правило, транскатегориальные показатели связи прежде всего из тех позиций, где речь идёт сугубо о прояснении статуса крупных отрезков текста, среди прочего и относительно друг друга. Здесь наглядно проявляется взаимосвязь и нюансировка между понятиями коннектора и дискурс-маркера, где первый решает задачи экспликации для адресата, как связан один отрезок

с другим, а второй, в целом и общем, – что происходит в коммуникации в данный текущий момент. Не берясь без численных данных на руках проецировать обнаруженные тенденции на весь японоязычный дискурс, заметим, тем не менее, что обработанный нами текст, в котором автор стремится донести сложные построения до иноязычной аудитории с фондом знаний и представлений, весьма отличным от его собственных, прямо-таки изобилует средствами разметки, преимущественно эксплицитно указывающими на связи между различными частями выступления. Сопровождающие эти внедрения коннекторы получают уже вторичные, иллокутивные функции, о чём ещё будет сказано ниже.

3. Рубрификация связей между релятами

Выявление и описание вклада конкретных коннекторов в значение высказывания, с одной стороны, а с другой – уточнение самих типов связей между единицами дискурса есть взаимосвязанные, «заикленные» друг на друга задачи, две стороны одной медали, прояснять которые возможно только одновременно. Сложность второй задачи, на которой мы остановимся здесь, в режиме аннотации заданного текста, проявляется в появлении конкурирующих трактовок конкретных связей, которые иногда могут одновременно даже выражаться разными показателями. Наиболее выпукло это проявляется, пожалуй, с союзом *ga* – противительным, но получающим в японском предложении более широкие и менее чёткие функции, соединяя отрезки с самыми разными смысловыми связями (такие примеры мы уже видели, будут они и дальше). Кроме дублирования и неясности, немало головной боли аннотатору доставляют синкретичные единицы «широкого спектра действия», а также связи, не сопровождаемые коннектором.

Семантический синкретизм показателей, отмечаемый в грамматиках, на дискурсивном уровне проявляется в одновременном проявлении обоих значений: так, в пар. 3 допускается и «Присоединение», и «Причинность»:

¹ コロナ禍が2年目に突入し、	¹ Уже второй год идёт пандемия
² 海外からの旅行者が消えて久しいです。	² и [поэтому / также] поток туристов из-за рубежа давно прекратился.

Распространение паратактических связей дополнительно усугубляет положение. Притом ещё относительно ограниченное влияние таких трудностей, бесспорно, объясняется характером исследуемого материала, представляющим собой продуманное и чётко выстроенное изложение определённой бизнес-концепции. То, как резко повышается нечёткость обозначения логико-семантических связей между элементами дискурса при переходе к цитатам из отдельных спонтанных высказываний (в данном случае – комментариям пользователей), просто бросается в глаза, см. пар. 57:

⁵ 「ロシア人の生活にダーチャの存在が大きいことがわかった。	⁵ Оказывается, дача занимает в жизни русских заметное место.
⁶ 多くの人が菜園を持っていることが	⁶ У многих есть свой огород, что
⁷ うらやましく、	⁷ и вызывает зависть,
⁸ 憧れる」	⁸ и привлекает.

Перед автором комментария не стоит задача убедить адресата, изменить его знания и взгляды. Им движет лишь стремление выразить свои переживания. Оттого и в оформлении мыслей оказывается, что всё свалено в одну кучу: каузальность/присоединение в ⑥ – ⑦, уточнение/присоединение в ⑤–⑥, присоединение (аккумуляция) / противопоставление в ⑦ – ⑧.

Лишь в такой спонтанной речи фиксируется и проявление связи, исключаемой в PDTB (и справедливо) из гипотетических отношений, но не присоединяемой ни к одной группе (тип *Помнишь Джона? У него родился сын*) (пар. 59). В ней просматриваются черты и типа «Развитие», и «Причинности» в иллокутивном понимании. Использовать её в основном тексте презентации выглядело бы, вероятно, как nepозволительная фамильярность. Слабопротивительное *ga*, фиксирующее противопоставление на уровне различия повествовательных планов, нисколько не проясняет эту ситуацию (ср. с выраженностью связи в русском переводе):

² 「鉄道好きの日本人は多いが、	² Многие японцы увлекаются железными дорогами –
³ 日本との歴史的なつながりを強く感じさせる」	³ Так вот здесь чувствуешь всю силу исторической связи с Японией.

Путей решения этих проблем напрашивается несколько. Прежде всего, это последовательное применение концепции разноплановых связей между ЭДЕ на пропозициональном, иллокутивном и дискурсивном уровне. Формулируемая для оценки значения коннекторов [4], она, вообще говоря, в целом уже заложена в формулировках связей в PDTB как метки с распространениями *-speech* и *-belief*. Применяемые в действующей системе в основном к показателям каузальной зависимости, эти идеи вполне могут быть распространены и на другие категории связей, как показано в таблице.

Так, в примере ниже на пропозициональном уровне между ② и ① связь «Развитие» – «Уточнение» (PDTB Expansion.Level-of-detail, отличная от Expansion.Elaboration «Разработка» тем, что профилируемый релят вводит информацию, которая не служит дальнейшему продвижению рассуждения; в SDRT этот тип аннотируется как Commentary) остаётся немаркированной, тогда противопоставление на иллокутивном уровне (переход от мета-комментария к основному повествованию) вербализовано, ведь реляты связывает «слабопротивительный» союз-коннектор *ga* (пар. 13):

¹ 手前ミソな話をさせていただきますが、	¹ Я опять о себе, но
² 私は	² Я рассчитывал на внедрение электронных виз
³ 2015年頃より噂されていた	³ о чём говорили с 2015 г.
極東ロシアにおける電子ビザ発給を見据え	

Подобные примеры подтверждают нелинейный, «объёмный» характер связей даже между соположенными ЭДЕ.

Ещё одним критерием становится возможность замены или восстановления коннектора. Последнее особенно значимо с учётом просматриваемой тенденции к их использованию как средств прояснения (*disambiguation*) если не во всех, то в заметной части примеров. Так, пример ниже удовлетворяет пониманию «Присоединения» на иллокутивном уровне – когда коннектором становится восстанавливаемый (иначе – не реализованный в данном контексте, где перед говорящим всё же стоят не те же задачи, что перед аналитиком) показатель «а ещё я имею сказать A2» (пар. 7). В нашей нотации мы даём восстановленное перечёркнутым шрифтом:

² ロシアを訪れる日本人観光客はこの10年一進一退を繰り返しています。	² В последнее десятилетие число японских туристов в Россию то увеличивалось, то уменьшалось.
³ [そしそ]2019年は80,313人でした。	³ [а] 2019 г. их было 80313 человек.

Косвенно связаны с упомянутыми сложностями рубрификации её численные результаты, показанные в представленной выше таблице. Речь идёт о резкой неравномерности распределения по семантическим категориям связей между отрезками исследованного текста. Помимо присоединения (которое следовало бы, пожалуй, признать базисной формулой связки двух высказываний, то есть в каком-то смысле – тем неделимым остатком, когда из их соединения не удаётся вычленить какой-либо более чёткий прагматический смысл) очевиден перевес двух областей значения – причинности и развития. Углублённый анализ контекстов, более того, выявляет экспансию этих значений в смежные области. Так, причинность «вторгается» в зону темпоральных показателей и «поглощает» их значения (создавая одну из распространённых сложностей рубрификации), см. пар. 36:

⁵ 何度も通ううちに、	⁵ Пока едешь туда,
⁶ その土地の文化をだんだん理解してくるようになる。	⁶ Начинаешь постепенно понимать культуру этой местности.

Вообще говоря, для выражения этого синкретического значения имеется специальный показатель – *X ni tomonai*, но, видимо, автор использует более коллоквиальный вариант, оставляющий адресатам возможность самим восстановить причинное значение, указанное более тонко и ненавязчиво.

Ещё один пример, где причинность вторгается в зону взаимодействия условно-временных отношений, хотя и остаётся на вторых ролях, из пар. 105:

⁴ あくまでコロナ明けが確認されない限り、	⁴ Покуда не будет точно ясно, что пандемия позади,
⁵ 動き出せません。	⁵ ничего не сдвинется с места.

Другому каузальному значению – «Цели» также удаётся «вышибить» Условность, если анализировать текст на уровне интенций автора, пар. 108:

⁷ 情報を送っていただければ、	⁷ Присылайте свою информацию
⁸ 記事化しますし、	⁸ И тогда я буду делать из неё статьи.

Здесь речь, конечно, не об условии, выполнение или невыполнение которого ведёт к результату, неизвестному для адресата, о котором имело бы смысл ему сообщить, а о призыве: *посылайте, чтобы я делал статьи*, а вовсе не **если пришлёте – сделаю, а не пришлёте – не сделаю*.

Именно при аннотировании текста это обращает на себя внимание, так как заставляет задуматься о мотивированности введения той или иной информации. Под рубрику причинности в таком понимании подпадают и типы связей (и группы показателей), традиционно в этой рубрике не фигурирующие, например, *toshite* = *в качестве*, см. пар. 5:

⁵ またインバウンドツーリズム評論家として、	⁵ Также будучи обозревателем по приёму туристов из-за рубежа,
⁶ 訪日外国人に関わるさまざまな問題を批評してきました。	⁶ я анализировал разные аспекты пребывания иностранцев в Японии.

В примере выше мы имеем дело с пропозициональной причинностью. См. пример с *toshite* для иллокутивной причинности, пар. 85:

1 私の考える	3 <i>Доступно рассказать о культуре быта в России и о простой, размеренной жизни</i>
2 サハリンの魅力としての	2 <i>Как факторах привлекательности Сахалина</i>
3 「ロシアの生活文化」と「スローライフ」を最もわかりやすく伝える	1 <i>В моём представлении</i>
4 観光素材に、	4 <i>Позволят такие туристические темы</i>
5 ダーチャやバーニャがあると思っています。	5 <i>Как «дача» и «баня»</i>

② – ③ обслуживает значение «Причинности» в том смысле, что в ② указывается причина, почему говорящий заводит речь о содержании ③.

Линейную по своей природе связь «Причинности» между смежными отрезками на глубинном уровне способен выражать и «выгиб» структуры предложения (о чём речь уже шла выше), который, однако, «расплющивается», когда к «Причинности» сводится «двухэтажная» конструкция с пропозициональным актантом, как с ⑧-⑨ (пар. 84). Мы попробовали применить в колонке перевода технику синхрониста, выходящего на «голую» дискурсивную структуру в силу не теоретического интереса, а жёстко ограниченного временного ресурса:

6 電子ビザ発給以降の	6 <i>После введения электронных виз</i>
7 旅行者は、団体ではなく	7 <i>Туристы ездят не группами,</i>
8 個人旅行者が増えることを	8 <i>А всё чаще двигаются поодиночке,</i>
9 意識する必要があります。	9 <i>{И это/что} нужно учитывать.</i>

Есть и совсем неожиданные примеры, где причинность «прячется» даже в цитатной конструкции, не подпадающей под «Авторизацию» (куда её можно было бы отнести при самом поверхностном анализе текста), пар. 16:

9 ...意味が大きいと	9 <i>Это значимый результат,</i>
10 自負しています。	9 <i>Что для меня как бы повод гордиться.</i>

Если обратиться к трансформационной объяснительной технике, можно сказать, что на «логическую форму» этого высказывания («Я горд, потому что результат значим») накладывается целый ряд прагматических ограничений (constraints), помимо лексической селекции исключающих в японском даже промежуточные варианты типа «Результат значим, так что я горд» (тогда вместо показателя цитаты – кроме всего прочего ещё и аннулирующего фактивность ⑨! – был бы конверб).

Каузальная насыщенность текста ещё виднее, если принять во внимание возможность разнонаправленности связей (признаваемой PDTB), см. пар. 16:

2 現地取材を通じて	5 Это такой путеводитель, где
3 「日本人観光客の実像やニーズ」に即した情報を	3 информация в соответствии с реальным спросом японцев-туристов
4 [七かも]コンパクトにまとめた	4 [ещё и] собрана компактно,
5 ガイド書であることです。	5 для чего автор сам ездил туда.

Ещё более активным «захватчиком» смежных смысловых категорий становится группа значений «Развитие», причиной чему, вероятно, является сам характер презентации. В случаях, когда

в процессе аннотации возникали сомнения в верности отнесения связи к тому или иному типу, как правило, категории «Развития» подминали под себя все другие. См. вывод к пар. 93 (к нему подводит связь «Обобщение», выраженная *tsumari*), где между ⑧ и ⑨ имеет место таки не «При-соединение», а «Разработка» (PDTV Expansion. Elaboration):

8 つまり、観光PRにはふたつの段階があり、	4 То есть, в туристическом пabлицити есть два этапа,
9 そのときどきですべきことは違ってくるのです。	9 {И/а значит/имеется в виду, что} на каждом из них стоят разные задачи.

Некоторая неопределённость заложена здесь ещё в формулировках систем аннотации, где ряд категорий рубрики «Развитие», прежде всего «Уточнение» (Expansion. Level-of-detail), фактически подразумевает выделение тех обстоятельств (в широком смысле), которые представляются чем-либо значимыми для повествования, а значимыми они изначально могут быть либо с точки зрения каузальной зависимости, либо её нарушения. То есть «Развитие» конкурирует с, или подавляет даже «Причинность»! В ряде примеров это кажется оправданным с точки зрения разнесения «однозначно причинных» и «однозначно противительных» показателей с неоднозначными, виртуальными (конструктивными) или нулевыми. В ряде случаев из предъявленного текста довольно непросто вывести, какова – пояснить или противопоставить? – была интенция автора, выделившего ту или иную деталь, см. пар. 94:

5 廃墟美といってもいい、	4 Прекрасная, можно сказать, руина,
6 アニワ灯台に惹かれる日本人は多いはずで す。	6 Маяк Анива наверняка окажется привлека- тельным для многих японцев.

Думается, для таких случаев «Уточнение» – действительно удобная категория, хотя так или иначе на глубоком содержательном уровне анализа определённое напряжение всё же сохраняется.

Подчас эта связь принимает достаточно хитрые выражения, см. пар. 83:

3 サハリンのスローライフという	4 Нашей целевой аудиторией должны стать японцы, чувствительные
4 価値に	к такой ценности
敏感な日本人をターゲットに設定しまし ょう。	3 как спокойная, размеренная жизнь на Сахали- не.

Здесь *toiu*, часто выражающее связь «Равноценность» (PDTV Expansion. Equivalence) как на пропозициональном (парафраз), так и на метауровне (дефиниция), задействуется для выражения мысли о том, что размеренная жизнь представляет собой ценность. Э. Это соответствует уже другому типу связи – «Уточнение». Как можно заметить, аналогичный русский оборот также фактически имеет цель «протащить» под «плоской» синтаксической структурой новую и информативную для адресата пропозицию [СПОКОЙНАЯ, РАЗМЕРЕННАЯ ЖИЗНЬ НА САХАЛИНЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЦЕННОСТЬ], которая определённно здесь представляет собой отдельный рeлят.

Правда, вопрос о том, насколько, например, уже не оценка, а просто экзистенциальная презумпция (пусть даже существенная для адресата), возникающая в том или ином выражении, вправе считаться отдельной ЭДЕ, требует, пожалуй, более тонкого рассмотрения – см., например, возможность «отколоть» её от ② в пар. 89 несколькими абзацами дальше (где эта опция, впрочем, «выровняла» бы нелинейную форму презентации отрезков).

В имплицитно насыщенных нерестриктивных определениях тоже, как видим, конкурируют (точнее, тесно переплетаются) связи «Причинности» и «Развития». См. в пар. 62:

¹ みんな海外旅行に行けないので、	¹ Никто не может путешествовать, и
² その悔しい思いを共有した	² разделяющие эту фрустрацию
³ 多くの人たちが参加し...	³ многие участники собрались в группу...

Само содержание определения в ② позволяет трактовать его как косвенное указание причины – чего не было бы, будь определение менее нагруженным импликациями (например, собрались живущие на севере Японии, одинокие или с хорошими компьютерами – хотя, как видим, во всех вариантах невольно устанавливаются логические связи с фактом собрания, без чего отрывок терял бы релевантность). Именно такому прочтению способствует параллельное определение в ③, подталкивающее рассмотреть эти отрезки отдельно. Альтернативная трактовка представила бы его как участника отношений «Развитие» – «Уточнение» (Expansion. Level-of-detail): ¹ Никто не может путешествовать, и ² разделяющие эту фрустрацию собрались в группу ³ большой численности...

При этом упомянутый подход с разводкой разных уровней связей стабильно демонстрирует переход к более дискурс-ориентированным категориям (иначе говоря, смещение вниз по таблице) при содержательном углублении анализа от поверхностно выраженных категорий, занимающих в таблице строки выше. См. пограничный случай между «Сравнением» и «Уточнением», пар. 107 (притом в поверхностной структуре показатель первого опять дублирует «фиктивная» конструкция с предикатным актантом, отвечающая потребности в распространении высказывания вправо):

¹ ニュースサイトでは、彼らが送ってくれた地元の話題やイベントを撮影した写真や情報を編集して	¹ Новостной сайт редактирует присланные ими местные новости и видео разных мероприятий
² 記事として公開している	² и выпускает на этой основе статьи,
³ ことは先ほど述べたとおりです。	³ как я уже только что рассказывал.

Естественно, неустойчивость категоризации и конкуренция трактовок случаются и внутри категории «Развитие», то есть в самом низу таблицы. Проиллюстрируем этот тезис на примере типа связи «Авторизация», вводимого нами по образцу связи Attribution в SDRT. Все без исключения её представители маркированы глагольными или ссылочными цитатными конструкциями. Оправданность этого приёма видна из полипредикативности, полипропозициональности таких примеров. Но вопросы вызывает довольно нечёткий переход между откровенно отдельными конструкциями цитатного типа (см. *Правда всегда одна. Это сказал фараон*: здесь две отдельные дискурсивные единицы, это не вызывает сомнения – хотя, наверное, уже на этом этапе не вызывает абсолютного отторжения и взгляд на эту связь как на разновидность «Развития» – «Уточнение» или «Разработка») и вообще, получается, всеми экспериенцерными конструкциями, где наблюдатель всегда «выносится за скобку» воспринимаемой ситуации. Не строго на первом полюсе, а чуть ли не ближе ко второму оказываются и все конструкции с предикатными актантами, которые, как известно, вовсе не автоматически получают статус отдельных дискурсивных единиц.

Так или иначе, «Авторизация», если её и вводить как отдельную рубрику, постоянно занимается тем, что пытается «отщипнуть» пограничные значения от своих соседей по категории «Развитие». Так, связь ④ и ⑤ в пар. 14 внешне удовлетворяет первой категории, но на более высоком уровне обобщения предстаёт разновидностью «Детализации». Этому однозначно способствует то, что ссылка как на источник информации идёт здесь на самого же говорящего – что отдаляет нас от прототипа авторизации:

4 私にこう言いました。[つまり]	4 Я им вот что сказал [А именно]
5 「このような極東ロシアの魅力的な観光や生活文化の明るい側面をまっすぐ紹介する旅行案内書はこれまでなかった。...	5 До сих пор путеводители не рассказывали конкретно о культуре и туристской привлекательности Дальнего Востока...

Иную трактовку допускает цитатная конструкция с внедрением распространителя, что позволяет отнести её уже к «Уточнению» (пар. 69):

10 私は	11 <i>Дальний восток</i>
11 極東ロシアはユーラシアのゲートウェイだ	- <i>ворота Евразии</i>
といろんな人に言っています。	10 <i>о чём я говорю разным людям.</i>

Ситуация тем ближе к «Развитию», чем более размыто выглядит субъект речи в цитатной конструкции. Так в пар. 21 ③ и ④ в обратной последовательности представляют пример «Обобщения»:

3 具体的にいうと、	3 <i>Если говорить конкретно,</i>
4 「いま日本人はロシアのどんどこに興味・関心があるのだろうか?」	5 <i>то вот как звучит главный вопрос:</i>
5 について知ることが重要です。	4 <i>«Что сегодня интересует японцев в России?»</i>

Как можно заключить из подобных примеров, сама «Авторизация», во-первых, однозначно является подвидом «Развития» (что «прописывает» категорию SDRT в PDTB). Во-вторых, нужно уточнить, что проходят по этой рубрике не все цитатные конструкции, а только те, чей информационный вклад состоит в указании на источник информации. Это исключает все те цитатные конструкции, где субъект речи – сам автор (пар. 30):

5 同じことを極東ロシアでも採用すべきだ	2 <i>надо применить этот опыт на Дальнем Востоке</i>
6 というのが、私の考えなのです。	6 <i>Вот в чём заключается моя мысль.</i>

Здесь⑥ для ⑤– «Уточнение» (Expansion.Level-of-detail).

Именно по этому «ведомству» должны проводиться и случаи, внешне подпадающие под категории «Противопоставления» и «Сравнения», с иллокутивным глаголом при подлежащем в первом лице (пар. 43):

10 これを考えるとときに重要なのは、	10 <i>важно в этом смысле что?</i>
11 何度も言いますが、	11 <i>- а я постоянно об этом говорю -</i>
12 相手の視点で情報を選ぶ必要があるということです。	12 <i>отбирать ту информацию, что будет интересна другим.</i>

В несколько специфическом жанре «скрипта» (как отличном от того, что было бы просто прочитано) «Авторизация» находит нетривиальное проявление в использовании кавычек, вообще довольно специфичных в знаковой системе японского языка [3], см. в пар. 36:

¹ なぜそれだけで満足なのだろうか?	¹ Чем же они так довольны?
² と思う方もいるかもしれませんが、	² – Наверняка спросит кое-кто.
³ 「近いから気軽に何度でも行ける」	³ «Близко, можно ещё не раз съездить»
⁴ ので大丈夫なのです。	⁴ отсюда и гарантированный успех.

Фактически можно говорить о введении тем самым невербализованного релята – «Уточнения» к ③ = [так считают сами туристы]. Напротив, если этот момент исключить, то получается, будто так считает сам автор, что идёт вразрез с очевидной интерпретацией. Получается, что на письме кавычки составляют своего рода виртуальный коннектор, не восстановимый устно. Кстати, в спонтанной устной речи снять такую двусмысленность могло бы использование специфического маркера «чужой речи» *ttende* [16].

Итак, на примере субкатегории «Авторизации» мы показали сложность, но и необходимость более тонкой рубрикации тех семантических зон, на которые приходится основная нагрузка связей между ЭДЕ.

Отдельная тема – распределение коннекторов по объёму связываемых релятов. Как можно заметить, некоторые из них тяготеют к селекции в качестве своих аргументов абзацы, а не предложения. Помимо уже упомянутого *tazu*, это и *jitsuwa*, о котором также уже шла речь. См. его роль в оформлении «Отступления/Экскурса» от основной линии на протяжении всего пар. 89, который потом оказывается дополнительным аргументом к общему выводу в пар. 90 (что в свою очередь эксплицируется *desukara*):

88 ¹ 先ほど触れませんでした、 ² ハバロフスクのバーニャの記事が多く読まれています。	¹ Как я уже говорил, ² много читают репортажи про баню из Хабаровска.
89 実は、 ¹ ウラジオストク出身の ² 私の友人が最近、(³ バーニャジャパンという) ^{2a} 会社を設立し、 ⁴ ロシアの移動式バーニャの販売を始めています。 ⁵ 自然の中でサウナを楽しむことに多くの日本人が憧れています。	Вообще ² один мой знакомый, ¹ сам будучи из Владивостока, ^{2a} создал фирму, ³ «Баня Джанпан», ⁴ и продаёт в Японии передвижные русские бани. ⁵ Японцам очень по душе идея париться в бане посреди природы.
90 ¹ ですから、多くの日本人がロシアでダーチャやサウナを体験したいと思っています。 ² 日本から最も近いサハリンこそ、 ³ その受け皿となることを考えてはどうでしょう。	¹ Так что, я думаю, многие в Японии хотели бы попробовать, что такое дача и баня. ² Сахалин, будучи ближе всего к Японии, ³ мог бы стать точкой приложения этого интереса.

Уточнение, разнесение коннекторов по этому признаку, просто обязано стать одним из обязательных пунктов анкеты в их исследовании.

Иногда именно на стыках относительно более протяжённых отрезков отсутствие коннектора, как показывают наши наблюдения, способствует большему вовлечению слушателей, которые волей-неволей глубже вникают в содержание речи и тем самым в большей степени прорабатывают тезисы автора. Так, после промежуточного вывода в конце пар. 93 вплоть до пар. 100 автор перечисляет конкретные кейсы, подтверждающие его позицию, но нигде не сопровождает это дискурс-разметкой. Несомненно, подробная маркировка типа *tatoeba* = например, *tata* = также и др. облегчила бы понимание, но в то же время снизила бы эффект увлечённого напряжения для зрителя, сделав текст чересчур «разжёванным».

Поиск и уточнение семантических категорий, упорядочение их в виде той или иной структуры, включающей и иерархические отношения, пока продолжаются, и здесь свою лепту в достижение ясности определённно внесли бы данные разнообразных аннотированных текстов. Но уже основываясь на ограниченном изученном материале, можно сказать следующее. Отчасти, действительно, возникающие сложности связаны с недостаточной прояснёностью самого языка описания. Но во многом они существуют ввиду объективной близости, даже диффузности, вза-

имопроницающего характера явлений, но не в последнюю очередь – и в силу отсутствия у говорящего в реальной ситуации общения ощущения необходимости преодолевать многозначность, расставлять все точки над *i*, если и без того его речевое намерение будет считано адресатом, а перлокутивные эффекты достигнуты. А значит, «спайки» и «перехлёсты» между смежными типами логико-семантических связей в живом общении неизбежны и лишь доставляют повод для их картирования и исследования.

Выводы

Проведённые наблюдения подтверждают тезис о сложной, многоплановой структуре связей в дискурсе [13]. Это, впрочем, подсказывает и сам лексический вид вербализованных коннекторов, по крайней мере, в их «двухэтажном» проявлении, где более общий элемент, необязательно инициальный (см. случай замыкающего *noda*), обслуживает прагматический инвариант, а его пара – логико-семантическую вариацию.

В плане анализа значения мы видим, что заглубливание в пространство авторских интенций практически всегда «повышает» категорию связи к более иллокутивным и дискурсивным. Это видно повсеместно: «Присоединение» переходит в «Развитие» – и часто равно *так что*. «Развитие» действует рука об руку с «Причиной», см. уже разбиравшийся пример, где *a* именно (уточнение) заменимо *ведь* (причина, указываемая после следствия). В таких случаях развитие A1 идёт за счёт подкрепления его фоновыми фактами, что соответствует пониманию причинности в иллокутивном понимании: [A1. Я могу сказать так, потому что верно A2] – в системе PDTB это размечается как Contingency.Cause+SpeechAct.Reason, то есть относится (достаточно произвольно) к верхней категории «Обусловленности», а не «Развития». Получается, что «Каузальность» вбирает в себя «Условность», а с «Развитием дискурса» её соединяет «Мотивированность» – покуда всё, что имеет смысл высказывать эксплицитно, прежде всего должно быть мотивированным. Пожалуй, минималист от Универсальной Прагматики так и постулировал бы семантический субстрат всех коннекторов: «релят 2 мотивирован релятом 1». Однако мы всё же, вероятно, нуждаемся в несколько более «мелкозернистом» описании, где уточнение и перегруппировка категории прежде всего будет связана с выделением кроме логических связей ещё и дискурсивных их «проекций» (так же, как и перлокутивного уровня для иллокутивных категорий).

Конечно, обозначенный вопрос о сложной упорядоченности «степеней заглубливания» в авторские интенции в анализе связей имеет не единственное решение. Проиллюстрировать это можно на примере пар. 104, где в довольно затянутом появлении показателей связи типа «Присоединение» *то* и *sarani* лишь в сегменте ③ (реляты – антецедент ① как весь 103 и цепочка <① - ③>) тоже просматривается определённая прагматическая логика:

¹ 資金的なサポートがあれば、	¹ Если будет финансовая поддержка,
² サハリン観光のアプリを開発し、	² [То,] разработав туристическое приложение для Сахалина,
³ さらに現地で役立つ情報を配信することもできると思います。	³ Можно будет также рассылать и полезную местную информацию.

На уровне первичной аннотации 2 и 3 здесь связаны немаркированным отношением «Присоединения», а 1 и цепочка 2-3 размечены показателем условной связи. Однако в традиционном понимании условная связь, которая, как известно, представляет собой разновидность каузальной, где пропозиции-реляты имеют неположительное значение признака реальности, выглядит всё же несколько иначе и предполагает, что хотя бы первая пропозиция адресату известна или хотя бы выводима из контекста. Перефразировав весь абзац в порядке пошагового движения к новой информации для адресата, получим:

³ Также можно будет рассылать и полезную местную информацию. ² Для этого потребуется разработать туристическое приложение для Сахалина, ¹ Для чего, в свою очередь, нужна финансовая поддержка.

Теперь вместо показателей присоединения и условности мы имеем две целевых связи. Такой же парафраз возможен был и в японском языке, но его автор избежал. Для чего? Видимо, тем самым имелось в виду затушевать почти прямой призыв к вложениям, который нарушил бы негласный этикет таких выступлений. Переместив сегмент с упоминанием о деньгах из категории «Средство» в категорию «Условие», да ещё и сместив его на передний край всего фрагмента, автор делает его своего рода «невидимкой», что адресат слышит, ещё не осознавая, к чему это относится, а когда, наконец, может поместить его в контекст, то «поезд», как говорится, «давно ушёл»: упоминание о деньгах уже сдвинулось из фокуса речи. Принцип левого ветвления в японском предложении здесь можно считать ни при чём: ведь и в русском тексте те же цели достигаются такой же тактикой. Тем важнее иметь инструмент для чёткой разметки глубинных и поверхностных структур на основе аналитических категорий связей и их экспликаторов-коннекторов.

В целом опыт аннотирования текста показал себя как важный способ верификации теоретических постулатов, однозначно обогащающий как представления о содержательных параметрах внутреннего устройства текста, так и язык его описания. Разумеется, аннотирование не позволяет «тестировать» абсолютно все положения о функционировании коннекторов. Вне поля внимания оказываются вопросы структуры отдельных субполей, или семантических зон, эффекты формальной вариативности коннекторов. Перспективным в этом плане видится расширение подобной работы на различные типы речевых произведений, что приведёт к созданию более обширной базы (по-разному мотивированных!) примеров. Показанные же нами возможности методов парафраза и подстановки единиц убеждают в высокой актуальности использования тестовых методов, включая как мнения информантов, так и анкетные исследования.

© Чиронов С.В., 2022

Список литературы

1. Басс И.И. Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста. СПб.: СПГУКИ, 2004. 371 с.
2. Голубева Н.А. К понятию коннектора в лингвистике / Н.А. Голубева, Е.В. Зуева // Язык и культура. 2017, №40 [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-konnektora-v-lingvistike> (дата обращения: 1.02.2019).
3. Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка. Вопросы языкознания. 2014. № 6, с. 92-110.
4. Инькова О.Ю. Структура коннекторов и методы её описания / Под научной редакцией О.Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2019. 316 с.
5. Кибрик А. А. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / А.А. Кибрик, В.И. Подлесская (ред.) М.: ЯСК. 2009. 736 с.
6. Кобозева И. М. «Когнитивно-семантический подход к описанию средств связи предложений (на примере коннекторов со значением непосредственного следования).» Труды Института русского языка им. ВВ Виноградова 10 (2016): 120-134.
7. Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. М.: УРСС, 2010. 1-е изд. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
8. Чиронов С.В. Наречие в японской речи как выразитель модусных значений: монография. М.: МГИМО- Университет, 2021. 478 с.
9. Чиронов С.В. Японские коннекторы с уступительным значением. Филологические науки в МГИМО. 2019. 17(1). С. 35-48. Chironov S.V. Concessive connectors in Japanese. Linguistics & Polyglot Studies. 2019. 17(1). С. 35-48.
10. Чиронов С.В. Японское katachi: от маркера обстоятельства и дальше / С.В. Чиронов // Язык и культура: сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. С. 90-98.
11. Prasad R. Reflections on the Penn discourse treebank, comparable corpora, and complementary annotation. Computational Linguistics / Prasad R., Webber B., and Joshi A. 2014. 40(4). P.921-950.
12. Reese B. Reference Manual for the Analysis and Annotation of Rhetorical Structure (Version 1.0)./ Reese B., Hunter J., Asher N. Denis P., Baldrige J., 2007., https://www.researchgate.net/publication/237563723_Reference_Manual_for_the_Analysis_and_Annotation_of_Rhetorical_Structure_Version_1_0.
13. Webber B. and Joshi A. Discourse Structure and Computation: Past, Present and Future https://homepages.inf.ed.ac.uk/bonnie/final_discourse_50.pdf

14. 市川孝 (1978) 『国語教育のための文章論概説』教育出版 (Итикава Т. Общая теория структуры предложения – для целей преподавания японского языка. Изд. Кёйку шюппан) 236 с.
15. 佐久間まゆみ. “文段認定の一基準 (II): 接続表現の統括.” 文藝言語研究. 言語篇 (1990): 35-66. (Сакума М. Показатели выделения абзаца: Общие положения теории коннекторов. Бунгэй гэнго)
16. メイナード泉子 К. 談話表現ハンドブックー日本語教育の現場で使える (Мэйнард Сэнко К. Путеводитель по дискурсивным выражениям – для использования в преподавании японского языка. Токио, Куросио) 2005. 505 с.

References

1. Bass, I.I. *Problemy sovremennogo iaponskogo iazykoznanii. Lingvistika teksta* [Issues in contemporary Japanese linguistics. Text linguistics]. St. Petersburg: SPBGUKI. 2004. 371 p.
2. Golubeva, N.A., Zueva E.V. K ponyatiuu konnectora v lingvistike // *Yazyk i kul'tura* [On the notion of connector in linguistics. In: Language and Culture] 2017. №40 [Internet publication] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-ponyatiyu-konnectora-v-lingvistike> (accessed on: 1.02.2019).
3. Zverev, A.S. Znaki prepinaniia kotsa predlozheniia kak zakliuchitel'nye chastitsy pis'mennogo iaponskogo iazyka [Sentence-final punctuation as final particles in written Japanese] // *Voprosy iazykoznanii*. 2014. Vol 6. P. 92-110.
4. In'kova, O.Yu. *Struktura konnectorov i metody ee opisaniia* [Connectors structure and methods of its description]. Thorus press. 2019. 316 p.
5. Kibrik, A. A., Podlesskaia, V. I. (ed.). *Rasskazy o snovideniakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Dreams retold – Corpus study of colloquial Russian discourse]. Iazyki slavyanskikh kultur. 2009. 736 p.
6. Kobozeva, I. M. Kognitivno-semanticheskii podhod k opisaniuu sredstv svyazi predlozheniy (na primere konnectorov so znacheniem neposredstvennogo sledovaniia) [Cognitive semantics approach to sentence connecting devices – exemplified by connectors of immediate precedence]. *Paper of Vinogradov Memorial Russian Language institute*. 2016. P. 120-134.
7. Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniia* [Notes on complex sentence structure]. URSS. 2010. 1st ed. Nauka. 1987. 222 p.
8. Chironov, S.V. *Narechie v iaponskoj rechi kak vyrazitel' modusnykh znacheniy: monografiia* [Adverb in Japanese speech expressing modal meanings]. 2021. 478 p.
9. Chironov, S.V. Iaponskie konnectory s ustupitel'nym znacheniem [Concessive connectors in Japanese]. *Linguistics & Polyglot Studies*. 2019. 17(1). P. 35-48.
10. Chironov, S.V. Japonskoe KATACHI: ot markera obstojatel'stva i dal'she // *Iazyk i kul'tura: sbornik materialov XXVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Japanese KATACHI – circumstantial marker and beyond]* // *Language and culture – papers of the 28th international conference*. ed. S.S. Chernov. TsRNS. 2017. P. 90-98.
11. Prasad, R., Webber, B., et al. Reflections on the Penn discourse treebank, comparable corpora, and complementary annotation. *Computational Linguistics*, 2014. 40(4). P. 921-950.
12. Reese B., Hunter J., et al. Reference Manual for the Analysis and Annotation of Rhetorical Structure (Version 1.0). 2007. https://www.researchgate.net/publication/237563723_Reference_Manual_for_the_Analysis_and_Annotation_of_Rhetorical_Structure_Version_10.
13. Webber, B. and Joshi, A. Discourse Structure and Computation: Past, Present and Future https://homepages.inf.ed.ac.uk/bonnie/final_discourse_50.pdf.
14. 市川孝 『国語教育のための文章論概説』教育出版 (Ichikawa T. General sentence structure – for purposes of Japanese teaching. Kyoiku shuppan) (1978) 236 p.
15. 佐久間まゆみ. “文段認定の一基準 (II): 接続表現の統括.” 文藝言語研究. 言語篇 (Sakuma M. Paragraph breakdown criteria: General note on connector theory. Bungei gengo) (1990): 35-66.
16. メイナード泉子 К. 談話表現ハンドブックー日本語教育の現場で使える (Maynard Senko K. Handbook on Japanese discourse expressions – for use in Japanese teaching. Kuroshio) 2005. 505 p.

Сведения об авторе:

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО. Сфера научных интересов – лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru

About the author:

Sergey Vladimirovich Chironov, PhD in Linguistics, is Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru

* * *

PARAMETRIC ANALYSIS OF RUSSIAN-PERSIAN DICTIONARIES OF MILITARY TERMS

Mohammadi Mohammad Reza, Baharloo Hadi, Golkar Abtin, Haghzare Davoud

Tarbiat Modares University,
Iran, Tehran, Jalal Ale Ahmad, Nasr, P.O.Box: 14115-111

Abstract. This article is devoted to the analysis of Russian-Persian military dictionaries by J.M. Mirzabekyan, G.G. Aliyev and Kh.B. Mavlyutov, which are by far the most authoritative dictionaries among Iranian translators. The mega-media and microstructure of the mentioned military dictionaries are analyzed, their advantages and disadvantages, as well as some problems of Persian equivalents representation in these dictionaries are considered.

Since the main objective of this research work is the study of Russian-Persian dictionaries that are accepted by translators of military terms, an attempt was made to present a parametric analysis of the micro-, media- and macrostructure of the mentioned dictionaries. The parametric analysis is the most effective tool for typological description; it is universal in the sense that it allows you to expand the list of parameters.

Considering these dictionaries as the major dictionaries in the military sphere, the authors attempted to show the need to update not only their structure, but also their Persian equivalents. The results of the analysis reveal some problems arising primarily out of the fact that some terms are outdated and no longer in use in modern Persian terminological language. Any a new Russian-Persian dictionary in this field should be aimed at clarifying and specifying term equivalents. As for the megastructure of dictionaries, they contain applications that provide extralinguistic information necessary for translating texts in this field that should be included in new dictionaries. In the considered dictionaries, the media structure is rarely framed, and thematic and semantic relationships between vocabulary units are not established. The design of the media structure of the dictionary gives it an additional educational character, which makes it of practical significance for students of technical universities, the main users of the new dictionary.

Keywords: specialized dictionary, bilingual dictionary, Russian-Persian dictionary, military term, megastructure of a dictionary, microstructure of a dictionary

For citation: Mohammadi Mohammad Reza, Baharloo Hadi, Golkar Abtin, Haghzare Davoud (2022). Parametric analysis of Russian-Persian dictionaries of military terms. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 89–104. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-89-104>

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКО-ПЕРСИДСКИХ СЛОВАРЕЙ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ

Мохаммади Мохаммад Реза, Бахарлу Хади, Голкар Абтин, Хагзаре Давуд

Государственный университет Тарбиат Модарес,
Иран, Тегеран, проспект Джалал Але Ахмад, университет Тарбиат Модарес, 14115-111

Аннотация. Данная статья посвящена анализу русско-персидских военных словарей Ж.М. Мирзабеяна, Г.Г. Алиева и Х.Б. Мавлютова, являющихся на сегодняшний день наиболее авторитетными словарями при переводе военных терминов иранскими переводчиками. В работе анализируются мега-, медио- и микроструктура упомянутых военных словарей, рассматриваются их преимущества и недостатки, а также некоторые проблемы с представлением персидских эквивалентов. Поскольку основной задачей данной исследовательской работы является изучение русско-персидских словарей, используемых переводчиками для перевода военных терминов, в работе предпринята попытка представить параметрический анализ микро-, медио- и макроструктуры упомянутых словарей. Параметрический анализ – наиболее эффективный инструмент типологического описания, он универсален в том смысле, что позволяет бесконечно пополнять список параметров. Рассматривая данные словари в качестве средства перевода военных терминов, авторы предприняли попытку показать необходимость создания новых русско-персидских военных словарей. Результаты анализа свидетельствуют о том, что в существующих словарях достаточно часто встречаются проблемы, связанные с переводом терминов. Эти проблемы объясняются прежде всего тем, что словари были изданы достаточно давно и многие эквиваленты, предложенные в них, не используются в данной терминологической системе современного персидского языка. Любой новый русско-персидский словарь в этой области должен быть ориентирован на уточнение и исправление терминов-эквивалентов. Что касается мегаструктуры словарей, в них встречаются приложения, в которых представлены экстралингвистические сведения, необходимые для перевода текстов данной области, и этот материал предлагается включить в словари нового поколения. В рассмотренных словарях редко оформлена медиоструктура и не устанавливаются тематические и семантические соотношения между словарными единицами. Оформление медиоструктуры словаря придаёт ему добавочный учебный характер, и в связи с тем, что в ряд основных пользователей нового словаря включаются студенты технических вузов, это имеет особую практическую значимость.

Ключевые слова: специализированный словарь, двуязычный словарь, русско-персидский словарь, военный термин, мегаструктура словаря, микроструктура словаря

Для цитирования: Мохаммади Мохаммад Реза, Бахарлу Хади, Голкар Абтин, Хагзаре Давуд (2022). Параметрический анализ русско-персидских словарей военных терминов. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 89–104. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-89-104>

Переводчики и технические специалисты используют разные средства и ресурсы для перевода в своих областях. Одним из лучших и наиболее важных средств, используемых переводчиками и специалистами для перевода специальных технических текстов, являются специализированные словари.

В настоящее время во всём мире переводчики и технические специалисты при переводе специальных документов в своих профессиональных сферах используют различные словари, включая энциклопедические и толковые словари, двуязычные переводные, многоязычные переводные,

карманные, иллюстративные и т. д. Среди указанных видов словарей переводные словари больше других ориентированы на этих пользователей. Эти словари в связи со своим характером больше удовлетворяют требования переводчиков и считаются необходимым средством любого межъязыкового контакта в специальных областях.

Согласно Ю.Н. Марчуку, большинство многоязычных терминологических словарей, охватывающих крупные предметные области, а также политехнические словари, как правило, политематичны, а двуязычные терминологические словари зачастую посвящены узким темам и предметным областям. Поскольку профессиональный научно-технический переводчик чаще всего работает с одним иностранным языком и, естественно, ему необходим двуязычный, максимально полный, точный и современный терминологический словарь, можно утверждать, что многоязычные терминологические словари в основном предназначены для перевода, но не для переводчиков, занимающихся профессиональной документацией, а для специалистов и работников, работающих с иностранным языком [11, с. 66-67].

Однако в некоторых случаях из-за отсутствия специализированных словарей в какой-либо технической области или наличия словарей, которые были оформлены без учёта потребностей пользователей, специалисты и переводчики вынуждены использовать политехнические словари или словари, в которых имеются термины данной области науки. Например, для перевода терминов в области радиолокации пользователи в Иране обращаются к таким словарям. С учётом того, что радиолокационная терминология – это междисциплинарная область, переводчики и радиолокационные специалисты вынуждены использовать для перевода текстов в этой области науки словари по электронике, электротехнике, телекоммуникационные, военные, политехнические и другие словари.

В.П. Берков в своей книге «Двуязычная лексикография» рассматривает важнейшие характеристики современного большого двуязычного словаря и, подводя итоги, завершает практическими советами. В частности, особое внимание он уделяет интересам пользователя [5, с. 6].

Настоящая статья посвящена рассмотрению ситуации, когда в роли контактирующих языков в области военной терминологии выступают русский и персидский языки. В Иране составлено и опубликовано немало книг, статей и диссертаций по терминологии, в которых рассматривается состояние русского и персидского языков в разных специальных сферах. Среди них можно отметить такие работы, как «Описательный англо-персидский словарь лексикографии» [7], «Сборник статей по двуязычной лексикографии на персидском языке, представленных на Национальном форуме двуязычной лексикографии в Иране» [15], русскоязычные статьи: «Типичные проблемы обучения русскому глаголу иранских студентов при употреблении двуязычных русско-персидских словарей как средства обучения» [14] и «Из опыта работы над русско-персидским словарём аэрокосмических терминов» [4], а также русскоязычные магистерские работы: «Анализ базовых аэрокосмических терминов в русском языке и их эквивалентов в персидском языке» [3], «Базовые морские термины в русском языке и их эквиваленты в персидском языке» [6], «Термины в области поиска и разведки нефти в русском языке и их эквиваленты в персидском языке» [13], «Рассмотрение русских терминов по морской радиосвязи и их эквиваленты в персидском языке» [1].

Несмотря на существование многочисленных теоретических трудов, проблема отсутствия специализированных русско-персидских словарей в настоящее время ощущается в различных областях, особенно научных и технических, в том числе в области военной терминологии. Что касается последней указанной терминологии, в настоящее время в Иране существуют разные русско-персидские словари, в том числе военные и политехнические, с помощью которых переводчики удовлетворяют свои потребности. В число русско-персидских словарей, к которым обращаются переводчики для перевода военных терминов, входят «Русско-персидский политехнический словарь» Ж.М. Мирзабекяна [12], «Военный персидско-русский и русско-персидский словарь» Г.Г. Алиева [2], «Военный персидско-русский и русско-персидский словарь» Х.Б. Мавлютова [10]. Помимо упомянутых специальных словарей, существуют различные русско-персидские словари, в том числе «Русско-персидский словарь» Г.А. Восканяна, «Русско-персидский словарь»

И.К. Овчинниковой, а также «Русско-персидский словарь» С.Д. Клевцовой, которые не включены в наш анализ, так как основной целью данной исследовательской работы является изучение русско-персидских словарей, используемых переводчиками для перевода военных терминов.

Основной задачей настоящей исследовательской работы является параметрический анализ структуры (мега-, медио- и микроструктуры) словарей, в которых описывается русско-персидская военная терминология. Теоретическая база словаря составлена на основе книг российских учёных С.В. Гринёва-Гриневича [8], И.С. Кудашева [9], и Ю.Н. Марчука [11].

Точные и полные параметры составления словарей разных типов были разработаны Ю.Н. Карауловым в связи с решением проблемы автоматизации лексикографии. Этот список содержит 68 параметров. Автор пишет, что в качестве параметров специализированных словарей, прежде всего, можно рассматривать их композиционные характеристики и набор элементов словарной информации [Там же, с. 17–20]. И.С. Кудашев в число основных параметров оформления словаря в развёрнутом виде включает такие параметры, как: 1. адресат словаря; 2. его назначение; 3. связь с другими произведениями; 4. носитель информации; 5. состав левой и правой частей словаря; 6. состав дополнительных частей; 7. средства экономии и компрессии информации; 8. средства навигации; он представляет классификацию факторов, влияющих на параметры словаря, а также процесс его создания [9, с. 72, 389, 66–68].

По мнению С.В. Гринёва-Гриневича, создание типологии словарей предполагает выделение конкретных лексикографических признаков, параметров, служащих основанием для классификации, описания и оценки словарей, а также их оформления. Выбор этих параметров позволяет создать несколько форм для создания словарей и унифицировать способ их составления. Но в целом для оценки и описания различных типов словарей необходим достаточно полный и тщательный перечень возможных лексикографических параметров [8, с. 179].

Обобщая мнения разных учёных касательно терминографии, можно сказать, что составление любого словаря осуществляется на основе взаимоотношения четырёх основных факторов, которые определяют его общий характер: элементы авторской установки или основополагающие элементы словаря; элементы макроструктуры, определяющие входящие в структуру словаря части; элементы микроструктуры, связанные с характером составляющих словарную статью частей (зон); элементы медиоструктуры, связанные с установлением взаимосвязи и соотношения словарных статей.

Элементы авторской установки, как уже было указано, считаются основополагающими параметрами составления словаря, от которых обычно зависит оформление микро-, макро- и медиоструктуры словаря. Чёткая адресация и условность при жёстком прагматизме рассматривается многими исследователями как основополагающий принцип лексикографии. С.В. Гринёв-Гриневич, обобщая мнения таких учёных, как Л.В. Щерба, Л. Згуст, Б.Ю. Городецкий, Ю.Н. Караулов в области словарных параметров, приходит к следующему выводу: большая часть словарных параметров традиционно выделяется в общей лексикографии. Он выделяет такие параметры, как нормативность, исчерпываемость описания лексики языка, принцип расположения лексики (алфавитный или идеологический), назначение словаря (толковый или переводной), хронологическая ориентация (исторический или неисторический словарь).

Большинство параметров словарей связано с оформлением микрокомпозиции, то есть элементов лексикографической информации, входящих в словарную статью, которые С.В. Гринёв-Гриневич подразделяет на следующие группы: 1. регистрационные параметры, 2. формальные, 3. этимологические, 4. атрибутивные, 5. интерпретационные, 6. ассоциативные, 7. прагматические, 8. микроструктурные параметры [Там же, с. 21].

Что касается макроструктуры словаря, рассмотрение мнений разных учёных показывает, что основными частями словаря являются следующие разделы и части: введение, предисловие, правила пользования словарём, перечень применяемых сокращений, индексы, порядок (или принцип) расположения словарных статей, приложения, использованные источники и использованная литература, назначение словаря, тематика, функция, объём словаря, принципы отбора терминов, чёткая адресация, отсылки, средства компрессии словаря, пометы, ударение.

Под медиоструктурой словаря понимается характер взаимосвязи словарных статей. Установление указанной взаимосвязи не только помогает переводчикам в тщательном и правильном подборе терминов, но и может выполнять учебную функцию, ориентированную на специалистов, использующих словарь в основном с целью знакомства с терминологической системой и понятийным аппаратом данной предметной области.

Основные предметы, составляющие структуру словаря, указаны в таблице № 1.

Таблица № 1

Параметры «элементы авторской установки», «макроструктура», «медиоструктура» и «микроструктура»

№	Структура	Параметры
1	Элементы авторской установки	Тематика, объём словаря, принципы отбора терминов, чёткая адресация.
2	Макроструктура	Введение, предисловие, правила пользования словарём, перечень применяемых сокращений, индексы, порядок (или принцип) расположения словарных статей, приложения, источники и использованная литература, назначение словаря, функция.
3	Медиоструктура	Отсылки.
4	Микроструктура	Средства компрессии словаря, пометы, ударение.

По принципу научности в лексикографии, при оформлении любого словаря, должны быть соблюдены определённые требования к вышеуказанным параметрам. Считается, что успешность словарей в выполнении посвящённой им функции, во многом зависит от соблюдения этих требований. Следующий раздел словаря посвящён анализу того, насколько соблюден принцип научности в составлении русско-персидских словарей военной терминологии. В этом разделе подвергаются анализу параметры структуры (макро-, медио- и микроструктуры) следующих словарей:

1. «Русско-персидский политехнический словарь» Ж.М. Мирзабекяна [12],
2. «Военный персидско-русский и русско-персидский словарь» Г.Г Алиева [2],
3. «Военный персидско-русский и русско-персидский словарь» Х.Б. Мавлютова [10].

I. Элементы авторской установки

1. Чёткая адресация

Несмотря на то, что, по мнению большинства терминографов, адресация является одним из самых основных параметров терминографии, Х.Б Мавлютов [10] и Г.Г Алиев [2] в своих словарях ни в малейшей степени не упоминают об этом, но Ж.М. Мирзабекян [12] подробно раскрывает, что составленный им политехнический словарь предназначен для инженерно-технических работников, переводчиков, преподавателей и студентов востоковедных факультетов и вузов Советского Союза, а также для иранских специалистов и студентов технических учебных заведений Ирана.

2. Объём

По объёму «Политехнический словарь» Ж.М. Мирзабекяна [12], содержащий около 50 000 терминов, и «Военный словарь» Г.Г Алиева [2] (около 20 000 терминов) входят в группу больших словарей, а «Военный словарь» Х.Б Мавлютова [10], объёмом около 5000 терминов, входит в разряд словарей среднего объёма.

3. Тематика

В «Политехническом словаре» Ж.М. Мирзабекяна [12] существуют технические, военные и научные термины, охватывающие основные отрасли науки и техники (математика, физика, ядерная физика, ядерная техника, радиоэлектроника и др.). В словаре Г.Г Алиева [2] содержится терминология по организации, боевой технике и вооружению, боевой подготовке и боевому использованию всех видов вооружённых сил. Особое внимание уделяется новейшей военной и военно-технической терминологии. Тематика словаря Х.Б Мавлютова [10] более узкая и охватывает только важнейшие термины основных областей военного искусства.

4. Принципы отбора терминов

Г.Г. Алиев [2] совсем не указывает на принципы отбора терминов, а Ж.М. Мирзабекян [12] подробно объясняет, что в своём словаре он максимально полно представляет терминологию ведущих отраслей советской науки и техники и наиболее важные термины по экономике в плане советско-иранских экономических связей. У Х.Б. Мавлютова [10] так же, как Г.Г. Алиева [2], не представлены конкретные правила отбора терминов, а только отмечено, что словарь ориентирован на новую военную терминологию.

II. Макроструктура

1. Порядок (или принцип) расположения словарных статей

Во всех анализируемых трудах единицы, входящие в словник, располагаются по алфавиту. В словаре Х.Б. Мавлютова [10] все статьи расположены в алфавитном порядке, причём в персидско-русской части перед каждой статьёй стоит звездочка (*), вслед за которой идут сначала изафетные сочетания, расположенные, в свою очередь, в алфавитном порядке присоединяемых определений, а затем даются сочетания данного термина с предлогами и глаголами. Далее, в качестве уже самостоятельных терминов (то есть с предшествующей звёздочкой) приводятся сложные и производные термины, в которых в состав первой части входит указанный в заголовке термин.

★	عقب	əqəb	зад; сзади, за.
	عقب جبهه	əqəb-e çəbhə	тыл.
	عقب رفتن	əqəb rəftən	отступать.
★	عقب دار	əqəb-dar	арьергард.
★	عقب نشینی	əqəb-neşini	отступление.

2. Общая структура словарей, которая включается в макроструктуру словаря, в том числе перечень применяемых сокращений, предисловие, правила пользования словарём, введение. В словаре Х.Б. Мавлютова [10] присутствуют все эти параметры. В словаре Ж.М. Мирзабекяна [12] существуют все параметры, кроме введения, а в словаре Г.Г. Алиева [2] отсутствуют введение и перечень применяемых сокращений.

3. Приложение

Словарь Ж.М. Мирзабекяна [12] не имеет приложения. Г.Г. Алиев [2] в начале словаря представляет таблицу воинских званий в вооружённых силах Афганистана, сокращения, употребляемые в документах афганской армии для обозначения титулов перед фамилией офицеров, месяцы солнечного года и названия месяцев европейского календаря, а в конце словаря Х.Б. Мавлютова в виде приложений даны наименования чинов иранской армии и новая денежная система Ирана.

4. Индексы

Числа используются в качестве индексов во всех этих словарях. В словаре Г.Г. Алиева [2] омонимы даны в разных гнездах и обозначены римскими цифрами, а в словаре Х.Б. Мавлютова [10] арабские цифры со скобкой служат для обозначения различных категорий значений одного и того же термина.

5. Назначение

По назначению словарь Ж.М. Мирзабекяна [12] является переводно-справочным (в случае необходимости после термина в скобках приводится объяснение на персидском языке), а остальные – переводными.

6. Источники и использованная литература

Ж.М. Мирзабекян [12] указывает на то, что для отбора персидских эквивалентов используются учебники, словари, статьи и журналы, но не указывает на источники отбора русских терминов. В двух других словарях совсем нет раздела использованных источников и литературы.

7. Функция

Все указанные словари выполняют инвентаризационную функцию, то есть они описывают и включают уже существующую и зафиксированную терминологию и не ориентированы на образование и закрепление языковых норм в данной области.

III. Медиоструктура

Отсылки

В словаре Г.Г. Алиева [2] отсылок не существует. Ж.М. Мирзабекян [12] и Х.Б. Мавлютов [10] употребляют основные и вспомогательные указатели (см., см. также), хотя их число в словаре Х.Б. Мавлютова [10] очень мало (помета «см.» использована только в трёх случаях).

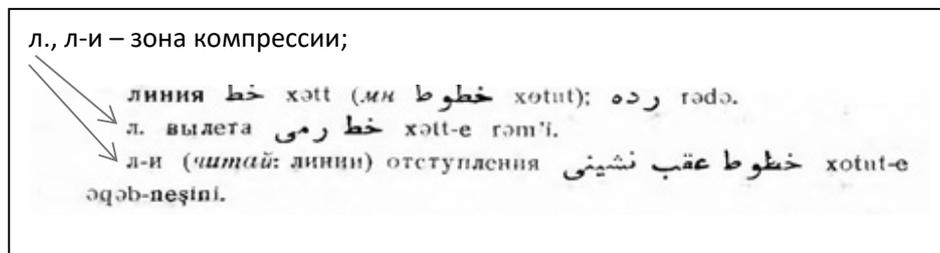
IV. Микроструктура

1. Средства компрессии словаря

Во всех рассмотренных словарях гнездовое расположение является главным средством компрессии словаря. Параллельная вертикальная линия существует только в словаре Г.Г. Алиева [2]. В данном словаре для компрессии словаря неизменяемая заглавная часть отделяется в заглавном слове при помощи параллельки (||), а остальные слова, объединённые в одно гнездо, заменяются тильдой (~).

В словарях Ж.М. Мирзабекяна [12] и Г.Г. Алиева [2], как и в большинстве других словарей, во избежание повтора однокоренных слов употреблена тильда, но в словаре Х.Б. Мавлютова [10] повторяющийся без изменений основной термин обозначается первой буквой данного термина с точкой, а в случае изменения конечных элементов термина изменяемая часть термина присоединяется к начальному термину посредством дефиса (-).

Например:

2. Ударение

Постановка ударения в словарной статье встречается только в словаре Ж.М. Мирзабекяна [12].

3. Пометы

Грамматические пометы, указывающие на род терминов, существуют во всех трёх словарях. Ж.М. Мирзабекян [12] использовал отраслевые пометы на персидском языке в скобках, а Г.Г. Алиев [2] в необходимых случаях перед переводом даёт пометы, указывающие на область применения термина и употребление его в определённой стране, на русском языке курсивом. В персидско-русской части данного словаря наличие изафетной связи обозначается звёздочкой (*), одной или несколькими, в зависимости от числа связей. Также переводы русских терминов на язык дари даются после пометы «каб». В словаре Х.Б. Мавлютова [10] в круглые скобки заключаются формы множественного числа арабских имён (с сокращением мн курсивом без точки). Персидский алфавит транскрибируется в данном словаре знаками тюркского алфавита.

В квадратных скобках приводятся основы настоящего времени неправильных глаголов. Курсивом даны различного рода пояснения, а также иностранные слова, перешедшие в персидский язык и сохранившие в основном своё произношение.

Далее на основе проведённого анализа перечисляются преимущества и недостатки рассматриваемых словарей.

Словарь Ж.М. Мирзабекияна [12]

Недостатки

1. Много недостатков встречается в отборе источников и терминов.
2. В словарь включено очень мало примеров и иллюстраций.
3. Аббревиатур в словаре совсем нет.
4. В связи с тем, что этот словарь был написан для использования переводчиками, специалистами и студентами обеих стран, есть пометы, относящиеся к различным дисциплинам и областям, например: (رضه), но, поскольку данные пометы представлены на персидском языке, возникают трудности для русскоговорящих. Поэтому лучше было использовать международные пометы.

رادیوس *m* ، پرتوه ، شعاع دایره ، شعاع (رضه) نیم قطر

5. Не указаны источники, из которых были отобраны основные русские заглавные слова, а только, якобы, использованы общие русские словари и несколько специализированных словарей, которые кажутся недостаточными для составления словаря из 50 000 слов.

6. Использовано очень мало специализированных ресурсов. Учитывая, что данный словарь написан для облегчения перевода и общения между гражданами двух стран, необходимо было использовать доступные ресурсы торговых отношений этих двух стран.

Преимущества

1. В словаре существует список использованной литературы, перечень применяемых сокращений, правила пользования словарём.
2. Чёткое определение правил составления словаря.
3. Широкий круг пользователей и их точная идентификация.
4. Обращено внимание на потребности пользователей и даётся описание сложных терминов для пользователей с учётом их родного языка.

Например:

رادیوس *m* ، پرتوه ، شعاع دایره ، شعاع (رضه) نیم قطر

~ átoma شعاع اتم

~ , боровский شعاع بوهر

~ вращения شعاع ژیراسیون ، شعاع دوران

(سمان ایترسی I یک جسم یا جرم M حول یک محور مشخص بوسیله رابطه زیر بیان میشود $I = MK^2$ و در این رابطه K همان شعاع ژیراسیون میباشد)

~ , гидравлический شعاع هیدرولیک

~ , гравитационный شعاع گرانشی [ثقلی]

~ действия شعاع عمل

~ закругления شعاع گردی

~ инерции شعاع ژیراسیون ، شعاع ایترسی (جذر سمان ایترسی یک جسم دور یک محور معین نسبت به جرم آن جسم است)

5. Использование ударения в русских терминах.

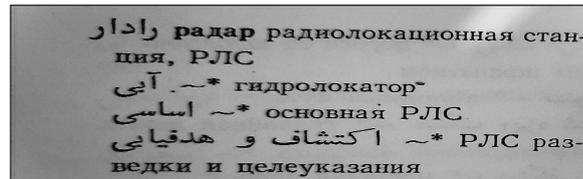
Словарь Г.Г. Алиева [2]

Недостатки

1. Неэффективное выделение заголовочных слов (не полужирным шрифтом) как в персидско-русской, так и в русско-персидской части.

2. В персидско-русской части порядок расположения слов должен быть справа, а не слева. Пример включения персидских заголовочных слов в словаре и предлагаемый порядок показан ниже.

Пример словаря:

Правильный порядок:

радар	رادار
(РЛС) радиолокационная станция	آبی
гидролокатор	اساسی
основная РЛС	اکتشاف و هدفیابی
РЛС разведки и целеуказания	

3. Отсутствие аббревиатур для терминов, которые имеют аббревиатуры (хотя в персидско-русской части словаря существуют некоторые аббревиатуры).

4. Не указаны источники, использованные для выбора терминов, и их хронологические рамки.

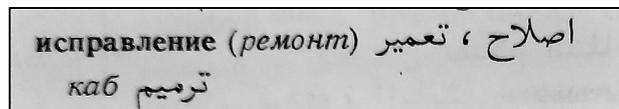
5. Нет объяснений использованных правил отбора терминов.

6. Нечёткая адресация.

7. Не указаны условные сокращения, используемые в словаре.

8. Отсутствие справочных сведений о сложных терминах. В словаре в редких случаях встречается объяснение понятия или определение предметной области термина-заголовка.

Например:

9. Отсылки совсем не существуют.

Словарь Г.Г. Алиева [2]

Преимущества

1. Обеспечивает почти полное сочетание терминов для основных заголовков.

2. Представление составных терминов, состоящих из нескольких частей, в отдельных заголовках.

Словарь Х.Б. Мавлютова [10]

Недостатки

1. Отсылки есть, но очень мало. Редкое использование отсылок «См.».

Например:

магазинная коробка см. ко-
робка.

2. Сложные термины под основным термином неполны. Недостаточно внимательное отношение к выбору составных терминов. После заголовка можно было бы привести гораздо больше практических терминов.

3. Использование первой буквы термина и точки вместо тильды.

Например:

разведка اکتشاف ekteşaf,
تجسس teçössos.
р. артиллерийская اکتشاف
توپخانه ekteşaf-e tup-xanə.

Правильный пример:

разведка

ekteşaf

اکتشاف
اکتشاف توپخانه

□ артиллерийская
ekteşaf-e tup-xanə

4. Использование устаревших терминов и терминов-архаизмов, хотя таких случаев мало: четыре устаревших термина и один термин – архаизм.

5. Аббревиатуры совсем не используются. Есть только один случай для персидского термина.

Например:

★ سپاه serah (сокр. سپه serəh)
армия, войско.

6. С учётом выбранных основных терминов и недостаточного количества сложных терминов, к числу слабости данного словаря в его современном состоянии относятся неточность используемых источников и принцип отбора словника.

Преимущества

1. В конце словаря в приложении содержится список военных званий.

2. В словаре существуют введение, предисловие, правила пользования словарём, перечень применяемых сокращений.

3. Представление информации о терминах-интернационализмах и представление об эквивалентах интернационализмов во французском, английском и немецком языках.

Например:

система سیستم (фр. système).

4. Существует транскрипция для русских пользователей.
5. Сначала даётся основной термин, а затем к нему относятся глагол и прилагательное.

Рассмотрение словарей с точки зрения их эквивалентности

В связи с основной задачей переводных словарей, то есть представлением эквивалента для терминов, точность перевода включается в ряд основных параметров их успешности. По этой причине отдельный раздел статьи посвящён анализу представленных в словарях эквивалентов.

На основе анализа словарь Ж.М. Мирзабекяна [12] показал лучшие результаты с точки зрения эквивалентности, чем два других словаря, хотя в нём также встречаются неточности в переводе терминов. В таблице 2 представлены некоторые из указанных неточностей.

Таблица № 2.

Неточности в переводе терминов в словаре Ж.М. Мирзабекяна [12]

Термин	Представленный в словаре эквивалент	Правильный перевод
взаимное влияние	تاثیر متبادل	تداخل
ползучая волна	موج اصلی، موج جلو	موج خزنده
генератор импульсов,	مولد محرک/تحریک/سوق دهنده	مولد پالس، تپ ساز
фазовый детектор	تحمیلز دای فاز، دمدمو لاتور فاز	آشکار ساز فاز
отбор мощности	قدرت گیری، نیرو گیری	جهش توان
РЛС сопровождения	رادار ترفیق	رادار ردگیر
связь обратная	واکنش، تزویج واکنش، پس خوراند	باز خورد
сдвиг частоты	تغییر مکان، پیشرفت	پرش بسامد
смещение	تغییر مکان، قطبش، تمایل دادن	انحراف، خطای بایاس
способность пропускная	بده قابلیت عبور دادن امکان عبور دادن	ظرفیت
уход частоты, выбег частоты	تغییر مکان فرکانس	انحراف بسامد

Из недостатков данного словаря в области перевода терминов можно указать на те случаи, когда в эквивалентах использовались заимствованные термины или термины, которые не являются ошибочными, но и не являются лучшими, согласно Академии персидского языка и литературы. Список некоторых терминов данного ряда указан в таблице 3.

Таблица № 3

Эквиваленты словаря Ж.М. Мирзабекяна [12], которые можно заменить современными персидскими терминами

Термин	Представленный в словаре эквивалент	Правильный перевод
видеочастота	فرکانس بصری	بسامد تصویر

Термин	Представленный в словаре эквивалент	Правильный перевод
обратная волна	موج برگشت	موج بازگشتی
гашение луча	خاموش/خفه/میرا کردن	خاموشی پرتو
генератор, осциллятор	اوسيلاتور، نوسانگر، دستگاه نوسان دهنده	نوسان ساز
дальность обнаружения	شعاع عمل آشکارسازی	برد آشکارسازی
динамический диапазон	حدود تغییرات دینامیکی	گستره پویایی
индикатор движущихся целей	اندیکاتور هدف های متحرک	آشکار ساز اهداف متحرک
корреляция	ارتباط، بستگی، ارتباط متقابله، وابستگی دوجانبه	همبستگی
коэффициент усиления	ضریب تقویت	بهره، گین
дипольные отражатели	انعکاس کننده دو قطبی	خاشه چف
круговая поляризация	قطبش دورانی	قطبش دایروی
постановщик помех	فرستنده تداخل، فرستنده پارازیت ها	اخلالگر نوفه ای اخلالگر نویزی
разрешение, разрешающая способность	قدر تشخیص، قدر تجزیه	تفکیک پذیری
критический угол	زاویه حد	زاویه بحرانی
импульсный усилитель	تقویت کننده جنبشی	تقویت کننده پالسی تقویت کننده تپی

В некоторых случаях Мирзабекян [12] предложил очень удачные эквиваленты, которые не существуют даже в современных словарях, а переводчики и специалисты продолжают использовать заимствованные эквиваленты. Некоторые эквиваленты такого характера представлены в таблице №4.

Таблица № 4

Удачные эквиваленты словаря Мирзабекяна [12]

Термин	Представленный в словаре эквивалент	Неудачный или неправильный перевод
модуляция	هموارش	مدولاسیون
проницаемость	تراوانی، نفوذ پذیری	قابلیت نفوذ
поляризация горизонтальная	قطبش افقی	پلاریزاسیون افقی

В связи с тем, что по году составления словарь Х.Б Мавлютова [10] относится к сравнительно более старым словарям в этой области, используемые персидские эквиваленты устарели и многие из них вышли из употребления, их необходимо заменить современными персидскими терминами. Некоторые случаи неподходящих эквивалентов этого словаря показаны в таблице №5.

Таблица № 5

Устаревшие эквиваленты в словаре Х.Б. Мавлютова [10],
которые необходимо заменить современными персидскими терминами

Термин	Представленный в словаре эквивалент	Правильный перевод
дымовой снаряд	گلوله دود انگیز	گلوله دودزا
зажигательный снаряд	گلوله محترق	گلوله آتش زا
дивизионный генерал	امیر لشکر	سر لشکر
бомбардировка	بمباردمان	بمباران
кавалерийская бригада	تیپ گارد سوار	تیپ سواره نظام
вахмистр	وکیل باشی	گروهبان یکم
ведомость	احصائیه	فهرست
ветеринар	ویتار	دامپزشک
вождь	ایلیبگی، ایلخانی	رهبر
химическая война	جنگ شیمی	جنگ شیمیایی
запасные войска	قوای ذخیره، قوای احتیاط	نیروی ذخیره
морские войска	قوای بحریه	نیروی دریایی
сухопутные войска	قوای بریه، بری	نیروی زمینی
самолёт	طیاره	هواپیما

Персидские эквиваленты словаря Г.Г. Алиева [2] намного более современные, чем эквиваленты Х.Б. Мавлютова [10], но в этом словаре тоже встречаются старые, устаревшие и иногда неправильные эквиваленты. Некоторые из этих терминов приведены в таблице № 6.

Таблица № 6

Некоторые неправильные эквиваленты в словаре Г.Г. Алиева [2]

Термин	Представленный в словаре эквивалент	Правильный перевод
авиация	هواپیمایی	نیروی هوایی
авиация береговой охраны	هواپیمایی دفاع ساحلی	نیروی هوایی دفاع ساحلی
ПВО	دفاع ضد هوایی	پدافند
летательный аппарат	جهاز پرنده	پرنده، هواپیما
кислородный аппарат	جهاز اکسیژن	دستگاه اکسیژن
арсенал	قورخانه، تخشائی	انبار مهمات
безопасность полётов	بی خطری پرواز	امنیت پرواز
бронебойные боеприпасы	مهمات جنگی ثاقب	مهمات ضد زره
дымовые снаряды	مهمات دودانگیز	مهمات دودزا
пристрелочные боеприпасы	مهمات امتحانی	مهمات قلق گیری

Термин	Представленный в словаре эквивалент	Правильный перевод
ветеран войны	وتران، جنگ آزموده، سرباز باسابقه	سربازان بازمانده جنگ، جانبازان جنگ
взрыватель	ترکاننده	فیوز
десантные войска	نیروهای دسانت	نیروهای هوایر
отражённая волна	موج منعکس	موج برگشتی

Анализ русско-персидских словарей военной терминологии свидетельствует о том, что они нуждаются в редакции и пересмотре. За последние десятилетия в связи с активной работой Академии персидского языка и литературы для стандартизации разных терминологических систем (в том числе и военной терминологии) состояние языка науки и специальных языков упрощено, и для многих научных и технических понятий предложены термины, образованные по правилам терминообразования этого языка. В результате появились различные терминологические словари, в которых в основном английский и персидский позиционируются как язык-источник и переводящий язык. На основе вышеуказанного предполагается, что, ориентируясь на понятия языка-посредника и использование английского языка как языка-посредника, а также учитывая требования принципа научности в составлении словарей, все необходимые базовые средства составления русско-персидского словаря военных терминов готовы.

Заклучение

Во всех рассмотренных словарях встречаются недостатки в базовых элементах составления структуры словаря. Что касается элементов авторской установки, основные проблемы связаны с подбором входящих в словарь терминов, хотя, учитывая год издания данных словарей, отсутствие многих терминов, связанных с новыми понятиями, выглядит логичным. Естественно, что указанные словари не смогут удовлетворить требования современного пользователя, который уже привыкает к использованию современной технологии в переводе слов и текстов. Кроме того, приоритетный пользователь данных словарей – это русские специалисты, в результате чего некоторые сведения, необходимые для персоговорящих пользователей (например ударение), в этих словарях не представлены.

В макроструктуре проанализированных словарей также встречаются недостатки, связанные с традиционным подходом составителей к оформлению словарных статей, в результате чего в них реже встречаются последние достижения научно-обоснованной терминографии. Отсутствие иллюстраций, невключение аббревиатур, которые считаются неотъемлемой частью современной военной терминологии (особенно в русском языке), можно считать основными недостатками в микроструктуре словарей.

Все словари имеют недостатки в медиоструктуре. Отсылки либо вообще не используются, либо используются крайне редко или неэффективно.

С точки зрения эквивалентности словарь Ж.М. Мирзабекяна [12] показал лучшие результаты, чем два других словаря. Персидские эквиваленты словаря Г.Г. Алиева [2] более современные, чем эквиваленты Х.Б. Мавлютова [10]. Но всё-таки в связи с несоблюдением требований Академии персидского языка и литературы и предлагаемых Академией эквивалентов, а также невключением новых понятий предполагается необходимой серьёзная работа лексикографов для составления нового русско-персидского словаря военных терминов, который в связи с углублением взаимоотношений Ирана и России в данной области очень востребован переводчиками и специалистами.

© Мохаммади Мохаммад Реза, Бахарлу Хади, Голкар Абтин, Хагзаре Давуд, 2022

Список литературы

1. Авазпур К. Ш. Рассмотрение русских терминов по морской радиосвязи и их эквиваленты в персидском языке: Дисс. Тегеран, государственный университет Тарбиат Модарес, 2015. 245 с.
2. Алиев Г.Г. Военный персидско-русский и русско-персидский словарь. М.: Воениздат, 1972. 656 с.
3. Бахарлу Х. Анализ базовых аэрокосмических терминов в русском языке и их эквивалентов в персидском языке. Дисс. Тегеран, государственный университет Тарбиат Модарес, 2000. 250 с.
4. Бахарлу Х. Из опыта работы над русско-персидским словарем аэрокосмических терминов // Вестник Центра международного образования МГУ имени М.В.Ломоносова. М., 2011. № 4. С. 12-16.
5. Берков В.П. Двужызычная лексикография. М.: ООО «Издательство Астрель», 2004. 236 с.
6. Гаджанлу М. Базовые морские термины в русском языке и их эквиваленты в персидском языке. Дисс. Тегеран, государственный университет Тарбиат Модарес, 2010. 211 с.
7. Gatre F. Descriptive English-Persian Dictionary of Lexicography. Тегеран, 2017. 211 с.
8. Гринёв-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 224 с.
9. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Дисс. Хельсинки, 2007.
10. Мавлютов Х.Б. Военный персидско-русский и русско-персидский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1934. 352 с.
11. Марчук Ю.Н. Основы терминографии. Методическое пособие. М.: ЦИИ МГУ, 1992. 76 с.
12. Мирзабекян Ж.М. Русско-персидский политехнический словарь. Тегеран, 2003.
13. Мохаммад Я. Х. Термины в области поиска и разведки нефти в русском языке и их эквиваленты в персидском языке. Дисс. Тегеран, 2012. 302 с.
14. Мохаммади М. Р. Типичные проблемы обучения русскому глаголу иранских студентов при употреблении двуязычных русско-персидских словарей как средства обучения: Статья. Тегеран, государственный университет Тарбиат Модарес, 2020. 7 с.
15. Collection of articles on bilingual lexicography in Persian presented at the National Forum of Bilingual Lexicography, Institute for Humanitarian and Cultural Studies. Тегеран, 2018. 215 с.

References

1. Avazpur, K. Sh. *Rassmotrenie russkikh terminov po morskoi radiosvazi i ikh ekvivalenty v persidskom iazyke: Diss.* [Explanation of Russian terms by sea radio and its equivalents in Persian language]. Tegeran, Tarbiat Modares University, 2015. 245 p.
2. Aliev, G.G. *Voennyi persidsko-russkii i russko-persidskii slovar'* [Military Persian-Russian and Russian-Persian dictionary]. M.: Voenizdat, 1972. 656 p.
3. Bakharlu, Kh. *Analiz bazovykh aerokosmicheskikh terminov v russkom iazyke i ikh ekvivalentov v persidskom iazyke. Diss.* [Analysis of basic aerospace terms in Russian and their equivalents in Persian]. Tegeran, Tarbiat Modares University, 2000. 250 p.
4. Bakharlu, Kh. *Iz opyta raboty nad russko-persidskim slovarom aerokosmicheskikh terminov: Stat'ia* [From the experience of working on the Russian-Persian dictionary of aerospace terms] / *Vestnik TsMO MGU*, 2011, No. 4.
5. Berkov, V.P. *Dvuiazychnaia leksikografiia* [Bilingual lexicography]. M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'», 2004. 236 p.
6. Gadianlu, M. *Bazovye morskije terminy v russkom iazyke i ikh ekvivalenty v persidskom iazyke. Diss.* [Basic marine terms in Russian and their equivalents in Persian]. Teheran, Tarbiat Modares University. 2010. 211 s.
7. Gatre, F. *Opisatel'nyi anglo-persidskii slovar' leksikografii* [Descriptive English-Persian Dictionary of Lexicography]. Tegeran. 2017. 211 s.
8. Grinev-Grinevich, S.V. *Vvedenie v terminografiu: kak prosto i legko sostavit' slovar'* [An Introduction to Terminography: How Simple and Easy to Compile a Dictionary]. M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2009. 224 p.
9. Kudashev, I.S. *Proektirovanie perevodcheskikh slovarei spetsial'noi leksiki: Diss.* [Design of translation dictionaries for special vocabulary]. Khel'sinki, 2007.
10. Mavliutov, Kh.B. *Voennyi persidsko-russkii i russko-persidskii slovar'* [Military Persian-Russian and Russian-Persian dictionary]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1934. 352 p.
11. Marchuk, Yu.N. *Osnovy terminografii. Metodicheskoe posobie* [Fundamentals of terminography. Toolkit]. M.: TsII MGU, 1992. 76 p.
12. Mirzabekian, Zh.M. *Russko-persidskii politekhnicheskii slovar'* [Russian-Persian Polytechnic Dictionary]. Mirzabekian. Tegeran, 2003.
13. Mokhammad. Ia. Kh. *Terminy v oblasti poiska i razvedki nefi v russkom iazyke i ikh ekvivalenty v persidskom iazyke. Diss.* [Terms in the field of prospecting and branching of oil in Russian and their equivalents in Persian]. Tegeran, Tarbiat Modares University. 2012. 302 p.
14. Mokhammad, M. R. *Tipichnye problemy obucheniia russkomu glagolu iranskikh studentov pri upotreblenii dvuiazychnykh russko-persidskikh slovarei kak sredstva obucheniia.* [Typical problems of teaching the Russian verb to Iranian students when using bilingual Russian-Persian dictionaries as a means of teaching]. Tegeran, Tarbiat Modares University, 2020. 7 p.
15. *Collection of articles on bilingual lexicography in Persian presented at the National Forum of Bilingual Lexicography*, Institute for Humanitarian and Cultural Studies. Tegeran, Tarbiat Modares University. Institut gumanitarnykh i kul'turnykh issledovaniy. 2018. 215 p.

Сведения об авторах:

Мохаммади Мохаммад Реза – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран). E-mail: mrmoham@modares.ac.ir

Бахарлу Хади – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран). E-mail: baharloo@modares.ac.ir

Голкар Абтин – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран). E-mail: Golkar @modares.ac.ir

Хагзаре Давуд – аспирант кафедры русского языка государственного университета Тарбиат Модарес (Тегеран, Иран). Email: davoudhaghzare@gmail.com

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

About the authors:

Mohammadi Mohammad Reza, Candidate of Philology, is Associate Professor at Tarbiat Modares University, the Russian language department. E-mail: mrmoham@modares.ac.ir

Baharloo Hadi, Candidate of Philology, is Associate Professor at Tarbiat Modares University, the Russian language department. E-mail: baharloo@modares.ac.ir

Golkar Abtin, Candidate of Philology, is Associate Professor at Tarbiat Modares University, the Russian language department. E-mail: Golkar @modares.ac.ir

Haghzare Davoud is a graduate student of the Russian language department at Tarbiat Modares University. Email: davoudhaghzare @gmail.com

Conflicts of interest: The authors declare absences of conflicts of interest.

* * *

METHODS AND TECHNIQUES OF INTERPRETATION OF MYTHICAL AND MAGIC CHARACTERS' NAMES IN RUSSIAN FOLK TALES IN PERSIAN

Siyami Eidlak Khalida

University of Bojnord,
9453155111, Iran, North Khorasan, Bojnord.

Abstract. The rapidly developing cultural relations between the Islamic Republic of Iran and Russia predetermine the importance of studying the realities of Russian culture in teaching Russian as a foreign language. Despite the constantly growing interest of the Iranian reader in Russian fiction, we have not found translations of Russian folk tales. A distinctive feature of fairy tales is the presence of specific monsters and mythical creatures in them. The relevance of this study is emphasized by the fact that the opinions of researchers on the issue of translating these realities are divided: some researchers note that realities are untranslatable, others argue that there are no words that would be impossible to convey in another language.

This research work presents methods and techniques for an adequate and equivalent translation of the proper names of mythical creatures that are the heroes of Russian folk tales of a magical nature. The translation experiment was conducted in student classes of the RFL departments of higher educational institutions of Iran.

The main methods on which the study is based are the comparative method, the method of linguistic description, and the method of experiment. The students were asked to translate typical sentences, selected by continuous sampling, in which there was a mention of the magical characters of Russian folk tales. The purpose of the experiment is to identify what methods and techniques of translation strategies were used in the process of translating realities that do not have equivalents in the Persian language. Thus, the empirical basis of this study is the interpretation of fragments of Russian folk tales of a magical nature in Persian by students learning Russian as a foreign language. The scientific novelty of the work lies in the fact that it is the first attempt to analyze the method of equivalent or adequate conveyance of national and cultural color of the Russian fairy tales characters into Persian.

Based on the experiment, we can conclude that when translating the names of mythical heroes and monsters of Russian folk tales, students resorted to two main translation strategies – foreignization and domestication. Russian students chose the method of phonetic transliteration and transcription as the main method of foreignization, as well as calques that contribute to the preservation of Russian cultural and ethnic specificity and overcoming the difficulties of conveying semantic content and the national color of the mythical heroes of Russian folk tales. The main technique of the domestication strategy used by students is the borrowing of the designation of a fairy-tale character from the culture of other peoples with whom they were previously familiar.

The results of our research can find practical application in literary translation in Iran. Theoretically, the material can contribute to the development of the theory of translation of literary texts of the folklore genre, as well as arouse interest in further research among undergraduates and graduate students studying in higher educational institutions of Iran.

Keywords: translation, realities, proper names, fairy tales, Iran, Russian as a foreign language, culture of the world

For citation: Siyami Eidlak Khalida (2022). Methods and techniques of interpretation of mythical and magic characters' names in Russian folk tales in Persian. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 105–115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-105-115>

СПОСОБЫ И ПРИЁМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЁН МИФИЧЕСКИХ И ВОЛШЕБНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

Сиями Эйдлак Халида

Боджнордский университет,
9453155111, Иран, Северный Хорасан, г. Боджнорд.

Аннотация. Быстро развивающиеся культурные отношения между Исламской Республикой Иран и Россией предопределяют значимость изучения на уроках РКИ реалий русской культуры. Несмотря на постоянно возрастающий интерес иранского читателя к художественной литературе России, нами не были обнаружены переводы русских народных сказок. Отличительной особенностью волшебных сказок является наличие в них специфических чудищ и мифических существ. Актуальность данного исследования подчёркивается тем, что мнения исследователей по вопросу о переводе данных реалий разделились: одни исследователи отмечают, что реалии непередаваемы, другие утверждают, что не существуют такие слова, которые было бы невозможно передать на другом языке. В данном исследовании представлены способы и приёмы адекватного и эквивалентного перевода наименований и имён собственных мифических существ, являющихся героями русских народных сказок волшебного характера. Переводческий эксперимент проводился на базе кафедр русского языка как иностранного высших учебных заведений Ирана. Основными методами, на которых строится исследование, являются сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистического описания, а также метод эксперимента. Обучающимся было предложено осуществить перевод типичных предложений, отобранных путём сплошной выборки, в которых имелось упоминание волшебных персонажей русских народных сказок с целью выявить, какие способы и приёмы стратегий перевода были использованы ими в процессе перевода реалий, не имеющих эквивалентов в персидском языке. Таким образом, эмпирической базой данного исследования являются интерпретации студентами РКИ отрывков русских народных сказок волшебного характера на персидском языке. Научная новизна работы заключается в том, что данный труд представляет собой первую попытку проанализировать способ эквивалентной или адекватной передачи национально-культурного колорита на материале персонажей русских волшебных сказок на персидский язык. Исходя из результатов проведённого эксперимента, можно сделать вывод, что обучающиеся при переводе имён собственных мифических героев и чудищ русских народных сказок прибегали к двум основным переводческим стратегиям – форенизации и доместикации. Основным приёмом форенизации студентами-русистами были избраны способ фонетической транслитерации и транскрипции, калькирования, способствующие сохранению русской культурно-этнической специфики и преодолению трудностей передачи смыслового содержания и максимально точно передающие национальный окрас образа мифического героя

русских народных сказок. Основным приёмом стратегии доместикации, использованным обучающимися, является заимствование обозначения сказочного персонажа из культуры Ирана и других народов, с которыми они были знакомы ранее. Результаты нашего исследования могут найти практическое применение на занятиях по художественному переводу по специальности РКИ в Иране. Теоретически материал может внести вклад в развитие теории перевода художественных текстов фольклорного жанра, а также вызвать интерес для дальнейших изысканий магистрантов и аспирантов, обучающихся на базе высших учебных заведениях Ирана в данной области.

Ключевые слова: перевод, реалии, имена собственные, сказки, Иран, русский как иностранный, культура мира

Для цитирования: Сиями Эйдлак Халида (2022). Способы и приёмы интерпретации имён мифических и волшебных персонажей русских народных сказок при переводе на персидский язык. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 105–115. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-105-115>

Введение

В связи с быстро развивающимися российско-иранскими отношениями в различного рода областях соприкосновения в Иране наметился значительный подъём интереса местного читателя к художественным произведениям русских авторов.

В стране имеются переводчики, которые переводят произведения русских классиков XIX века и писателей XX века. Однако русский фольклор остаётся до сих пор за рамками деятельности переводчиков с русского языка. В связи с бумом на произведения русских писателей у местного читателя и студентов РКИ в Иране проявляется немалый интерес и к русскому фольклорному жанру.

В настоящее время нами не было обнаружено переводческих работ иранских авторов русских народных сказок. Данный феномен можно объяснить сложностью перевода реалий сказочного сюжета.

Как утверждает Г.Д. Томахин, реалии – это «названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифических существ» [10, с. 113].

По сравнению с другими словами языка отличительной чертой реалии является характер её предметного содержания, то есть тесная связь обозначаемого реалией предмета, понятия, явления с народом (страной), с одной стороны, и историческим отрезком времени, с другой. Отсюда следует, что реалии присущ соответствующий национальный колорит [1, с. 91].

Перевод играет неоспоримо большую роль на всех этапах обучения иностранных студентов-филологов. Сначала он используется обучающимися для «освоения» и объяснения новых, непонятных элементов познаваемой культуры, а позже служит им в качестве «инструмента», с помощью которого осуществляется интеграция и взаимное обогащение обеих культур. Процесс развития переводческих навыков у студентов ставит перед преподавателем ряд задач и целей, среди которых важным является не только формирование переводческой компетенции, но также обучение «бережному» и осознанному отношению к переводимым текстам [16, с. 141].

Перевод реалий невозможен без наличия у переводчика обширного багажа не только языковых, но и фоновых знаний. Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала. Ю.В. Явари подчёркивает, что многие исследователи отмечают трудности, связанные с переводом реалий, и приводит слова Л.Н. Соболева: «реалии как правило непередаваемы» и С.П. Флорина: «реалия, как правило, непередаваема и опять-таки, как правило, она передаётся в контексте обычно не путём перевода» [15, с. 81].

А.В. Фёдоров же считает, что ни в одном языке не существуют такие слова, которые было бы невозможно передать на другом языке, хотя бы описательно, то есть различными сочетаниями слов и сложного целого [12, с. 182]. Иранский исследователь и переводчик русских произведений на персидский язык А. Голандам утверждает, что: «для правильной и точной передачи реалий русского языка на персидский переводчику нужно знать русский язык как можно глубже и смотреть на него через призму культуры этого языка, а также использовать лингвострановедческие словари» [4, с. 190].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что главным при переводе реалий с одного языка на другой является не вопрос безэквивалентности и невозможности интерпретаций их на иностранном языке, а вопрос способа её передачи и трансформации.

Цель данного исследования – выявить способы эквивалентной передачи имён собственных героев и персонажей русских волшебных сказок, сохранив при этом национально-культурный колорит русского фольклорного жанра. Мы решили провести эксперимент, в ходе которого были задействованы 60 студентов, обучающихся на 4 курсе по специальности «Русский язык» на базе вузов Ирана. Студентам бакалавриата было предложено перевести отрывки из русских народных сказок волшебного сюжета с именами собственными чудищ и мифических существ с целью выявить методы и способы перевода, используемые студентами при передаче имён собственных русских сказочных персонажей на персидский язык. Следует отметить, что обучающиеся имели некоторое представление о специфике русских народных сказок, так как первое знакомство персоязычных студентов с произведениями русского фольклорного жанра начинается с 4-го семестра обучения на занятиях по таким дисциплинам, как «Чтение простых текстов», «Чтение продвинутых текстов», «Знакомство с культурой России» и т.д. Таким образом, материалом исследования являются интерпретации отрывков русских народных сказок на персидском языке, выполненные учащимися РКИ на базе высших учебных заведений Ирана.

Исходя из этого, объектом нашего исследования являются герои и персонажи волшебных русских народных сказок и их интерпретации на персидском языке. Предмет исследования – имена собственные мифических героев и персонажей, а также чудищ из русских волшебных сказок и способы их передачи на персидский язык.

Методы и методология исследования

Исследование проводилось на основании лингвистического описания переводных единиц; сравнительно-сопоставительного метода, при сопоставлении русских имён собственных героев и персонажей волшебных сказок и их интерпретаций на персидском языке; использовался метод эксперимента, при котором была создана исследовательская переводческая ситуация с участием студентов РКИ на базе высших учебных заведений Ирана; а также метод выборки переводческого материала, используемого в дальнейшем в качестве материала исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что данный труд представляет собой первую попытку проанализировать способ эквивалентной или адекватной передачи на арабский язык национально-культурного колорита на материале персонажей русских волшебных сказок.

Основной текст

Сказки – это такой жанр русского народного творчества, который любят как взрослые, так и дети. Русские народные сказки, как и персидские сказки, подразделяются на три вида: бытовые сказки, сказки о животных и волшебные сказки. Волшебные сказки характеризуются наличием чудес и волшебства.

Сказки – это достаточно популярный жанр устного народно-фольклорного творчества. «Сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [9, с. 49].

М.Н. Шабанова подчёркивает особую роль сказки в жизни человека: «...Она приходит в жизнь человека в детстве, чудесным образом остаётся с ним всю жизнь и потом им же и передаётся своим детям, внукам и правнукам. Пусть часто неосознанно, мы храним и ретранслируем народную мудрость, заключённую в сказках ...» [13].

Язык русской народной сказки как фольклорного текста уникален. Отражая мировидение русского народа, язык сказки содержит так называемую безэквивалентную лексику, в которой отражаются представления русского народа о главных жизненных ценностях: труде, семье, любви, общественном долге, родине. В такой лексике находит своё отражение не только быт, культура, ценности и традиции народа, но и фольклорная картина мира [2, с. 49]. Кроме того, часть языковой картины мира образована из мифологических и поэтических образов, которые, разумеется, не отражают реального положения дел, зафиксированного в современной когнитивной картине мира [3, с. 143]. К безэквивалентным реалиям русских народных сказок волшебного характера можно отнести имена собственные как героев и персонажей, так и чудищ и мифических существ. Д.Н. Шакиров пояснил, что «С этими понятиями русский читатель хорошо знаком, и они вызывают у него определённые живые ассоциации. Для иностранного читателя эти реалии находятся за пределами его восприятия, и при неточном переводе могут вызвать трудности в понимании картины всего русского фольклорного текста [14, с. 10]. А согласно Е.К. Левицкой, «... Важно сохранение национального колорита сказочных имён собственных и художественного произведения в целом» [7, с. 199].

Т.А. Казакова утверждает, что имена собственные в большинстве случаев передаются в переводе калькированием или сочетанием калькирования с другими способами: обычно с транскрипцией (транслитерацией), а в единичных случаях – описанием, толкованием [6, с. 220].

Далее обратимся к сравнительному анализу перевода и оригинала имён собственных мифических персонажей и реалий, отобранных методом выборки из русских народных сказок волшебного характера.

Русские народные сказки волшебного характера характеризуются наличием в них таких излюбленных фантастических героев, как Баба-Яга, Змей Горыныч и Кощей Бессмертный. Данные персонажи ассоциируются в русской фольклористике с воплощением страха и зла.

Баба-Ягой принято называть старуху-пакостницу, которая обитает в лесу и летает на таких специфических транспортных средствах, как ступа или метла. Не менее специфичным является и жильё Бабы-Яги, которое принято называть избушкой на курьих ножках. У В.И. Даля отмечено: «Избушка – будка, балаган, сторожка, караулка, маленькое жильё разного вида». В русском фольклоре закрепилось понятие «*курьи ножки*» как дом, который расположен на курьих ножках, то есть на ножках над землёй, в результате чего обладает способностью совершать движения определённого характера, то есть менять своё местоположение и совершать повороты вокруг своей оси [5]. В Словаре русского языка XI-XVII веков дано определение словам «Курья» и «Ношка»: «Курья – речной залив, заводь, старое русло рек, а также угодье, прилегающее к ним». «Ношка (Ножка) – узкая полоса земли, вдавшаяся в чужие земли» [8]. Таким образом, словосочетание «*избушка на курьих ножках*» может означать маленький деревянный дом, расположенный на узкой полосе земли возле старого русла. Приведём пример: «*Идёт мужик в избушку на курьих ножках, а в ней баба-яга ...*».

При анализе иранского отрывка *مرد به کلبه ای می‌رود که در آن بابا یاگا زندگی می‌کنند* было выявлено, что обучающимся тяжело даётся представление понятия такой русской сказочной реалии, как избушка «*на курьих ножках*», вследствие чего передача данных семантических компонентов оказалась для обучающихся непосильной. В результате этого, студенты заменили «*избушку*» на *کلبه* [kolbe] – *хижину*, применив приём генерализации с дальнейшей интерпретацией в тексте как «*жильё Бабы-Яги*».

Рассмотрим пример предложения: «*Мужик кланяется и говорит: «Баба-яга костяная нога! ...*». В языческой культуре, откуда берёт своё начало «Баба-Яга», она была представлена красавицей и носила золотые сапожки. С течением времени персонаж приобрёл устрашающий ха-

рактёр, который любит пожить с маленькими детьми, а отличительной особенностью ее стала – *костяная нога*, вместо золотых сапожек. Следует отметить, что в персидской мифологии имеется общеизвестный сказочный персонаж, заимствованный ранее из арабской культуры – *عجوزه* [äjoze]. Данный персонаж представляет собой ведьму, которая по своим характеристикам и свойствам схожа с русской Бабой-Ягой. Однако использование данного названия в качестве эквивалента русского персонажа привёл бы к национализации чужой сказки. Таким образом, обучающиеся студенты при следующем переводе данного отрывка – «*مردی تعظیم می کند به بابایاگا (پیر زن جادوگر بدجنس) و میگوید*» использовали приём транскрипции и транслитерации имени собственного *بابایاگا* [babaiağa]. А исходя из цели сохранения экспрессивности мифического персонажа добавили к Бабе-яге *زن جادوگر بدجنس پیر* [pir zän jadugär bäd jens] определение – «*злая ведьма-старуха*». В следующих вариантах перевода вышеприведенного предложения: «*مرد تعظیم میکند: «بابایاگا یا استخوانی!»*» или «*پای استخوانی بابایاگا!*» обучающимися были использованы методы калькирования *پای استخوانی* [pa-ye ostexani] и транслитерации, что позволило наиболее полно передать и физиологические характеристики, и специфический колорит сказочного персонажа.

Змей Горыныч представляет собой летающего огнедышащего многоголового дракона. Чудище является представителем злого начала в русских народных сказках и былинах. В русской фольклористике персонаж выполняет функцию похитителя женщин и перемещается между миром мёртвых и живых. Принято считать, что глагол «гореть» был положен в основу прозвища «Горыныч». Но имеются и версии, что оно образовано от слова «гора», в связи с обитанием персонажа среди гор. Для анализа было отобрано предложение: «*Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч ...*». При переводе данного предложения ряд студентов совершенно верно определили коннотацию имени собственного данного персонажа и перевели его как *پای استخوانی* [eždeha], который является аналогом русского Змея Горыныча: «...*میکند، دوبرینیا سرش را بلند کرد و دید که اژدهایی به سمت او پرواز*». Однако большинство обучающихся использовало приём калькирования с транскрипированием и транслитерацией: «*змея*» в персидском языке звучит как *مار* [mar], а «Горыныч» получил в персидском языке звучание, созвучное русскому: *گارینیچ* [garinich]: «*دید که مار گارینیچ به سمت او پرواز میکند. دوبرینیا سرش را بلند کرد و دید که اژدهایی به سمت او پرواز*».

Кощей Бессмертный олицетворяет собой мир насилия, человеконенавистничества и обладания несметными богатствами. В.И. Даль предлагает за основу «*Кощея*» брать такое понятие как «костить», что значит пакостить. Фасмер считает, что оно этимологически восходит либо к понятию тощего костлявого человека, либо к тюркскому «*košči*» – пленник [11]. Данный персонаж русских сказок не имеет аналогов в персидской фольклористике, и потому все обучающиеся студенты-русисты использовали при переводе способы калькирования, транслитерации и транскрипции. Приведём в пример предложение: «*Время приходит быть Кощею Бессмертному; мать спрятала его*». Обучающиеся студенты данный отрывок перевели как: «*کوشی جاودانه* [koshei javdane] *زمان برای کوشی جاودانه فرا رسیده بود مادرش او را پنهان کرد*» имеет значение бессмертности. В предложении: «*Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного*», – который был переведён как: «*در سرزمین های دور، پادشاهی های دور کنار کوشی نامیرا*» обучающиеся использовали эквивалент «*бессмертия*» – *کوشی نامیرا* [koshei nämira]. В данном случае, по нашему мнению, является более удачным употребление именно данного варианта, который подчёркивает, что персонаж обладает секретом бессмертия.

Не менее известным персонажем русских народных сказок волшебного характера являются гуси-лебеди. В русских сказках они представляют собой враждебную силу, которая находится в услужении у Бабы-Яги. Они олицетворяют преступников и воров, охотившихся за маленькими детьми, например: «*Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльышках*», «*Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей своровали*». Данная реалья русских народных сказок также отсутствует в фольклористике персидского наро-

да. По данному отрывку было выявлено три варианта переводов: *قوها پرواز کردند و پسر بچه را غاز ها برای مدت طولانی شامل بدنامی بودند و برداشتند و بر روی بال هایشان حملش کردند* или *قوها پرواز کردند و پسر بچه را دزدیده بودند*. Данные варианты переводов характеризуются тем, что учащиеся при переводе наименования данного персонажа использовали его составные части по отдельности. Из данных примеров мы видим, что ими был использован переводческий метод калькирования, согласно которому *غو* [ghu] – *лебедь* и *غاز* [ghaz] – *гусь*. Однако данный перевод утрачивает национальный колорит русского сказочного героя. Небольшая группа обучающихся использовала иной вариант перевода: *خود شهرت بدی پیدا کرده اند ، غاز های قو مدتهاست که برای قو غازها پرواز کردند و پسر بچه را برداشتند* или *قو غازها پرواز کردند و پسر بچه را برداشتند*. В данных вариантах переведённых предложений, мы можем наглядно наблюдать пример адекватного совместного использования названий пернатых, где *غازها-ye ghu* [ghazha-ye ghu], образованное способом словосочетания, имеет значение *гуси-лебеди*, или *غو غازها* [ghu ghaz ha], образованное способом словосложения, переводится как *лебеди-гуся*.

Следующими персонажами, которые были предложены учащимся для перевода, являются Сивка-Бурка и его родственник Конёк-Горбунок, создателем которого является сказочник П.П. Ершов. Оба сказочных персонажа обитают в царстве мёртвых и являются помощниками главного героя в сказках. Сивка-бурка – свободолюбивый конь. Конёк-Горбунок – волшебный жеребёнок, который имеет два горба, некрасив. Оба сказочных персонажа отличаются умом, благородством и преданностью своему хозяину во всех испытаниях. Оба персонажа обладают волшебной силой. Обратимся к следующим переводам предложений с наименованием сказочного персонажа: «*Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!*». Ранее студенты не имели представления о данном сказочном персонаже и связи его имени с одновременным сочетанием трёх мастей: тёмно-серая – сивка, тёмно-коричневая – бурка и светло-гнедая – каурка. Вещая имеет значение предсказателя. Таким образом, он является трёхцветным конём-колдуном. В данном случае обучающиеся использовали для передачи семантической коннотации частей наименования сказочного персонажа приём калькирования в сочетании с транскрибированием и транслитерацией. Например: *در برابر علف سیوگا-بورگا، کائورکای نبوی، در برابر من بایست، مثل برگ* [sivka burka kaurka-e nābāvi] или *سیوگا-بورگا، کائورکای پیشگو،* [sivka burka kaurka-ye pishgu]. В обоих вариантах обучающиеся студенты одинаково поняли значение выражение и вложили в его перевод один и тот же смысл, который в обратном переводе мы имеем как: «*Сивка-бурка, пророческая каурка*». Наиболее распространённым вариантом оказался перевод, более приближённый к его основному значению: *سیوگا-بورگا، اسب خاکستری جادویی* [sivka burka äsb-e khakstāri jaduiye] – «*Сивка-бурка, серый волшебный конь*».

При переводе предложений: «*Ванюшка закричал: «Конёк-горбунок! Поймал, да не удержи!»* и «*Конёк-горбунок перед ним является: «Садись на меня!»*», – студенты совершенно верно определили коннотацию имени собственного персонажа. Для передачи данного персонажа на персидский язык студенты использовали несколько методов перевода. Первый метод заключался в калькировании: *کره اسبقوز پشت! آن را گرفتم، اما* [koreäsb-e ghuzposht] где *کره اسب قوز پشت مقابلش می گوید: بشین روی من* или *نگهش نمی دارم* «*жеребёнок с горбами на спине*». Среди них можно выделить калькирование следующего образа: *وانیوشکا فریاد زد: اسب کوهان دار!* [äsb-e kuhandar] переводится как «*горбатый конь*». Наиболее распространённым вариантом является второй способ перевода – калькирование с опущением: *اسب کوچولو* – *وانیوشکا کوچولو جیغ کشید: اسب کوچولو را گرفتم ولی نمی توانم نگاهش دارم* [äsb-e kuchulu] «*маленький конь*». Однако при данном способе перевода утрачивается культурно-этнический колорит героя.

В русской мифологии духа-хозяина леса называют Лешим. Образ Лешего расплывчат и многогранен: он обладает огромной силой, может становиться невидимым, понимает лесные звуки, может говорить человеческим языком. Приведём в пример переводы следующего отрывка из русской сказки: «*Это был Леший. Мальчик очень понравился Лешему, и Леший захотел его похитить*».

Большинство студентов, не имея представления, что означает данный персонаж, использовали метод транскрибирования и транслитерации в сочетании с описательным переводом. Например: [leshii jen jängäli] لشى جن جنگلى где جنگلى بود. واقعا پسر را دوست داشت و لشى خواست او را بدزد این لشى جن [ghulechubi] غول چوبى переводится как «дух леса леший». Часть студентов передали значение *лешего* через понятие *غول چوبى* [ghulechubi], то есть *деревянного гиганта*. Данное явление можно связать с имеющимися иллюстрациями во всемирной сетевой паутине, в которой без труда можно обнаружить варианты изображения Лешего как деревянное чудовище высокого роста. Небольшая часть студентов нашла сходства лешего с известным им ранее мультипликационным героем *جن گابلىن* [jenn-e gablin] – гоблинами: *گابلىن بود يك جن*. Однако при уподобляющем методе перевода, который основывается на ассоциациях переводчика по схожести с исходным понятием, происходит утеря национального колорита произведения.

В число распространённых героев русских народных сказок входит и Водяной – дух, который обитает в воде, пучеглазый старик с рыбы хвостом. Тело водяного окутано тиной и покрыто водорослями. При переводе предложений: «*Водяной* взял ребёнка на руки и отнёс в свой прекрасный город на дне реки» и «*Положил* водяной мальчика на кровать», – обучающиеся использовали разнообразный способы и методы. К примеру, в данном предложении *برد واديانوى كودك را در آغوش گرفت و به شهر زيبايش در انتهای رودخانه* был использован способ транслитерации – *واديانوى* [vadianui]. В значительной части переводческих работ студентов *Водяной* был переведён как *مردى أبى* [märd-i abi], *أبى* [abi], являющиеся синонимами по отношению друг к другу как «*водяной человек*» и *غول أبى* [ghul-e abi] – «*водяной гигант*», а также *روح آب* [ruh-e ab] в обратном переводе как «*дух воды*».

Одним из наиболее распространённых отрицательных героев русских народных сказок волшебного характера является также и Чудо-юдо – многоголовое чудовище, сжигающее местности. В связи с недостаточностью знаний студентов о данном персонаже, при переводе предложения «*Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – подъезжает Чудо-юдо о шести головах*», основная часть обучающихся использовали приём калькирования и транслитерации. В персидском варианте предложения *معجزه يودو با شش سر بالا آمد ناگهان* происходит калькирование «*чудо*» как *معجزه* [mo'jeze]. Часть обучающихся использовали при переводе *يودو عجيب* [yudu äjib], где чудо было калькировано на персидский язык как нечто странное *عجيب* [äjib]. Однако имеются и варианты переводческих работ, в которых обучающимся студентам удалось определить смысл значения чудо как нечто страшное и не чудесное, и перевели как *يودو هيولا*, где *هيولا* [häiula] – монстр.

Домовой – покровитель дома, хранитель здоровья и хозяйства обитателей дома. В русских народных сказках образ домового может быть как отрицательным, так и положительным. В иранской фольклористике отсутствует эквивалент данной мифологической реалии русских народных сказок волшебного характера. Обучающиеся при её передаче на родной язык использовали метод переводческой трансформации – генерализацию, которая отсылает к английскому сказочному персонажу *Brownie* или *Broomie*, являющемуся эквивалентом русскому «*Домовому*». Данный приём перевода обучающиеся посчитали целесообразным использовать в сочетании с описательным переводом. Например, предложение: «– *Батюшки! Спасите! Домовой* меня держит!» на персидский язык было переведено как *بده! براونى جن كوچك خانگى مرا گرفته است! پدر! نجاتم*, где *براونى جن كوچك خانگى* [brawni jen kuchäk-e kha negi], дословно как «*Брауни маленький домашний дух*».

Заключение

Сказки являются популярным жанром устного творчества любого народа. Они представляют собой тексты, вобравшие стереотипы концептуального мировидения и объективной национальной картины мира, которая отражается также и в реалиях имён собственных и наименованиях

мифологических персонажей и чудищ. Для того чтобы перевести произведение фольклорного жанра с одного языка на другой, необходимо чтобы переводчик обладал не только знаниями языкового характера, но и владел фоновой информацией культурных особенностей исходного языка. Таким образом, перевод сказок – это трудоёмкий творческий процесс, который требует не только знаний внутрилингвистического характера, но и культурологического характера, способных отразить специфику образной системы исходной культуры. В работе были рассмотрены типичные примеры предложений с употреблением имён собственных наиболее используемых мифических персонажей и чудищ, отобранные методом сплошной выборки из русских народных сказок волшебного характера, так как именно они подчёркивают самобытность и культуру русского народа. На основе проведённого эксперимента можно сделать вывод о том, что обучающиеся при переводе имён собственных мифических героев и чудищ русских народных сказок прибегали к двум основным переводным стратегиям: форенизации и доместикации. Основным приёмом форенизации в качестве репрезентации имён собственных волшебных персонажей русских народных сказок на персидский язык студентами-русистами был избран способ фонетической транслитерации и транскрипции. Именно данный способ способствует сохранению русской культурно-этнической специфики. Также в процессе исследования было выявлено, что учащиеся широко использовали при переводе имён собственных сказочных персонажей и приём калькирования. Путём калькирования в сочетании с транслитерацией и транскрипцией обучающимся удалось преодолеть трудности передачи смыслового содержания и максимально точно передать национальный окрас образа мифического героя русских народных сказок. Были выявлены случаи использования приёма стратегии доместикации, когда вследствие отсутствия эквивалента сказочной реалии на родном персидском языке студентов, был использован приём заимствования обозначения сказочного персонажа из культуры других народов, в частности, европейских, с которыми они были знакомы ранее.

Результаты нашего исследования могут найти практическое применение на занятиях по художественному переводу по специальности РКИ в Иране. Теоретический материал может внести вклад в развитие теории перевода художественных текстов фольклорного жанра, а также вызвать интерес при дальнейших изысканиях в данной области магистрантов и аспирантов, обучающихся на базе высших учебных заведения Ирана.

© Сиями Эйдлак Халида, 2022

Список литературы

1. Амири М.А. Классификация реалий в русском и персидском языках // М.А. Амири, А. Мадаени Аввал. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. №4. С. 90-99.
2. Баринаева И.А. О реалиях русской народной сказки и проблеме их перевода или beyond the Thrice-Nineland // И.А. Баринаева, Н.М. Нестерова, Д.А. Сергутина. Филологические науки. Вопросы теории и практик. Тамбов: Грамота. 2016. №5. Ч.1. С.49-53.
3. Герас Ю.А. Когнитивная и языковая картина мира в лингвистической семантике // Общественные и гуманитарные науки. 2008. С. 140-146.
4. Голандам А.К. Трудности перевода реалий русского языка на персидский язык // Молодой учёный. 2010. № 6. С. 189-192.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб. Типография М.О. Вольфа, 1863-1866 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B8%D0%B7%D0%B1%D0%B0> (дата доступа 10.02.2022).
6. Казакова Т.А. Практические основы перевода / Т.Ф. Казакова. СПб.: Союз, 2001. 320 с.
7. Левицкая Е.К. Проблемы перевода волшебной сказки на французский и английский язык / Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VII Междунар. науч. конф. молодых ученых, 9 фев. 2018 г. Ч. 1. Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2018. С. 196-200.
8. Московские слова и словечки. [Электронный ресурс]. – URL: http://moscow.clow.ru/information/1/14/mosslov4_34.htm (дата доступа 10.02.2022).
9. Никифоров А.И. Народная детская сказка драматического жанра. Сказочная комиссия в 1927 году. Л.: Издание государственного русского географического общества. 1928. С. 49-64.

10. Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 113-118.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986. Т.2. 374 с.
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. М.: Высшая школа, 1968. 359 с.
13. Шабанова М.Н. Сакральные смыслы русских народных сказок // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. №1. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnye-smysly-russkikh-narodnyh-skazok> (дата доступа 10.10.2021).
14. Шакиров Д.Ф. Языковые особенности переводных сказок (на материале переводов русских народных сказок на татарский язык): Автореф. канд. ... филол. наук / Шакиров Д.Ф. Казань, 2016. 25 с.
15. Явари Ю.В. Особенности перевода реалий в фольклорных произведениях // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2017. №11. С. 81-87.
16. Curkan-Dróžka E. Перевод адаптированных русских народных сказок – из опыта работы со студентами // Acta Universitatis Odziensis Folia Litteraria Rossica. 10. 2017. С. 141-149.

References

1. Amiri, M.A. Klassifikatsiia realii v russkom i persidskom iazykakh [Classification of realities in Russian and Persian languages] // M.A. Amiri, A. Madaeni Avval. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*. 2014. №4. pp. 90-99.
2. Barinova, I.A. O realiiakh russkoi narodnoi skazki i probleme ikh perevoda ili za Trideviat zemel [About the realities of the Russian folk tale and the problem of their translation, or beyond the Thrice-Nine land] // I.A. Barinova, N.M. Nesterova, D.A. Sergutina. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. 2016. №5. Ch.1. pp.49-53.
3. Geras, Ju.A. Kognitivnaia i iazykovaia kartina mira v lingvisticheskoi semantike [Cognitive and language picture of the world in linguistic semantics] // *Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2008. pp. 140-146.
4. Golandam, A.K. Trudnosti perevoda realii russkogo iazyka na persidskii iazyk [Difficulties in translating the realities of the Russian language into Persian] // *Molodoi uchenyi*. 2010. № 6. pp. 189-192.
5. Dal' V.I. 'Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes] / SPb. Tipografiia M.O. Vol'fa, 1863-1866. [Electronic resource], <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B8%D0%B7%D0%B1%D0%B0> (accessed 10.02.2022).
6. Kazakova, T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical foundations of translation] / T.F. Kazakova. SPb.: Soiuz, 2001. 320 p.
7. Levitskaia, E.K. *Problemy perevoda volshebnoi skazki na frantsuzskii i angliiskii iazyk* [Problems of translating a fairy tale into French and English] / Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka: sbornik statei VII Mezhdunar. nauch. konf. Molodykh uchenykh, 9 fev. 2018 g. Ch. 1. Sovremennye lingvisticheskie issledovaniia. Ekaterinburg: UMC-UPI, 2018. pp. 196-200.
8. Moskovskie slova i slovechki [Moscow words and phrases] / [Electronic resource], moscow.clow.ru/information/1/14/mosslv4_34.htm (accessed 10.02.2022).
9. Nikiforov, A.I. Narodnaia detskaia skazka dramaticheskogo zhanra. Skazochnaia komissiiia v 1927 godu [Folk children's fairy tale of the dramatic genre. Fairy tale commission in 1927] / A.I. Nikiforov. L.: *Izдание gosudarstvennogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1928. pp. 49-64.
10. Tomahin, G.D. *Lingvisticheskie aspekty lingvostрановедeniia* [Linguistic aspects of linguistic and regional studies] // *Voprosy azykoznaviia*. 1986. № 6. pp. 113-118.
11. Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] / v 4 t. izd. 2-e, ster. M.: Progress, 1986. Т.2. 374 p.
12. Fedorov, A.V. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation] / A.V. Fedorov. M.: Vysshiaia shkola, 1968. 359 p.
13. Shabanova, M.N. Sakral'nye smysly russkikh narodnykh skazok [Sacred meanings of Russian folk tales] // *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. №1 (25). [Electronic resource], cyberleninka.ru/article/n/sakralnye-smysly-russkikh-narodnyh-skazok (accessed 10.10.2021).
14. Shakirov, D.F. *Jazykovye osobennosti perevodnykh skazok* (na material perevodov russkikh narodnykh skazok na tatarskii iazyk): avtoref. kand. ... filol. nauk [Linguistic features of translated fairy tales (on the basis of translations of Russian folk tales into the Tatar language)] / Shakirov D.F. Kazan', 2016. 25 p.
15. Iavariu, V. Osobennosti perevoda realii v fol'klornykh proizvedeniakh [Features of the translation of realities in folklore works.] // *Vestnik TvGTU. Serii «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki»*. 2017. №11. pp. 81-87.
16. Curkan-Dróžka, E. *Perevod adaptirovannykh russkikh narodnykh skazok – iz opyta raboty so studentami* [Translation of adapted Russian folk tales – from the experience of working with students] // *Acta Universitatis Odziensis Folia Litteraria Rossica*. 10. 2017. pp. 141-149.

Сведения об авторе:

Сиями Эйдлак Халида – кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедра иностранных языков Боджнордского Университета (Иран). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология русского языка, когнитивная лингвистика, переводоведение, лингвокультурология, методика преподавания русского языка как иностранного. E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir

About the authors:

Siyami Eidlak Khalida, PhD, is Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, University of Bojnord (Iran). Spheres of research and professional interest: lexicology of the Russian language, cognitive linguistics, translation studies, linguoculturology, methods of teaching Russian as a foreign language.

E-mail: kh.siyami@ub.ac.ir

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-4-33-116-128
УДК 81'25

RENDERING PERSONIFICATIONS IN THE 19TH CENTURY FRENCH TRANSLATIONS OF MIKHAIL LERMONTOV'S NOVEL "A HERO OF OUR TIME"

Evgeniya A. Solovyeva

Southern Federal University
93, Universitetski, Rostov-on-Don, 34406, Russia

Abstract. Metaphor is often viewed as a controversial research problem and is, undoubtedly, one of the greatest challenges in translation. As a type of metaphor, personification is a common literary device and the way of understanding and representing reality. In this paper, the author tries to provide a descriptive study of the translators' choices used for rendering the personifications in the translations of Mikhail Lermontov's novel "A Hero of Our Time". The current scrutiny is based on five French translations made during the 19th century by A. A. Stolypin (1843), J. - M. Chopin (1853), E. Scheffter (1855), X. Marmier (1856), and A. de Villamarie (1884). Comparative semantic and functional approach constitutes the framework for the study and aims at describing and analyzing the translators' choices. The typology of metaphor translation strategies suggested by R. Van den Broek completes the methodological basis. The back translation serves for a more explicit illustration of the acquired data. Our analysis shows that in most cases translators convey personification rather successfully. However, the translators' choices and resulting interpretations are likely to vary markedly. Along with that, the rendering personifications by a non-metaphorical expression are another quite well marked mode of translation, whilst the rephrasing by similes is of infrequent occurrence and is the least exploited one. The analysis of translations which are made at the periods close in time to the creation of the original is of undoubtedly scientific interest, because it conduces to better understanding of individual translator's decisions in relation to a historical and social context and offers interesting prospects for ulterior retrospective comparative study. The author intends to continue a more in-depth consideration of this problem in further researches.

Keywords: personification, literary translation, descriptive approach, translators' choices, M. Yu. Lermontov, "A Hero of Our Time", the French language

For citation: Solovyeva E.A. (2022). Rendering personifications in the 19th century French translations of Mikhail Lermontov's novel "A Hero of Our Time". *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 116–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-116-128>

ПЕРЕДАЧА ПЕРСОНИФИКАЦИИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Е.А. Соловьева

Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

Аннотация. Перевод метафор остаётся одной из сложных и важных проблем современного переводоведения. Являясь по своей природе метафорой, персонификация служит не только распространённым образным средством языка, но и инструментом познания внешнего мира. Особенности её передачи в переводных текстах остаются до настоящего времени недостаточно исследованными. Настоящая публикация сфокусирована на описании и анализе переводческих решений, используемых для передачи персонификации во франкоязычных переводах XIX в. романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Корпус практического материала составили русскоязычный оригинал произведения и пять его переводов, авторами последних стали: А.А.Столыпин (1843 г.), Ж.-М. Шопен (1853 г.), Э. Шеффер (1855 г.), К. Мармье (1856 г.), А. де Вилламари (1884 г.). Сравнительное исследование проведено в русле дескриптивизма, с привлечением семантико-функционального анализа и обобщённой типологии способов перевода метафор, предлагаемой в работе Р. Ван ден Брока. Для дополнительной иллюстрации данных использовался приём обратного перевода. В исследовании показано, что в подавляющем большинстве случаев переводчики стремятся к сохранению персонификации. Однако используемые переводческие решения могут заметно варьироваться в зависимости от субъективных установок переводчиков. Наряду с этим, неметафорическое перефразирование выступает одним из достаточно заметных способов передачи содержания персонифицирующих переосмыслений, тогда как использование сравнения оказывается одним из наименее востребованных приёмов. Проведённое автором исследование упорядочивает сведения о передаче персонифицирующих переосмыслений в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, а также конкретизирует мысль о том, что комплексное изучение переводов, находящихся на близкой временной дистанции по отношению к оригиналу может способствовать лучшему пониманию индивидуальных переводческих решений в контексте определённой исторической эпохи и, по данной причине, является весьма перспективным. Дальнейшее изучение данной проблематики планируется осуществить с привлечением более обширного материала.

Ключевые слова: персонификация, художественный перевод, дескриптивное исследование, переводческие решения, М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», французский язык

Для цитирования: Соловьева Е.А. (2022). Передача персонификации во франкоязычных переводах XIX столетия романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 116–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-116-128>

1. Введение

Наделение неживой природы и абстрактных понятий свойствами живых существ присуще человеку с глубокой древности. Для обозначения данного явления обычно используются термины «антропоморфизм», «персонификация», «олицетворение», «прозопопея», которые зачастую понимаются как синонимичные и в наиболее общем виде обозначают придание различным неодушевлённым сущностям характеристик человека или животного [e.g. 28, с. 49].

Обладая метафорической природой, персонификация является не только образным средством языка, но и инструментом познания внешнего мира [19, с. 34]. Проецируя собственное «я» и устанавливая аналогии, человек обозначает и категоризирует окружающую реальность, что приводит к появлению и закреплению в различных языках значительного количества стереотипных персонифицирующих репрезентаций [29, с. 123].

Несмотря на то, что переводческая типология метафор и рекомендуемые способы их воспроизведения при помощи средств переводящего языка уже неоднократно служили предметом длительного и разностороннего научного обсуждения [22, с. 104–113]; [21], [26], [31, с. 107–110], особенности передачи персонификации в переводных текстах остаются недостаточно изученными. Для исследования данной проблематики, наиболее перспективным представляется дескриптивный подход, который рассматривает перевод как культурно-исторический феномен [17, с. 5–6] и направлен на выявление, описание и анализ переводческих решений с целью обнаружения и последующего объяснения существующих закономерностей переводческих решений [35, с. 86]. Кроме того, подобный подход открывает перспективы для выявления воспроизводимых особенностей перевода, которые могут служить элементами, позволяющими идентифицировать «индивидуальный стиль переводчика» [9], [24].

Вышеизложенные положения обуславливают новизну и актуальность настоящей работы, которая является частью нашего исследовательского проекта и сфокусирована на описании и анализе переводческих решений, используемых для передачи персонификации во франкоязычных переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Формирование эмпирической выборки с учётом времени создания перевода представляется весьма целесообразным, поскольку социальное и культурное окружение может оказывать заметное воздействие на языковое оформление и мотивацию переводческих решений [1, с. 138].

2. Материал и методы исследования

Корпус переводных текстов составили пять переводов романа, авторами которых стали: А. А. Столыпин (1843) [34]; Ж. - М. Шопен (1853) [11]; Э. Шеффер (1855) [23]; К. Мармье (1856) [32]; А. де Вилламари (1884) [33]. Критерии отбора переводов для исследования изложены нами в работе [6, с. 299–300]. Источником оригинального текста послужило академическое издание произведений М. Ю. Лермонтова [3].

Материал из текста оригинала получен методом сплошной выборки. Однако поскольку предисловие ко второму изданию и глава «Фаталист» опущены в части переводов, а предисловие к журналу Печорина существенно сокращено в переводе К. Мармье, мы не включили материал, полученный из данных фрагментов произведения в исследуемую выборку с целью нивелирования качественных расхождений исходного текста и унификации цифровых данных. Кроме того, из корпуса практического материала были исключены некоторые персонифицирующие актуализации с неоднозначной персонифицирующей семантикой и безличные клишированные конструкции, присутствующие в исходном тексте. Последнее преимущественно касается выражений, содержащих глагол *идти*: *так прошло, не прошло* и т. д.

Анализ особенностей передачи персонификации в переводных текстах осуществлён с опорой на обобщённую типологию способов перевода метафор, предлагаемую в работе Р. Ван ден Брока, который выделяет: 1) перевод *в буквальном смысле* («translation "sensu stricto"») или в более широком определении *ономастиологический* перевод, предполагающий, что образ метафоры (vehicle)

и её содержание (tenor) передаются в неизменном виде; 2) *замещающий*, т.е. *семасиологический* перевод, основанный на подборе метафорического эквивалента, различающегося на уровне образа, но позволяющего в той или иной степени сохранить содержание метафоры в исходном и переводном текстах; 3) *перефразирование* или *дискурсивный* перевод, сводящийся к передаче содержания метафоры неметафорическими средствами языка [35, с. 77–78].

Единицей анализа стал ключевой лексический элемент (далее КЛЭ) персонификации, под которым мы понимаем лексическую единицу, которая во взаимосвязи со своим референтом образует единицу перевода и позволяет идентифицировать и категоризировать метафору или сравнение [см.: 5, с. 125–126]. В общей сложности было проанализировано 775 переводческих решений, служащих для передачи 155 КЛЭ, отобранных из оригинального текста. Подобный подход даёт возможность объективизировать наблюдаемые тенденции перевода.

Дескриптивное исследование реализовано в рамках сравнительного семантико-функционального анализа. Для более наглядной демонстрации данных использован приём обратного перевода.

3. Передача персонификации в переводах романа

Анализ практического материала свидетельствует, что примерно 67% всех переводческих решений, тем или иным образом, **сохраняют персонифицирующую составляющую**. Однако палитра реализуемых преобразований зачастую демонстрирует существенную вариативность, свидетельствующую об определённой субъективности переводчиков. В качестве развёрнутой иллюстрации рассмотрим переводы следующего фрагмента: «Верстах в трёх от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это ворота, образованные природой; они *подымаются* на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный **взгляд**» [3, с. 309]¹. Приведённый контекст содержит две персонификации. Лексема *образованные* соотносится с референтом *природа* посредством косвенной ассоциативной связи, которая позволяет изобразить абстрактный материальный мир как создателя и творца. В тоже время КЛЭ *бросает <...> взгляд* соединён с референтом *солнце* прямым ассоциативным отношением. Будучи связанным, в свою очередь, с дополнительными метафорическими актуализациями *скалы* при помощи топонима *Кольцо* и лексемы *ворота*, а также с эпитетом *пламенный*, получающим двойственное прочтение, персонификация участвует в формировании многогранной художественной реальности. Передача данного контекста представлена следующими решениями²:

А. А. Столыпин.

«À trois werstes de Kislovodsk, dans une vallée arrosée par le Podcoumok, se trouve un rocher qu'on appelle l'Anneau. C'est une rosace naturelle pratiquée dans le roc par une cause inconnue. Elle s'ouvre sur une haute colline, et c'est un spectacle intéressant que celui du coucher du soleil, vu au travers de cette voûte aérienne, quand les derniers rayons de l'astre mourant disent adieu à la terre» [34, 20 Oct.].

«В трёх верстах от Кисловодска, в долине, где протекает Подкумок, находится скала, которую называют Кольцом. Это естественное круглое окно, пробитое в скале вследствие действия неизвестной причины. Оно открывается с высокого холма, и закат солнца, увиденный через эту воздушную арку в момент, когда последние лучи умирающего светила прощаются с землёй, представляет собой интересное зрелище».

¹ Здесь и далее курсив наш, при цитировании сохранена орфография источников – Е.С.

² Здесь и далее обратный перевод наш – Е.С.

Ж.-М. Шопен.

«À trois verstes de Kislovodsk, dans un canal où coule le Podkumok, s'élève un rocher que l'on nomme l'Anneau. C'est une porte façonnée par la nature. Elle est située sur une colline élevée, et par cette ouverture le soleil couchant envoie ses derniers rayons» [11, с. 149].

«В трёх верстах от Кисловодска, в ущелье, где течёт Подкумок, возвышается скала, которую именуют Кольцом. Это ворота, созданные природой. Они расположены на высоком холме, и через этот проём закатное солнце посылает свои последние лучи».

Э. Шеффтер.

«À environ un mille de Kislowodsk, sur un monticule, dans ce ravin où coule le Podkumok, un rocher appelé le Cercle forme une porte naturelle par laquelle le soleil couchant darde sur la terre ses derniers rayons» [23, №42].

«Примерно в миле от Кисловодска, на пригорке, в той лощине, где течёт Подкумок, именуемая Кругом скала образует естественные ворота, через которые заходящее солнце бросает на землю свои последние лучи».

К. Мармье.

«À trois werstes de Kislovodsk, dans le ravin où coule le Podkumok, est une roche qu'on appelle la Koltsov. C'est, comme son nom l'indique, une sorte d'anneau, ou plutôt une porte ouverte sur l'espace par la nature. Elle s'élève au haut d'une colline, et, le soir, le soleil projette par-là sur la plaine ses derniers rayons» [32, с. 165–166].

«В трёх верстах от Кисловодска, в лощине, где течёт Подкумок, находится скала, которую называют Кольцов. «Она является, как указывает её название, своего рода кольцом или скорее воротами, открытыми природой в пространство. Они возвышаются на вершине холма, и по вечерам солнце бросает сквозь них свои последние лучи на равнину».

А. де Вилламари.

«À trois verstes de Kislovodsk, dans les gorges où coule le Podkumok est un rocher appelé l'anneau. Il a la forme de portes, construites par la nature elle-même. Elles s'élèvent sur une haute colline, et le soleil couchant jette à travers elles, sur le monde, son regard ardent» [33, с. 233].

«В трёх верстах от Кисловодска, в ущельях, где течёт Подкумок, находится скала, называемая Кольцо. Она имеет форму ворот, построенных самой природой. Они поднимаются на высоком холме, и закатное солнце бросает сквозь них на мир свой пламенный взгляд».

А. де Вилламари наиболее близко следует тексту оригинала, передавая с достаточными эквивалентностью и адекватностью авторское видение, несмотря на утрату в переводе лексемы *последний*. В версии А. А. Столыпина образная актуализация солнца происходит за счёт лексемы *tourant* и форманта *disent adieu*, соотносимого с референтом *derniers rayons*. Хотя последний и репрезентирует небесное светило по принципу метонимии, смещает акцент с целого объекта на его составляющую и представляет несколько отличный от авторского персонифицирующий образ. Поэтому, в данном случае можно говорить о сохранении категориальной принадлежности персонифицирующей репрезентации с некоторой модификацией её содержания.

Более стереотипная интерпретация референта, реализуемая при помощи словосочетания *derniers rayons* в соотнесении с персонифицирующими глаголами, выражающими активное целенаправленное действие, представлена в трёх других переводах: *le soleil couchant envoie ses derniers rayons* (Ж.-М. Шопен); *le soleil couchant darde <...> ses derniers rayons* (Э. Шеффтер); *le soleil projette <...> ses derniers rayons* (К. Мармье). Заметим, что решение Э. Шеффтера содержит относительно распространённый фигуративный оборот литературного языка, однако привносит за счёт внутренней формы глагола *darder* (досл. метать копьё) некоторую коннотативную агрессивность, отсутствующую в оригинале.

По нашему мнению, вышеперечисленные решения следует рассматривать как субъективно мотивированные. В частности, перевод КЛЭ *бросает пламенный взгляд* не представляет объективных сложностей и может быть реализован различными способами. Так, например,

словосочетания *regard flamboyant* [18, с. 328]; *regard ardent* [27, с. 117]; *regard embrasé* [25, с. 103] устойчиво выявляются в литературном лексиконе эпохи, ещё находившейся под некоторым влиянием романтизма.

Наряду с этим, в переводах А. А. Столыпина и Э. Шеффтера утрачивается эксплицитная персонификация природы. Э. Шеффтер ограниченно соотносит глагол *former* с референтом *rocher*, а А. А. Столыпин использует для обозначения референта словосочетание *cause inconnnue*, что тоже приводит к некоторой модификации смысла. Заметим, что в данном контексте лексема *cause* контекстуально выражает идею действующего начала – «*ce qui produit ou occasionne quelque chose*» [30]. Похожее употребление можно встретить, например, в некоторых естественно-научных текстах XIX столетия. Прочитав: «*Par conséquent j'ignore aussi, si c'est par un miracle ou par une cause inconnnue qu'elle s'est arrêtée dans ce mouvement de rotation diurne*» («Поэтому я также не знаю, благодаря чуду или под действием неизвестной причины она (зд. планета Земля) остановила вращение вокруг своей оси») [12, с. 198].

Добавим, что избираемая переводчиком метафорическая актуализация скального проёма как естественного круглого окна (*rosace naturelle*) в целом не противоречит ни авторскому замыслу, ни реальному состоянию местности. Можно полагать, что она подсказана весьма популярным в то время произведением В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» («*Notre-Dame de Paris*»), в котором лексема *rosace / rosace à jour* неоднократно используется для актуализации окна-розетки. Данный факт может служить иллюстрацией мысли В.В. Виноградова о влиянии социально-культурного окружения на мотивацию переводческих решений. Ведь, как свидетельствуют лексикографические источники, подобная номинация не была широко распространённой, поскольку в лексиконе архитектуры лексема *rosace* преимущественно соотносилась с лепным украшением в форме розы, тогда как для обозначения округлого окна с фигурным переплётом обычно использовалась лексема *rose* [7, с. 299], [14, с. 675–676].

Наряду с этим, решения переводчиков не всегда свободны от некоторых неточностей, связанных с индивидуальным восприятием исходного и переводящего языков и описываемых реалий. Так, употребление А.А. Столыпиным глагола *s'ouvrir* в сочетании с предлогом *sur* представляется несколько неожиданным в цитируемом контексте. Данная коллокация, особенно при наличии подлежащего, соотносящегося с существительным, содержащим сему разделения пространства (*rosace naturelle*), обычно имеет значение *donner sur, regarder sur* (выходить на/в; смотреть на) [30]. Поскольку опыт и компетенции переводчика предполагают не только безошибочное понимание им оригинальной фразы, но и сопоставимое с авторским знание местности, следует заключить, что он подразумевает именно расположение скального выступа на вершине холма, а не его ориентацию. Тем не менее, такое решение следует признать не совсем удачным из-за порождаемой им двусмысленности.

Рассмотрим переводы ещё одного показательного примера: «Его маленькие чёрные глаза, всегда *беспокойные, старались проникнуть* в ваши мысли» [3, с. 269]. В данном случае персонификации подвергается орган зрения (глаза), которому соответствуют два КЛЭ (*беспокойные* и *старались проникнуть*), наделяющие эту часть тела человека самостоятельным эмоциональным статусом и способностью к мотивированному действию. Переводчики представляют следующие варианты передачи данного фрагмента:

А.А. Столыпин: «*Ses yeux noirs, petits et inquiets, cherchent à pénétrer vos pensées*» [34, 13 Oct.]. («Его чёрные, маленькие и беспокойные глаза, стремятся проникнуть в ваши мысли»);

Ж.-М. Шопен: «*Ses yeux noirs et petits toujours roulant, allaient chercher jusqu'au fond de vos pensées*» [11, с. 98]. («Его чёрные и маленькие, всегда вращающиеся глаза проникали до дна ваших мыслей»);

Э. Шеффтер: «*Ses petits yeux noirs, toujours en mouvement, sont occupés à deviner les pensées d'autrui*» [23, №.35]. («Его маленькие чёрные, в постоянном движении глаза, заняты угадыванием чужих мыслей»);

К. Мармье: «*Ses petits yeux noirs inquiets et vifs semblent vouloir pénétrer au fond de votre pensée*» [32, с. 107.]. («Его маленькие глаза чёрные, беспокойные и живые, будто хотят проникнуть вглубь вашей мысли»);

А. де Вилламари: «*Ses petits yeux noirs, toujours en mouvement, s'efforcent de scruter vos pensées*» [33, с. 151]. («Его маленькие глаза чёрные, в постоянном движении, пытаются внимательно осматривать ваши мысли»).

Приведённые выше решения тоже достаточно наглядно отражают стремление переводчиков к сохранению персонификации. Однако в переводах Ж.-М. Шопена, Э. Шеффтера и А. де Вилламари отмечается потеря эмотивной составляющей при передаче лексемы *besoin*. Функционально эквивалентные перифразы *toujours roulant* (Ж.-М. Шопен) и *toujours en mouvement* (Э. Шеффтер и А. де Вилламари), полученные, говоря современным языком, в результате приёма модуляции, передают персонификацию в значительно стёртой форме, исключительно за счёт семы активного действия.

Трансформация КЛЭ *старались проникнуть* в сравнительный оборот с глаголом *sembler* (К. Мармье) влечёт за собой формальную утрату метафоричности, поскольку переводит суждение в модальность недействительности, чем устраняет «аномалию» ложного суждения [13, с. 41]. Наряду с этим, можно отметить компенсирующее включение дополнительного персонифицирующего элемента *vifs* в переводе К. Мармье.

Передача персонификации с использованием *сравнения* реализуется достаточно редко. Доля этого преобразования в совокупной выборке переводческих решений составляет около 2%. В качестве дополнительного примера приведём схожее решение, реализованное А. де Вилламари при переводе фрагмента «<...> из-за них *выглядывал* Казбек в своей белой кардинальской шапке» [3, с. 239.]: «<...> derrière lesquelles le Kazbek *semblait* nous *regarder* pareil à un chapeau de cardinal recouvert de neige». («<...> из-за которых, Казбек, казалось на нас смотрел, похожий на кардинальскую шапку покрытую снегом»).

Следует отметить, что отсутствие переводческой вариативности в сочетании с дословной или очень близкой к дословной передачей ключевых элементов отмечается редко. Подобная ситуация вполне объяснима, ведь даже узуальные метафоры далеко не всегда могут быть переданы дословно и однообразно ввиду несовпадения соответствий и отличий в сочетаемости слов в исходном и переводящем языках [22, р. 106–107]. И, как показывают наблюдения, это не единственный фактор, который способен оказывать влияние на выбор переводческого решения.

В целом, примерно шестая часть выявленных в романе персонифицирующих репрезентаций могут быть отнесены к «стёртым» или даже «мёртвым» метафорам, тем не менее их передача демонстрирует определённое разнообразие. Так, например, словосочетание «*бедная шинель*» из контекста «<...> И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью? – *Бедная шинель!* – сказал я, усмехаясь» [3, с. 265] не отличается существенным разнообразием решений: – *Pauvre capote!* (А. А. Столыпин) [34, 12 Oct.] ; – *Pauvre tunique!* (Ж.-М. Шопен) [11, с. 93]; – *Pauvre capote!* (Э. Шеффтер) [23, №.34]; – *Pauvre tunique!* (К. Мармье) [32, с. 101]; – *Pauvre manteau!* (А. де Вилламари) [33, с. 143]. В качестве эквивалента КЛЭ *бедная*, несущего экспрессивную нагрузку и имеющего контекстуальное значение *несчастливая*, все переводчики избирают прилагательное *pauvre*, располагаемое в препозиции к существительному, что соответствует общепринятому правилу стилистики и узусу французского языка [20]. Такое решение с высокой эквивалентностью и адекватностью позволяет передать персонифицирующий эпитет. Однако наблюдаемое однообразие решений не может быть целиком объяснено исключительно узуальностью эпитета и лёгкостью подбора эквивалента. По нашему мнению, определённую роль играют как субъективная установка переводчика по отношению к оригиналу, так и контекст.

В частности, при передаче схожей репрезентации во фразе <...> я с невольным биением сердца глядел на *бедную* лодку <...>, в двух переводах происходит утрата персонификации, несмотря на отсутствие препятствий для её сохранения: *la fragile embarcation* (А. А. Столыпин) [34, 07 Oct.]; *la chaloupe en péril* (Ж.-М. Шопен) [11, с. 74]; *la pauvre barque* (Э. Шеффтер) [23, №.32]; *la pauvre embarcation* (К. Мармье) [32, с. 81]; *la pauvre barque* (А. де Вилламари) [33, с. 115]. Дополнительно отметим, что используемая А.А. Столыпиным и Э. Шеффтером лексема *capote* наиболее точно соответствует пехотной солдатской шинели XIX века. [10, с. 1016–1019]. Что же касается эквивален-

тов *barque / chaloupe / embarcation*, то все эти синонимы достаточно близко передают описываемый в романе референт.

Примечательно, что ни в одном из рассмотренных вариантов перевода не используется лексема *malheureux*, употребление которой было бы возможно в обоих случаях. Однако словосочетание *malheureuse capote* не чуждо, в частности, языку А.А. Столыпина, который использует его при передаче диалога Печорина с Грушницким. Цитируем: «– Ни за что! – в этой гадкой шинели ... – Как, ты её разлюбил?...» [3, с. 299].

А. А. Столыпин.

« – Jamais ; je t'ai déjà dit, que je ne voulais plus paraître en cet ignoble costume. – Tu la détestes donc bien à présent, cette *malheureuse capote* ? » [34, 19 Oct.]

« – Никогда ; я тебе уже говорил, что больше не хочу появляться в этом гадком одеянии. – Ты её ненавидишь значит сильно теперь, эту бедную шинель? ».

Кроме того, переводя примерно в то же самое время гоголевскую «Шинель», К. Мармье неоднократно употребляет словосочетание *malheureux manteau* для персонифицирующей актуализации шинели Акакия Акакиевича: «Petrovitch prit le *malheureux manteau*, le déploya sur la table <...>» [16, с. 69]. При этом он ни разу не прибегает к лексеме *pauvre* по отношению к этому предмету гардероба. Решение К. Мармье тоже имеет характер переводческого добавления, однако экспрессивная смысловая нагрузка во многом идентична.

Можно полагать, что в последних процитированных ситуациях выбор переводчиков преимущественно обусловлен контекстом. Возможно, что мотивирующим фактором добавления А.А. Столыпина выступает желание более эксплицитно передать авторскую иронию, что достигается противопоставлением словосочетаний *ignoble costume / malheureuse capote*. Что же касается решения К. Мармье, то можно предположить, что лексема *pauvre*, даже находясь в препозиции, за счёт своей внутренней формы слишком буквально соответствует состоянию одежды персонажа. Помимо этого, она уже соотнесена переводчиком с образом Акакия Акакиевича и даже присутствует в заглавии первого издания перевода: «Le Manteau d'un *pauvre* homme», впоследствии сокращённом до «Le Manteau».

Некоторые лексикализованные глагольные сочетания, представляют определённые затруднения при их отнесении к разряду персонификации, ввиду сложностей, связанных с проблемами определения залога. Последнее преимущественно относится к глаголам *подниматься, (с)прятаться, садиться*, употреблённым по отношению к природным и топографическим реалиям. Например: *поднялся* туман; на север *поднимается* Машук; солнце *пряталось* и т.д. Тем не менее, благодаря наличию в принимающем языке похожих актуализаций, подбор функционального эквивалента в большинстве случаев не представляет существенных затруднений, однако тоже отличается определённой вариативностью. Так, например, для передачи фразы «<...> уж солнце *садились*, когда я подъехал к Кисловодску» [3, с. 331] переводчиками предлагаются следующие решения: «<...> le *soleil se couchait*, quand j'arrivai à Kislovodsk<...>» (А.А. Столыпин) [34, 02 Nov.] ; «Le *soleil se couchait* lorsque je rentrai à Kislovodsk <...>» (Ж.-М. Шопен) [11, p. 179] ; «Le *soleil penchait* déjà vers l'horizon lorsque j'arrivai à Kislovodsk <...> » (Э. Шеффер) [23, №.49]; «Le *soleil était couché* quand je rentrai à Kislovodsk <...>» (К. Мармье) [32, p. 197]; «Déjà le *soleil baissait* lorsque j'arrivai à Kislovodsk <...>» (А. де Вилламари) [33, p. 278].

Замена персонификации иной метафорой тоже наблюдается не часто, её доля в структуре переводческих решений составляет около 7%. Так, например, фрагмент «*Ночь уж ложилась* на горы <...>» [3, с. 212] трансформируется в переводе Ж.-М. Шопена в более обиходную метафору: «La *nuit couvrait* déjà les montagnes <...>» («Ночь уже *накрывала* горы <...>») [3, с. 13]. В некоторой степени, подобная замена может рассматриваться как разновидность универсалии упрощения [8, с. 243–244].

Достаточно удачное обращение к иному метафорическому уподоблению предложено в переводе Ж.-М. Шопена при передаче фразы «*Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка!*» [3, с. 329], являющейся вариантом распространённых в XIX столетии народных паремий: «Натура дура, судьба злодейка (судьба индейка)»; «Жизнь копейка, судьба индейка» и «Смерть (жизнь) копейка, голова наживное дело» [2, с. 43, 275]. Переводчик передаёт приведённую фразу следующим образом: «*Nature, existence et destin, Tout cela pèse moins que rien*» [11, с. 176] (досл. «Природа, существование и судьба, всё это весит ничтожно мало»). Данное решение достаточно адекватно интерпретирует содержание и стилистическое оформление исходной фразы. Переводчик использует идиоматический оборот разговорно-просторечного регистра *moins que rien* (ничтожно мало; почти ничего), который дополняет метафорической актуализацией при помощи глагола *peser* (весить).

Остальные переводческие решения демонстрируют уже обозначенную выше доминирующую тенденцию к сохранению персонификации: «*La nature est une sottise, le hasard un dindon, et la vie ne vaut pas un sou*» (А.А. Столыпин) [34, 02 Nov.]; «*La nature est une folle, le destin une vieille poule et la vie ne vaut pas un fêtu*» (Э. Шеффтер) [23, № 48]; «*La nature est une folle; le destin un oison; la vie un kopeck*» (К. Мармье) [32, с. 194]; «*La nature est stupide, le destin un dindon et la vie ne vaut pas un covek !*» (А. де Вилламари) [33, с. 273].

Вместе с тем использование лексем *dindon* (досл. индюк) и *oison* (досл. гусёнок) привносят в переводы некоторые дополнительные коннотативные смыслы. Это связано с тем, что в разговорном и просторечном стратах французского языка лексемы *dindon* и *oison (bridé)* служат для обозначения *глупого* и *недалёкого* человека [30]. Тогда как в русской поговорке лексема *индейка* имеет шутовскую коннотацию и обозначает незадачливую, трудную судьбу [4, с. 246]. Лексема *poule* (досл. курица) тоже может иногда использоваться для несколько пейоративного обозначения женщины [30], однако благодаря её соотнесению в переводе Э. Шеффтера с существительным мужского рода *destin* и добавлению прилагательного *vieille*, данная коннотация, в целом, нивелируется. Тот факт, что Э. Шеффтер тоже обращается к французскому разговорно-просторечному выражению «*ça ne vaut pas un fêtu*» [15, с. 406] (т.е. *ничего не стоит*, употребляемому по отношению к чему-то никчёмному, банальному), дополнительно свидетельствует об осознании иноязычными переводчиками паремической природы лермонтовской фразы. Попутно отметим, что А.А. Столыпин употребляет лексему *hasard* в значении *судьба*.

Обращение к той или иной форме **неметафорического перефразирования** происходит более часто, оно составляет около 19 % всех переводческих решений. Так, например, для передачи персонификации во фразе «<...> в душе моей *родилось* непреодолимое *отвращение* к женитьбе ...<...>» [3, с. 314], трое переводчиков прибегают к неметафорическому перефразированию, которое, вероятно, обусловлено стремлением более ясно передать читателю авторскую идею:

А. А. Столыпин: «*C'est depuis ce temps-là que j'éprouve pour le mariage cette aversion profonde*» [34, 28 Oct.] («Именно с тех пор я ощущаю глубокое отвращение к свадьбе»);

Э. Шеффтер «*Mais je sens en moi une terreur antipathique, un inexplicable pressentiment contre le mariage*» [23, №.44] («Но я чувствую в себе некий неприязненный страх, необъяснимое предубеждение против свадьбы»);

К. Мармье: «*Dès ce moment, j'éprouvai pour le mariage une aversion insurmontable*» [32, с. 173] («С этого момента я ощутил непреодолимое отвращение к свадьбе»).

Однако А. де Вилламари сохраняет исходную персонификацию: «<...> *et, dans mon âme, naquit un dégoût insurmontable pour le mariage*» [33, р. 243] («<...> и в душе моей родилось непреодолимое отвращение к свадьбе»).

Что же касается решения Ж.-М. Шопена, то использование лексемы *invincible* по отношению к референту *éloignement* в некоторой степени компенсирует утрату оригинальной персонификации: «<...> *cela me fit une grande impression ... et m'inspira un éloignement invincible pour le mariage ...*» [11, р. 155] («<...> это произвело на меня большое впечатление... и внушило мне непреодолимое (досл. непобедимое) неприязненное отношение к свадьбе ...»).

Дополнительно рассмотрим ещё один пример: «Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, <...> сползали туда по *морщинам* соседних скал <...>» [3, с. 223]. Можно предположить, что уподобление горной складчатости *морщинам* воспринимается как несколько непривычное, поскольку для его передачи три переводчика обращаются к персонифицирующему перефразированию: *sur les rocs ébréchés* (Э. Шеффтер) [23, №.26]; *sur le bord des rocs* (К. Мармье) [32, с. 35]; *entre les anfractuosités* (А. де Вилламари) [33, с. 48]. Тогда как А.А. Столыпин использует узуальное словосочетание *(sur) les flancs des montagnes* [34, 02 Oct.], в котором лексема *flanc* практически утрачивает свою внутреннюю форму и, как следствие, соотносённость с персонифицирующим образом. Что же касается Ж.-М. Шопена, то он прибегает к замене данной персонификации другим метафорическим образом: *à travers les déchirures des rocs*, позволяющей уподобить скалы разорванной субстанции [11, с. 29].

Полное **опущение** персонификации или даже содержащего её фрагмента встречается сравнительно редко. Доля таких решений составляет в нашей выборке порядка 5%. В целом можно полагать, что использование опущения может быть связано как со сложностью подбора эквивалента или желанием упростить синтаксическую конструкцию, так и с целью некоторого смягчения авторских формулировок. Например, фразу «Извозчики с криком и бранью колотили лошадей, которые фыркали, упирались и не хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на *красноречие кнутов*» [3, с. 227], Ж.-М. Шопен преобразует в более нейтральный вариант: «Nos conducteurs juraient en frappant leurs chevaux qui n'auraient pas bougé pour rien au monde» [11, с. 34]. («Наши извозчики ругались, колотя лошадей, которые ни за что на свете не сдвинулись бы с места»). Можно полагать, что в данном случае переводчик избегает передачи относительно резкого суждения.

Индивидуальный анализ переводческих решений позволяет заключить, что при передаче персонификации А. де Вилламари несколько чаще других следует букве оригинала, тогда как решения К. Мармье отличаются более заметными вольными преобразованиями. В их переводах доля решений, сохраняющих персонификацию, составляет приблизительно 75% и 57% соответственно. Данное наблюдение позволяет предположить, что установка переводчика по отношению к передаче метафор, в частности персонификаций, может рассматриваться как потенциальный элемент его творческой индивидуальности.

4. Выводы

Анализ переводческих решений выявляет следующие способы передачи персонификации, используемые переводчиками XIX столетия: сохранение персонификации в переводном тексте; передача персонификации при помощи неметафорического перефразирования; замена персонификации иным метафорическим образом; использование сравнения; опущение персонифицирующего переосмысления.

Преобладающей является ономазиологическая стратегия перевода, которая предоставляет возможность в той или иной степени донести до читателя авторские переосмысления, чем достигается цельность и сбалансированность этого фрагмента образной структуры произведения. Однако используемые приёмы перевода и получаемые в результате этого интерпретации могут варьироваться в зависимости от контекста и субъективного восприятия переводчика.

Наряду с этим, неметафорическое перефразирование выступает другим достаточно заметным приёмом передачи содержания персонификации. Данный факт может быть объяснён как стремлением переводчиков к экспликации авторских идей, так и контекстуальной привычностью тех или иных образных уподоблений. При этом в некоторых случаях можно наблюдать компенсацию утраченной персонификации за счёт дополнительного персонифицирующего образа или иной метафоры. Одним из наименее востребованных приёмов для передачи персонификации по данным нашей выборки оказывается использование сравнения.

Перечисленные наблюдения свидетельствуют об интуитивном или осознанном восприятии переводчиками персонификации как важного и неотъемлемого компонента образной структуры оригинального текста.

Подводя итог, можно добавить, что комплексное изучение переводов, хронологически близких к оригиналу, является перспективным, поскольку позволяет более глубоко проанализировать факторы, оказывающие влияние на выбор переводческих решений, и открывает интересные перспективы для последующего ретроспективного сопоставительного исследования, которое мы в дальнейшем планируем осуществить.

© Соловьева Е.А., 2022

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Даль В.И. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Изд. императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. Т. 1. 1862. 685 с.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. АН СССР. Ин-т рус. литературы. Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва : А ТЕМП, 2006. 944 с. С. 246.
5. Соловьева Е. А. Анималистические сравнения в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 124–135.
6. Соловьева Е.А. Передача некоторых военных реалий во французских переводах XIX в. романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Новый филологический вестник. 2021. №4 (59). С.299-300.
7. Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлечённый из новейших источников в 2 т. Т. 2. СПб.: У книгопродавца Г. Шмицдорфа, 1842. 476 с.
8. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications, in M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins. 1993. P. 233-250.
9. Baker M. Towards a methodology for investigating the style of literary translator // Target. 2000. Vol. 12. P. 241-266. URL: <https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak>
10. Bardin E. Dictionnaire de l'armée de terre, ou Recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes. En 17 parties. Partie 4. Paris: J. Corréard. 1843. 331 p.
11. Bela, ou Un héros de notre époque. Nouvelle circassienne. / Choix de nouvelles russes de Lermontof, Pouchkine, von Wiesen etc. Trad. du russe par J. N. Chopin / Paris : Reinwald, 1853. P. 1-202.
12. Chaubard L. A. Éléments de géologie mis à la portée de tout le monde Paris, 1838. 516 p.
13. Davidson D. What metaphors mean // Critical inquiry. 1978. Vol. 5, № 1. P.31-47.
14. Dictionnaire de L'Académie française, VIe édition. Tome 2. Paris : Firmin-Didot, 1835. 961 p.
15. Dictionnaire des expressions et locutions : Collection Les Usuels du Robert, 2003. P.406. 1086 p.
16. Gogol N. Le Manteau d'un pauvre homme. Trad. du russe par X. Marmier. // L'ami de la maison : revue hebdomadaire illustrée, Vol. 1. Issues 1-25. Janv. 1856. 401 p.
17. Hermans T. Translation in Systems: Descriptive and System-oriented Approaches Explained. St. Jerome Publishing, 1999. 195 p.
18. Hugo V. Œuvres complètes Vol. 2. Han d'Islande. 1837. 680 p.
19. Lakoff G., Jonson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
20. Leeman D. Ma pauvre Denise, si tu savais ce qui m'arrive ! Le cas d'un emploi « émotionnel » singulier // Revue de linguistique et de didactique des langues. 2005. № 32. P. 167-181. URL : <https://doi.org/10.4000/lidil.112>.
21. Meyers Ch. L'influence de la conceptualisation métaphorique sur les choix traductionnels. L'exemple de l'astrophysique et des trous noirs // ASp, la revue du GERAS. 2014. № 66. P. 83-101.
22. Newmark P. A textbook of translation. New York: Prentice Hall, 1988. 304p.
23. Petchorine, ou Un héros d'aujourd'hui. Scènes de la vie russe dans le Caucase. Trad. de Edouard Scheffter. Le Mousquetaire. // Journal de Alexandre Dumas. Paris, 1855. 23 Janv. 18 Févr.
24. Saldanha G. Style in, and of, translation. A Companion to Translation Studies. / Ed. Sandra Berman; Catherine Porter. Chichester: Blackwell-Wiley, 2014. P. 95-106.
25. Sand G. Œuvres, Vol. 1. Lélia. Bruxelles, 1842. 518 p.
26. Schäffner C. Metaphor and translation: some implications of a cognitive approach. // Journal of Pragmatics, №36. 2004. P. 1253-1269.
27. Soulié F. Les Forgerons. Bruxelles, 1841. 131 p.
28. Stanford J. A. Responding to Literature. 4th ed. New York: McGraw Hill, 2003. 1204 p.
29. Szulmajster-Celnikier A. Représentations et imaginaires parisiens : réanalyse, métaphore, figement analytique // La linguistique, 2010, Vol. 46. №1. P. 121-152.
30. TLFi, Trésor de la Langue Française informatisé. URL : <http://www.atilf.fr/tlfi>.

31. Toury G. Descriptive translation studies and beyond. Revised edition. Amsterdam: J. Benjamins, 2012. 350 p.
32. Un héros de notre temps. Au bord de la Néva. Contes russes traduits par X. Marmier. Paris : Lévy, 1856. P. 5-208.
33. Un héros de notre temps. Trad. du russe par A. de Villamarie. Paris : Librairie parisienne E. Giraud, 1884 [Paris : P. V. Stock, 1904]. XII. 355 p.
34. Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase. Trad. du russe par A. A. Stolipine. // Démocratie pacifique. Paris, 1843. 29 Sept. 4 Nov.
35. Van den Broeck R. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation // Poetics Today, 1981. Vol. 2. № 49. P.73-78.

References

1. Vinogradov, V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)*. [Introduction to translation studies (general and lexical issues)], Moscow, Moscow: Publishing House of the Institute of General and Secondary Education of RAE, 2001, 224 p.
2. Dahl, V.I. *Sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prislaviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i proch* [Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, sayings, utterances, priests, rhetoric, jokes, riddles, etc.], Moscow Univ. Press, 1862, 685 p.
3. Lermontov, M.Yu. *Sochineniya: V 6 t.* [Collected works in 6 volumes], Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian literature (Pushkin house), t. 6. Prose. Letters. 1957, 900 p.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language contains 80,000 words and phraseological expressions]. M.: A TEMP, 2006. 944 p.
5. Baker, M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications, in M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli (eds.), *Text and Technology*, John Benjamins, Amsterdam and Philadelphia, The Netherlands and US, 1993, pp. 233-250.
6. Baker, M. Towards a methodology for investigating the style of literary translator. *Target*, 2000, vol. 12, pp. 241-266. <https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak>.
7. Bardin, É. *Dictionnaire de l'armée de terre, ou Recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes. En 17 parties. Partie 4.* [Dictionary of the Army, or Historical research on the art and military uses of the ancients and the moderns. In 17 parts. Part 4]. Paris : J. Correard, 1843, 331 p.
8. Chaubard, L., *Éléments de géologie mis à la portée de tout le monde, et offrant la concordance des faits géologiques avec les faits historiques, tels qu'ils se trouvent dans la Bible ...*, [Elements of geology made accessible to everyone] Paris : L'auteur, 1838, 680 p.
9. *Choix de nouvelles russes de Lermontof, Pouchkine, von Wiesen, etc.* [Bela, or A hero of our time. Circassian Novel. Selection of Russian short stories by Lermontof, Pouchkine, von Wiesen etc. Translated by J-N. Chopin], 1853, Paris: Reinwald, 1-202.
10. Davidson, D. What metaphors mean. *Critical inquiry*, 1978, no 5 (1), pp. 31-47.
11. *Dictionnaire de l'Académie française, VIe édition.* [Dictionary of the French Academy 6th edition], t. 2, Paris: Firmin-Didot, 1835, 961 p.
12. *Dictionnaire des expressions et locutions : Collection Les Usuels du Robert*, [Dictionary of expressions and phrases : Collection Les Usuels du Robert], 2003. 1086 p.
13. Ertel, V.A. *Frantsuzsko-russkiy slovar', izvlechenny iz noveishikh istochnikov* [French-Russian dictionary, extracted from the latest sources], t. 2, Saint Petersburg, At the bookseller G. Schmitzdorf, 1842, 476 p.
14. Gogol, N. *Le Manteau d'un pauvre homme.* Trad. de Xavier Marmier [A Poor Man's Overcoat. Translated by X. Marmier]. Lami de la maison : revue hebdomadaire illustrée, 1856, 1-25 Jan.
15. Hermans, T. *Translation in Systems: Descriptive and System-oriented Approaches Explained*, St. Jerome Publishing, 1999, 195 p.
16. Hugo, V. *Œuvres complètes, t. 2.* [Complete Works, t. 2], 1837. Bruxelles. 680 p.
17. Lakoff, G. M., Jonson M. *Metaphors we live by.* University of Chicago Press, Chicago, 1980, 242 p.
18. Leeman, D. My poor Denise, if you only knew what is happening to me! The case of a singular “emotional” using. *Revue de linguistique et de didactique des langues*, 2005, vol. 32, pp. 167-181, <https://doi.org/10.4000/lidil.112>.
19. Meyers, Ch. L'influence de la conceptualisation métaphorique sur les choix traductionnels. L'exemple de l'astrophysique et des trous noirs. [The influence of metaphorical conceptualization on translational choices. The example of astrophysics and black holes]. *Asp. la revue du GERAS*, 2014. Vol. 66, pp. 83-101.
20. Newmark, P. *A textbook of translation*, Prentice Hall, New York, 1988, 304p.
21. *Petchorine, ou Un héros d'aujourd'hui. Scènes de la vie russe dans le Caucase.* Trad. de E. Scheffter [Pechorine, or A Hero of Today. Scenes of Russian life in the Caucasus. Translated by E. Scheffter]. *Le Mousquetaire. Journal de Alexandre Dumas*. Paris, 1855, 23 janv. 18 févr.
22. Saldanha, G. Style in, and of, translation. In S. Berman, & C. Porter (Eds.), *A Companion to Translation Studies*, Blackwell-Wiley, Chichester, 2014, pp. 95-106.
23. Sand G. *Œuvres*, [Works] Vol. 1. Lélia. Bruxelles, 1842. 518 p.
24. Schäffner, C. Metaphor and translation: some implications of a cognitive approach. *Journal of Pragmatics*, 2004, vol. 36, pp. 1253-1269.
25. Solovyeva, E. A. Animalisticheskie sravneniia v perevodakh XIX veka romana M. Yu. Lermontova «Geroi nashego vremeni» na frantsuzskiy iazyk [Animal similes in the nineteenth-century French translations of Mikhail Lermontov's novel “A hero of our time”]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, p. 124–135. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-124-135.
26. Solovyeva, E.A. Peredacha nekotorykh voennykh realiy vo frantsuzskikh perevodakh XIX v. romana M.Yu. Lermontova «Geroi nashego vremeni» [Rendering Some Military Realities in the 19th Century French Translations of Mikhail Lermontov's Novel “A Hero of Our Time”] *New Philological Bulletin*, 2021, no 4 (59), pp. 296–310. DOI: 10.54770/20729316-2021-4-296.

27. Soulié, F. *Les Forgerons*. [The Blacksmiths]. 1841. Bruxelles. 131 p.
28. Stanford, J. A. *Responding to Literature*. 4th ed., New York: McGraw Hill, 2003, 1204 p.
29. Szulmajster-Celnikier, A. Représentations et imaginaires parisiens : réanalyse, métaphore, figement analytique. [Parisian representations and imaginaries: reanalysis, metaphor, analytical freezing]. *Linguistics*, 46 (1), 2010, 121-152.
30. *TLFi* [Treasure of the French Language], available at: <http://www.atilf.fr/tlfi> (Accessed 8 January 2022).
31. Toury, G. *Descriptive translation studies and beyond*, J. Benjamins, Amsterdam, the Netherlands, 2012, 350 p.
32. *Un héros de notre temps. Au bord de la Néva. Contes russes*. [A Hero of our Time. On the banks of the Neva. Russian tales. Translated by X. Marmier]. Paris: Lévy, 1856, p. 5-208.
33. *Un héros de notre temps. Récits. Béla. Maxime Maximitch. Taman. La Princesse Marie. Le Fataliste. Le Démon, poème oriental*. Trad. de A. de Villamarie [A Hero of Our time. Stories. Bela. Maxim Maximitch. Taman. Princess Mary. The Fatalist. The Demon, oriental poem. Translated by A. de Villamarie], Paris : Librairie parisienne E. Giraud, 1884 [Paris : P. V. Stock, 1904], XII, 355 p.
34. *Un héros du siècle ou Les Russes dans le Caucase*. Trad. de A.A. Stolipine. [A Hero of the Century or The Russians in the Caucasus. Translated by A. Stolypine], 1843. *La Démocratie pacifique*, Paris, Sept. 29 – Nov. 4.
35. Van den Broeck, R. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation. *Poetics Today*, 1981, 2 (49), 73-78.

Сведения об авторе:

Соловьева Евгения Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. ORCID: 0000-0001-8796-6059

E-mail: e_rossignol@mail.ru

About the author:

Eygeniya A. Solovyova, Cand. Sci. (Philology), is Lecturer at the Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University. ORCID: 0000-0001-8796-6059. E-mail: e_rossignol@mail.ru

* * *

DIFFICULT CASES OF USING THE INDEFINITE PRONOUNS AND ADVERBS WITH AFFIXES -NIBUD, -LIBO, -TO, KOE- WITH INDEFINITE MEANING AMONG THE IRANIAN AUDIENCE

M. Estiri

Gonbad Kavous University, 4971799151,
Iran, Golestan, Gonbad Kavous, st. Falahi, Basirat Blvd

Abstract. This article is dedicated to examining the difficult cases of the transmission of the indefinite meaning with the indefinite pronouns and adverbs with the affixes *-nibud*, *-libo*, *-to*, *koe-* among Iranian audiences. The indefinite pronouns and adverbs are a group of words with a specific meaning and usage that express the category of indefiniteness. This topic is important because among the Iranian students learning Russian the use of indefinite pronouns and adverbs with these affixes is a most difficult problem. It is not due to the grammatical features of the pronouns and adverbs mentioned, but due to their dependence on semantic subtleties and the insufficient number of theoretical works analysing the errors made by foreign, including Iranian, students when using the indefinite pronouns and adverbs with the mentioned affixes. The first problem that Iranian students face is the use of the indefinite pronouns and adverbs in the Russian language when in Persian their formal indicator is the indefinite article. The purpose of this article is to study the complicated cases of using the indefinite pronouns and adverbs with affixes *-nibud*, *-libo*, *-to*, *koe-* with indefinite meaning in the Iranian class and to consider how this group of the indefinite pronouns and adverbs is used in speech and text. The novelty of this article is in the fact that for the first time in the Russian studies of Iran, the difficult cases that Iranian students often encounter when using the indefinite pronouns and adverbs with affixes *-nibud*, *-libo*, *-to*, *koe-*, are analyzed and specified. In addition, principles have been developed to optimize the teaching process of this category of pronouns and adverbs among Iranian students. The results of the article can be used to eliminate the mistakes of Iranian students of Russian when using the indefinite pronouns and adverbs with the affixes *-nibud*, *-libo*, *-to*, *koe-* with the indefinite meaning, as well as to improve teaching Russian as a foreign language in the Iranian audience.

Keywords: indefinite, indefinite pronouns, indefinite adverbs, affixes *-nibud*, *-libo*, *-to*, *koe-*, article, difficult cases, Iranian students

For citation: Majid Estiri (2022). Difficult cases of using the indefinite pronouns and adverbs with affixes *-nibud*, *-libo*, *-to*, *koe-* with indefinite meaning among the Iranian audience. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 129–139. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-129-139>

СЛОЖНЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ И НАРЕЧИЙ С АФФИКСАМИ -НИБУДЬ, -ЛИБО, -ТО, КОЕ- СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ИРАНСКОЙ АУДИТОРИИ

М. Эстири

Университет Гонбад-Кавус, 4971799151,
Иран, Провинция Голестан, г. Гонбад-Кавус, ул. Фалахи, конец бульвара Басират

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению сложных случаев передачи значения неопределённости местоимениями и наречиями с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-* в иранской аудитории. Неопределённые местоимения и наречия составляют своеобразную в семантическом и функциональном отношении группу слов, выражающих категорию неопределённости. Актуальность данного исследования состоит в том, что употребление неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-* со значением неопределённости вызывает наибольшую сложность у студентов-русистов в иранской аудитории, что обусловлено не грамматическими свойствами указанных местоимений и наречий, а зависимостью особенностей их употребления от семантических оттенков, а также наличием малого количества теоретических работ, в которых проанализированы ошибки иностранных, в том числе иранских студентов, при употреблении неопределённых местоимений и наречий с указанными аффиксами. Сложность употребления русских неопределённых местоимений и наречий с приведёнными аффиксами иранскими студентами объясняется тем, что артикль как формальный показатель неопределённости в персидском языке при переводе на русский язык выражается всеми аффиксами в структуре русских неопределённых местоимений и наречий. Цель этой статьи – рассмотреть сложные случаи употребления неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-* со значением неопределённости в иранской аудитории, а также обозначить пути преодоления трудностей, возникающих у иранских студентов при употреблении данных разрядов местоимений и наречий в письменной и устной речи. Новизна статьи заключается в том, что впервые в иранской русистике выделены сложные случаи, которые вызывают трудности у иранских студентов-русистов при употреблении неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то* и *кое-*. Также, разработаны принципы для оптимизации процесса обучения употреблению данного разряда неопределённых местоимений и наречий иранскими студентами. Результаты статьи могут быть использованы для устранения ошибок иранских студентов-русистов при употреблении неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-* со значением неопределённости, а также преподавателями русского языка как иностранного в иранской аудитории.

Ключевые слова: неопределённость, неопределённые местоимения, неопределённые наречия, аффиксы *-нибудь, -либо, -то, кое-*, артикль, сложные случаи, иранские студенты

Для цитирования: Эстири М. (2022). Сложные случаи употребления неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-* со значением неопределённости в иранской аудитории. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 129–139. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-129-139>

В русской грамматике изучение категории неопределённости неопределёнными местоимениями и наречиями имеет глубокие корни. Это понятие охватывает широкий пласт научных исследований и обсуждений многочисленных учёных, среди которых можно упомянуть труды Т.А. Бабешкиной [1], А.В. Величко [4], Е.Н. Петуховой и А.В. Шульгина [7], А.М. Пешковского [8], И.М. Пулькиной [9], Д.Э. Розенталя [10], В.А. Белошапковой [11], Н.С. Валгиной [12], Е.И. Яновичей [15] и т.д.

Языковая категория определённости-неопределённости относится к разряду коммуникативно-грамматических категорий. В «Большом энциклопедическом словаре» данная категория рассматривается как одна из категорий семантики высказывания. Её функция – актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определённость) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределённость) [2, с. 349]. Значение определённости-неопределённости проявляется только в процессе речевой коммуникации. Именно в процессе коммуникации коммуникатор и реципиент оценивают объект речевой коммуникации с точки зрения определённости и неопределённости. Категория определённости-неопределённости выражается в разных языках мира, включая персидский и русский. В данной статье мы направляем своё внимание на категорию неопределённости. В русском и персидском языках данная категория выражается своеобразными средствами, то есть средства выражения неопределённости отличаются друг от друга. В русском языке категория определённости-неопределённости не выражается специфическими и стабильными средствами в морфемном составе слова. Русский язык принадлежит к тем языкам, в которых категория определённости-неопределённости лица или предмета не выражается артиклем, то есть он относится к так называемым безартиклевому языкам, поэтому значение неопределённости выражается разнообразными средствами, наиболее важными из которых являются:

- 1) неопределённые местоимения и наречия (*кто-то, кое-кто, что-нибудь, какой-либо, где-нибудь, когда-нибудь* и др.): *Он говорит по телефону с кем-то, но я не знаю, с кем;*
- 2) слова *один, много, многие* со значением количества, неопределённые местоимения *несколько, некоторый (некоторые)*, прилагательные *известный, определённый* и др., существительные *масса, пропасть* и др.: *Много сказок я слышал в детстве;*
- 3) форма родительного падежа существительных в сочетании с переходными глаголами: *Принесите мне воды* [4, с. 466].

Кроме того, Л.С. Крючкова заявляет, что порядок слов и придаточные предложения также выражают неопределённость лица или предмета в предложении [5, с. 242–243].

В персидском языке, на взгляд некоторых иранских исследователей, таких как Х. Фаршидвард [16], П. Нател-Ханлари [17], Н. Вазинпур [18] и другие, значение неопределённости выражается:

- 1) неопределёнными местоимениями *бази (некоторые, один), фолан (некто, некий)* и т. д.;
- 2) количественными словами *йэки, йэк (один, некий)* перед существительными в сочетании с артиклем [йэ]: *йэк шаһри (какой-нибудь город, какой-либо город, какой-то город, кое-какой город);*
- 3) именами существительными *шахс (индивид), чиз (предмет)* или определёнными существительными в сочетании с артиклем [йэ]: *шахси (некто, кто-нибудь, кто-то, кое-кто, какой-то человек и т. д.), чизи (нечто, что-нибудь, что-то, кое-что, какой-то предмет и т. д.), кэтаби (какая-нибудь книга, какая-либо книга, какая-то книга, кое-какая книга).*

В современном русском языке отсутствуют специальные показатели неопределённости в морфемном составе слова – артикль, в то время как в персидском языке специальные показатели неопределённости, включая артикль, присоединяются к слову. Таким образом, средства выражения неопределённости в русском и персидском языках не всегда совпадают. Поэтому при переводе на русский язык с артиклевого персидского языка, в грамматике и семантике которого артикль выполняет существующую функцию, у иранских студентов возникает проблема эквивалентности высказывания. Установлено, что наибольшую трудность при переводе артикля на русский язык представляет выбор аффиксов *-нибудь, -либо, -то, кое-* в структуре неопределённых местоимений и наречий. Студенты-русисты при переводе персидского артикля [йэ], морфологически не

закреплённого в русском языке, но требующего передачи своего значения, допускают типичные ошибки в выборе аффиксов *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-*, потому что все эти аффиксы способны выражаться артиклем [йэ] в персидском языке и установление параллелизма между персидским артиклем и указанными средствами русского языка усложняется.

Артикль в артиклевых языках представляет собой специальное грамматическое средство и формальный показатель неопределённости. В персидском языке артикль [йэ] пишется слитно с предшествующим словом: *моалэми* (какой-нибудь учитель, какой-либо учитель, какой-то учитель, кое-какой учитель), *марди* (какой-нибудь мужчина, какой-либо мужчина, какой-то мужчина, кое-какой мужчина), *машины* (какая-нибудь машина, какая-либо машина, какая-то машина, кое-какая машина).

В современном персидском языке артикль так же, как и неопределённые местоимения и наречия в русском языке, указывает на неопределённость предмета в речевой ситуации, то есть может быть использован в ситуациях, когда участники коммуникации: а) не обладают конкретно-определёнными сведениями; б) обладают сведениями, однако по различным причинам на них не указывают. В подобных случаях, как артикль в персидском языке, так и неопределённые местоимения и наречия в русском, разумеется, выражают одно и то же значение. Кроме значения неопределённости, неопределённые местоимения и наречия в русском языке и артикль в персидском могут обозначать частичность и неполноту предмета или признака, на котором мы и не концентрируем своё внимание.

Русские неопределённые местоимения и наречия образуются от вопросительно-относительных местоимений и наречий путём присоединения аффиксов: суффиксов *-либо*, *-то*, *-нибудь* или префикса *кое-*. В.В. Виноградов называет их агглютинативными морфемами [3, с. 548]. Каждая агглютинативная морфема в составе неопределённых местоимений и наречий обладает своей спецификой и вносит оттенки неопределённости, поэтому лексическое значение неопределённых местоимений и наречий отличается различной степенью неопределённости, которая может выражаться артиклем [йэ] в персидском языке.

Семантические различия словообразовательных морфем в составе неопределённых местоимений и наречий русского языка создают множество проблем у иранских студентов-русистов при идентификации и выборе правильного неопределённого местоимения или наречия, хотя все эти аффиксы в структуре неопределённых местоимений и наречий могут выражаться одним и тем же средством, артиклем, при переводе на персидский язык. Знание семантических оттенков позволяет иранским студентам правильно употреблять неопределённые местоимения и наречия в русском языке, поэтому прежде всего будем рассматривать аффиксы *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *-кое* в структуре местоимений и наречий, выражающие не только собственно неопределённость, но и относительную и частичную неопределённость.

Местоимения и наречия с постфиксом *-нибудь*

М.А. Шелякин утверждает, что местоимения и наречия с постфиксом *-нибудь* выражают разделительные (дизъюнктивные) отношения («или-или») между неконкретизированными элементами множества [13, с. 70]. Такие местоимения и наречия имеют обобщённое значение и выражают самую большую степень неопределённости и неконкретности. Они указывают не только на неопределённое и неконкретное, но и на безразличное или любое для говорящего при выборе из множества лицо, предмет, время и т. д., то есть они сообщают о возможности выбора:

Если кто-нибудь позвонит, позови меня. – Агар каси тэлэфон зад, мара сэда бэзан.

Давай съездим в какой-нибудь парк. – Бия бэ парки бэравим.

Пойду куплю что-нибудь к ужину. – Миравам чизи барайэ шам бэхарам.

Кто-нибудь из вас принесёт нам карту города. – Йэки аз шома нагһишэй шаһр ра барайэ ма бияварад.

Кроме названных выше первичных смысловых значений, неопределённые местоимения и наречия с постфиксом *-нибудь* выражают значение неопределённости в ряде случаев.

1. При выражении вопроса, побуждения и пожелания:

Спой нам какую-нибудь интересную песню. – Барайэ ма аһангэ јазаби бэхан.

Он спрашивал о ком-нибудь из нашей группы? – У дар морэдэ шахси аз горуһэ ма соал микард?

2. При указании на постоянно повторяющиеся действия и факты, относящиеся к разным, но однородным, характеризующимся общими свойствами, предметам. В этом случае употребляются глаголы несовершенного вида, выражающие повторяемость и неоднократность действия [4]:

Он каждый вечер напевает какую-нибудь мелодию. – У һар шаб мелодиһаи (мелодиһайэ мохта-лэфи) зэмзэмэ миконад.

У неё на столе всегда стояли какие-нибудь цветы. – Намишэ руйэ мизаиш голһаи (голһайэ гуна-гуни) буд.

По вечерам она обязательно пьёт какой-нибудь сок. – Шабһа у һатман абмивэи минушад.

3. При выражении предположения, догадки и неуверенности в сочетании с вводными словами (наверное, возможно, может быть) или глаголами в форме будущего времени, а также в вопросительных и условных предложениях:

Он стоит у подъезда, наверное, кого-нибудь ждёт. – У кэнэрэ дарэ воруди истадэ аст, эһтэмалан монтазэрэ каси аст.

Вчера перед сном ты принимал какое-нибудь лекарство? – Дируз ғһабл аз хаб то даруи хордэ буди?

Если бы отец купил какую-нибудь машину, мы бы поехали за город. – Агар пэдар машини харидэ буд, ма бирунэ шахр мирафтим.

4) Иногда при обозначении малого количества чего-либо, приближающегося по количеству к чему-либо: Мне осталось дописать каких-нибудь две страницы. – До сафһэи мандэ та ман та ахар бэнэвисам.

От Сосногорска до озера было всего каких-нибудь двадцать верст. – Аз сосногорск та даряче фағһат бист майл фасэлэ буд.

Мне осталось выполнить каких-нибудь два задания. – До масалэи мандэ та ман анјам даһам.

5) При выражении выделения из множества: Вы знаете каких-либо из этих писателей? – Каси аз ин нэвисандэган ра мишэнасид?

6) При выражении желания и просьбы в предложениях с глаголами повелительного и сослагательного наклонения [4]:

Игорь, привези детям какие-нибудь ценные вещи. – Игор, барайэ бачеһа ашыэ ғһэймати биявар.

Купила бы мама сестре какую-нибудь игрушку в магазине. – Эйкаш мадар асбаб бази аз мағһазэ барайэ хаһар михарид.

Неопределённые местоимения и наречия с постфиксом *-нибудь* распространены как в деловых текстах, так и в разговорной речи. Данный постфикс стилистически нейтрален.

Местоимения и наречия с постфиксом *-либо*

Неопределённые местоимения и наречия с постфиксом *-либо* употребляются, как правило, в книжных текстах. По значению они синонимичны местоимениям и наречиям с постфиксом *-нибудь*, однако в некоторых случаях слова с морфемой *-либо* употребляются в предложениях, отрицающих разделительные отношения или выражающих сравнение [13, с. 71]:

– Он отказывается что-либо объяснить. – У аз тозиһ даданэ чизи эһтэна миконад.

– Он понимал его лучше, чем кто-либо другой. – У анра бэһтар аз һаркасэ дигари дарк микард.

Местоимения и наречия с постфиксом *-то*

Они выражают большую степень определённости лица, предмета и т. д. в сравнении с местоимениями и наречиями с постфиксом *-нибудь* (*-либо*). Местоимения и наречия с постфиксом *-то* указывают на отдельное, реально существующее лицо (предмет и т. д.), неизвестное для говорящего:

Кто-то подарил Нине цветы. – Шахси бэ нина гол һадйэ дад.

Кто-то стучит в дверь, но мы не знаем, кто. – Каси дар мизанад, амма ма нэмиданим кие.

Я нашёл чей-то зонт, но не знаю, чей он. – Ман чатрэ каси ра пэйда кардэам, амма нэмиданам ин чатрэ кист.

Кроме того, неопределённые местоимения и наречия с постфиксом *-то* способны также выражать значение неопределённости в следующих случаях.

1. При обозначении определённого и известного говорящему предмета речи, о котором в момент речи говорящий забывает:

Раньше я слышала об этом какое-то сообщение, но сейчас не помню его. – Ghablan ман хабари дарбарэйэ ин музу шэнидэ будам, амма акнун анра бэйад нэмиаварам.

Он сказал мне что-то важное, но я не могу вспомнить. – У чизэ моһэми бэ ман гофт, амма ман нэмитаванам анра бэйад аварам.

2) При обозначении предполагаемого и ориентировочного действия, которое должно произойти в будущем: *Завтра оркестр будет исполнять какую-то новую симфонию. – Фарда оркэстр, самфунийэ жадиди эјра хаһад кард.*

3) При повторении однородных действий или фактов, не известных для говорящего: *Тебе несколько раз кто-то сегодня звонил. – Емруз шахси бэ ту чанд бар занг зад.*

4) При выражении значения неуверенности, неопределённости, неясности чего-либо или трудности нахождения точных и определённых слов для говорящего в момент речи: *Он плывёт с какой-то фантастической скоростью. – У ба сорати баварнакардани шэна миконад.*

У моей подруги сегодня какой-то весёлый вид. – Дустам эмруз бэнои чеһрейэ шади дарад.

5) При смягчении и ослаблении отрицательной оценки чего-либо: *Он пришёл в какой-то странной рубашке. – У ба лэбасэ ајуби амад.*

Она ходит в каком-то голубом платье, которое никому не нравится. – У ба лэбасэ аби ранги раһ миравад кэ һичкас аз ан хошаш нэмиайад.

Фотография какая-то неудачная. – Акс бэнои хуб нист.

6. При необходимости выражения уподобления, подчёркивания сходства положительных или отрицательных свойств конкретным лицом с другим лицом / группой лиц [6]:

Дедушка, ты просто какой-то столяр, именно настоящий столяр! – Педарбозорг то ваған йэ јураи (йэпа) најари, најари вағһэи.

7. Для обозначения свойств, вызывающих удивление, недоумение и досаду у говорящего: *В конце семестра некоторые студенты отчаянные какие-то! – Дар паянэ тэрм бархи данэшјуян йэк јураи наомидаднд.*

Не умели выращивать цветы, так, какие-то вялые цветы вышли. – Балад набуданд голһа ра парварэши даһанд, барайэ һамин голһайэ пажмордэи аз аб дар амаданд.

8. В сочетании со словами со значением количества постфикс *-то* придаёт значение приближения к какому-нибудь количеству:

В какие-то две-три минуты улица была закрыта людьми. – Хиябан до-сэ дағһиғһэи тавассотэ мардом масдуд шодэ буд.

9. При выражении небольшой степени проявления признака: *Анна, может быть, в чём-то и права. – Анна эһтэмалан дар музуи һағһ дарад.*

Как следует из примеров, ограничение на употребления местоимений и наречий с *-то* в предложениях с глаголами в форме повелительного наклонения объясняется тем, что в данном типе предложений указывается на определённый и конкретный адресат. Также местоимения и наречия с постфиксом *-то* редко используются в вопросительных предложениях, потому что не могут указывать на предмет вопроса.

Местоимения и наречия с префиксом кое-

Местоимения и наречия с префиксом *кое-* выражают наименьшую степень неопределённости в сравнении с местоимениями и наречиями с постфиксами *-нибудь* (*-либо*) и *-то*. Неопределённые местоимения и наречия с префиксом *кое-* употребляются в случае, когда предмет речи конкретен и известен говорящему, но неизвестен слушающему. При этом предмет речи по какой-то причине (специально, намеренно, нет необходимости и т. д.) не называется или скрывается говорящим: *Мама, мне кое-кто должен позвонить, скажи, пусть перезвонит после девяти часов. – Маман, байад каси бэ ман занг бэзанад, бе у бэгу нас аз саатэ ноһ занг бэзанад.*

А к тебе кое-кто приходил, пока тебя не было. Вағһти то набуди, шахси пишэ то амадэ буд.

Неопределённые местоимения и наречия с приставкой *кое-* могут выражать различные оттенки значения неопределённости.

1. Они могут указать на одно конкретное и определённое лицо, известное как говорящему, так и слушающему при выражении фразы с намекающей интонацией и подчёркиванием: [4, с. 470]:

Придётся кое-кому рассказать об этом. – Йэк нафар байад рајэ бэ ин музу тозиһ даһад.

2. Местоимения *кое-кто* и *кое-что* могут обозначать как одно лицо или предмет, так и несколько. Местоимения с префиксом *кое-*, обозначающие не один предмет, синонимичны неопределённому местоимению *некоторые*:

Кое-кто из туристов пришёл на посещение города. – Тэдади аз туристһа барайэ баздид аз шаһр амаданд.

Как началась гроза, кое-кто из людей ушёл. – Наминкэ радобарғһ шору шод, бархи мардом рафтанд.

3. Местоимения *кое-что* и *кое-какой* употребляются при указании на небольшую распространённость действия или незначительность названного признака [4]:

Кое-что он об этом рассказал, но подробно об этом не может объяснить. – Таһудуди дарбарэйэ ин музу шарһ дад, амма нэмитаवानад мофасал анра тозиһ даһав.

Кое-какой интерес этот фильм всё-таки вызвал. – Ин филм бэһарһал алағһэи иҷад кард.

4. Местоимение *кое-что* может обозначать небольшое количество (немного): *До нового года я уже кое-что купил. – Ғһабл аз салэ ноу ман камии харид кардам (чизһаи харидам).*

Поехал в город кое-что купить в дорогу. – Рафт бэ шаһр чизи барайэ раһ бэһарад.

Как и неопределённые местоимения и наречия с постфиксом *-то*, местоимения и наречия с префиксом *кое-* также не употребляются с формами повелительного наклонения.

Учитывая значения аффиксов *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* в составе неопределённых местоимений и наречий, среди сложных случаев, вызывающих у иранских студентов-русистов затруднения при изучении и употреблении местоимений и наречий, наиболее важными являются следующие случаи.

1. Неопределённые местоимения и наречия с аффиксами *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* со значением неопределённости выражаются, как правило, одним и тем же средством, артиклем [йэ], в персидском языке. Сложность возникает при нахождении точного перевода артикля [йэ] с помощью соответствующего аффикса в русском языке.

2. В первичных курсах изучения русского языка иранские студенты предпочитают и при выкают не употреблять неопределённые местоимения и наречия и вместо них используют слово *один* или соответствующие местоимения и наречия без аффиксов.

3. Семантическое богатство неопределённых местоимений и наречий русского языка создаёт множество проблем у иранских студентов при выборе правильного местоимения или наречия. Студенты, как правило, не знакомы с разными значениями неопределённых местоимений и наречий. Это затрудняет работу преподавателя.

4. В книгах по грамматике персидского языка категория неопределённости традиционно не освещается широко, поэтому у иранских студентов нет представления о неопределённых местоимениях и наречиях.

5. Трудные и непонятные предложения с неопределёнными местоимениями и наречиями из-за низкого уровня словарного запаса у иранских студентов, как правило, не только не помогают им, а наоборот, препятствуют усвоению этих разрядов местоимений и наречий. При этом сформировать понятие о неопределённых местоимениях и наречиях вне контекста сложно.

6. Трудности, связанные с изучением и употреблением русских неопределённых местоимений и наречий иранскими студентами, вызваны употреблением других средств выражения неопределённости в персидском языке.

7. Тема неопределённых местоимений многоуровневая для иранских студентов, потому что данные местоимения должны быть изучены как семантически, так и морфологически, так как в зависимости от контекста и их употребления в предложении, они способны склоняться по-разному.

8. Не зная стилистическую сторону языка, иранские студенты, не имеющие возможности общаться с носителем языка в речевой практике, как правило, путают аффиксы *-нибудь* и *-либо*, используют их стилистически неверно.

9. При использовании предлогов в сочетании с неопределёнными местоимениями с *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* в косвенных падежах иранские студенты сталкиваются с трудностями, не зная правила употребления и правописания предлогов с данным разрядом местоимений.

10. При употреблении неопределённых местоимений и наречий с *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* иранские студенты часто путают дефис и тире, не поняв разницу между этими знаками.

11. Не зная всех смысловых тонкостей неопределённых местоимений и наречий с *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-*, иранские студенты часто не разграничивают семантические дифференциации и функционирование данных местоимений и наречий.

12. В русском языке неопределённые местоимения и наречия с аффиксами *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* не изменяются по числам, что актуально при переводе на персидский язык. К примеру, неопределённые местоимения *кто-то*, *кто-нибудь*, *кое-кто*, *кое-кто* могут переводиться на персидский язык по-разному в зависимости от грамматического значения числа: *шахси* (*фарди*) в единственном числе, *ашхаси* (*афради*) во множественном числе. Иранские студенты сталкиваются с трудностями при переводе *ашхаси* (*афради*) и ищут слова во множественном числе, не зная, что неопределённые местоимения и наречия с *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* не изменяются по числам.

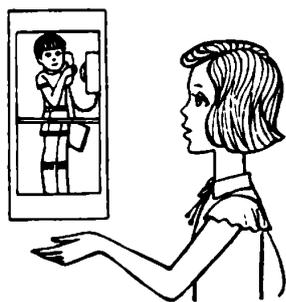
13. Знакомство иранских студентов с неопределёнными местоимениями и наречиями происходит на начальном этапе изучения русского языка как иностранного, поэтому у иранских студентов наблюдаются интерферентные ошибки.

В русской лингвистике существуют многочисленные труды, посвящённые различным морфологическим категориям, включая неопределённые местоимения и наречия. Однако иранские студенты, изучающие русский язык в условиях отсутствия языковой среды, не могут найти в них ответы на все вопросы, возникающие при употреблении русских неопределённых местоимений и наречий. Во избежание смешения неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* со значением неопределённости, различающихся тонкими оттенками значений, и с целью дальнейшей минимизации ошибок иранских студентов при употреблении этих местоимений и наречий рекомендуется принять во внимание следующие принципы.

1. Не имея возможности опираться на родной язык при обучении неопределённым местоимениям и наречиям, преподаватель вынужден представить много упражнений, чтобы добиться хорошего понимания темы. Среди заданий особое внимание уделяется упражнениям, цель которых – научить дифференцировать ситуации использования неопределённых местоимений и наречий с постфиксами *-то* и *-нибудь(-либо)* со значением неопределённости.

2. Обучение использованию неопределённых местоимений и наречий предполагает не только тщательную и длительную тренировку, но иногда и глубокое теоретическое освещение, без которого тренировка малоэффективна.

3. Представляется, что наиболее эффективным способом формирования способности правильно употреблять неопределённые местоимения и наречия при обучении иранских студентов является использование иллюстраций (рисунки, фотографии или другие изображения), которые выполняют познавательную функцию. Это обеспечивается посредством отражения в иллюстрациях случаев использования аффиксов *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-*, что способствует лучшему усвоению неопределённых местоимений и наречий. Иллюстрации наглядны, часто они более информативны для студентов, чем учебный текст.

Постфикс *-то*: (Он кому-то звонит, но она не знает кому, хотя она видит его.)

Постфикс *-нибудь*: (Хочешь что-нибудь вкусное из того, что есть на столе?)

Префикс *кое-*: (Я тебе кое-что купила.)

4. Одним из необходимых условий при обучении неопределённым местоимениям и наречиям в иранской аудитории является использование разных текстов, в которых неопределённые местоимения и наречия представлены достаточно широко. Согласно функционально-семантическому подходу, при обучении русскому языку как неродному неопределённые местоимения и наречия с *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* должны изучаться функционально, то есть в предложении и в тексте, так как только в этом случае можно развивать у студентов умения и навыки пользования ими в устной и письменной речи.

5. Тот факт, что иранские студенты не знакомы с употреблёнными в предложениях лексическими единицами, является одной из значимых причин их ошибок при употреблении неопределённых местоимений и наречий. По принципу взаимосвязи лексики и грамматики, в лексический минимум для обучения неопределённым местоимениям и наречиям целесообразно включать частотные и наиболее употребляемые лексические единицы, функционирующие в коммуникативных ситуациях. Формирование умений в применении неопределённых местоимений и наречий достигается вопросно-ответными, ситуативными упражнениями, пересказами, ролевыми играми и т. д.

6. Продуктивным представляется подход, при котором преподаватели, обучающие переводу с персидского языка на русский или с русского на персидский, русской разговорной речи и т. д., обращаясь к теме занятия и учитывая уровень знаний учащихся, принимают во внимание применение неопределённых местоимений и наречий в соответствии с темой.

7. При изучении студентами неопределённых местоимений и наречий для наилучшего усвоения материала рекомендуется параллельно сопоставить аффиксы *-нибудь*, *-либо*, *-то*, *кое-* по степени неопределённости и семантической специфике.

8. Рекомендуется, уточняя разницу между дефисом и тире, преподаватель последовательно разграничивает на занятиях по русскому языку как иностранному орфографический знак дефис и пунктуационный знак тире.

9. Для анализа трудных случаев употребления неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-* со значением неопределённости в иранской аудитории можно рекомендовать преподавателям и обучающимся учебные пособия Т.А. Бабешкина, О.С. Живулина, В.К. Лебедева [1] «Отрицательные и неопределённые местоимения и наречия в русском языке», Е.Н. Петухова, А.В. Шульгина [7] «Трудные темы русской грамматики», И.М. Шпраха [14] «сложные случаи употребления местоимений в русском языке».

Заключение

В русском языке значение неопределённости выражается разными средствами, включая аффиксы *-нибудь, -либо, -то, кое-* в составе неопределённых местоимений и наречий. Все названные аффиксы передаются в персидском языке артиклем [йэ], то есть количество средств выражения неопределённости в русском и персидском языках не совпадает. Это приводит к нарушению иранскими студентами языковых норм и непониманию правил употребления аффиксов в структуре неопределённых местоимений и наречий, поэтому, само собой разумеется, иранским студентам-русистам следует научиться проводить чёткую грань между данными элементами. Кроме количественного несовпадения средств выражения категории неопределённости в русском и персидском языках, основные трудности для студентов, изучающих русский язык в высших учебных заведениях Ирана в условиях отсутствия языковой среды, связаны именно с семантикой и условиями функционирования неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-*. В русском языке точная семантика данных местоимений и наречий определяется исходя из контекста. Наиболее эффективным способом усвоения данных разрядов местоимений и наречий иранскими студентами является использование иллюстраций в учебном процессе.

© Эстири М., 2022

Список литературы

1. Бабешкина Т.А. Отрицательные и неопределённые местоимения и наречия в русском языке / Т.А. Бабешкина, О.С. Живулина, В.К. Лебедев. СПб.: Златоуст, 2016. 116 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языковедение / под главным редактором В.Н. Ярцевой. Москва: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. Москва: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Книга о грамматике / под ред. А.В. Величко. СПб: Златоуст, 2018. 752 с.
5. Крючкова Л.С. Русский язык как иностранный: Синтаксис простого и сложного предложения / Л.С. Крючкова. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004. 464 с.
6. Мохаммад-заде Ш.Г. Выражение смысловых оттенков значений русских неопределённых местоимений в персидском языке // Ш.Г. Мохаммад-заде, М.Д. Моради. Молодой учёный: № 11 (34), том I, 2011. С. 189-194.
7. Петухова Е.Н. Трудные темы русской грамматики / Е.Н. Петухова, А.В. Шульгин. СПб. 2010. 80 с.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
9. Пулькина И.М. Учебник русского языка / И.М. Пулькина, Е.Б. Захава-Некрасова. Москва. 1979. 518 с.
10. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
11. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. Москва: Высшая школа, 1989. 800 с.
12. Современный русский язык / под ред. Н.С. Валгиной. Москва: Логос, 2002. 528 с.
13. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка / М.А. Шелякин. Москва: Русский язык, 2001, 288 с.
14. Шпрах И.М. Сложные случаи употребления местоимений в русском языке / И.М. Шпрах. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2008, 57 с.
15. Янович Е.И. Историческая грамматика русского языка / Е.И. Янович. Минск: Классическое университетское издание, 2011. 279 с.

16. فرشیدورد خسرو. دستور مفصل امروز. تهران. انتشارات سخن. 1384. 703 ص.
 17. ناتل خانلری پرویز. دستور زبان فارسی. تهران. انتشارات توس. 1386. 367 ص.
 18. وزینپور نادر. دستور زبان فارسی. تهران. انتشارات معین. 1375. 294 ص.

References

1. Babeshkina, T.A. *Otritsatel'nye i neopredelennye mestoimeniia i narechiia v russkom iazyke* [Negative and indefinite pronouns and adverbs in Russian] / T.A. Babeshkina, O.S. Zhivulina, V.K. Lebedev. SPb.: Zlatoust, 2016. 116 s.
2. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Iazykoznanie* [Big encyclopedic dictionary. Linguistics] / pod glavnyim redaktorom V.N. Iartsevoi. Moskva: Bol'shaia Rossiiskaia Entsiklopediia, 1998. 685 s.
3. Vinogradov, V.V. *Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical teaching about the word)] / V.V. Vinogradov. Moskva: Russkii iazyk, 2001. 720 s.
4. *Kniga o grammatike* [A book about grammar] / pod red. A.V. Velichko. SPb.: Zlatoust, 2018. 752 s.
5. Kriuchkova, L.S. *Russkii iazyk kak inostrannyi: Sintaksis prostogo i slozhnogo predlozheniia* [Russian as a foreign language: Syntax of simple and complex sentences] / L.S. Kriuchkova. Moskva: Gumanitarny izdatel'skii tsentr VLADOS, 2004. 464 s.
6. Mokhammad-zade, Sh.G. *Vyrazhenie smyslovykh ottenkov znachenii russkikh neopredelennykh mestoimenii v persidskom iazyke* [Expression of semantic shades of meanings of Russian indefinite pronouns in Persian] / Sh.G. Mokhammad-zade, M.D. Moradi // *Molodoi uchenyi*, № 11 (34). Tom I. 2011. S. 189-194.
7. Petukhova, E.N. *Trudnye temy russkoi grammatiki* [Difficult topics of Russian grammar] / E.N. Petukhova, A.V. Shul'gin. SPb. 2010. 80 s.
8. Peshkovskii, A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage] / A.M. Peshkovskii. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001. 544 s.
9. Pul'kina, I.M. *Uchebnik russkogo iazyka* [Russian language textbook] / I.M. Pul'kina, E.B. Zakhava-Nekrasova. Moskva. 1979. 518 s.
10. Rozental', D.E. *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian language] / D.E. Rozental', I.B. Golub, M.A. Telenkova. M.: AIRISpress, 2010. 448 s.
11. *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian language] / pod red. V.A. Beloshapkvoi. Moskva: Vysshiaia shkola, 1989. 800 s.
12. *Sovremennyi russkii iazyk* [Modern Russian language] / pod red. N.S. Valginoi. Moskva: Logos, 2002. 528 s.
13. Sheliakin, M.A. *Funktsional'naia grammatika russkogo iazyka* [Functional grammar of the Russian language] / M.A. Sheliakin. Moskva: Russkii iazyk, 2001, 288s.
14. Shprakh, I.M. *Slozhnye sluchai upotrebleniia mestoimenii v russkom iazyke* [Difficult cases of the use of pronouns in Russian] / I.M. Shprakh. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennii universitet, 2008, 57 s.
15. Ianovich, E.I. *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* [Historical grammar of the Russian language] / E.I. Ianovich. Minsk: Klassicheskoe universitetskoe izdanie, 2011, 279 s.
16. Farshidvard Khosro. *Dastur-e mofassal-e emruz* [Contemporary detailed grammar]. Tehran. Entesharat-e Sokhan [Sokhan Publication]. 1384. 703 s.
17. Natel-Khanlari Parviz. *Dastur-e zaban-e farsi* [Persian grammar]. Tehran. Entesharat-e Tus [Tus Publication]. 1386. 367 s.
18. Vazinpur Nader. *Dastur-e zaban-e farsi* [Persian grammar]. Tehran. Entesharat-e Moein [Moein Publication]. 1375. 294 s.

Сведения об авторе:

Маджид Эстири – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель русского языка кафедры иностранных языков университета Гонбад-Кавус (Иран). Сфера научных интересов: грамматика русского языка в сопоставлении и сравнении с грамматикой персидского языка, трудности иранских студентов-русистов при изучении русского языка, лингвострановедение, лингвокультурология, перевод. E-mail: estiri@mail.ru

About the author:

Majid Estiri, Candidate of Philology, Assistant Professor, Lecturer of Russian at the Department of Foreign Languages, Gonbad Kavous University (Iran). Research and professional interests: Russian grammar in comparison with Persian grammar, difficulties of Iranian students of Russian studies in the study of the Russian language, linguistic and cultural studies, cultural linguistics, translation. E-mail: estiri@mail.ru

Позвольте выразить искреннюю благодарность госпоже Ирине Сергеевне Балабанович, преподавателю Белорусского государственного технологического университета, за рекомендации по совершенствованию исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

CONTRACTIONS AS THE NEW TREND IN PR PROFESSIONAL LANGUAGE: LINGUISTICS AND LINGUODIDACTICS

Olga D. Vishnyakova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory Moscow, 119991, Russia

Elizaveta A. Vishnyakova

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin avenue, Tula, 30026, Russia

Alla P. Minyar-Beloroucheva

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory Moscow,
119991, Russia <mailto:ol-vish@mail.ru>

Polina I. Sergienko

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory Moscow, 119991, Russia <mailto:ol-vish@mail.ru>

Abstract. The article deals with the analysis of PR professional language variety as referred to teaching English to university undergraduates. PR terminology encompasses various contracted forms, which contain structurally and semantically encoded information that refers to language economy in terms of heuristic approach to language. The analysis of the vocabulary in question brings the subject matter into the focus of interdisciplinary research in the field of humanitarian studies, with reference to its linguistic and linguodidactic aspects. Certain spheres dealing with PR communication are subject to the analysis and synthesis in terms of linguistics, political science, economic theory, philosophy, psychology, sociology, rhetoric, and cognitive science. To elaborate the methods of teaching L2 to PR undergraduates, it is necessary to carry out consistent analysis of all language levels representatives in their interaction. The analysis of PR terminology, especially abbreviations and acronyms, is carried out to facilitate the process of professionally oriented L2 teaching. The results application deal with practical issues of linguodidactics and language teaching methodology as referred to PR studies with respect to the content and structure of teaching process, material choice and exercise samples with abbreviated forms in different types of activities. The article provides examples of possible tasks aimed at developing students' communicative and general cultural competencies based on the work with the language material under consideration. The shift of PR procedures implementation into Web 3.0 is discussed in terms of LSP teaching, which concerns with appropriate Internet materials use and processes of adequate interpretation as well as contracted realizations creation, determined by students' abilities and their proficiency level.

Keywords: PR terminology, interdisciplinary, abbreviation in PR language, LSP, methodology, linguodidactics, teaching methods

For citation: Vishnyakova, O.D., Vishnyakova, E.A., Minyar-Beloroucheva, A.P., Sergienko, P.I. (2022). Contractions Use as the New Trend in PR Professional Language: Linguistic and Linguodidactic Aspects. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 140–151. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-140-151>

РЕАЛИЗАЦИЯ СОКРАЩЕНИЙ КАК НОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

О.Д. Вишнякова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Е.А. Вишнякова

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, Тула, пр. Ленина, 125

А.П. Миньяр-Белоручева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

П.И. Сергиенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Аннотация. Статья посвящена анализу языка связей сферы «Связи с общественностью» применительно к преподаванию английского языка как иностранного студентам вузов. Терминология связей с общественностью включает сокращённые языковые формы, отражающие процесс языковой экономии в терминах эвристического подхода. Анализ PR-лексики позволяет обратиться к области междисциплинарных исследований в гуманитарной сфере с учётом лингвистического и лингводидактического аспектов их изучения. Целый ряд областей, относящихся к сфере PR-коммуникации, подлежит анализу и синтезу с точки зрения лингвистики, политологии, экономической теории, философии, психологии, социологии, риторики, когнитивных наук. Разработка методики преподавания английского языка как иностранного магистрантам, обучающимся по программе «Связи с общественностью», основана на проведении последовательного анализа репрезентантов всех языковых уровней в их взаимодействии, в частности, лексического уровня, с особым вниманием к получившим распространение аббревиатурам и акронимам. Применение результатов исследования связано с практическими вопросами лингводидактики и методики преподавания языков в области связей с общественностью, в част-

ности, с вопросами содержания и структуры учебного процесса, выбора соответствующего материала и создания образцов заданий на разные виды деятельности с изучением сокращённых форм для осуществления профессионально ориентированного обучения языку специальности. В статье приводятся примеры возможных заданий, нацеленных на развитие у студентов коммуникативной и общекультурной компетенций. Смещение PR-деятельности в интернет-среду подлежит обсуждению с точки зрения надлежащего использования интернет-материалов в преподавании языка для специальных целей и в соответствии с уровнем подготовки студентов и их способностей.

Ключевые слова: терминология PR, междисциплинарность, аббревиация в языке связей с общественностью, язык для специальных целей, методология, лингводидактика, методика обучения

Для цитирования: Вишнякова О.Д., Вишнякова Е.А., Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. (2022). Реализация сокращений как новая тенденция в профессиональном языке связей с общественностью: лингвистические и лингводидактические аспекты. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 140–151. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-140-151>

Introduction

Linguodidactics is a multifarious field of study that forwards the efficacy of L2 teaching. It is the methodological basis of theory and practice of LSP teaching. Linguodidactics is the scholarly discipline that can give answers to those two eternal questions, which for centuries have been posed by L2 teachers: what should be taught and how it should be taught. The primary concern is the material selected for the curriculum in terms of foreign language acquisition, and then the methods of L2 teaching used for professionally oriented undergraduates of different specialities. At present L2 teaching to PR undergraduates has become of particular importance due to the PR subject itself, which is an interdisciplinary field of study dealing with the shaping of public opinion and inducing the audience to certain activities. This phenomenon is of special importance for linguistics dealing with the structure and rules of a language as well as their implementation in speech. One of the most significant characteristics of the present day PR discourse is the use of contracted forms, or abbreviations, which are traditionally subdivided into four types: initialisms, acronyms, blendings and clippings [9]. The topicality of the problem under consideration is accounted for by the need for elaborating new approaches to language teaching in the context of new realia, new functional and heuristic requirements of the present-day reality.

Literature review

As PR is a discipline that has recently become the subject of study of various disciplines, the research, besides linguodidactics, is closely connected with linguistics, political science, philosophy, psychology, sociology, and rhetoric. A great number of studies dealing with theory and practice of PR communication demonstrate its significance for modern society including the process of teaching LSP as a significant academic discipline in terms of theoretical and practical knowledge structuring [15], [17], as well as functional parameters [19].

Modern foreign and domestic PR studies differ in the variety of methods, the choice of the material for the studied period, and empirical analysis. The attention of scholars is concentrated not only on PR discourse features investigation [2], but on teaching methods and curricula structure as well, based on the thoroughly elaborated linguodidactic theory [18]. As a result of the intensive development of theoretical and methodological research of the PR discourse, a number of new directions have emerged to highlight certain aspects of PR communication [10].

Linguodidactics as a multifold discipline deals with basic approaches to the language teaching process with special attention to language considered as the means of cognition and learning, on the one hand,

and a particular object of study, on the other. Experts in the field pay special attention to the complex nature of modern pedagogical and methodological scientific domain, which includes linguodidactics as the theoretical methodological basis of teaching and learning process [11]. L2 teaching to PR undergraduates is examined from the point of view of the complexity and integrity of both PR as the field of human activity where L2 is used at the LSP level, and of linguodidactics as the methodological basis of the analytical approach to the research being conducted. In the course of the discussion of the problem under analysis current trends and approaches within linguistic and linguodidactic spheres are taken into consideration [12], [23].

1. Material and Methodology

The problem of the appropriate linguistic didactic and teaching materials for future PR-specialists creation is still under consideration, as Public Relations is an extremely sensitive area in terms of dynamic changes that are taking place in the society and reflected in the field of human relations. Thus, the requirement of reliable and solid knowledge in the field of PR language, considering its dynamic and creative nature, is crucially important. It is precisely this circumstance that explains the need to develop basic principles and foundations for studying the language of the Public Relations, creating and using special dictionaries containing the units of language, which can be regarded as universal when creating PR messages, including the interactive sphere of the Internet. The language of PR being realized within its discursive sphere is strongly determined by such issues as power, politics, society and other vitally important phenomena connected with human activities and aimed at an individual's world-view formation. In this regard linguodidactics corresponds to educational linguistics [21], which is concerned not only with the issues of practical application of linguistic knowledge in the course of teaching but also with the way social and political goals are achieved via means of learning and using languages, which meets certain linguistic policy implementation requirements, as discourse is strongly determined by extralinguistic reality and represents itself as an integrative dynamic system [14], [16]. The integrative character of linguodidactics is manifested in its close connection with a number of areas of study, which played a key role in its formation as an area of knowledge within the framework of the modern scientific interdisciplinary paradigm. Language is used not only as a means of information transfer between cultures, but also as a means of identifying similarities and differences between different mentalities, as well as an instrument aimed at establishing contacts for successful communication, including professional circles and language varieties. In this regard, the issue of studying professionally oriented language of Public Relations is characterized by language representations of various abbreviations related to other areas of human activity and, respectively, undergoing certain semantic and functional changes, being elements of the new structural and conceptual system, that needs special research. To study the lexical specificity of the PR discourse it was necessary to use such methods as the method of philological analysis, the method of component analysis, the method of contextual analysis, the methods of analysis and synthesis, the method of comparative studies with regard to the peculiarities of the PR subject per se.

2. Discussion

2.1. PR terminology as the field of linguistic research

It is remarkable that today the relevance of Public Relations is undoubted. The growing importance of the field of PR and as well the growing global interest in its teaching provide for the thoughts of creating a global core curriculum and bring practitioners closer to the professional education [3], [4], [13]. The core of the professionally oriented language is terminology, which plays a crucial role in establishing the subject area of PR and serving all spheres of its professional discourse. PR terminology is currently in the state of development with certain dynamic processes still undergoing.

As PR is a discipline that emerged quite recently, for its terminological units, it has employed some already existed word-forms, but endowed them with new meanings in new professional contexts. Thus, for instance, at the lexical level the bulk of PR vocabulary is comprised of lexical units borrowed from other

spheres (journalism, advertising, marketing, psychology, etc.) closely connected and entwined with PR activities. PR terminology should be analyzed from the point of view of general terminological theory as well as from the point of view of particular PR characteristics as an independent field of activity. As it has already been mentioned, certain criteria can be applied to terminological units in terms of their linguistic status. Thus, the lexical units need to function in a certain professional discourse and be used to fulfill certain tasks. Such lexical units as 'brief', 'Press Release/News Release', 'Print Production', 'communicator' have entered the professional sphere of PR from other spheres of human activity [6].

2.2. Structural-semantic and functional features of abbreviation in PR discourse

The sphere under analysis also provides some illustrative examples of abbreviations, which include contractions with the combination of letters and figures, like 3Rs in marketing: Reach, Repetition and Relevance to ensure a successful marketing or a PR campaign; or the 3 Is: Information, Integrity and recently added Interactivity to describe the approach of PR strategy and availability of their message in the new age of technology. The third I as Interactivity has been introduced with the demand of the market for the consumers to communicate with an organization on a par.

There are cases when abbreviations and acronyms are decoded in a similar way, but may be realized in different disciplines and fields of activity [20] that refers to its linguo-creative nature [22] and the ability to fulfill the identifying function within the social environment [1]. Such abbreviations and acronyms break the invisible frontiers of different spheres of professional activities to travel from one area to another without any changes either at external or internal levels. One abbreviation, for example, PPC, decoded as Pay Per Click is semantically adequate to the one functioning in such spheres as Advertising, Technology, and Marketing. One more abbreviation – CPC, meaning Cost Per Click, pertains to the areas of Advertising, Technology, Computing. The acronym ROI, signifying Return On Investment, sends its message throughout such areas as Technology, Journalism, Computing in which another acronym SEO, indicating Search Engine Optimization, widely functions on a par with the abbreviation CMS implying Content Management System. Such an abbreviation as LAN, denoting Local Area Network, lodges in the areas of Marketing, Technology and Journalism. Besides the mentioned areas of human activities, all the indicated abbreviations are the units of the PR sphere. They do not only carry their message through the mentioned verbalized areas but they are PR implicit instruments as well. Thus, we may come to the conclusion that the same abbreviated form can embrace several areas of occupation. It is necessary to emphasize that the phenomenon of representing different areas of human activities by the same abbreviation or acronym can be referred to language economy. The heuristic approach to language saves the human efforts, either physical or mental, in the process of information transmission. Table 1 below shows that some of the semantically transparent abbreviations may retain their original meaning and function in different spheres of human activity.

Table 1. Abbreviation common for different spheres

LAN	Local Area Network	Marketing, Technology, Journalism
PPC	Pay Per Click	Advertising, Technology, Marketing
CPC	Cost Per Click	Advertising, Technology, Computing
ROI	Return On Investment	Technology, Journalism, Computing
CMS	Content Management System	Technology, Computing, Marketing

However, besides language economy dealing with the use of one contracted form in the multiple spheres of doings, another way of language economy is widely spread within the PR sphere and its related areas. There are numerous multi-valued abbreviations pertaining to language economy as well. Under such abbreviation are implied the ones with one external form containing different meanings. For example, one abbreviation such as FOFM contains four different meanings pertaining to different fields of activities. FOFM is deciphered as Fear of Food Measure; Friends of Four Marks; Friends of the Farmers Markets; Future Ocean Floor Mapping. All the meanings of the abbreviation FOFM belong to the PR area, at the same time being examples of the polysemantic nature of the abbreviation in question.

It should be mentioned that the use of the abbreviation in different contextual spheres refers to different semantic interpretations. Table 2 serves to illustrate the decoded meanings of the FOFM abbreviation.

Table 2. FOFM as a polysemantic abbreviation

FOFM	Fear of Food Measure
FOFM	Friends of Four Marks
FOFM	Friends of the Farmers Markets
FOFM	Future Ocean Floor Mapping

Among the contracted forms under analysis abbreviations and acronyms are distinguished and differentiated according to certain traditional parameters. At the same time in a number of investigations the term “abbreviation” is used to cover the general current trend in linguistics, as far as English as the means of professional communication is concerned.

The next example of a polysemantic contracted form is the unit MOSA – see Table 3.

Table 3. The acronym MOSA and its basic semantic interpretations

MOSA	Managed Operating System Alliance
MOSA	Maine Office of Substance Abuse
MOSA	Microsoft Online Subscription Agreement
MOSA	Managed Operating System Alliance
MOSA	Maine Office of Substance Abuse
MOSA	Microsoft Online Subscription Agreement
MOSA	Management and Operational Services Agreement
MOSA	Methods Of Soil Analysis

Source: www.abbreviations.com

As it has become clear from the examples above, abbreviations and acronyms used in PR are noted for their diversity and can be deciphered in accordance with the corresponding context. Otherwise stated, one should possess particular knowledge in L2 in order to operate with the messages encoded via contracted forms, and this is one of the basic tasks in the fields of teaching methods and linguodidactics to elaborate certain approaches and strategies to acquire specific knowledge in the field of PR and its language in order to become proficient in the area and use the advantages of the linguistic phenomenon under consideration to the best advantage in terms of language and human resources optimization.

2.3. Practical issues of linguodidactics and language teaching methodology as referred to PR studies

Linguodidactics is closely connected with practical issues that deal with L2 professionally oriented teaching process. Thus, let's turn to the prescriptive aspect of linguodidactic principles as referred to the process of their application to L2 teaching.

We proceed from the premise that for successful L2 teaching it is necessary to elaborate the systematic methodology concerned with the use of abbreviations and acronyms in the professional language. Besides theoretical part preceding the educational process, PR undergraduates are to master the practical skills of using the aforementioned units in both written and oral professional texts. As, psychologically, it is hard to retain more than six new abbreviations at a time, it is desirable that one should learn them in the course of practical activities. That is why interactive exercises are recommended to future PR specialists in order to foster the memorizing process. Herewith we offer a set of exercises to be used in L2 PR manual.

Exercise 1

In this exercise PR undergraduates can be offered a list of 20 abbreviations from the PR domain and acronyms to choose from to identify those they know. To prove their knowledge, they should decipher them and use them in the contexts of their own (first in writing and then in the oral form to exchange the information with fellow-students). The next task which is concerned with the exercise in question may

consist in the development of the ability to differentiate between abbreviations proper and acronyms, as used in modern English. To facilitate this task some preliminary information may be given to PR undergraduates regarding the differences between abbreviations and acronyms, existing in the language.

Exercise 2

The next task contains a list of new abbreviations and acronyms so that the PR undergraduates can get to know them, to go back to Exercise 1 and define the new contracted units both in writing and orally, and then use them in a passage of their own. It is akin to exercises in intertextuality [5], as PR undergraduates are asked to demonstrate their previous knowledge of the contracted forms used in ESP texts. This task develops the undergraduates' memory and the ability to retain the decoded forms of the newly-learned abbreviations and acronyms.

Exercise 3

The exercise is that of the matching kind. It consists of a two-part table. In one part of it six abbreviations are given, the other part of the table represents their decoded forms that are not given in the correct order but are scattered throughout the table. The task of the PR undergraduates is to match them and then use in the passage of their own. So far, this is the best way to memorize the material, when the students are actively searching, matching and inventing their own tiny texts with the new contracted forms.

Exercise 4

It contains two parts as well. The first part contains a box filled with jumbled abbreviations and acronyms. The second part consists of fifteen sentences with the blanks. The task for the PR undergraduates is to fill in the blanks with the abbreviations and acronyms given in the box. A concise theoretical part dealing with the history of abbreviations and acronyms in the form of the text of the Unit should precede the exercises dealing with them.

Exercise 5

This exercise deals with the PR undergraduates' ability and aptness to decipher and decode abbreviation and acronyms not in the list, but in different game-oriented tasks, like riddles or crosswords and other kinds of puzzles. We are aware of the fact that not every ESP PR instructor is able to do such a difficult and creative assignment. The best variant is when the team of the academicians, textbook authors, prepares them. The prompted playfulness motivates PR undergraduates to learn more effectively.

Exercise 6

This exercise is aimed at the development of PR undergraduates' creativity. They are not given any ready-made abbreviations and acronyms by the instructor but they themselves should create rebuses, riddles and crosswords, dealing with decoding of the contracted forms used in PR professional discourse and present them in class. Here we deal with interactive assignments as the reaction of PR fellow students should be given during the presentation of the material. It can be regarded as the final stage of PR ESP contracted forms acquisition, as it is a double test to check the level of knowledge acquired concerning the new contracted forms. At home they revise the material with the ESP vocabulary and produce their creative work. Public speaking and presentations are given special prominence with special attention to self-efficacy [25]. The assignment to deduce the interpretation can be considered as a kind of a theatrical performance with the necessity to read mimics and gestures [24]. Here PR undergraduates can resort to Internal gamification applications (e.g. Learningapps etc.).

3. Result

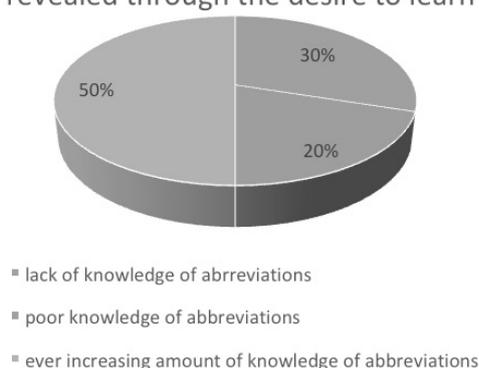
3.1. The study information

The study was carried within a period of three weeks in February-March 2020 to find out how well PR undergraduates know PR abbreviations and acronyms. The study demonstrated that the level of half of the PR undergraduates (>50%) was quite low, as the issue of contracted forms in their professional language has long been neglected. However, with the course of training 30% of those undergraduates lacking the knowledge could catch up with the rest of the group, having improved their knowledge and attitude to contracted phrases. It has become clear that the existence of abbreviations and acronyms in the language stimulates the development of the language as such. As is known, L2 acquisition is much

determined by the favourable climate that exists in the class and the attitude of the PR undergraduates to their instructor. The remaining 20% of the PR undergraduates did not demonstrate enough efforts and desire to learn, which resulted in the minimum knowledge of PR contracted forms. At the initial stage 50% of the PR undergraduates expressed willingness to participate in different creative activities connected with interpretation and decoding of the suggested contracted forms of the professional PR language. This fact contributes to their increasing knowledge. The results of the survey are demonstrated in Picture 1.

Picture 1. Pie Chart Knowledge of the PR contracted forms, expressed by PR undergraduates

Initial knowledge of PR contracted forms, as revealed through the desire to learn

The ESP teaching in this domain includes both the teaching methodology and the knowledge of the related professional sphere per se. The cognitive approach attached to L2 ESP learning guarantees effective knowledge acquisition.

Contracted forms are also favored in L2 acquisition due to the advent of distance learning and online communication mode, as explained by the high demand determined by time and accessibility of this form of education. In this situation the contracted forms play a huge role as facilitators and accelerators of the communication process. The knowledge is acquired better when the interlocutors are both familiar with the ESP with all its nuances and peculiarities.

3.2. PR undergraduates' motivation

The motivation to learn ESP in the sphere of public relations as referred to contractions varies widely depending on the prior language proficiency and the climate in class in the PR undergraduates' future aspirations. Due to the motivation difference, the instructors should inspire PR undergraduates to learn the ESP vocabulary in general and contracted forms in particular, to be able to read and listen without obstacles the original PR texts and speeches. The instructors should teach them to appreciate the importance of ESP vocabulary learning. It is also the task of the instructor to arouse the interest in PR undergraduates how to decipher and interpret PR abbreviations and acronyms.

Certain factors can be an effective means of increasing PR undergraduates' motivation. It is by no means a universal category, as much depends on the undergraduates' personalities. Learning games have proved to be effective in stimulating knowledge acquisition. PR undergraduates should not only be offered the ready-made riddles, puzzles and crosswords dealing with ESP contracted forms, but PR undergraduates themselves should create and present their developments in class, so that peer tuition is favoured in the learning process among students in general and PR undergraduates in particular.

3.3. The shift of PR activities into Web 3.0

It has become a well-established fact that the influence of the Internet surroundings, including current models of communication, may cause various functional and semantic changes in the linguistic units

meaning and structure [8]. This aspect of electronic communication should be taken into account in the course of L2 professionally oriented learning and understanding of the abbreviation process within its scope.

Contracted forms of various types, abbreviations included, are extensively realized in professional languages and widely used to produce the new ones including new abbreviated formations and complexes. The well-known professional interaction schemes between B2B (Business to Business) and B2C (Business to Customers) – for the business sector and G2G (Government to Government) and G2C (Government to Customers) – for the sphere of state organizations – are supplemented, and then replaced by the new interaction schemes – C2C, where “C” stands for Consumers (or sometimes Customers), or Citizens, who become involved into communication processes, are used to express their opinions and make suggestions to the commercial companies. It is the ability to interact with the company that serves as an additional factor that motivates a potential target audience to turn to a particular information resource on the Internet. The example mentioned serves to illustrate the point that abbreviation becomes one of the most preferable ways of thought presentation both from the linguistic, cognitive and heuristic points of view.

Thus, the new reality that seeks new ways of language existence as well as its functioning for professional purposes, involves new approaches manifested in the spheres of linguodidactics and teaching methods. At the same time this situation deals with a number of problems as far as teaching languages, especially LSP, is concerned. It should be mentioned within these lines, that very much depends on the students' proficiency level as well as appropriate didactic materials suggested for learning, including prescriptions concerning not only abbreviated forms functional issues but advisability in terms of contracting and texting application in general, as, on the one hand, they are extensively used both in business and everyday life, and, on the other hand, there certainly exists the linguistic appropriateness parameter [7], the importance of which should be explained and discussed at a large scale. For example, in PR, while establishing contacts with the target audience, one should be firmly convinced that the target audience should not only be ready to properly decipher and interpret the optimized language forms that the PR specialist uses in speech, but should properly understand the purport of the message and be ready to share his or her views and support the opinions.

Conclusion

Summing up, it should be emphasized that modern contracted form is a unique linguistic phenomenon that identifies the emergence and widespread of new trends in the language, based on the processes of reduction, truncation and encoding in terms of the usual language means potential use and revival, being on a par with other types of contracted forms realized in the course of human communication, especially due to the Internet environment. From the point of view of linguodidactics, abbreviation (and acronym) as the object of both theoretical and applied studies should be regarded as an integrated analytical technique based on the semantic correspondence between the whole and its constituents. Otherwise stated, the purely scientific and heuristic approaches to the phenomenon in question are closely connected with deep penetration into the domain of meaning, both the whole abbreviated complex and each of its parts, as well as the domain of function, analyzed in terms of the traditionally distinguished levels of linguistic analysis, including various types of context (linguistic, extralinguistic, cultural, cognitive), on which the educational approach to this phenomenon as referred to its professional aspect should be based.

The Public Relations area as the sphere of communication, concerning primarily the procedures of establishing contacts and promotion, is to a great extent determined by the efficient use of language and its structures that are most conducive to the development of these processes. Thus, teaching language professionally in the field refers to a thorough investigation of current language trends in their uniqueness in terms of optimization and linguistic and cultural appropriateness. The study of contracted forms that speed up and facilitate communication mechanisms seem to be of vital importance for professional language acquisition in the PR domain. At the same time when discussing the issue in terms of its implementation in the educational process one should bear in mind that very much depends on the particular methods elaboration and application as referred to teaching contracted forms decoding and

adequate interpretation procedures, taking into account their ability to manifest polysemantic properties being part of the professional language in question.

Acknowledgements and Funding

This research did not receive any specific grant from funding agencies in the public, commercial, or not-for-profit sectors.

© Вишнякова О.Д., Вишнякова Е.А., Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. 2022

Список литературы

1. Ивушкина Т.А. Лексические номинации как индексы образовательного и социального статуса// Научный диалог, 2020. С. 65-80. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-65-80>
2. Academic conferences in professionally oriented language acquisition by public relations undergraduates/ P. Sergienko, A. Minyar-Belouchcheva, O. Vishnyakova, E. Vishnyakova/ Amazonia Investiga, 2021, 10(42), pp. 69-79.
3. Berger B. The Globalization of PR Education? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ipra.org/news/title/the-globalization-of-pr-education/> (дата доступа 11.03.2022).
4. Black S. Introduction to Public Relations. Modina Press in conjunction with the International Public Relations Association, 1989. 223 p.
5. Bremner S., Costley T. Bringing reality to the classroom: Exercises in intertextuality, in English for Specific Purposes, 2018, 52, pp. 1-12.
6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/communicator> (дата доступа 11.03.2022).
7. Crystal D. Language and the Internet, Cambridge University Press, 2007. 318 p.
8. Crystal D. Txtng. The gr8 db8, Oxford University Press, 2009. 239 p.
9. Encyclopedia [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.encyclopedia.com/literature-and-arts/language-linguistics-and-literary-terms/language-and-linguistics/abbreviation> (дата доступа 01.02.2022).
10. Faber-Wiener G. Responsible communication. Wie Sie von PR und CSR-Kommunikation zu echtem Verantwortungsmanagement kommen. Berlin, Heidelberg: Springer Gabler. 2013. 119 p.
11. Grabe W., Stoller F. L. Content-based instruction: Research foundations, in M. A. Snow, D. M. Brinton (eds.), The content-based classroom: Perspectives on integrating language and content, NY: Longman, 1997, pp. 5–21.
12. Green C. Preparing quality teachers: Bridging the gap between tertiary experiences and classroom realities/ C. Green, M. Eady, P. Andersen/ Teaching & Learning Inquiry, 2018, 6 (1), pp. 104-125.
13. Grunig J., Grunig L. Implications of the IABC excellence study for PR education, in Journal of Communication Management, 2003, 7, pp. 34-42.
14. Hatch E. Discourse and Language Education, Cambridge University Press, 2001. 333 p.
15. Heitmueller L. M. Corporate Communication Map: Outline of an interactive Overview of the fundamental Models and Theories of Public Relations, 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.scribd.com/doc/133281621/Corporate-Communication-Map-CCM-Landkarte-der-Unternehmenskommunikation> (дата доступа 28.03.2022).
16. Khranchenko D. S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse, in Professional discourse & communication, 2019, 1(1), pp. 9-20.
17. Malyuga E.N. Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication/ E.N. Malyuga, A. Krouglov, B. Tomalin/ XLinguae, A European Scientific Language Journal, 2018, 2, pp. 566-582 <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.46>.
18. New Linguodidactic Challenges In Teaching Professionally Oriented English As Referred To PR-Education/ A.P. Minyar-Belouchcheva, P.I. Sergienko, E.A. Vishnyakova, O.D. Vishnyakova/ European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, European Publisher, 2020. Vol. 97, pp. 539-547. doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.72
19. Ponomarenko E.V., Malyuga E. Business English and functional linguistics: Teaching practical English in perfect harmony with theory, in ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation. Conference Proceedings, Madrid: IATED, 2012, pp. 4524-4529.
20. Minyar-Belouchcheva A. Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties/ A. Minyar-Belouchcheva, P. Sergienko, E. Vishnyakova, O. Vishnyakova/ International Journal of English Linguistics, 2020, 10 (1), pp. 26-36.
21. Spolsky B. Introduction: What is Educational Linguistics// The Handbook of Educational Linguistics/ Ed. by Bernard Spolsky and Francis M. Hult. Blackwell Publishing, 2008, pp. 1-9.
22. Vishnyakova O.D., Vishnyakova E.A. Linguistic and Cultural Knowledge Acquisition in Terms of the Multimodal Approach To EIL Studies, in Professional Discourse and Communication, 2022, 4 (1), pp. 81-92.
23. Vorontsova M., Vishnyakova O. Basic Principles of National and International Standards Convergence in Teaching Languages for Non-Linguistic Students// Rural Environment. Education. Personality (REEP). Proceedings of the 11th International Scientific Conference. Jelgava, 2018, 11, pp. 148-154. <https://doi.org/10.22616/REEP.2018.017>

24. Wu Zh. Understanding students' mimicry, emulation and imitation of genre exemplars: An exploratory study, in *English for Specific Purposes*, 2019, 54, pp. 127-138. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2019.02.002>.
25. Zhang X. Self-efficacy and English public speaking performance: A mixed method approach/ X. Zhang, Y. Ardasheva, B.W. Austin/ *English for Specific Purposes*, 2020, 59, pp. 1-16. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.02.001>.

References

1. Ivushkina, T.A. (2020). Leksicheskie nominatsii kak indeksy obrazovatel'nogo i sotsial'nogo statusa [Lexical Nominations as Indices of Educational and Social Status]// *Nauchnyj dialog*, 6. Pp. 65-80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-65-80>.
2. Academic conferences in professionally oriented language acquisition by public relations undergraduates (2021)/ P. Sergienko, A. Minyar-Beloroucheva, O. Vishnyakova, E. Vishnyakova/ *Amazonia Investiga*, 2021, 10(42), pp. 69-79.
3. Berger, B. R. (2011). *The Globalization of PR Education?*, www.ipra.org/news/itle/the-globalization-of-pr-education/ (accessed 11.03.2022).
4. Black, S. *Introduction to Public Relations*. Published by Modina Press in conjunction with the International Public Relations Association. 1989. 223 p.
5. Bremner, S., Costley, T. Bringing reality to the classroom: Exercises in intertextuality/ *English for Specific Purposes*, 2018. Volume 52, P. 1-12, <https://doi.org/10.1016/j.esp.2018.05.001>.
6. *Cambridge Dictionary, the*, <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/communicator> (accessed 11.03.2022).
7. Crystal, D. *Language and the Internet*. 2007. Cambridge University Press. 318 p.
8. Crystal, D. *Texting. The gr8 db8*. 2009. Oxford University Press. 239 p.
9. *Encyclopedia*, <https://www.encyclopedia.com/literature-and-arts/language-linguistics-and-literary-terms/language-and-linguistics/abbreviation> (accessed 01.02.2022).
10. Faber-Wiener, G. *Responsible communication. Wie Sie von PR und CSR-Kommunikation zu echtem Verantwortungsmanagement kommen*. Springer Gabler. 2013.
11. Grabe, W., Stoller, F. L. Content-based instruction: Research foundations, in M. A. Snow, D. M. Brinton (eds.), *The content-based classroom: Perspectives on integrating language and content*, 1997. NY: Longman, pp. 5-21.
12. Green, C., Eady M., Andersen P. Preparing quality teachers/ *Teaching & Learning Inquiry*, 2018. 6(1). <http://dx.doi.org/10.20343/teachlearninqu.6.1.10>.
13. Grunig, J, Grunig, L. Implications of the IABC excellence study for PR education. *Journal of Communication Management*, 2003. <https://doi.org/10.1108/13632540310807232>.
14. Hatch, E. *Discourse and Language Education*. 2001. Cambridge University Press.
15. Heitmueller, L. M. *Corporate Communication Map: Outline of an interactive Overview of the fundamental Models and Theories of Public Relations*. 2012. Retrieved 14 June 2020, <https://ru.scribd.com/doc/133281621/Corporate-Communication-Map-CCM-Landkarte-der-Unternehmenskommunikation> (accessed 28.03.2022)
16. Khranchenko, D. S. Functional-linguistic parameters of English professional discourse. *Professional discourse & communication*, 2019. 1(1), 9-20.
17. Malyuga, E.N., Krouglov, A. Linguo-cultural competence as a cornerstone of translators' performance in the domain of intercultural business communication/ *XLinguae, A European Scientific Language Journal*, 2018. 2, 566-582, doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.46.
18. New Linguodidactic Challenges In Teaching Professionally Oriented English As Referred To PR-Education/ A.P. Minyar-Beloroucheva, P.I. Sergienko, E.A. Vishnyakova, O.D. Vishnyakova/ *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, European Publisher. 2020. Vol. 97, pp. 539-547. doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.72.
19. Ponomarenko, E.V., Malyuga, E. Business English and functional linguistics: Teaching practical English in perfect harmony with theory, *ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation. Conference Proceedings*, Madrid: IATED, 2012. pp. 4524-4529.
20. Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties/ A. Minyar-Beloroucheva, P. Sergienko, E. Vishnyakova, O. Vishnyakova/ *International Journal of English Linguistics*, 2020. 10 (1), pp. 26-36. <https://doi.org/10.5539/ijel.v10n1p26>.
21. Spolsky, B. *Introduction: What is Educational Linguistics? The Handbook of Educational Linguistics*/Ed. by Bernard Spolsky and Francis M. Hult. Blackwell Publishing. 2008. pp. 1-9.
22. Vishnyakova, O.D., Vishnyakova, E.A. Linguistic and Cultural Knowledge Acquisition in Terms of the Multimodal Approach To EIL Studies/ *Professional Discourse and Communication*, 2022. 4 (1), pp. 81-92.
23. Vorontsova, M., Vishnyakova, O. Basic Principles of National and International Standards Convergence in Teaching Languages for Non-Linguistic Students. *Rural Environment. Education. Personality (REEP). Proceedings of the 11th International Scientific Conference*, 11. Jelgava. 2018. pp. 148-154. <https://doi.org/10.22616/REEP.2018.017>.
24. Wu, Zh. Understanding students' mimicry, emulation and imitation of genre exemplars: An exploratory study/ *English for Specific Purposes*, 2019. Volume 54, pp. 127-138. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2019.02.002>.
25. Zhang, X. Ardasheva, Y. Austin, B.W. Self-efficacy and English public speaking performance: A mixed method approach/ *English for Specific Purposes*, 2020. Volume 59, P. 1-16, <https://doi.org/10.1016/j.esp.2020.02.001>.

Сведения об авторах:

Вишнякова Ольга Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: лингводидактика, когнитивная лингвистика, семиотика и семасиология, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, язык для специальных целей. E-mail: ol-vish@mail.ru

Вишнякова Елизавета Александровна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Сфера научных интересов: лингводидактика, когнитивная лингвистика, семиотика и семасиология, межкультурная коммуникация, язык для специальных целей. E-mail: vishnyalis@yandex.ru

Миньяр-Белоручева Алла Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: лингводидактика, когнитивная лингвистика, исторический дискурс, язык для специальных целей. E-mail: ostvera@mail.ru

Сергиенко Полина Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Сфера научных интересов: лингводидактика, когнитивная лингвистика, связи с общественностью, язык для специальных целей. E-mail: poserg@pk.ru

About the authors:

Olga D. Vishnyakova, PhD. Dr. Habil, is Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. Spheres of research and professional interest: linguodidactics, cognitive linguistics, semiotics and semasiology, linguistic cultural studies, intercultural communication, ESP. E-mail: ol-vish@mail.ru

Elizaveta A. Vishnyakova, Ph.D., is Associate Professor, Head of the English Language Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Spheres of research and professional interest: linguodidactics, cognitive linguistics, semiotics and semasiology, ESP. E-mail: vishnyalis@yandex.ru

Alla P. Minyar-Beloroucheva, PhD. Dr. Habil, is Professor of the Department of Foreign Languages, History Faculty, Lomonosov Moscow State University. Spheres of research and professional interest: linguodidactics, cognitive linguistics, Historical discourse, ESP. E-mail: ostvera@mail.ru

Polina I. Sergienko, PhD, is Lecturer at the Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. Spheres of research and professional interest: linguodidactics, cognitive linguistics, PR-studies, ESP. E-mail: poserg@pk.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-4-33-152-163
УДК 37.015.3

INDIVIDUAL AND PSYCHOLOGICAL DIFFERENCES IN LEARNING RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE

Salimi A. Kosar

University of Bojnord, Khorasan shomali,
Bojnord, 9453155111, Iran

Eslami M.

University of Bojnord, Khorasan shomali,
Bojnord, 9453155111, Iran.

Abstract. In the modern world, foreign languages have acquired special importance, and their study is considered one of the fundamental and key conditions for the success of intercultural communication, as well as a tool for the formation of linguistic identity. For this reason, in the past few decades, special research has been carried out in educational psychology in order to find effective non-linguistic ways of mastering a second language. According to modern approaches, individual psychological characteristics have a great influence on the process of mastering foreign languages; therefore, this article attempts to show the relationship between psychological aspects and educational methods. The most important factors include motivation, gender, learning style, social factors, interest in learning a second language, the level of language and intellectual abilities, the presence of a language barrier, the cognitive style of the student, the ratio of language material and speech during learning, the level of development of verbal memory and the formation of ability to understand complex communication links. In this process, it is necessary to pay attention to essential factors that are outside linguistics. Students with the knowledge acquired over the years turn to different learning styles. It is important to show respect for their learning styles. It is essential for the instructor to design his curriculum in such a way that different students with different learning styles can follow them. When the activity seems meaningful to the student, his motivation for learning also increases. It seems that familiarity with psychology is essential for all teachers. Understanding what processes occur in the memory of a student while learning a foreign language, as well as what negative impact the delivery of a large volume of educational materials in a short period of time can have on him, is of great importance. Understanding this can have a significant positive impact on foreign language teachers in the preparation of educational programs for their correct presentation, which will be of great benefit and positive effect in the classroom.

Keywords: psycholinguistics, the study, foreign language, second language, Russian language, motivation, gender, age, memory, social factors, individual difference, psychological differences

For citation: Salimi A. Kosar, Eslami Masume (2022). Individual and psychological differences in learning Russian as a second language. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 152–163. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-152-163>

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИ УСВОЕНИИ РУССКОГО КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Салими А. Косар

Боджнордский университет,
9453155111, Иран, Хорасан Шомали, Боджнорд

Эслами Масуме

Боджнордский университет,
9453155111, Иран, Хорасан Шомали, Боджнорд

Аннотация. В современном мире иностранные языки обрели особое значение, и их изучение считается одним из фундаментальных и ключевых условий успеха межкультурной и межкузыковой коммуникации, а также инструментом формирования языковой идентичности. По этой причине в последние несколько десятилетий в педагогической психологии проводятся специальные исследования с целью найти эффективные лингвистические пути усвоения второго языка. Согласно современным подходам, индивидуальные психологические характеристики оказывают большое влияние на процесс усвоения иностранных языков, поэтому в настоящей статье предпринята попытка показать взаимосвязь психологических аспектов и образовательных методов. В числе важнейших факторов можно указать мотивацию, пол, стиль обучения, социальные факторы, заинтересованность в изучении второго языка, уровень языковых и интеллектуальных способностей, наличие языкового барьера, когнитивный стиль обучающегося, соотношение языкового материала и речи при обучении, уровень развития вербальной памяти и формирование способности понимать сложные коммуникативные связи. В этом процессе необходимо уделять внимание существенным факторам, которые находятся за пределами лингвистики. Учащиеся с приобретёнными ими за годы знаниями обращаются к разным стилям обучения. Важно проявлять уважение к их стилям обучения. Необходимо, чтобы преподаватель составлял свою учебную программу таким образом, чтобы разные студенты с разными стилями обучения могли ей следовать. Когда деятельность представляется студенту осмысленной, его мотивация к обучению также возрастает. Представляется, что знакомство с психологией необходимо для всех преподавателей. Понимание того, какие процессы происходят в памяти учащегося во время изучения иностранного языка, а также того, какое негативное воздействие на него может иметь подача большого объёма учебных материалов в короткий промежуток времени, имеют большое значение. Понимание этого может оказать существенное положительное влияние на преподавателей иностранного языка при подготовке образовательных программ для их правильной подачи, что принесёт большую пользу и положительный эффект на занятиях.

Ключевые слова: психолингвистика, изучение, иностранный язык, второй язык, русский язык, мотивация, пол, возраст, память, социальные факторы, индивидуальное различие, психологическое различие

Для цитирования: Салими К.А., Эслами М. (2022). Индивидуальные и психологические различия при усвоении русского как второго иностранного языка. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 152–163. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-152-163>

Введение

Обучение – это функция, при помощи которой осуществляется структурирование, усвоение, углубление или изменение новых или имеющихся знаний, поведенческих стереотипов, навыков или предпочтений, которые приводят к потенциальному изменению организации данных, глубины знаний, подходов или поведения относительно того или иного типа и сферы имеющегося опыта [13]. Обучение у человека может быть составной частью образовательных процессов, личностного развития и тренировки, которые могут быть целенаправленными либо подвижными определённым стимулом. Усвоение знаний в ходе обучения достигается посредством осознанного сконцентрированного чтения и детальной рефлексии о прочитанном. В дальнейшем знания закрепляются посредством применения изученного на практике, а также поиска возможных приложений полученных знаний [16].

Разные люди обучаются различными способами в схожих условиях, одной из причин этого является различие используемых методов обучения. Методы обучения включают оценки, убеждения и подходы, применяемые людьми с целью поспособствовать процессу усвоения знаний в определённой ситуации. Также проведённые исследования показывают, что другие факторы, как возраст, IQ, предпочтение одной деятельности другой и половая принадлежность тоже влияют на качество обучения. Язык является важнейшим средством коммуникации в человеческих сообществах. Животные, в свою очередь, также обладают особыми системами коммуникации, часто общаясь между собой посредством звуковых, жестовых, химических и других сигналов, однако система коммуникации человека весьма значительно отличается от таковой у животных, в связи с чем лингвисты выделяют в человеческом языке следующие особенности: подвижность, договорные свойства языка, свойства дифференциации, свойства дуальности, креативность и культурную передачу [11].

Изучение иностранного языка считается важнейшим фактором знакомства с культурами и традициями разных народов. Овладение каждым языком (иностранном, родным, научным и искусственным) связано с освоением культуры.

Психология языка берёт начало в хомскианской лингвистике, и к её основным вопросам относятся универсальность первого языка, усвоение второго языка, генерация речи и понимание речи, и по сути само это определение является переводом термина «психолингвистика». Однако то, что находится в сфере исследований лингвистов, на самом деле является психологией языка, включающей более широкий спектр вопросов, таких, как память, концентрация, процесс мышления, принятие решений. Психология языка – название сравнительно нового направления науки, возникшего на пересечении лингвистики и психологии. Предметом этой науки является изучение психических аспектов языковой деятельности человека, или, другими словами, связь сознания и языка [11]. Психологические различия между людьми делают различным процесс обучения, особенно усвоение второго языка. Об этом пишут Артеменко и Чибисова в своих научных трудах [1], [7].

Язык является удивительным и сложным феноменом и считается одной из важнейших человеческих способностей. Все животные обладают системами коммуникации, однако человек располагает наиболее развитой и полной системой коммуникации, то есть речью. Посредством устной и письменной речи люди общаются друг с другом, социализируются и передают свою культуру и знания из поколения в поколение. Также язык является средством выражения мыслей.

В современном мире иностранные языки обрели особое значение, и их изучение считается одним из фундаментальных и ключевых условий успеха межкультурной и межязыковой коммуникации, а также инструментом формирования языковой идентичности. По этой причине в последние несколько десятилетий в психологии педагогики проводятся специальные исследования с целью найти эффективные нелингвистические пути усвоения второго языка.

Согласно современным подходам, индивидуальные психологические характеристики оказывают большое влияние на процесс усвоения иностранных языков, поэтому цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать взаимосвязь психологических аспектов и образова-

тельных методов, на которую преподавателям необходимо обращать внимание при обучении русскому языку как иностранному в вузах. Проблемы повышения эффективности методов обучения состоят в том, чтобы найти нужный подход к каждому студенту, имеющему свои способности, интересы и стили обучения.

Методы и методология и исследования

Материалы нашего исследования собраны в результате нескольких лет работы в университете, в течение которых были проведены аудиторные исследования студентов, изучающих русский язык как иностранный, – студентов с различными способностями и возрастными характеристиками. Также использовались результаты научных трудов лингвистов.

Результаты исследования

Рассмотрение индивидуальных и личных психологических факторов показало, что в числе важнейших факторов можно указать мотивацию, пол, стиль обучения, социальные факторы, заинтересованность в изучении второго языка, уровень языковых и интеллектуальных способностей, наличие языкового барьера, когнитивный стиль обучающегося, соотношение языкового материала и речи при обучении, уровень развития вербальной памяти и формирование способности понимать сложные коммуникативные связи. В этом процессе необходимо уделять внимание существенным факторам, которые находятся за пределами лингвистики.

Мотивация

Такие лингвисты, как Буслеева [2], Ноулз [17], Потапова [6], Орам и Харрингтон [18] и другие называют мотивацию важнейшим фактором при освоении второго иностранного языка. Так же, как и в любой другой деятельности, если человек не имеет стимула осуществлять какую-либо работу или делает её через принуждение, то он не достигнет существенных результатов. Действительно, недостаток мотивации является признаком отсутствия цели выполняемой деятельности. Другими словами, человек, испытывающий нехватку мотивации, не видит смысла в осуществляемой деятельности, в то время как достаточная мотивация может повысить чувство независимости и значимости и оказать положительное воздействие на продуктивность человека. Мотивация, направленная на то, чтобы избежать неудачи, может давать только одноразовые результаты. Например, студент, который боится преподавателя грамматики русского языка и переживает, что не сможет получить удовлетворительную оценку по данному предмету, не сможет добиться продолжительного успеха, даже если хорошо сдаст экзамен по данному курсу и получит удовлетворительную оценку, поскольку у него отсутствовал достаточный стимул для обучения и усвоения материала, и его целью было лишь избавиться от обязательств. Способности к усвоению русского языка, так же, как и другие виды деятельности человека, связаны с заинтересованностью и мотивацией. В общем и целом, мотивация к изучению иностранного языка может быть сочетанием личной цели, стремления к достижению этой цели и усилий по её достижению. Чем выше результаты работы индивидуума, тем больше его мотивация, поскольку изучение большого количества новых вещей и преимущества от приобретённых навыков дают положительные ощущения. В современном мире практическое использование приобретённых навыков является одним из основных факторов, порождающих мотивацию. Также мотивация возрастает в результате стремления к достижению лучших результатов. Когда индивидуум осознаёт, что чем больше он прилагает усилий, тем большего успеха он достигает, то его усилия также возрастают.

С целью повышения мотивации студентов преподаватели на занятиях часто указывают, что нет никого, кто был бы не способен выучить русский язык, поскольку если человек умеет говорить на своём родном языке (в данном случае – персидском), то это означает, что участки его го-

ловного мозга, ответственные за порождение речи, работают нормально и поэтому способность говорить на втором языке (в данном случае, русском) присутствует.

Способности и мотивация являются главным ключом к освоению русского языка нерусскоязычными, в то же время эти навыки необходимо развивать и усиливать посредством упражнений и постоянной практики, так как с точки зрения психологии постоянная практика является секретом успеха. Действительно, курс грамматики русского языка можно уложить в несколько дней. Точно так же несколько тысяч слов можно выучить в короткий промежуток времени, однако важно то, что такое обучение не осуществляется однократно, в противном случае всё будет забыто через непродолжительное время.

Стимулом учащегося к изучению иностранного языка может быть чувство гармонии с языком, идентификация себя с народом или желание участвовать в культурной жизни на изучаемом языке. Он может желать уподобиться местным жителям, для которых изучаемый язык является родным. Также могут иметь место личные интересы, такие как продвижение в профессии, науке или учёбе.

Когда на занятиях мы спрашиваем студентов о причине выбора ими русского языка как второго, то сталкиваемся со следующими ответами: «Я учу русский язык, чтобы в будущем получить более высокую должность», «Я учу русский язык, потому мне было бы стыдно не знать никакого языка, кроме персидского», «Я учу русский язык, потому что думаю, что это полезно для развития», «Я учу русский язык, потому что испытываю чувство удовлетворения при изучении новых вещей», «Я учу русский язык, потому что мне доставляет удовольствие преодолевать сложности в его изучении», «Я учу русский язык, потому что мне приятно слушать этот язык и говорить на нём». Также есть и примеры отсутствия мотивации: «Я не знаю, зачем я учу русский язык», «Я не понимаю, что я делаю, когда учу этот язык».

Вероятно причина равнодушия студентов к изучению русского языка состоит в том, что они не осведомлены о важности изучения русского языка и его применении. Другими словами, важность изучения русского языка для них представляется неопределённой. В наши дни русский язык как один из языков Организации Объединённых Наций является важным инструментом доступа к информации. Если студенты, которые являются образованной прослойкой страны, не будут вооружены этим инструментом, то они будут лишены доступа к обширным источникам информации. В связи с этим, составители программ обучения иностранным языкам должны подготовить расширенные программы, которые, объясняя изучающим иностранные языки важность и применение русского языка в различных областях науки, исследовательской деятельности, культуры и туризма, вызовут в них конструктивную мотивацию для изучения этого языка.

Необходимо отметить, что в попытках найти наиболее эффективные и целесообразные методы преподавания, необходимо особо уделять внимание студентам с различными способностями. В процессе обучения необходимо развивать эти способности. Человек, обладающий способностями к языкам, как правило, может овладеть языком при любой методике преподавания. С другой стороны, необходимо обратить внимание, что низкое качество обучения (методики преподавания или работы преподавателя) может стать причиной исчезновения или снижения мотивации к изучению языка.

Пол

На вопрос о том, кто более способен к изучению иностранных языков – девушки или юноши, и о том, какое влияние оказывает пол на процесс изучения иностранных языков, всегда были различные точки зрения. Проведённые исследования показывают, что существует разница в стилях обучения девушек и юношей. В сравнении с девушками, юношей характеризует более визуальный и общий стиль обучения, а девушек по сравнению с юношами – вербальный и последовательный стиль. Гросс [13] убеждён, что вербальные способности девушек лучше таковых у юношей, и в результате первые успешнее в процессах понимания и порождения слов в потоке речи. Долгие аудиторские исследования, проведённые между девушками и юношами, изучающих русский язык в нашем университете, показали, что потребность в изучении русского языка как второго, чтобы найти подходящую профессию, больше ощущается среди девушек-студенток, поэтому они

больше усилий прикладывают при изучении русского языка как будущей специальности. Кроме того, удовольствие девушек от изучения иностранного языка имеет следствием их позитивный настрой и подход, в то время как среди юношей позитивный настрой в изучении второго языка возникает тогда, когда у них есть срочная потребность овладеть иностранным языком. Также итоги изучения студентов показывают, что юноши на занятиях аудиовизуальных и устных переводов более активны, чем на других занятиях, а девушки проявляют свою большую активность на занятиях по монологической речи и дискуссии, письменному переводу, грамматике, и пересказу русских текстов. Необходимо отметить, что в рамках системы обучения и учебной программы девушки демонстрируют более высокую дисциплинированность и системный подход к обучению, что способствует лучшему освоению материала. По этой причине для достижения благоприятных результатов в учебных программах по иностранным языкам рекомендуется учитывать гендерные различия.

Возраст

Влияние возраста на качество освоения иностранного языка (в данном случае русского) и умственное развитие студентов являются важными вопросами учебного процесса. Джамисон [14] полагает, что возраст имеет минимальное влияние на эффективность и продуктивность умственной деятельности, а с точки зрения памяти между юношами и девушками нет никакой разницы. Изучение физиологических факторов, таких как деятельность головного мозга, также показывает, что пол не настолько сильно влияет на обучение. Мозг человека сохраняет способность к обучению в любом возрасте, но с возрастом этот процесс замедляется, и пол в этой связи не играет никакой роли.

Для подтверждения этих выводов мы разбили студентов русского языка нашего университета на 4 возрастные группы 18-22, 22-26, 26-30 и 30-40 лет и задали им разные упражнения по грамматике, переводу и речевой деятельности одного уровня. Итоги анализа показывают, что студенты первой группы (18-22 года) имеют лучшие результаты обучения, чем студенты последней группы (30-40 лет, хотя их мало). Молодые студенты более успешны в анализе полученной информации, в то время как учащиеся старших возрастных групп при изучении тех же тем испытывают потребность в большем количестве времени и упражнений и им приходится больше концентрироваться для анализа изучаемого материала.

Социальные факторы

Общественные факторы играют важную роль в процессе обучения иностранным языкам. В связи с тем, что в обществе женщины и мужчины имеют разные социальные роли, с их стороны также наблюдаются различные подходы. Например, проведенное исследование показывает, что девушки-студентки демонстрируют большую склонность к изучению терминов, связанных с кухней, пошивом одежды, макияжем, модой и т.д. Напротив, юноши заинтересованы в изучении лексики, относящейся к спорту, борьбе, политике, экономике, компьютерным играм и т.д. Можно сделать вывод, что существует взаимосвязь между полом и языковым поведением. Также женщины особо чувствительно относятся к использованию слов языка с высокой социальной нагрузкой, меньше используют бесполезные слова и склонны использовать стандартный язык.

Социальная среда, в которой учащийся осваивает иностранный язык, может быть поделена на две части – естественную среду и среду обучения в классе.

Естественная среда характеризуется условиями, в которых учащийся изучает язык подобно тому, как учат родной язык, то есть приобретает опыт в процессе взаимодействия с жителями, предметами, событиями жизни и различными условиями, и поскольку человек является социальным существом и склонен устанавливать связи с другими людьми, а также обеспечивать свои повседневные потребности, то это неизбежно приводит к лучшему и ускоренному обучению. Среда обучения в классе является искусственной и заранее спланированной в целях изучения нового языка, в ней, как правило, доминируют такие факторы, как стресс при говорении, страх допустить ошибку при выполнении заданий и стеснение, что, с учётом различного психического склада студентов, может приводить к различным результатам.

Память

Посредством памяти индивидуум может сохранять в своём мозге полученный опыт и знания. Сохранение информации в памяти называется запоминанием. Память человека делится на краткосрочную, рабочую, долгосрочную и семантическую, каждая из которых играет роль в сохранении, усвоении и вспоминании.

Кратковременная память, как следует из её названия, временно хранит информацию, но усиливается повторением в уме. Все люди пользуются кратковременной памятью каждый день. Например, мы запоминаем номер телефона, а после его набора, забываем его. По этой же причине в начале изучения русского алфавита студенты испытывают многочисленные трудности с запоминанием его букв. Поскольку в их уме отложился английский алфавит, то по причине отличного произношения и написания английских букв от русских, они путаются, но по прошествии времени и с большей практикой они усваивают буквы и их написание.

Количество букв и слогов в слове имеет большое значение при его сохранении в краткосрочной памяти и в момент произнесения может быть причиной лёгкости или сложности при его вспоминании. В связи с этим обучающиеся иностранному языку намного легче запоминают одно или двусложные слова, нежели слова, состоящие из нескольких слогов [10, с. 50].

Лерой указывает на рабочую память как на приложение краткосрочной памяти для особых задач, к числу которых относится решение математических задач [15]. Рабочая память крайне эффективна при изучении иностранного языка. Когда студент принимает решение заговорить, либо начать писать или читать на русском языке, ему нужна высокая скорость для доступа к словарному запасу, а также совершения грамматических операций. По той же самой причине «успех в изучении иностранного языка в известной степени зависит от эффективности рабочей памяти, которая ответственна за временное хранение полезной информации в процессе изучения» [12]. В свете вышесказанного, рабочая память несёт ответственность за обработку данных и перекрёстное хранение результатов проведённых над этими данными операций.

После получения информации из окружающей среды эта информация на короткий промежуток времени сохраняется в кратковременной или рабочей памяти. После окончания соответствующей деятельности часть её остаётся и сохраняется в долговременной памяти. Наше знакомство с окружающим миром и сохранение жизненного опыта в долговременной памяти формируют нашу науку и знания. Функция долговременной памяти весьма сложна и «её укрепление осуществляется посредством перерывов, возвратов к ней в подходящее время, повторного использования и благоприятной среды» [20]. Усвоенное студентами, изучающими иностранный язык в классе, в ходе упражнений и повторения закрепляется в их кратковременной памяти и по прошествии времени сохраняется и классифицируется на основании важности и отличительных особенностей в их долговременной памяти, как в библиотеке, и используется по мере возникновения такой необходимости в повседневной жизни.

Семантическая память играет особую роль в порождении речи как на родном, так и на иностранном языке. Фактически мысленный словарь представляет из себя составную часть семантической памяти. Мысленный словарь индивидуума заполняется на протяжении жизни и остаётся стабильным с годами в результате продолжительного и повседневного употребления. Напротив, поскольку значительная часть слов иностранного языка ещё не усвоена учащимся, то она остаётся нестабильной в его семантической памяти. Когда мы видим, слышим или произносим слово иностранного языка, нужно найти в памяти его образ, с тем чтобы усвоить обозначаемое им понятие. В связи с тем, что время от времени мы сталкиваемся с понятиями, которые присутствуют в целевом языке, но не имеют соответствия в нашем родном языке, это приводит к путанице и ошибкам.

Память и изучение иностранного языка

Любое обучение основывается на памяти, и без неё мы не способны усвоить достаточные для жизни знания и информацию. Также заявления о том, что в той или иной сфере память играет большую роль, чем в другой, ошибочны. Роль памяти в изучении иностранного языка неоспорима и очень важна. Без точной и хорошей памяти невозможно запомнить длинные списки слов и

грамматических правил. Можно сказать, что при овладении иностранным языком все виды памяти эффективны, поскольку приходится запоминать большой объём лексики, усваивать грамматический строй языка, чтобы впоследствии иметь возможность применить их на практике. Поэтому память считается основным условием успешного обучения и очень важно развивать её для дальнейшего самосовершенствования [8].

В начале изучения иностранного языка отсутствие предшествующей достаточной информации в долговременной памяти создаёт значительные трудности, в связи с этим преподаватели должны принять на вооружение педагогические методики, на основании которых учащиеся смогут получить достаточное знакомство с иностранным языком.

Проведённые в отношении студентов, изучающих русский язык, исследования показывают, что если во время изучения устного языка мы способны представить мыслительный образ, то запоминание происходит легче. Например, если преподаватель русского языка при изучении слова «книга» передаст учащимся смысл этого слова, одновременно показав книгу, то таким образом звуковой образ, написание и значение этого слова навсегда сохранятся в памяти студентов.

Виды речевой деятельности

Как правило, изучающие иностранный язык используют при изучении различные методы, такие как письмо, чтение, говорение, просмотр и аудирование. Наблюдение за иранскими студентами показало, что студенты после первичного знакомства на среднем уровне и выше проявляют значительный интерес к говорению и выражению своих чувств на иностранном языке, и, чем больше они говорят, тем больше они чувствуют, что запоминают больше. Чтение текстов также является эффективным фактором усвоения иностранного языка – при повторном или многократном прочтении текст фиксируется в сознании студента, что упрощает процесс обучения студента. Письмо относится к числу наиболее сложных частей обучения иностранному языку, поскольку у студента всегда присутствуют страх совершить ошибку и боязнь несоблюдения грамматических и синтаксических правил, однако на продвинутом уровне это беспокойство снижается. Просмотр фильмов, новостей и телевизионных программ может значительно повысить уровень владения иностранным языком, поскольку при помощи таких методов обучения учащийся может познакомиться с большим количеством диалогов и языковых выражений, которые не встречаются даже в учебниках. Аудирование требует значительного внимания и сосредоточенности. Во время прослушивания материалов на иностранном языке учащийся может испытать разочарование и замешательство, но при повторе и более внимательном прослушивании он может понять услышанное. В последнее время темой большинства научных трудов является создание эффективных программ как основной шаг в обучении иностранному языку в высших учебных заведениях. Эффективные программы способствуют развитию языковой личности в межкультурной коммуникации.

Стиль обучения

Одним из важных и определяющих факторов в уровне освоения иностранного языка являются индивидуальные различия между учащимися, которые относятся к двум областям познания и личностных особенностей. С точки зрения Риббона, стиль обучения относится к тем методам, которые лежат в основе различных способов мышления, обучения, определённых действий индивидуума, и который используется учащимся с целью решения проблем или влияния на своё окружение [19]. Можно сказать, что стиль обучения представляет собой модифицируемые методы, посредством которых изучающий иностранный язык усваивает материал и находит ответы на многие вопросы.

Проведённые исследования показывают, что для выявления различных стилей обучения среди студентов, изучающих русский язык, необходимо учитывать такие факторы, как возраст, IQ, предпочтение одной деятельности другой и половую принадлежность. Одной из основных причин неудовлетворённости студентов учебным планом является противоречие между содержанием обучения и формами обучения. Вопрос о том, почему некоторые учащиеся не учатся хорошо, несмотря на то, что у них хорошие преподаватели, возможно, имеет ответ – потому что разные учащиеся имеют разные предпочтения в учёбе: они получают и обрабатывают информацию раз-

личными способами, в зависимости от их индивидуальных различий (просмотр и аудирование, размышление и действие, анализ и воображение). По этой причине лучшее понимание преподавателем стилей обучения может помочь снизить уровень неудовлетворённости учащихся и улучшить методы обучения и планирования.

В исследовании рассматриваются наиболее распространённые стили обучения в работах А.А.Васильева [3] и И.Н. Потапова [6], Н. Н. Дробышева [4], О. А. Ждановича [5] и А. В. Чистякова [9] и выясняется причина тенденции иранских студентов выбирать тот или иной стиль при изучении русского языка как иностранного.

Рассмотрение научного труда А. В. Чистякова показывает, что стили обучения делятся на три группы: визуальную, аудиальную и кинестетическую [9, с. 5].

Студенты-визуалы думают с использованием образов и больше всего понимают информацию, представленную визуально. Эти студенты обращают внимание на язык тела преподавателя.

Студенты-аудиалы понимают информацию с помощью прослушивания и объяснения материала. Они обращают внимание на интонации, тоны, скорость речи и ударение. Они лучше усваивают материал посредством проговаривания.

Студенты-кинестетики успешнее учатся с помощью активных практических видов деятельности, предпочитают физическую связь с миром. У таких студентов могут быть трудности с долгим удержанием внимания и терпением.

При анализе стилей обучения выявилось, что успешные студенты кафедры чаще всего учатся с помощью аудиального и визуального стилей, а слабые и неуспешные студенты предпочитают кинестетический стиль обучения.

Студенты на занятиях воспринимают информацию по-разному: на слух, зрительно или с помощью ощущений. Для одних будут оптимальны графики, изображения, схемы, диаграммы; для других – лекции, диалоги и беседы, а для некоторых – практическая деятельность.

У любого учащегося есть возможность использовать все виды получения информации, но всегда один из них считается предпочтительным. Чтобы студенты лучше овладевали материалом, необходимо, чтобы преподаватель составлял свою учебную программу таким образом, чтобы она была оптимальна для всех студентов, чтобы студенты с разными стилями обучения могли ей следовать. Когда деятельность представляется студенту осмысленной, его мотивация к обучению также возрастает. В данном случае студенты с разными типами понимания могут изучить учебный материал. Если преподаватель не обращает внимание на разные методы обучения, часть студентов на занятии будет оставаться недовольной. Учитывая, что у студентов есть разные стили, преподавателям рекомендуется использовать наглядные пособия, такие как презентация, видео, картины и плакаты, при обучении и чтении лекций. Учебные материалы воспринимаются легче, если они украшаются эмоционально и у студентов возникают положительные эмоции.

Заключение

Сегодня особенно остро ощущается необходимость изучения иностранных языков в качестве инструмента для получения доступа к новой информации в различных сферах науки, исследований и культуры. На основании вышеизложенного ясно, что с учётом влияния социальных факторов и физиологических особенностей среди студентов у девушек в большей степени, чем у юношей, наблюдается мотивация к изучению русского языка как иностранного. Кроме того, ввиду лучшей адаптации к программам учебного процесса они также достигают больших успехов в обучении. Напротив, юноши под влиянием социальных факторов и в стремлении найти подходящую работу демонстрируют меньшую мотивацию и интерес к изучению иностранного языка. С возрастом изучение иностранного языка даётся с большими усилиями. Между стилями обучения девушек и юношей наблюдаются различия: юношей, по сравнению с девушками, характеризует визуальный и обобщённый стиль обучения, а для девушек характерен вербальный и последовательный стиль обучения. Задача временного хранения полезной информации в процессе обучения ложится на рабочую память, и фактически успех в изучении иностранного языка зависит от

рабочей памяти. Долговременная память усиливается по мере повторения информации в подходящее время и её постоянного использования и снижается при стрессе и беспокойстве. Семантическая память также играет очень большую роль при говорении, и практически вся нагрузка при речевой деятельности возлагается на неё. Понимание сказанного осуществляется посредством кратковременной памяти, а запоминание и прогресс в обучении – посредством долговременной памяти. Представляется, что знакомство с психологией необходимо для всех преподавателей. Понимание того, какие процессы происходят в памяти учащегося во время изучения иностранного языка, а также того, какое негативное воздействие на него может иметь подача большого объёма учебных материалов в короткий промежуток времени, имеют большое значение, поскольку это может оказать существенное положительное влияние на преподавателей иностранного языка при подготовке образовательных программ для их правильной подачи, что принесёт большую пользу и положительный эффект на занятиях.

© Салими А.К. , Эслами М. 2022

Список литературы

1. Артеменко О.А. Психологические основы персонификации построения индивидуальной траектории изучения иностранных языков // Казанский педагогический журнал. 2015. №5. С.317-321.
2. Буслеева Е.Е. Использование мотивационных стратегий при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник ВГАВТ. 2015. №43. С.160-164.
3. Васильева А.А. Диагностирование ведущего канала восприятия информации у студентов аграрного вуза в процессе обучения немецкому языку // А.А. Васильева, И.Н. Потапова. Интернет-журнал «Мир науки». 2018. №5(6). [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/53PDMN518.pdf> (дата доступа 28.02.2022).
4. Дробышева Н.Н. Применение стилей обучения языку специальности с учётом психологического типа обучаемых // Проблемы современного образования. 2020. №2. С.38-46.
5. Жданович О.А. Учёт когнитивных стилей учащихся при обучении русскому языку как иностранному онлайн (по данным эксперимента) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. №1. С.197-204.
6. Потапова И.Н. Об участии студентов аграрного университета в акции “Totales Diktat” // Теория и практика современной науки. 2017. №3. С.1113-1116.
7. Чибисова Е.Ю. Обучение иностранному языку с учётом модальностей восприятия студентов // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannomu-yazyku-s-uchetom-modalnostey-vozpriyatiya-studentov/viewer> (последний доступ 28.02.2022).
8. Черемошкина Л.В. Психология памяти / Л. В. Черемошкина. М.: Академия, 2002. 368 с.
9. Чистяков А.В. Стили обучения и повышение эффективности учебной деятельности // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2021. №3(840). С.177-188.
10. Baddeley A. La mémoire humaine: théorie et pratique / A. Baddeley, H. Solange. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1993. 547 с.
11. Dizaj G. Psychology of language / G. Dizaj, F. Mahmudi. Tehran: Jahan. 2012.
12. Gaonach D. La mémoire dans l'apprentissage des langues vivantes: fonctionnement, acquisition, utilisation // langues modernes. 1995. №2. Pp. 9-24.
13. Gross R. Psychology: The Science of Mind and Behaviour / R. Gross. L.: Hodder Education. 2010. 901 p.
14. Jamieson J. The Cognitive Styles of Reflection/impulsivity and field Independence/dependence and ESL Success // The Modern Language Journal. 1992. №76. Pp. 491-501.
15. Lieury A. La Memoire: resultats et theories / A. Lieury. P.: Mardaga, 1992. 268 с.
16. Moursund D. Introduction to problem solving in the information age / D. Moursund. Oregon: university of Oregon, 2007. 99 p.
17. Noels A. Intrinsic, Extrinsic and Integrative orientations of French Canadian learners of English // A. Noels, R. Clement, L. Pelletier. The Canadian modern language review. 2001. №57 (3). Pp. 424-441.
18. Oram P. Learning styles and strategies, SLAT 6805 / P. Oram, M. Harrington. L.: Oxford, 2002.
19. Rieben L. quelles conditions la notion de style d'apprentissage peut elle devenir heuristique pour le champ de l'éducation? // Éducation et francophonie. 2000. №1(28). Pp. 136-147.
20. Trocme-Faber H. J'apprends, donc je suis. P.: Les Editions d'Organisation, 1994. 291 p.

References

1. Artemenko, O.A. Psichologicheskie osnovy personifikatsii postroeniia individual'noi traektorii izucheniia inostrannykh iazykov [Psychological foundations of personification of building an individual trajectory of learning foreign languages] // *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 2015. №5. pp. 317-321.
2. Busleeva, E.E. Ispol'zovanie motivatsionnykh strategiy pri obuchenii inostrannomu iazyku v neiazykovom vuze [Using motivation strategies for teaching foreign languages in a nonlinguistic university] // *Vestnik VGAVT*. 2015. №43. pp. 160-164.
3. Vasil'eva, A.A. Diagnostirovanie vedushhego kanala vospriiatiia informatsii u studentov agrarnogo vuza v protsesse obucheniia nemetskomu iazyku [Diagnosing the leading information perceiving channel in the students of agricultural university in the process of training in German] // A.A. Vasil'eva, I.N. Potapova. Internet-zhurnal "Mir nauki" №5, 2018, mir-nauki.com/PDF/53PDMN518.pdf (accessed 28.02.2022).
4. Zhdanovich, O.A. Uchet kognitivnykh stilei uchashchikhsia pri obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu onlain (po dannym eksperimenta) [An experimental study of cognitive styles incorporation in teaching Russian online as a foreign language] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. №1. 197-201 pp.
5. Drobysheva, N.N. Primenenie stilei obucheniia iazyku spetsial'nosti s uchetom psichologicheskogo tipa obuchaemykh [Using learning styles in EPP according to psychological types of learning] // *Problemy sovremennogo obrazovaniia*. 2020. №2. pp. 38-46.
6. Potapova, I.N. Ob uchastii studentov agrarnogo universiteta v aktsii "Totales Diktat" [Об участии студентов аграрного общества в акции «Totales Diktat»] // *Teoriia i praktika covremennoj nauki*. 2017. №3. pp.1113-1116.
7. Chibisova, E.iu. Obuchenie inostrannomu iazyku s uchetom modal'nostei vospriiatiia studentov // *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*. 2010. №13, cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-inostrannomu-azyku-s-uchetom-modalnostey-vospriiatiya-studentov/viewer (Accessed 28.02.2022).
8. Cheremoshkina, L.V. *Psikhologiya pamiati* [Psychology of memory] / L.V. Cheremoshkina. M.: Akademia, 2002. 386 p.
9. Chistiakov, A.V. Stili obucheniia i povyshenie effektivnosti uchebnoi deiatel'nosti [Learning styles and increasing the effectiveness of academic activities] // *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2021. №3 (840). P. 177-188.
10. Baddeley, A. *La mémoire humaine: théorie et pratique* [Human Memory: Theory and Practice] / A. Baddeley. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1993. 547 p.
11. Dizaj, G. *Psychology of language* / G. Dizaj., F. Mahmudi. Tehran: Jahan. 2012.
12. Gaonach, D. La mémoire dans l'apprentissage des langues vivantes: fonctionnement, acquisition, utilisation [Memory in modern language learning: functioning, acquisition, use] // *Modern languages*. №2. 1995. pp. 9-24.
13. Gross, R. *Psychology: The Science of Mind and Behaviour* [The Science of Mind and Behavior] / R. Gross. L.: Hodder Education. 2010. 901 p.
14. Jamieson, J. The Cognitive Styles of Reflection/impulsivity and field Independence/dependence and ESL Success // *The Modern Language Journal*. 1992. №76. P. 491-501.
15. Lieury, A. *La Memoire: resultants et theories* [Memory: results and theories] / A. Lieury. P.: Mardaga, 1992. 268 p.
16. Moursund, D. *Introduction to problem solving in the information age* / D. Moursund. Oregon: university of Oregon. 2007. 99 p.
17. Noels, K. Intrinsic, Extrinsic and Integrative orientations of French Canadian learners of English // A. Noels, R. Clement, L. Pelletier. *The Canadian modern language review*: №57(3). 2001. pp. 424-442.
18. Oram, P. *Learning styles and strategies, SLAT 6805* / P. Oram, M. Harrington. L.: Oxford, 2002.
19. Rieben, L. A quelles conditions la notion de style d'apprentissage peut elle devenir heuristique pour le champ de l'éducation? // *Éducation et francophonie*. 2000. №1(28). P. 136-147.
20. Trocme-Faber, H. *J'apprends, donc je suis* / H. Trocme-Faber. P.: Les Editions d'Organisation, 1994. 291 p.

Сведения об авторах:

Салими Абдолмалеки Косар – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры иностранных языков Боджнордского университета (Боджнорд, Иран). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвокультурология, переводоведение, сопоставление паремий разных языков. E-mail: k.salimi@ub.ac.ir.

Эслами Масуме – кандидат психологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры психологии Боджнордского университета, (Боджнорд, Иран). Сфера научных и профессиональных интересов: психопатология, психопатология личности, семейная психотерапия, терапия отношений для пар. E-mail: eslami@ub.ac.ir.

About the authors:

Salimi Abdolmaleki Kosar, PhD, is Assistant Professor of the Department of Foreign Languages, University of Bojnord (Iran). Spheres of research and professional interest: linguoculturology, translation studies, comparison of proverbs in different languages. E-mail: k.salimi@ub.ac.ir

Eslami Masume, PhD, is Assistant Professor of the Department of Psychology, University of Bojnord (Iran). Spheres of research and professional interest: Psychology, personality psychopathology, family psychotherapy, relationship therapy for couples. E-mail: eslami@ub.ac.ir.

* * *

"DRINK FOR THE SOUL": COFFEE TREE AND COFFEE AS A SYMBOL OF THE ARAB NATIONAL MENTALITY

E.V. Kukhareva

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia,
76, Vernadsky prospekt, Moscow, 119454, Russia

Abstract. In the complex geopolitical situation of the beginning of the 21 century and with the change of the vector of interests towards the countries of the East, attention to all aspects of the life of the peoples of these countries is increasing due to the urgent need to understand their cultures, lifestyle, and the world around them. These peoples are increasingly active in the international arena, their role in various fields is becoming more noticeable, and it is important to interact with them at various levels. To do this, it is necessary to know what this people lives by, what their priority is, what is important or secondary for them. The complexity of intercultural communication lies in the fact that the national character and mentality of representatives of different linguistic cultures is based on the existing realities of a particular people's life, its moral values and attitudes, through which various ethnic communities identify themselves and fix their place and purpose in this world. Symbols and images reflecting these ideas take either a material or verbal shell and convey an ethnic picture of the world of a particular people, which is completely different from the ideas of other ethnic groups about what surrounds them.

To understand a representative of another linguistic consciousness, mastering the vocabulary and grammar of a foreign language may not be accurate enough. Significant elements of language in their semantic part also contain an extra-linguistic component, the so-called background knowledge, which can be gleaned from the history, mythology, literature, folklore of the people with whom we are interacting. This extra-linguistic component, according to the author, is of great importance for understanding the national mentality and national character. It helps to identify other driving forces of the actions of different peoples in the process of intercultural communication, along with their political and economic interests.

In this article, the author considers one of the symbols of the national mentality of the Arabs – the coffee tree and its derivative – a coffee drink, which plays an important role in creating a national collective portrait of the Arabic society, as well as makes an attempt to show how and why they occupied such an important place in the Arab national consciousness.

Keywords: Arabs, Arabic language, mentality, customs and traditions, proverbs, sayings, symbol, ethics

For citation: Kukhareva E.V. (2022). "Drink for the soul": coffee tree and coffee as a symbol of the Arab national mentality. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 164–176. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-164-176>

«НАПИТОК ДЛЯ ДУШИ»: КОФЕЙНОЕ ДЕРЕВО И КОФЕ КАК СИМВОЛ АРАБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Е.В. Кухарева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В сложной геополитической ситуации начала XXI века и с изменением вектора интересов в сторону стран Востока возрастает внимание ко всем сторонам жизни народов этих стран, обусловленное насущной необходимостью понимания их культур, образа жизни, восприятия окружающего мира. Эти народы всё активнее выступают на международной арене, их роль в различных областях становится заметнее, и важно взаимодействовать с ними на различных уровнях. Для этого необходимо знать, чем живёт данный народ, что является для него приоритетом, что значимо для него, а что второстепенно. Сложность межкультурной коммуникации состоит в том, что национальный характер и менталитет представителей разных лингвокультур опирается на существующие реалии жизни того или иного народа, его нравственные ценности и установки, через которые различные этнические общности идентифицируют себя и фиксируют своё место и назначение в этом мире. Символы и образы, отражающие эти представления, принимают либо материальную, либо словесную оболочку и передают этническую картину мира того или иного народа, которая бывает совершенно не похожа на представления других этносов о том, что их окружает.

Чтобы понять представителя другого языкового сознания, овладение лексикой и грамматикой иностранного языка может оказаться недостаточным. Значимые элементы языка в своей смысловой части содержат также внеязыковой компонент, так называемые фоновые знания, которые можно почерпнуть из истории, мифологии, литературы, фольклора народа, с которым мы имеем дело. Этот внеязыковой компонент, по мнению автора, имеет огромное значение для понимания национального менталитета и национального характера. Он помогает выявить иные движущие силы действий разных народов в процессе межкультурной коммуникации наряду с их политическими и экономическими интересами.

В данной статье автор обращается к одному из символов национального менталитета арабов – кофейному дереву и его производному – кофейному напитку, играющему немаловажную роль в создании национального собирательного портрета представителя арабского общества, и делает попытку показать, как и почему они заняли столь важное место в арабском национальном сознании.

Ключевые слова: арабы, арабский язык, менталитет, обычаи и традиции, пословицы, поговорки, символ, этика

Для цитирования: Кухарева Е.В. (2022). «Напиток для души»: кофейное дерево и кофе как символ арабского национального менталитета. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 164–176. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-164-176>

Живя в окружении различных творений природы, человек обращает внимание на те из них, которые оказывают наиболее сильное влияние на его жизнь. С растениями и животными люди взаимодействуют больше всего, поэтому неслучайно они становятся тотемными животными или символами наиболее значимых для человека черт характера или нравственных норм.

Для арабо-мусульманской культуры национальными деревьями-символами стали пальма, олива, кофе, а для отдельно взятой страны – Ливана – кедр. Эти растения представлены в традициях и обычаях арабов, их фольклоре, религиозных воззрениях, мифах, сказках, пословицах, поговорках и других произведениях.

Выбор автора данной статьи пал на *кофейное дерево* – شَجَرَةُ النَّبِيِّ [шаджарат альбунни] как символ Йемена и *кофейный напиток* – قَهْوَةٌ [ках'утун] как символ арабского менталитета вообще. Используя описательный, культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный методы, лингвистический анализ различных выражений и текстов, автор стремится показать связь этого растения с менталитетом арабских народов. Автор убеждён, что такой лингвострановедческий подход к данной теме поможет приблизиться к пониманию чужого образа мысли, быстрее найти точки соприкосновения при взаимодействии с представителями и носителями иного языкового сознания и менталитета.

Однако прежде, чем перейти к рассмотрению сути темы – почему кофе стал выразителем национального менталитета и характера арабов, – следует, на наш взгляд, хотя бы коротко остановиться на вопросе, а что есть символ, национальный менталитет и национальный характер? Как они взаимосвязаны и как соотносятся с национальными особенностями различных арабских народов?

В «Философском энциклопедическом словарём» символ описан следующим образом: «Символ – это идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщённой, неразвёрнутой форме некоторое иное содержание.» [17, Символ]. Чтобы стать символом и частью социальной и культурной жизни, объект или явление окружающего мира должны использоваться человеком с определённой целью в познании и понимании окружающей действительности или в его деятельности.

В своей работе «Очерки античного символизма и мифологии» А. Ф. Лосев, русский и советский философ, исследователь античности, рассматривая различные концепции античного символизма западных философов и писателей, в частности одного из главных представителей немецкого идеализма Фридриха Шеллинга, так передал его видение символа: «... символ есть неразличимое тождество общего и особого, идеального и реального, бесконечного и конечного» [12, с. 13].

Таким образом, можно сказать, что символ – это *реальный* объект или явление окружающего мира, природные характеристики которого становятся *идеальным* отражением социальных явлений, личностных качеств, форм поведения человека в обществе, то есть получает то «общее и бесконечное иное содержание», оставаясь при этом самим собой. Символы возникают в процессе исторического развития общества, выработки чётких представлений о главных ценностях, моральных нормах, отражающих основные интересы этого общества, что лежит в основе формирования национального менталитета и проявляется в национальном характере.

Понятие «*национальный менталитет*» до сих пор не получило чёткого и однозначного определения. Словари так же, как и учёные, дают близкие, но не схожие формулировки. В соответствии с «Новым энциклопедическим словарём» *менталитет (ментальность)* рассматривается как «образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе» [13, с. 713]. Иностранские словари, в частности, французский толковый словарь «Le petit Robert» приводит определение менталитета как «совокупность представлений и образов, которая является основой образа мысли определённой общественной группы или отдельного индивида, связанного с ней» [19, с. 1070. Пер. Е.К.].

Доктор философских наук Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына А.А. Айтбаев в работе «Феномен национального менталитета» даёт своё определение этого яв-

ления: «Под национальным менталитетом следует понимать обусловленную историческими традициями, обычаями и общественными отношениями, форму национального самосознания, которая соответствует определённому уровню материального производства и является показателем дееспособности и духовной развитости нации, совокупностью тех или иных достоинств, социальных и эмоциональных психологических качеств людей, направленных на преобразование действительности» [1].

Однако ближе всего к пониманию автором такого феномена, как менталитет, стоит формулировка, данная доктором философских наук Е. А. Ануфриевым, который пишет, что «... Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой трудно поддающуюся изменениям устойчивую совокупность социально-психологических и духовно-нравственных качеств и черт, взятых в их органической целостности..., определяющих все стороны жизнедеятельности данной общности и составляющих её индивидов» [2, с. 450-451].

Что касается национального характера, то это, по мнению автора, эмоционально-психическая сторона (психический склад) реализации национального менталитета, основанного, как говорилось выше, на идеях, интересах, чувствах, моральных, религиозных, духовных ценностях того или иного народа.

Владимир Даль описывал характер вообще как «нрав человека, нравственные свойства, качества его, свойства души и сердца» [4, IV, с. 542]. А академик Д.С. Лихачёв не ставил под сомнение наличие национального характера, но писал: «Национальные черты нельзя преувеличивать, делать их исключительными. Национальные особенности – это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других... Они выясняются только при взгляде со стороны и в сравнении, поэтому должны быть понятны для других народов, они в какой-то другой аранжировке должны существовать и у иных» [11, с. 19-20]. Другими словами, чтобы иметь возможность оценить эти национальные черты, надо сравнивать их с тем, как воспринимает те же самые явления представитель другого народа.

Связь национального менталитета и характера с различными явлениями и объектами природы, в том числе деревьями, отражена в народных мифах, сказаниях, религиозных воззрениях, фольклоре, которые рассматривали в широком смысле А.Н. Афанасьев [3], Б.А. Рыбаков [14], [15]. О роли деревьев-символов в верованиях древних славян пишет российский историк и публицист Н. И. Костомаров [6]. О духовной связи культуры славян и их жизни с растениями речь идёт в книге В.В. Усачёвой [16].

Вопрос о том, как растения, в том числе деревья, превращаются в символы и отражают национальный менталитет и характер арабских народов, широко не рассматривался исследователями-арабистами. Определённые шаги в этом направлении были предприняты автором в ряде статей, например, «Значение языкового и внеязыкового компонентов арабских паремических единиц и речевых оборотов в процессе коммуникации на примере «кофейных традиций» [8], «Культура земледелия в арабских пословицах и поговорках» [9], «Лингвострановедческое значение понятий «пальма» и «финики» в арабских пословицах и поговорках» [10].

А это очень перспективная и интересная тема. Многочисленные арабские пословицы, поговорки, притчи рассказывают о разных деревьях и их значении в жизни людей. Однако, с другой стороны, можно заметить, что о некоторых деревьях-символах существуют десятки паремий, а о других трудно найти хоть какое-то упоминание в фольклоре.

Кофе. Кофейное дерево

Выбрав для своего исследования кофейное дерево как дерево-символ, автор привлекает внимание к тому, что само дерево изображено лишь на государственном флаге и гербе Йеменской Республики в виде ветви с плодами, но в арабском фольклоре, в том числе йеменском, мы находим высказывания, касающиеся *напитка*, сделанного из зёрен этого дерева – *кофе*. И хотя в мире в настоящее время во многих странах с подходящим климатом выращивают кофейные деревья, а некоторые государства, далёкие от Йемена, например, Бразилия, намного превосходят Йемен по

производству кофейных зёрен, история культивирования и производства кофе навсегда и неразрывно связана с этой арабской страной.

Вопрос о происхождении кофейного дерева до сих пор не до конца решён, но всё же большинство исследователей полагают, что родиной дикого кофе является Эфиопия. Что касается самого кофейного напитка, то по легенде в местечке Каффа один пастух по имени Калдим первым заметил, как козы, пожевав листочки какого-то дерева, становились игривыми и очень бодрыми. Он сообщил о своём наблюдении соплеменникам, в том числе настоятелю местного монастыря, который попробовал заваривать листья и ягоды этого растения и убедился в бодрящем эффекте полученного напитка. Священник счёл, что для поднятия тонуса монахов во время долгих молитв этот отвар будет весьма полезен. Эту историю относят к 850 году н.э. Однако никаких прямых доказательств на этот счёт нет.

Доподлинно неизвестно, но некоторые арабские источники указывают на то, что кофейные деревья выращивались в Йемене уже в 1100 году. Согласно другим источникам, первым, кто привёз из Эфиопии зёрна кофе в середине IX века по мусульманскому календарю, то есть в середине XV века по христианскому летоисчислению, был Али Омар аш-Шанили. С него начинается история этого напитка на Аравийском полуострове и странах Ближнего Востока. То, что кофе впервые попал в Йемен из Эфиопии и как напиток, и как сельскохозяйственная культура, вполне логично, так как связи Эфиопии и Южной Аравии известны по библейским сказаниям, эфиопским и арабским легендам ещё со времён царицы Савской и царя Соломона. Кроме того, первые мусульмане, которые на заре возникновения ислама были гонимы своими противниками, нашли убежище именно в христианской Эфиопии. А Пророк Мухаммед свои послания и предложения перейти в новую веру также направил в первую очередь эфиопам.

Что касается выращивания кофейных деревьев в Йемене, то заслуга в этом принадлежит, согласно ряду источников, религиозному деятелю из Адена, суфийскому йеменскому монаху Джамалдину ан-Набхани, который начал разводить кофе, вернувшись из своего путешествия по Эфиопии. Более всего в разведении кофейных плантаций отличился древний город Моха.

Кофе как напиток утвердился и получил большое распространение сначала в высших кругах йеменского общества, а потом стал любимым напитком всех йеменцев. Крестьяне начали культивировать кофейное дерево на гористых участках территории Йемена, тщательно оберегая свою монополию на торговлю кофейными зёрнами и секреты выращивания этого растения. Вывоз саженцев и плодородных бобов кофе был строго запрещён. Благодаря этому Йемен стал первым экспортером кофейных зёрен.

Говоря о кофе как о напитке, следует обратить внимание на этимологию этого слова. Поарабски кофе называется قَهْوَة [ках'уа]. Происходит оно от глагола قَهَى [кахийа], который означает «не хотеть, отвращать от чего-л.», например, от еды, «снижать аппетит». Великий арабский поэт Абу Нувас, живший в VIII-IX веке н.э., в своих стихах употреблял слова *ках'уа* и, более того, воспевал его. Это привело к ошибочному мнению, что Абу Нувас любил кофе. Но поэт умер задолго до того, как предположительно люди узнали о свойствах этого напитка, в 816 году н.э. поэт Абу Нувас был известен своими застольными стихами, прославлявшими пирушки и обязательного спутника этих собраний – вино. Живя в эпоху строгих шариатских правил, установленных аббасидскими правителями, Абу Нувас скрывал истинного героя многих своих произведений – вино – за ширмой эвфемизма «ках'уа» – «отвлекающего от еды, без неё доставляющего радость и удовольствие». Это привело к тому, что довольно долгое время вино называли «кофе Абу Нуваса».

Но вернёмся в Йемен. У жителей этой страны сложились особые ритуалы приготовления и питья кофе. Например, по йеменским правилам, прежде, чем пить кофе, надо хорошо вымыть руки и прополоскать рот, чтобы ощутить во всей полноте вкус этого великолепного напитка. В некоторых других арабских странах полоскание заменяют стаканом воды, которую пьют перед тем, как приступить к кофе. Процесс приготовления йеменского кофе не сильно отличается от повсеместно известного традиционного способа: зёрна прямо в оболочке обжаривают на противне, а затем измельчают в ступке специальным пестиком. Измельчённый кофе варят в турке

или кофейнике (поарабски – *إبريق* [ʾибрīк] или *دَلَّة* [далля]), дважды доводя до кипения. Это делает напиток густым и крепким. Но вот приправы придают йеменскому кофе необыкновенный вкус. Среди них могут быть соль, имбирь, гвоздика, сливочное масло и другие добавки, которые кладут в уже готовый кофе. Но есть в Йемене особый и, как считается, самый вкусный кофе, который называется *гышр* (от общеарабского *قَشْرَة*, *قَشْر*, [қишр, қишра] – *шкурка, кожура*). Его варят из подсушенной мякоти плодов кофе, что делает напиток больше похожим на компот из сухофруктов, чем на кофе, хотя кофеина в нём не меньше, если не больше, чем в традиционном напитке [18].

Из Йемена кофе (напиток) попадает в Мекку, в Сирию, Египет и распространяется по всему Ближнему Востоку. В середине XV века кофе завозят в Турцию, а с середины XVII века начинается его победоносное шествие по миру. В 1645 году с ним знакомятся в Венеции. В 1650 году кофе появляется в Англии, а в 1652 году один турок открывает в Лондоне первый кофейный магазин. Считается, что Йемен утратил свою монополию на производство кофе, когда предприимчивые голландские торговцы и миссионеры выкрали несколько кофейных саженцев и вывезли их на Яву и Суматру, которые в ту пору находились в зависимости от Голландии. С этого момента кофе начинают выращивать во многих странах мира с подходящим климатом. К XIX веку напиток из кофейных зёрен приобретает миллионы поклонников во всех уголках Земного шара и широко распространяется в Италии, Индонезии, Америке и других странах [5].

Однако следует отметить, что это победоносное шествие кофе не всегда проходило гладко. В 1511 году в Мекке была издана фетва (религиозное предписание в исламе), осуждающая кофе и тех, кто его пьёт, и запрещающая этот напиток, воздействие которого на организм человека, по мнению религиозных деятелей, сродни алкоголю. Однако любители кофе выступили против этого распоряжения, а после того, как учёные доказали, что кофе не влияет на сознание и разум человека пагубно, были изданы другие фетвы, разрешающие этот напиток [22].

Место, где с давних времён пили кофе поарабски, так и называется *قَهْوَة* [ках'а] – кофе или *مَقْهَى* [мақхан] – место, где подают кофе, кофейня. Чаще всего там собирались представители творческих профессий, юристы, преподаватели, газетчики и т.д. Неслучайно, например, в Египте с этими заведениями, да и с самим напитком, связаны известные имена, например, Аль-Афгани – мусульманского реформатора и политического деятеля XIX века; известного египетского писателя-романиста, лауреата Нобелевской премии по литературе 1988 года Нагиба Махфуза; Саада Заглула – египетского политического деятеля, премьерминистра Египта в 1924 года и др. Более того, почётное место кофеен, которое они занимают в арабском обществе, отмечено ещё и тем, что многие из них носили и носят имена собственные, например, «Каткут», «Альлива», «Алибаба» в Каире и т.д. В таких заведениях происходили и происходят жаркие споры либо обсуждение последних новостей, посетители с азартом играют в нарды или смотрят телевизор. Нередко в кофейню приходят музыканты, и тогда завсегдатаи могут приобщиться и к музыке, послушать народные песни. Другими словами, кофейни были и остаются важным элементом общественной жизни в арабских странах [26]. Таким образом, кофе становится символом творческого вдохновения, свободного политического и социального диалога, воплощением народного духа.

После небольшого экскурса в историю появления и распространения кофе в арабских и других странах мы вернёмся к вопросу о том, почему это дерево стало символом Йемена, а кофейный напиток – символом гостеприимства практически всех арабских стран без исключения.

Для этого рассмотрим взаимодействие и взаимовлияние языкового и внеязыкового содержания арабских выражений, которые отражают давние глубокие традиции, связанные с приготовлением, подачей и питьём кофе, как элементов национального сознания и менталитета арабов.

Кофе для арабов имеет огромное значение. Он символизирует гостеприимство, благородство, щедрость, истинный арабский характер. Если раньше таким символом было *верблюжье молоко*, то со временем оно уступило место кофе. Кофе подают всегда и везде. Его предлагают как гостям на званном приёме, так и клиенту магазина, если тому приходится ждать своей очереди.

Выше мы сказали, что кофе стал своего рода символом причастности к интеллигенции, поэтому не случайно, что многие представители творческих профессий в арабских странах посвящали кофе весьма проникновенные поэтические слова. Например, известный сирийский поэт Назар Каббани говорил: «Когда я пью с тобой кофе, я чувствую, что первое кофейное дерево было высажено ради нас». Ему же принадлежат и другие слова: «Кофе – это старенькая бабушка, добродушные внуки которой утром и вечером приходят её приветствовать, и я самый её большой почитатель» [28]. А знаменитый палестинский поэт и общественный деятель Махмуд Дервиш так описывал свои ощущения, когда он пил кофе: «Поэтому кофе – это то единственное вдумчивое молчание ранним утром, когда только ты сам лениво в одиночестве пригубляешь немного воды, находясь в созидательном мире с самим собой и окружающими вещами»; «Я хочу (вдыхать) запах кофе; я ничего не хочу, кроме запаха кофе; я каждый день хочу (чувствовать) запах кофе»; «Слова оскверняют первую чашку кофе, ибо она девственница раннего утра» [28]. Из этих высказываний видно, что арабами кофе воспринимается как образ самого любимого, близкого человека: возлюбленной, бабушки. Кофе – это аура, которая окружает человека, созерцающего как внешний, так и свой внутренний мир. Кофе – это чистое начало нового дня. Арабы никогда не спешат, наслаждаясь кофе. Всё это тесно связано с такими нравственными и поведенческими нормами арабского менталитета, как «не порывание родственных уз», неспешность, которая, согласно арабским представлениям о достоинстве и благородстве, *от Всевышнего*, в противовес *суетливости* и *спешке*, которые *от шайтана*. В фольклоре такое отношение к кофе нашло своё выражение в пословице: *أَلْفَهْوَةٌ سَمْرَاءٌ، لَكِنَّ بَثْبَيْضَ الْوَجْهِ* [’Аль-ках’а самра’ ъа лякин бтубайид ль-’аджх] – «Чёрный кофе радует людей» (букв.: «Кофе – чёрный, делает лица белыми») [25, с. 610]. В этом выражении присутствует оборот «сделать лицо белым» или «выбелить лицо», что означает «его лицо просветлело; он обрадовался». Это вполне соответствует чувствам Махмуда Дервиша, радующегося аромату кофе, во время употребления которого он расслабляется и отдыхает.

Кофе настолько вошёл в быт арабов, что они не мыслят жизни без него. Согласно высказыванию Назара Каббани, день большинства арабов начинается и заканчивается чашечкой кофе. Это обстоятельство отразилось в арабских пословицах: *أَلْفَهْوَةٌ رَءِيسَةٌ* [’Аль-ках’а за’има] – «Кофе – всему голова» [25, с. 610], *فَوْتُ رَحْلَةٍ مَصْرٍ وَلَا تَفَوْتُ قَهْوَةَ الْعَصْرِ* [Фа’ўит рихлят маср ъи лā тфа’ўит қах’а ль-’аср] – «Лучше пропустить поездку в столицу, чем пропустить вечерний кофе», *أَلْفَهْوَةُ عَزِيمَةٌ* [’Аль-ках’а ‘азима] – «Кофе – повод для встречи» [25, с. 610]. Если провести лингвистический анализ первой пословицы, то в ней присутствует слово *за’им*, означающее *лидер, вождь*. Это может свидетельствовать о том, что кофе, выпитый с утра, придаёт человеку силы, ведёт за собой. Во второй пословице вечерний кофе ставится выше поездки в столицу. После трудового дня арабы предпочитают неспешное времяпрепровождение за чашечкой кофе страху опоздать на поезд, отбывающий в столицу. В этой пословице мы снова видим их отношение к ритму и течению жизни: *неспешность, самоуважение* – вот достоинства человека. Ещё в одной пословице кофе обозначен словом ‘азима, что переводится как *намерение, решимость, приглашение*. Иначе говоря, кофе – это хороший повод встретиться, побеседовать, установить отношения или провести время с близким человеком.

Однако, обращает на себя внимание тот факт, что ни *кофейное дерево*, ни тем более *кофе в виде напитка*, в отличии от пальмы, оливы, кедра, не упоминается ни разу ни в Библии, ни в Коране, ни в Хадисах, что даёт основание полагать, что народы Ближнего Востока, как минимум, до IX века н.э., когда, согласно легенде, впервые были открыты тонизирующие свойства этого растения, а то и позже, не знали этого растения, по крайней мере, в том качестве, в котором оно известно нам в настоящее время.

Символизм и значимость кофе легли в основу закрепившихся не только в речевых оборотах, но и в поведении, традиций и обычаев.

Среди таких традиций можно назвать обязательную троекратную подачу кофе гостю. И это не случайно. Смысл этой традиции глубоко символичен. Кофе – продукт недешёвый даже в наше время. А в прошлом он был и того дороже. Его выращивание, сбор, транспортировка

в древние времена требовала больших усилий и затрат. Поэтому, предлагая гостю крепкий чёрный кофе, хозяин подчёркивал и сейчас подчёркивает своё уважение и расположение к посетителю. Каждая подача в древности имела свой глубокий смысл, который выражается в пословице: **لِلسَّيْفِ الْفُنْجَانُ الْأَوَّلُ لِلضَّيْفِ، وَالثَّانِي – لِلْكَيْفِ وَالثَّلَاثُ** [’Аль-финджан ’аль-’ау’уаль ли-д-дейф ’а-с-сāнī ли-ль-кейф ’а-с-сāлис ли-с-сейф] «Первая чашка кофе для гостя. Вторая для удовольствия, а третья для меча». В ней отражены слова, которыми бедуины сопровождали каждую подачу кофе: «Для гостя» (ли-д-дайф); «Для удовольствия» (лиль-кайф) и «Ради меча» (ли-с-сайф). В этой церемонии существовали и существуют свои негласные, но строгие и весьма символические правила. Отказ от первой чашки – это оскорбление хозяину. Это означает, что перед ним враг, пришедший не с мирными намерениями [21]. Такая трактовка первой чашки кофе вполне соответствует древнему восприятию кофе как символу противоборства и победы над врагом, учитывая дороговизну и значимость этого напитка. В бедуинском обществе существовала такая традиция. Когда предстояла битва враждующих племён, то вожди этих племён обращались к своим воинам с вопросом: «مَنْ يَشْرَبُ فِنْجَانَ فُلَانٍ؟» [Ман йашрабу финджана фуланин] – «Кто выпьет кофе такогото?». При этом обычно упоминалось имя одного из наиболее известных и сильных противников. Тот, кто возлагал на себя эту обязанность, говорил: «أَنَا أَشْرَبُ فِنْجَانَهُ» [’Анā ’ашрабу финджанаху] – «Я выпью его кофе». Символизм данного обычая заключался в том, что победа или поражение воина, давшего такую клятву, означали победу или поражение и позор не только его самого, но и всего его рода или племени [24]. А честь, будь то личная или рода, её сохранение и защита – одна из непреходящих нравственных ценностей в арабском, особенно бедуинском, обществе. Недаром существует пословица: **الْأَنْزَارُ وَلَا الْعَارُ** [’Ан-нār ’а лā ль-’аār] – «Лучше гореть в огне, чем жить в позоре» [7, с.138]

Кроме того, взять, но не пить первую чашку сразу принято при наличии какой-то просьбы или дела, с которыми гость пришёл к хозяину. Наиболее распространённая причина подобного поведения *сватовство*. Гости со стороны жениха отставляют предложенную чашку кофе и ждут, пока хозяин не даст ответ. Слова: **إِشْرَبُوا قَهْوَتَكُمْ حَيَّاكُمْ اللَّهُ** [’Ишрабū ках’уатакум хаййākум ’Алла] – «Пейте кофе. Дай Бог вам долгой жизни» – символизируют положительный ответ. После этого гости выпивают свой кофе, и дальнейший ритуал уже входит в традиционное русло. Такие обычаи распространены в Иордании и некоторых районах Сирии [26].

Прежде, чем перейти к символике других чашек кофе, следует упомянуть, что в Арабских Эмиратах существовала ещё одна чашка – **لِلْهَيْفِ** [ли-ль-хейф] – «за знойный ветер», которая не предлагалась гостю. Эта была самая первая чашка, которую выпивал хозяин, чтобы гости были спокойны: кофе не отравлен. Слово *хейф* восходит к глаголу **هَافَ** [хāфа] – «убегать, удира́ть». По-видимому, символический смысл этой чашки кофе заключался в том, что, выпивая её, хозяин как бы стремился «убежать» от позора, который неминуемо будет преследовать не только его, но весь его род, если с гостем что-то произойдёт во время визита к нему. А сохранение чести, как мы уже говорили выше, один из столпов и моральных принципов, характерных для арабского менталитета. В настоящее время эта чашка выпивается хозяином, чтобы удостовериться в качестве подаваемого кофе [20].

Вторую чашку кофе предлагают для поддержания общения, для приятной беседы, то есть, «для удовольствия» («Ли-ль-кейф»). Гость всегда может от неё отказаться, не оскорбляя при этом хозяина. Эта чашка действительно является *чисто символической*, поддерживающей сложившиеся традиции и не имеющей какого-то скрытого значения.

А вот *третья* чашка кофе – «для меча», – была наполнена глубоким смыслом и являлась символом тесного, практически кровного, союза гостя и хозяина. Для этой чашки арабы, особенно бедуины, готовили самый крепкий кофе. Выпивая этот кофе, от которого, впрочем, можно было отказаться, гость заключал с хозяином дома своего рода союзный договор, по которому он брал на себя обязательства быть со своим союзником вместе и в мирное, и в военное время. Теперь у того, кто выпил чашку «для меча», и хозяина дома были одни и те же враги и друзья, даже если среди врагов оказывались родственники гостя, а друзьями становились его враги. Безусловно, в

современном арабском обществе третья подача кофе уже не рассматривается как символ заключения некоего весьма сурового в своих правилах союза. Это – дань традиции, сохраняющейся и в наши дни. При этом следует отметить, что троекратная подача кофе – это обязательный минимум, которым не ограничивается приём гостей. Кофе могут предлагать и большее количество раз. Но это чаще происходит в кругу родственников и близких друзей [26].

Обычно арабы подают гостям крепкий хороший чёрный кофе – مُرَّة [мурра] – горький или سَادَة [сāда] – простой (без сахара). Причём кофе мурра является привилегией мужчин, о чём гласит арабская пословица: وَالْحَلْوَةُ لِلْسَيِّئَاتِ وَالسَّادَاتُ لِلْسَّادَاتِ [ʾАс-сāда ли-с-сādāt ʾа ль-хильʾа ли-с-ситāt] – «Чёрный (кофе) для мужчин, а сладкий для женщин» [18]. Подтверждением этой традиции могут служить слова сирийского писателя и поэта Надира аз-Зааби, обращённые к его возлюбленной: «Прошу тебя, не являйся мне в мыслях, когда я пью кофе, ведь я всё ещё люблю (пить) его без сахара» [27].

А вот подача кофе хилва (сладкого, с сахаром) в мужском обществе может являться формой отказа предложить гостю кофе вообще или проявлением скупости или неуважения к человеку, знаком плохого воспитания. Только не уважающий традиции человек может сказать: بَلَّاشْ بِالْمُرَّةِ فَهْوَةٌ جَلْوَةٌ وَلَا مُرَّةٌ وَلَا [Қахʼи хильʼа ʼила мурра ʼиллә балаш бильмарра] – «Если кофе слабый, а не крепкий, то зачем он вообще» [25, с. 610]. Почему же эта пословица символизирует скупость и неучтивость? Во-первых, мы уже говорили, что кофе недешёвый продукт. Готовя чёрный, не разбавленный кофе, человек подчёркивает своё уважительное отношение к гостю, словно говоря, что для гостя ему ничего не жалко. А предлагая сладкий, разбавленный напиток, хозяин демонстрирует некое пренебрежительное отношение к визитёру. Во-вторых, выше говорилось, что кофе с сахаром предлагают, как правило, женщинам. То есть, слабый, сладкий кофе, предложенный гостю, может восприниматься как неуважение и даже оскорбление. Однако подобное поведение не характерно для арабов, поскольку скупость и пренебрежение к гостю считаются одними из самых порицаемых черт человеческого характера.

Арабы полагают, что качественный кофе можно приготовить лишь при соблюдении традиционных правил. Всё должно делаться вручную с использованием проверенных веками приспособлений для обжарки, помола и варки напитка. В любых условиях, при любом достатке хозяйке желательно иметь в хозяйстве три основных предмета для ручного приготовления кофе, сохранивших свой вид, предназначение и названия на протяжении многих веков. Это – сковородка для обжаривания зёрен (مِخْمَصَةٌ [михмаса]), ступка (طَاحُونَةٌ [тāхūна]) и пестик (مِدْقَةٌ [мидакка]) для ручного их измельчения и специальный чайник (кофейник) для варки кофе (إِبْرَيْقٌ [ʼибрйқ] или دَلَّةٌ [далля]). Неслучайно арабская пословица гласит: الْقَهْوَةُ حَمَاصَهَا لَطِيفٌ وَدَقَاقُهَا خَفِيفٌ، وَشَرَابُهَا كَيْفٌ [ʼАль-қахʼа хамасха латйф, дақакха хафйф ʼа шарабха кеййф] – «Хороший кофе – это тот, который хорошо обжарен, мелко помолот и пьётся с удовольствием» [25, с. 609]. Конечно, в современных условиях для быстроты приготовления кофе люди широко пользуются современными мельницами для измельчения кофейных зёрен, кофеварочными машинами и уже обжаренными промышленным способом зёрнами.

Во многих пословицах и поговорках про кофе мы можем найти отражение различных способов приготовления этого напитка и даже отношение разных социальных групп друг к другу. Например, жители городов критически смотрят на то, как готовят кофе бедуины, иронично описывая их методы: الْقَهْوَةُ الْمُرَّةُ بِنَارِهَا نَارُهَا [ʼАль-қахʼи ль-мурра бхārха нарха] – «(Для бедуина) крепость кофе заключается в огне» [25, с. 610]. Дело в том, что в бедуинских представлениях кофе становится более насыщенным и крепким, если его долго варить на открытом огне. Однако для большей части любителей кофе в арабских странах более правильным видится другой подход: بِالرَّمِيْشِ وَالنَّارِ بِالْحَرْفِيْشِ الْقَهْوَةُ [ʼАль-қахʼа би-р-рмйш ʼа-н-нар би-ль-харфйш] – «Для кофе – зола, а для огня – щепки» [25, с. 609]. То есть, кофе надо готовить, ставя кофейник или турку на тлеющие угли, а не на открытый огонь, который даёт слишком сильный жар.

Другими словами, качество напитка заключается в правильности его приготовления – от выбора кофейного зерна до варки напитка. В Арабских Эмиратах говорят: «الْقَهْوَةُ بِنْتٌ حُمُّصَاتِهَا» [’Аль-ках’уа бинт хуммусатиха] – «Кофе (напиток) дитя его зерна» [23].

Традиции подачи кофе не меняются на протяжении веков, независимо от того, городской ли житель, сельский или бедуин принимают гостей. Как правило, хозяин сажает гостя на почётное место или по правую руку от себя. Сам процесс подачи кофе происходит с соблюдением чётких и строгих правил. Кофе начинают подавать с гостя, находящегося с правой стороны, и продолжают двигаться в левую сторону. Иногда предлагают кофе сразу почётному гостю, где бы он ни сидел, но от него всё равно продолжают движение *справа налево*. Поэтому, чтобы не нарушать этого правила и в соответствии с традицией охватить всех гостей, кофе разносит не один человек, а несколько. Человек, подающий кофе, берёт чашку **всегда правой рукой**. Гость принимает её *правой* рукой. Чем обусловлено такое правило?

Следует отметить, что правая сторона имела и имеет преимущество как в традициях арабов, так и в исламе вообще. Правая сторона считается *чистой*. Правой рукой едят, пьют, одеваются с правой стороны, в помещение пророк Мухаммед рекомендовал входить с правой ноги. Левая сторона – *нечистая*. Мусульмане считают, что шайтан всё делает левой рукой и что все *нечистые* дела (раздевание, сморкание, омовение после туалета, выход из помещения) тоже совершаются левой рукой или слева. Интересно, что слово **يَمِينٌ** [йамйн] – *правый* восходит к глаголу **يَمُنُّ** [йамуна] – *быть счастливым, благословенным*. От этого значения происходит название Йемена, который римляне называли Arabia Felix – «Счастливая, или Плодородная Аравия». А арабский глагол **يَمُنُّ** [йаммана] означает «идти направо». Возможно, такое значение возникло от того, что если встать лицом к востоку в арабских странах Машрика, то как раз, чтобы попасть в Йемен, надо ехать как бы *направо*, на юг. Кроме того, слово **يَمِينٌ** [йамйн] означает также *клятву, присягу*. Когда арабы заключали договор, то они обхватывали правую руку. Такое понимание значения правой стороны нашло своё отражение в пословице: **الْيَمِينُ وَلَوْ أَبُو زَيْدٍ عَلَى الشِّمَالِ الْقَهْوَةَ عَنْ** [’Аль-ках’уа ‘ани ль-йамйн ‘а ла’у ’Абу Зейд ‘ала ш-шималь] – «Кофе с правой руки, даже если Абу Зейд¹ – по левую» [25, с. 610]. В русской традиции также присутствует подобное разделение. Когда у человека плохое настроение, русские говорят: «Встал с левой ноги». Любое неблагоприятное дело также характеризуется словом левый: «Пошёл налево» (о супружеской измене), «Гнать левак» (заниматься незаконными операциями) и т.д.

Кофейные традиции арабов включают не только то, что непосредственно связано с приготовлением, подачей и употреблением самого кофе, но и с сопутствующими моментами. Например, в Египте, Сирии, Иордании, Ливане спутником кофе является курение. Чаще всего это *кальян* или по-арабски **شيشة** [шйша]. Такое пристрастие арабов к курению нашло своё отражение в арабских пословицах: **قَهْوَةٌ بِلَا دُخَانٍ مِثْلُ الْبَيْتِ بِلَا صُبْيَانٍ** [Қах’уа билә духан миль ль-бейт би-лә сиб’йән] – «Кофе без курения, что дом без детей» или **دُخَانٌ بِلَا قَهْوَةٍ كَرَاعِي بِلَا فَرْوَةٍ** [Духан билә қах’уа ка-рә’ий би-лә фар’ә] – «Курение без кофе, что настух без меха» [25, с. 609]. Но не везде употребление кофе сопровождается курением. Например, в странах Персидского залива и Йемене вместо кальяна гостям предлагают финики, что-бы подсластить крепкий кофе. Например, *ках-ва мурра* (горький) йеменцы употребляют вприкуску с финиками. Если гость при этом попросит воды, чтобы разбавить напиток, то такая просьба будет считаться оскорблением для хозяина. Для него это будет сигналом, что его кофе не понравился гостю. Обычно воду приносят перед подачей кофе, чтобы, выпив её перед кофе, гость смочил горло и смягчил крепость кофейного напитка и насладился его вкусом, о чём мы уже упоминали выше.

¹ Абу Зейд Хилали – герой эпоса аравийского племени Бени Хилал. Это племя переселилось в Северную Аф-рику, найдя новую родину в Магрибе. По преданию, Абу Зейд был храбрым, щедрым и великодушным человеком. Везде ему оказывали радушный приём, и везде его принимали как почетного гостя.

Проведённый сравнительный анализ представленного материала позволяет сделать некоторые выводы:

– кофейное дерево, не известное древним арабам доисламского периода и практически до XV века н.э., стало символом Йемена, заняв почётное место в виде ветви *кофейного дерева* с ягодами кофе на флаге и гербе Йеменской Республики, которая стала родиной кофе как сельскохозяйственной культуры, где его впервые начали разводить, и как напиток, откуда он пошёл завоёвывать мир, и без которого люди уже не мыслят жизни не только в арабских странах, но и в других государствах на всех континентах;

– кофе для арабов как в Йемене, так и в других странах Ближнего Востока и Северной Африки, стал символом гостеприимства, щедрости и великодушия, способом установить и поддерживать отношения, приятным поводом для общения, что отражено в многочисленных пословицах и поговорках, высказываниях известных людей, в то время как само кофейное дерево, процесс и методы его выращивания не нашли отражения в фольклоре;

– пословицы и поговорки о кофе чаще всего являются общеарабскими, но иногда имеют региональную окраску (Египет, страны Персидского залива). Однако самое большое количество пословиц и поговорок о кофе отмечается в Палестине и Сирии;

– основные традиции, связанные с приготовлением кофе от выбора и подготовки зёрен до варки кофе, подачи его гостям, а также набор приспособлений для этого характерны для всех арабских стран. Наиболее распространённым на Арабском Востоке видом кофейного напитка является крепкий чёрный кофе, хотя в каждой стране существуют местные виды напитка (например, *гымшр* в Йемене), которые придают кофе национальный колорит. Национальный характер при употреблении кофе проявляется в тех предпочтениях, которые арабы отдают в процессе питья кофе. Например, курению или финикам.

* * *

Завершая статью, хотелось бы сказать ещё раз, что люди, являясь частью природы, стремятся найти в ней опору для своего понимания окружающей действительности, своих представлений о нормах морали и личностных качествах, своих традиций и обычаев. И они часто находят её в тех объектах природы, с которыми постоянно взаимодействуют, или которые становятся важным атрибутом их повседневной жизни, символом главных черт национального характера и национального менталитета. Таковым созданием природы и национальным символом и предстаёт в сознании арабских народов – *кофейное дерево* и его детище – *кофе*.

© Кухарева Е.В. 2022

Список литературы

1. Айтбаев, А.А. Феномен национального менталитета. [Электронный ресурс] / [URL]: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-natsionalnogo-mentaliteta/viewer>.
2. Ануфриев Е.А. Политический менталитет как фактор общественной жизни/ Е.А. Ануфриев// Политология. Курс лекций. М, 1999. С. 446-457.
3. Афанасьев, А. Н. Древо жизни. Москва: Современник, 1982. 464 с.
4. Даль В.И. (1801-1872). Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: [в 4-х т.] / Владимир Даль. 8-е изд. Москва: Русский яз., 1981-1982. факс.; 21 см.
5. История кофе. Легенды о происхождении кофе [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_кофе (Дата доступа 09.07.2022)
6. Костомаров Н. И. Славянская мифология / Н. И. Костомаров. М.: Издательство Юрайт, 2019. 667 с. (Серия: Антология мысли).
7. Кудрявцев Ю.Н. Учебное пособие по алжирскому диалекту / Ю.Н. Кудрявцев . М.: МГИМО, 1987. 249с.
8. Кухарева Е.В. Значение языкового и внеязыкового компонентов арабских паремических единиц и речевых оборотов в процессе коммуникации на примере «кофейных традиций»/ Е.В. Кухарева // Профессионально ориентированное

- обучение иностранному языку и переводу в вузе: Материалы международной конференции. Москва, 23-25 марта 2010. М: РУДН, 2010. 624с. С.285-291.
9. Кухарева Е. В. Культура земледелия в арабских пословицах и поговорках/ Е.В. Кухарева // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Тринадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению: Сб. статей в 2-х ч./ Отв. Ред. Л.Г. Веденина. Ч.П. М.: Издательство МГИМО-Университет, 2016. 272 с. С. 79-91
 10. Кухарева Е. В. Лингвострановедческое значение понятий «пальма» и «финики» в арабских пословицах и поговорках [Текст] / Е. В. Кухарева // Научные исследования: от теории к практике: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 24 июля 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 249–254.
 11. Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984. 64 с.
 12. Лосев А. Ф.. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Наука, 1993. С. 635.
 13. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. Энцикл.: Рипол Классик, 2002. 1455с.
 14. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков; АН СССР, Отд. истории, Ин-т археологии. Москва: Наука, 1987. 782, [1] с., [2] л. ил.
 15. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян [Текст] / Б. А. Рыбаков. Москва: Акад. проект, 2013. 638, [1] с.: ил. (Древняя Русь: Духовная культура и государственность).
 16. Усачёва В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.
 17. Философский энциклопедический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2009. 568, [1] с.; 25 см. (Библиотека словарей "ИНФРА-М"). Символ.
 18. Чем знаменито производство йеменского кофе? [Электронный ресурс]. – URL: <https://cupstea.ru/vidy-kofe/jemenskiy.html> (Дата доступа 09.07.2022).
 19. Le petit Robert (Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. Sec. gén. de la rédaction Alan Rey/Paris: SOCIÉTÉ DU NOUVEAU LITTRÉ, 1972. 1980 p.
 20. Амсаль шаабийа ани ль-кахва [Народные пословицы о кофе] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.almr-sal.com/post/870327> (Дата доступа 19.06.2022).
 21. Асма фанаджили ль-кахва инд аль-араб [Названия чашек кофе у арабов] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://rattibha.com/thread/1276121159071944704> (Дата доступа 08.07.2022).
 22. Аль-кахва фи т-тариих [Кофе в истории] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://hjeen.com/coffee-in-history/> (Дата доступа 28.06.2022).
 23. Аль-кахва ль-имаратийа. Мазак аль-карам ва с-самр [Кофе в Эмиратах. Вкус щедрости и беседы] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alkhaleej.ae/ملحق/الفهوه-الإماراتية-مذاق-الكرم-والسمير> (Дата доступа 15.05.2022).
 24. Аль-кахва фи с-скафа ль-арабия ва ш-шаабийа [Кофе в араб-ской и народной культуре] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.folkculturebh.org/ar/index.php?issue=11&page=article&id=71> (Дата доступа 10.07.2022).
 25. Любани, Хусейн Али. Муаджим аль-амсаль аль-филастынийа [Сборник палестинских пословиц]. Бейрут: Мактаба Любнан наши-рун, 1999. 938с.
 26. Аль-махахи ат-тарихийа ль-мисрийа... Сирр с-саврат ва саниат с-скафат аш-шаабийа. [Египетские исторические кофейни. Секрет революций и мастерская народной культуры] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://raseef22.net/article/15195-historical-egyptian-cafes> (Дата доступа 09.07.2022).
 27. Минха финджаль ль-хейф ва ль-кейф... Аль-кахва ль-арабийа тахулли кадайа ль-маджалис раиифийа би-Сина. [Чаша избежания и удовольствия. Арабский кофе решает проблемы во время встреч на Синае] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elbalad.news/5224298> (Дата доступа 09.06.2022).
 28. Хикам ани ль-кахва ва амсаль ва акваль ани ль-кахва [Афориз-мы, пословицы и поговорки о кофе] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.7srey.com/حكم-عن-الفهوه-امثال-واقوال-عن-القهوه/> (Дата доступа 25.06.2022).

References

1. Ajtbaev, A.A. Fenomen natsional'nogo mentaliteta. [The phenomenon of national mentality] [Electronic resource] /, cyberleninka.ru/article/n/fenomen-natsionalnogo-mentaliteta/viewer (accessed 09.07.2022).
2. Anufriev, E.A. Politicheskiy mentalitet kak faktor obshchestvennoy zhizni [Political mentality as a factor of public life] / E.A. Anufriev// Politologi-ia. Kurs lektsij. M. 1999. P. 446-457.
3. Afanas'ev, A. N. Drevo zhizni [Tree of Life]. Moskva: Sovremennik, 1982. 464 p.
4. Dal', V.I. (1801-1872). Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Tekst]: [v 4-h t.] [Explanatory dictionary of the living Great Russian lan-guage] / Vladimir Dal'. 8-e izd. Moskva: Russkiy iaz., 1981-1982. faks.; 21 sm.
5. Istoriia kofe. Legendy o proiskhozhdenii kofe [The history of coffee. Leg-ends about the origin of coffee], ru.wikipedia.org/wiki/Istoriya_kofe (accessed 09.07.2022).
6. Kostomarov, N. I. Slavianskaia mifologiya [Slavic mythology] / N. I. Kostomarov. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. 667 p. (Seriya: Antologiya myslj).
7. Kudryavtsev, Yu.N. Uchebnoe posobie po alzhirskomu dialektu [Text-book on the Algerian dialect] / Yu.N. Kudryavtsev. M.: MGIMO, 1987. 249p.
8. Kukhareva, E.V. Znachenie iazykovogo i vneiazykovogo komponentov arabskikh paremicheskikh edinit i rechevykh oborotov v processe kommu-nikatsii na primere «kofeinykh traditsiy» [The meaning of linguistic and extra-linguistic components of Arabic paremic units and speech turns in the process of communication on the example of "coffee traditions"] / E.V. Kukhareva // Professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannomu iazyku i perevodu v vuze: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Moskva, 23-25 marta 2010. M: RUDN, 2010. 624p. P.285-291.

9. Kukhareva, E. V. Kul'tura zemledeliia v arabskikh poslovitsakh i pogo-vorkakh [Culture of agriculture in Arabic proverbs and phrases] / E.V. Kukha-reva // Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiia obucheniia. Tri-nadtsaty mezhvuzovskiy seminar po lingvostranovedeniui: Sb. statei v 2-h ch./ Otv. Red. L.G. Vedenina. CH.II. M.:Izdatel'stvo MGIMO-Universitet, 2016. 272 p. P. 79-91.
10. Kukhareva, E. V. Lingvostranovedcheskoe znachenie poniaty «pal'ma» i «finiki» v arabskikh poslovitsakh i pogovor-kakh [Tekst] [Linguistic and cul-tural significance of the concepts "palm" and "dates" in Arabic proverbs and sayings] / E. V. Kukhareva // Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike: ma-terialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (CHEboksary, 24 iulia 2015 g.) / red-kol.: O. N. SHirokov [i dr.]. CHEboksary: CNS «Interaktiv plyus», 2015. P. 249–254.
11. Likhachev, D. S. Zametki o russkom [Notes on Russian]. 2-e izd., dop. M.: Sov. Rossiia, 1984. 64 p.
12. Losev, A. F. Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii [Essays on an-cient symbolism and mythology]. M.: Nauka, 1993. 635 p.
13. Novy entsiklopedicheskiy slovar' [New Encyclopedic dictionary]. M.: Bol'shaia Ros. Entsikl.: Ripol Klassik, 2002. 1455 p.
14. Rybakov, B. A. Iazychestvo drevney Rusi [Paganism of Ancient Russia] / B. A. Rybakov; AN SSSR, Otd-nie istorii, In-t arkh-eologii. Moskva: Nauka, 1987. 782, [1] p., [2] l. il.
15. Rybakov, B. A. Iazychestvo drevnikh slavian [Tekst] [Paganism of the an-cient Slavs] / B. A. Rybakov. Moskva: Akad. proekt, 2013. 638, [1] p.: il. (Drevniaia Rus': Dukhovnaia kul'tura i gosudarstvennost').
16. Usachyova, V. V. Magiia slova i deistviia v narodnoi kul'ture slavian [Magic of words and actions in the folk culture of the Slavs]. M.: Institut slavi-anovedeniia RAN, 2008. 368 p.
17. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dic-tionary]. Moskva: INFRA-M, 2009. 568, [1] p.; 25 sm. (Biblioteka slovar' "INFRA-M"). Simvol.
18. Chem znamenito proizvodstvo jemenskogo kofe? [What is the famous production of Yemeni coffee?], cupstea.ru/vidy-kofe/jemenskij.html (accessed 09.07.2022).
19. Le petit Robert (Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française. Sec. gén. de la rédaction Alan Rey/Paris: SO-CIÉTÉ DU NOUVEAU LITTRÉ, 1972. 1980 p.
20. Amsal' shaabija ani l'-kahva [Naradnye poslovicy o kofe] [Proverbs about coffee] (arab.), www.almsal.com/post/870327 (ac-cessed 19.06.2022).
21. Asma fanadzihli l'-kahva ind al'-arab [Nazvaniya chashek kofe u arabov] [Names of Arab coffee cups] (arab.), ratti-bha.com/thread/1276121159071944704 (accessed 08.07.2022).
22. Al'-kahva fi t-tariih [Kofe v istorii] [Coffee in History] (arab.), hjeen.com/coffee-in-history/ (accessed 28.06.2022).
23. Al'-kahva l'-imaratiya. Mazak al'-karam va s-samr [Kofe v Emiratah. Vkus shchedrosti i besedy] [Coffee in the Emirates. The taste of generosity and conversation] (arab.), www.alkhaleej.ae/"مذاق-الكرم-والسمر/ملحق" (accessed 15.05.2022).
24. Al'-kahva fi s-skafa l'-arabiya va sh-shaabija [Kofe v arab-skoj i narod-noj kul'ture] [Coffee in Arabic and popular culture] (arab.), www.folkculturebh.org/ar/index.php?issue=11&page=article&id=71 (accessed 10.07.2022).
25. Lyubani, Husejn Ali. Muadzhim al'-amsal' al'-filastynija [Collection of Palestinian proverbs] [Sbornik palestinskikh poslo-vits]. Bejrut: Maktaba Lyubnan nashirun, 1999. 938 p.
26. Al'-makahi at-tarihija l'-misrija...Sirr s-savrat va saniat s-skafat ash-shaabija. [Egipetskie istoricheskie kofeini. Sekret revoli-utsiy i masterskaia narodnoy kul'tury] [Egyptian historical coffee shops. The Secret of Revolu-tions and the workshop of folk culture] (arab.), raseef22.net/article/15195-historical-egyptian-cafes (accessed 09.07.2022).
27. Minha findzhal' l'-hejf va l'-kejf...Al'-kahva l'-arabiya tahullu kadaja l'-madzhalis raiifija bi-Sina. [Chasha izbezhanii i udo-vol'stviia. Arabskiy kofe reshaet problemy vo vremia vstrech na Sinae] [The Cup of avoidance and pleasure. Arabic coffee solves problems during meetings in Sinai] (arab.), www.elbalad.news/5224298 (accessed 09.06.2022).
28. Hikam ani l'-kahva va amsal' va akval' ani l'-kahva [Aforizmy, poslovit-sy i pogovorki o kofe] [Aphorisms, proverbs and sayings about coffee] (arab.), www.7srey.com//عن-القهوة-امثال-واقوال-عن-القهوة (accessed 25.06.2022)

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Кухарева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока ФГАОУ ВО МГИМО МИД России, научные интересы: преподавание арабского языка, арабский фольклор, лингвокультурология; e-mail: elena_koukhareva@mail.ru

About the author:

Elena Koukhareva, Candidate of Philological Sciences, is Docent, Associate Professor of the Department of Languages of the Near and Middle East of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, research in-terests: teaching Arabic, Arabic folklore, linguoculturology; e-mail: elena_koukhareva@mail.ru

* * *

WORDPLAY IN SPANISH ADVERTISING DISCOURSE

Anna V. Makarycheva, Ekaterina V. Smirnova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article comprehensively studies such a stylistic device as wordplay in advertising discourse on the example of the Spanish language. The main purpose of the study was to study the wordplay techniques in the Internet advertising banners, which in recent years have gained most popularity among potential consumers compared with other types of advertising, as well as to identify those that are most frequently used. The objectives of the study were to find, systematize and classify examples of wordplay, determine the frequency of their use, as well as their compatibility and reinforcement potential in conjunction with visual means. To achieve the goals set, a significant layer of Spanish-language advertising on the Internet was analyzed from both Spanish and Latin American sites; the most striking and illustrative examples were selected and classified, and ranked according to the frequency of their use. In many advertising banners on the Internet was revealed a reference to the cultural and social realities of Spanish-speaking countries, their national color, features, which allows one not only to better understand the realities of Spanish-speaking countries, but also the value orientations of local goods and services consumers. On the basis of the conducted research, it was found that the most striking and most commonly used wordplay techniques are dilogy and pun, whereas paronomasia, diaphora and folding word are less common. Quite rare in advertising are antimetaboles and acrostics, as well as palindrome, which is explained by their least expressiveness and attractiveness to the consumer. The material has proved that wordplay in the language of advertising is one of the key aspects in creating advertising texts on the Internet, since, in combination with visual means, this technique creates a strong emotional impact, draws the consumer's attention to the advertised product and contributes to its better implementation, which is the advertisers' goal.

Keywords: wordplay in the language of advertising, advertising in the Internet, dilogy, diaphora, paronomasia, stylistic device

For citation: Makarycheva A.V., Smirnova E.V. (2022). Wordplay in Spanish advertising discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 177–188. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-177-188>

ИГРА СЛОВ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Макарычева, Е.В. Смирнова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье изучается такой стилистический приём, как игра слов в испаноязычном рекламном дискурсе. Основная цель исследования заключается в анализе различных приёмов игры слов в рекламных баннерах в Интернете, которые в последние годы приобрели наибольшую популярность среди потенциальных потребителей по сравнению с другими видами рекламы, и определении наиболее частотных и результативных из них с точки зрения воздействия на потребителя. Данное исследование ставит перед собой задачу поиска, систематизации и классификации приёмов игры слов в испаноязычной рекламе, определения частотности их узуса, сочетаемости и иллюстрации визуальными средствами. Для достижения поставленных задач была проанализирована выборка наиболее ярких и наглядных примеров испаноязычной интернет-рекламы, представленной на испанских и латиноамериканских сайтах. Интерес представляет также тот факт, что во многих рекламных баннерах в Интернете прослеживается отсылка к культурным и социальным особенностям испаноязычных стран, их национальному колориту, что позволяет не только лучше понять присущие им реалии, но и ценностные ориентиры местных потребителей товаров и услуг. На основании проведённого исследования авторы приходят к выводу, что наиболее яркими и, соответственно, чаще всего используемыми приёмами игры слов являются дилогия и каламбур, несколько реже встречаются параномазия, диафора и складное слово. Довольно редко присутствуют в рекламе антиметабола и акростих, а также палиндром, что объясняется их наименьшей экспрессивностью и привлекательностью для потребителя. Игра слов в языке рекламы, как показывает исследование, является одним из ключевых аспектов в создании рекламных текстов в Интернете, так как в совокупности с визуальными средствами этот приём создаёт сильное эмоциональное впечатление, привлекает внимание потребителя к рекламируемому товару и способствует его лучшей реализации, чего и добиваются рекламодатели.

Ключевые слова: игра слов в языке рекламы, реклама в Интернете, дилогия, диафора, каламбур, стилистические приёмы

Для цитирования: Макарычева А.В., Смирнова Е.В. (2022). «Игра слов в испаноязычном рекламном дискурсе». *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 177–188. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-177-188>

Современная реклама является одним из важных инструментов воздействия на потребителя, обладая значительной силой внушения, выраженной в целом арсенале приёмов и техник. Изучение феномена рекламы привлекает внимание представителей различных профессиональных сообществ ввиду её междисциплинарного характера, а также в силу того, что реклама играет значимую роль не только с точки зрения экономического фактора, но и в развитии социальных ценностей, стереотипов, формирования общественного мнения, что отмечают многие исследователи [8], [13].

Впервые термин «языковая игра» был введён в научный оборот австрийским исследователем Л. Витгенштейном, который охарактеризовал данный феномен как определённый вид общения с необычным использованием языковых единиц [19]. Игра слов в рекламном тексте представляет собой сознательное нарушение правил речевого общения и языковых норм с целью придания тексту экспрессивности [5]. При этом, языковая игра не должна восприниматься потенциальным потребителем как ошибка, соответственно, он должен обладать определённым уровнем владения языком, а также знанием культурных реалий [3].

При изучении языка рекламы необходимо учитывать, что игра слов в рекламном ролике или на рекламном баннере в Интернете чаще всего соотносится с визуальными образами, которые усиливают воздействие рекламы на потребителя, способствуют её большей наглядности и улучшенному восприятию рекламируемого товара или услуги. Эффективность рекламы зависит от всех её составляющих, при этом первостепенная роль отводится именно вербальному компоненту. Для отражения особенностей языка рекламы ещё в прошлом веке лингвист Джеффри Лич вводит термин «манипулятивный язык» («loaded language»), который призван оказывать косвенное влияние на потребителя [14]. В последующих исследованиях этот термин используется довольно часто [9].

Стоит отметить, что приёмы игры слов могут возникать на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и иных уровнях. Однако, как правило, данное явление относят к разделу стилистики, так как основная задача игры слов состоит в усилении образно-выразительной функции речи [1]. При этом немаловажную роль играет контекст, что особенно ярко прослеживается в рекламных баннерах в Интернете. Так, например, игра слов может быть в заголовке, подписи к рисунку или фотографии, слогане и так далее.

Если говорить о возможных подходах к изучению функционально-лингвистических средств выразительности в рекламных текстах, то стоит отметить, что большинство исследователей данной проблематики классифицируют их по формальным признакам, характерным для того или иного приёма игры слов [20]. Ряд лингвистов приводит классификацию данного явления в зависимости от его функционирования в тексте или его структуры. Например, С. Влахов и С. Флорин выделяют три типа игры слов, а именно: приёмы, построенные преимущественно на фонетической основе (преобладает именно звуковая сторона), на лексической основе (например, обыгрывание многозначных слов, каламбуры на основе смешения широко известных слов и имён собственных – названий компаний и т.п.), на фразеологической основе (изменение отдельных компонентов фразеологизмов) [6]. Реже можно встретить классификацию игры слов, в которой учитываются прагматические признаки рекламы, то есть в рекламе могут присутствовать две релевантные интерпретации слогана, либо только одна интерпретация, позволяющая быстро распознать и интерпретировать высказывание [18]. Основоположником такого вида классификации стал в 1992 году К. Танака [21].

Цель и функции рекламы

Как правило, языковое оформление рекламы, которое определяется её социальной и культурной ролью в современном обществе, превращая её таким образом в один из значимых инструментов массовой информации, имеет набор определённых функций. Эти функции как раз и реализуются с помощью различных видов игры слов.

Реклама, в первую очередь, должна заинтересовать клиента, причём этот интерес может быть как произвольным – клиент случайно заметил рекламу, так и импульсивным. Часто, для того чтобы привлечь клиента произвольным образом, используют яркие образы, вызывающие эмоции у потребителя. Ведь если реклама может привлечь клиентов на эмоциональном уровне, то впоследствии она заинтересует их и на уровне содержания. Увидев рекламу и прочитав рекламный слоган, потенциальный потребитель, по логике рекламодателей, должен представлять себе, как он воспользуется той или иной услугой или товаром, испытывая при этом положительные эмоции.

Таким образом, *основная цель* рекламы заключается в том, чтобы заинтересовать как можно больше клиентов для компаний-производителей посредством привлечения их произвольного и

непроизвольного внимания и эмоционального воздействия, а также в увеличении объёмов потребления товаров и услуг [16].

Основная *функция рекламы* – воздействующая (персуазивная), и именно для её достижения в первую очередь используются различные стилистические приёмы, среди которых различные виды игры слов оказываются одними из самых действенных из-за эффекта новизны и неожиданности, комичности, экспрессивности, эмоциональности.

Задача рекламы – информировать потребителя о товаре или услуге так, чтобы привлечь внимание к рекламируемому продукту и побудить потребителя приобрести его. Особенно актуальной данная задача видится в условиях обилия похожих товаров и услуг, предлагаемых на рынке. В связи с этим ключевая функция рекламы заключается в информировании потенциального клиента об уникальных характеристиках продукта с целью выделить его среди похожих предложений и улучшить его запоминаемость.

Чтобы добиться подобного эффекта и усилить его, в рекламе используют ряд приёмов, которые мы условно разделим на два блока:

- *технические средства:*

- текст (информация, содержащаяся в тексте, шрифт, цвет и объём текста);
- слоган или заголовок текста (внешний вид заголовка или слогана и особенности их написания);

• запах (в магазинах, на дегустациях, с целью вызвать чёткую ассоциацию с конкретным продуктом или брендом);

- звук (громкость, чёткость, резкость);
- изображения (насыщенность, цвет, яркость);
- форма (размер, объёмность).

- *языковые и метаязыковые средства, ориентированные на пробуждение определённых эмоций:*

- развлечение, юмор (часто встречающийся приём в рекламе);
- чувство страха (характерный приём для социальной рекламы, например, реклама безопасности дорожного движения);

- сопереживание (например, реклама благотворительных фондов);
- ощущение стыда (проблемы с кожей, перхоть, физиологические потребности и так далее);
- социальная ответственность или моральный долг (например, социальная реклама о пожилых людях или детских домах) и др.

В каждой рекламе частота использования обозначенных выше приёмов варьируется в зависимости от её целей. Тем не менее при создании любого типа рекламы в неё обязательно включают как минимум два из упомянутых средств, прежде всего технических. В то же время, рекламодателю не стоит забывать об эмоциональных средствах, которые необходимо применять в рекламе, для воздействия на определенный спектр эмоций и чувств потребителя. Эмоциональная реклама, по мнению ряда исследователей, в настоящее время становится более актуальной, особенно в связи с текущей ситуацией, связанной с пандемией [7].

Что касается видов рекламы, то именно реклама в Интернете является одной из наиболее популярных разновидностей в настоящее время. Реклама на телевидении традиционно играла доминирующую роль в последние годы, однако в 2019 году на первое место вышли интернет-объявления и ролики (38,6% от всей рекламы против 33,7% телевизионной рекламы) [17]. Эта тенденция обусловлена как распространением Интернета [2], так и навязчивостью телевизионных рекламных роликов в целом [12].

Для того, чтобы продемонстрировать релевантность данного тезиса, обратимся к следующему графику:

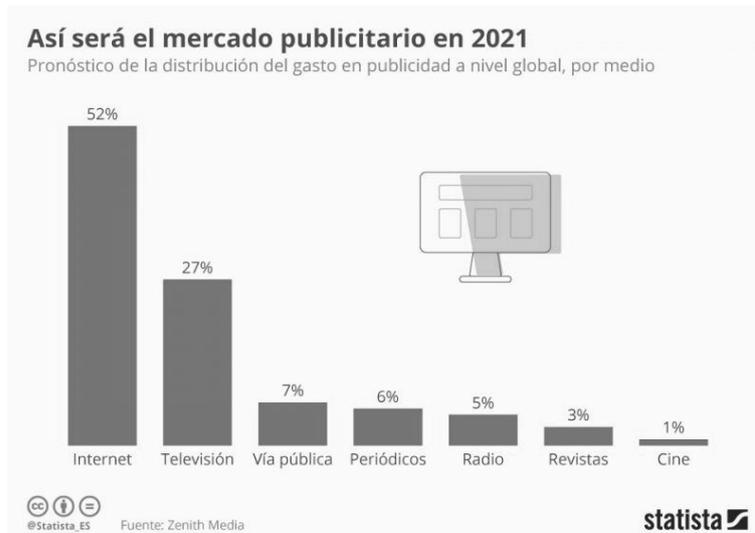

Рис.1 Источник: *Así será el mercado publicitario en 2021*, URL: <https://laboratoriodeperiodismo.org/prevision-publicidad-2021/#:~:text=Se%20prev%C3%A9%20que%20en%202021,p%C3%BAblica%20ocupar%C3%A1n%20el%20tercer%20puesto.>

На основании анализа графика (рис.1) становится очевидным, что к концу 2021 года объём расходов на рекламу в Интернете составит больше половины от всех других видов рекламы – примерно 52%. Расходы на рекламу на телевидении составляют 27%, на уличную рекламу – 7%, в газетах – 6%, на радио – 5%, в журналах – 3%, наконец, в кино – 1% [10].

Выделяются следующие типы рекламы в Интернете:

Баннер представляет собой прямоугольную область на экране, содержащую информацию или картинку, которая вместе с тем является ссылкой на сайт компании, услуги или товары которой рекламируются. Баннер должен привлекать внимание, то есть быть заметным и интересным, а также публиковаться на том сайте, куда предположительно заходит целевая аудитория компании. Этот вид рекламы один из самых распространённых в Интернете.

Текстовая реклама располагается по бокам от основного текста сайта. Обычно под этим видом рекламы понимаются несколько строчек или небольшая статья о какой-либо компании.

Видеоролики – это один из самых дорогих видов рекламы, поэтому используется преимущественно крупными компаниями с мировым именем. Видеоролики могут содержать скрытую рекламу. Как правило, они очень привлекательны для потенциального потребителя.

Контекстная реклама – реклама, которая появляется после выдачи результатов поиска в различных поисковых системах на искомую компанию или товар и совпадает с этой компанией или товаром. Это самый эффективный вид рекламы, используемый в Интернете [15].

Наибольший интерес для исследования представляют баннеры, так как на основании их текстов появляется возможность определить различные виды игры слов в контексте рекламы, а также выделить наиболее распространённые из них.

Значение игры слов в языке рекламы

Все стилистические приёмы обладают той или иной степенью выразительности и экспрессивности для воздействия на читателя с целью привлечения его внимания к определённым явлениям, понятиям, событиям. Выделяется подкласс таких стилистических приёмов, именуемый «игра слов». Это одно из стилистических средств, оказывающих влияние на потребителя, как правило, используется в художественной литературе для создания комического или иронического эффекта. Игра слов в рекламе является незаменимым её атрибутом, потому что в языке рекламы, особенно в текстах баннеров в Интернете, необходимо при минимальном количестве текста максимально привлечь внимание потенциального потребителя, воздействовать на него для того, чтобы рекламируемый товар был приобретён. Часто используются яркие, запоминающиеся даже на

подсознательном уровне слоганы для того, чтобы потребитель, покупая товар, в первую очередь вспоминал рекламируемый и отдавал ему своё предпочтение.

Некоторые виды игры слов можно считать *стилистическими* фигурами, потому что эффект привлечения внимания в них реализуется с помощью определённой комбинации звуков и букв, что зачастую создаёт комичный эффект. Так, например, складное слово. Другие виды игры слов можно отнести к *графическим*, такие стилистические приёмы воспринимаются только визуально, а не на слух, например, акrostих. Также некоторые виды игры слов могут относиться к *семантическому* уровню, потому что в них обыгрывается несколько значений одного и того же слова. К таким видам можно отнести дилогию. В некоторых стилистических приёмах игры слов мы можем наблюдать эти явления в совокупности или в различных комбинациях.

Приёмы игры слов (на примере испанского языка)

В настоящем исследовании мы традиционно придерживаемся испанской терминологии [11], поэтому в данной статье нами рассматриваются приёмы игры слов, которые различают в испанской стилистике:

1. Дилогия или амфиболия (la dilogía o anfibología)
2. Диафора (la diáfora o la antanaclasis)
3. Каламбур (el calambur)
4. Парономазия (la paronomasia)
5. Складное слово (cruce de palabras)
6. Антиметабола (el retruécano)
8. Палиндром, перевертень (el palíndromo)
9. Акrostих (el acróstico).

Примеры на каждый из приёмов игры слов позволят наглядно продемонстрировать механизмы воздействия на потребителя.

Дилогия или амфиболия (la dilogía o anfibología) – это фигура семантического уровня, которая заключается в однократном использовании слова одновременно в двух его значениях в рамках одного высказывания. По определению В.П. Москвина, дилогия является стилистическим приёмом, который основан на использовании так называемых полисемантических слов, или таких слов, у которых есть омонимы, при этом исключено их однозначное толкование в заданном контексте [4, с. 240]. Это явление используется в игровой функции, а также обладает большой выразительностью и экспрессивностью.

В первом примере (рис.2) речь идёт о средствах по уходу за кожей линии «Dove». В слогане «Перейди на новое питание» слово «Nutrición» обозначает как питание в значении потребления пищи и выбора рациона (яблоко в руке у девушки), так и увлажнение кожи, чего можно достичь, используя рекламируемое средство.

Рис. 2

Рис. 3

В рекламе хамона (рис.3) использован следующий слоган: «Иберийская гордость». Из ножа и отрезанного кусочка хамона создан импровизированный флаг Испании.

Таким образом слово «гордость» выступает здесь в двух значениях: первое – это гордость за свою страну, о чём свидетельствует «флаг», а второе – это гордость за национальное блюдо, которое представлено в рекламе. Дилогия использована для того, чтобы подчеркнуть национальный колорит блюда и создать неповторимый образ национального флага –

внимание потребителя такой рекламе обеспечено.

В слогане рекламы шоколада (рис.4) написано: «Лучшая часть дня». Словом, «часть» в данном случае обозначается как определённый период времени, так и кусочек шоколада, который рекламируется – на баннере присутствует графич-

Рис. 4

ческое сравнение. Несомненно, наличие нескольких выразительных средств в одной рекламе придаёт ей больше экспрессивности, а, следовательно, привлекательности для потребителя.

Слоган «натуральная защита» в данной рекламе (рис.5) подкреплён визуальным образом – в руке женщины вместо аэрозоля находится лягушка, которая ловит насекомых. Таким образом рекламодатели пытаются убедить потребителя в качестве своего товара, а также в отсутствии в нём веществ, загрязняющих атмосферу. Слово «защита» в данном случае используется как средство от комаров, так и метафорический образ лягушки, на голову которой нажимают, как на кнопку баллончика для распыления.

Рис. 5

Диафора (la diáfora o la antanaclosis) – это фигура синтаксического и семантического плана (иногда её также относят к словесным фигурам повтора), заключающаяся в двукратном использовании слова с разными значениями в рамках одного высказывания.

Рассмотрим примеры, демонстрирующие данный приём:

Рис. 6

Перед нами широко известная реклама Испании для туристов (рис.6). Слово «Испания» употреблено два раза, причём на испанском и на английском языке для создания экспрессивности в рекламе. «Испания», написанная по-испански, несёт в себе номинатив самой страны, а в слогане «Мне нужна Испания» привлекается внимание не столько к самому номинативу, сколько к тому объёму образов, кото-

рый ассоциируется со страной в голове у каждого человека – это и море, и достопримечательности, и национальные блюда. В этой связи можно сделать вывод о том, что слово использовано в двух значениях в рамках одного высказывания.

На следующем баннере представлена реклама питьевой воды (рис.7). Основной упор в данном случае делается на детскую морскую школу, потому что слоган гласит: «Нас объединяет страсть к воде», и далее пояснение: «“Manantial” поздравляет Морскую Школу для детей с 190-летием». Образ, созданный рекламодателями, – бутылка рекламируемой воды с кораблём внутри, является очень ярким и привлекает внимание потребителя. Рассмотрим использование диафоры в данном случае: в первом слогане существительное «вода» используется в самом широком смысле, то есть в принципе вода и морская, и пресная, и т.п. А в слогане в нижней части баннера говорится: «Больше, чем питьевая вода» – здесь акцентируется внимание именно на чистоте этой воды, пригодной для питья – соответственно, значение поменялось.

Рис. 7

Каламбур (el calambur) – этот приём можно отнести как к фонетическим, так и к графическим фигурам. В испанском языке каламбуром называется приём, при котором за счёт совпадения слогов и звуков возникают совершенно другие слова, приобретающие новое значение. Это добавочное значение хорошо различается потребителем в рекламе и создаёт комичный эффект, тем самым привлекая внимание.

Данная реклама является социальной (рис.8), то есть привлекает внимание людей к проблемам чтения. Слоган к ней гласит: «Leer les da alas», который можно перевести как: «Чтение их окрыляет». Невербальная семиотика хорошо отражена в этом примере – на картинке изображены студенты с книгами, и каждая последующая книга в их руках создаёт своеобразные крылья впереди сидящим.

Рис. 8

На рис. 9 представлена реклама, направленная не столько на испаноязычную аудиторию, сколько на отдельную её часть – футбольных болельщиков. Эта реклама примечательна тем, что она отражает культурные реалии Испании, ориентирована в основном на каталонцев, особенно разбирающихся в футболе, и понятна далеко не каждому иностранцу. Слоган к данной рекламе следующий: «Mou no, per si», его невозможно перевести на русский без потери игры слов. Речь в данной рекламе идёт о Жузепе

Гуардиола-и-Сала, которого обычно называют «Пеп». Этот человек является испанским (каталонским) футболистом и одним из самых титулованных футбольных тренеров в стране, отсюда «Пер» в слогане рекламы. А также здесь упоминается португальский тренер Жозе Моуринью (Моу), который одно время тренировал команду-противника каталонской «Барселоны» – «Реал Мадрид». Каталонцы не любят

Рис. 9

его за то, что он привёл «Реал» к победе на Кубке Испании, который тот не выигрывал на протяжении многих лет.

Разобравшись с контекстом рекламы, перейдём непосредственно к каламбуру. В данном баннере рекламируется освежающий напиток «Пепси», и игра слов заключается в следующем: каталонцы говорят «нет» Моу, то есть Жозе Фелишу, и «да» Пепу; получается, «Pep sí» – и название напитка, и своеобразная поддержка тренера. Стоит отметить, что такая узко ориентированная реклама встречается достаточно редко, хотя и является очень оригинальной и представляет для нас большой интерес.

Парономазия (la paronomasia) относится к фонетическим фигурам. Эта стилистическая фигура основана на комическом использовании нескольких (в основном двух) слов, имеющих сходное звучание. Таким образом, за счёт схожести звучания и определённого совпадения в морфемном составе этих слов, возникает яркий комический эффект, заслуженно привлекающий большое внимание потребителя.

Например, в данном случае рекламируются матрасы фирмы «Mash» (рис.10), и слоган гласит: «Para dormir *mash* y mejor». В данном случае правильно стоило бы сказать: «Para dormir *más* y mejor», что означало бы дословно: «Чтобы спать дольше и лучше». На основе сходства двух слов – фирмы-производителя и слова «больше» – происходит подмена одного слова другим, благодаря чему и привлекается внимание потребителя к товару, а также эту компанию становится легко запомнить по схожести звучания с общеизвестным словом.

Рис. 10

Te falta...
Tefal

Рис. 11

А на этом небольшом баннере (рис.11), который в основном используется на кулинарных сайтах, создаётся комический эффект за счёт слов, разных по значению, но схожих по звучанию. В слогане «Te falta Tefal» первая часть переводится как «Тебе не хватает», а вторая является именем собственным компании-производителя бытовых приборов и посуды. Первая часть схожа по звучанию со второй благо-

даря личному местоимению в безударной форме в сочетании с глаголом «faltar». Помимо наличия парономазии в этой рекламе, благодаря личному местоимению она также приобретает и доверительный тон по отношению к потребителю.

В рекламе на рис.12 представлен охлаждающий напиток известной фирмы «Coca Cola» и слоган к ней переводится следующим образом: «Наполни свой дом улыбками и сэкономь/ прямо сейчас». Игра слов в данном случае построена на схожем звучании глагола «ahorrar» в повелительном наклонении в форме на «ты» и наречия «ahora».

Рис. 12

Складное слово (cruce de palabras) – это такое видоизменение формы слова или же замена одной части слова другой, взятой из другого слова, которое в результате даёт некий гибрид и порождает

двузначность. Этот приём является одним из самых распространённых в языке рекламы и, как правило, сопровождается особым графическим оформлением. Рассмотрим также определение В.П. Москвина, согласно которому складное слово образуется посредством паронимической замены (например, «прихватизация») или скорнением, то есть сложением корней (например, «ло-мастер»)» [21, с. 155].

Приведём несколько наиболее показательных примеров данного явления:

На баннере на *рис.13* слово «actileche» скомпоновано из двух слов – «activo» и «leche». Слоган рекламы молока гласит: «Мама – активолоко – это мама, которая растёт вместе со своими детьми», то есть имеется в виду, что мама, которая подаёт пример своим детям тем, что пьёт молоко, вырабатывает у них здоровые привычки. Именно поэтому получилось такое слово-гибрид для привлечения внимания потребителя к полезным свойствам молока.

Рис. 13

Рис. 14

Слоган данной рекламы (*рис.14*) является наглядным сложением слов для создания комического эффекта и привлечения внимания потребителя. Он звучит следующим образом: «Shinetastic!». В переводе с английского «shine» обозначает «сиять», а окончание этого слова изначально относится к «fantastic», то есть «фантастический». Разобрав, из чего состоит сложенное слово, мы сможем перевести его как «Фантастическое сияние». Этот слоган очень подходит для рекламы чистящего средства для зеркальных и керамических поверхностей. Созданный эффект новизны слова привлекает внимание потребителя.

Антиметабола (el retruécano) также относится к словесным фигурам размещения, перестановки и прибавления. Это вид хиазма, то есть фигура, в которой высказывание или фрагмент текста состоят из двух повторяющихся частей, причём вторая часть является зеркальным отражением первой, то есть её элементы при повторе располагаются в обратном порядке, при этом повторяются и сами слова.

Слоган на *рис.15* переводится как: «Вода для всех и все для воды». Основное внимание акцентируется на слове «вода», так как рекламодатель заинтересован в привлечении внимания потребителя к своей продукции, и двойное повторение и яркое маркирование этого слова в тексте помогают ему справиться со своей задачей.

Рис. 15

Палиндром, перевертень (el palindromo) – графическая фигура, представляющая собой фразу, читаемую как слева направо, так и наоборот.

Рис. 16

В рекламе на *рис.16* слово «azul» зеркально отображается в зеркале, создаётся эффект протяжённости и длительности. Эта одна из картинок с сайта рекламы цветов, на котором приводятся различные виды сочетаемости растений разных оттенков между собой.

Акростих (el acróstico) – графическая фигура, в которой начальные буквы первых слов каждой строки образуют слово или фразу, созвучные общему содержанию.

В качестве примера приведём рекламу Колумбийского центра изучения иностранных языков, которые агитируют людей из различных стран изучать английский язык. В целях привлечения внимания потенциального потребителя авторы слоганов используют акrostих, для чего располагают названия стран таким образом, что выделенные в них буквы образуют фразы: «Откуда ты?» (*рис. 17*), «Ты говоришь по-английски?»

Рис. 17

Рис. 18

(рис. 18). Приём с использованием акrostиха полностью отражает концепцию рекламируемого товара, является оригинальным и привлекающим внимание.

Заключение

Игра слов в языке рекламы – нередкое явление, находящее своё отражение в самых различных формах. Самой главной функцией игры слов является создание комического эффекта для привлечения внимания потребителя, а также для оказания на него воздействия и обеспечения наилучшего запоминания. Действенность этого приёма обусловлена тем, что в нём присутствует эффект новизны и неожиданности, комичность, ирония, экспрессивность и эмоциональность. Кроме того, в рекламных баннерах игра слов зачастую сопровождается визуальными образами – картинками, фотографиями, которые способствуют лучшему восприятию экспрессивных и эмоциональных слоганов, дополняя их. Тенденция использования подобных приёмов характерна чаще всего именно для рекламных баннеров в Интернете.

Проанализировав различные приёмы игры слов, отметим, что в языке рекламы чаще всего используются диалогия и каламбур, которые являются одними из самых экспрессивных средств создания ярких и запоминающихся слоганов. Чуть реже встречаются такие стилистические явления, как паронимазия, диафора и складное слово. Минимально присутствуют в рекламе антиметабола и акrostих, а также палиндром. На наш взгляд, частота употребления того или иного вида игры слов в целом зависит от степени его экспрессивности и нестандартности.

© Макарычева А.В., Смирнова Е.В., 2022

Referencias bibliográficas

1. Власова Е. А., Испаева К. А. Лексические приемы языковой игры (на материале английского языка) // *Общетеоретические и частные вопросы современного языкознания*. – 2020. – С. 158-164.
2. Макарычева А. В. Информационное общество в Латинской Америке: перспективы становления // *Латинская Америка*. – 2017. – №. 6. – С. 49-61.
3. Малюга Е. Н., Пономаренко Е. В., Минаева А. А. Стилистические приемы как способ формирования дискурсивных свойств малоформатных рекламных текстов (на материале англоязычных экономико-политических медиаресурсов) // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. – 2020. – Т. 26. – №. 4. – С. 82-87.
4. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. *Терминологический словарь*. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
5. Пирогова Ю. К. Речевое воздействие и игровые приемы в рекламе // *Рекламный текст: Семиотика и лингвистика*. – 2000. – С. 167-190.
6. Флорин С. и др. *Муки переводческие* // М.: Высшая школа. – 1983.
7. Andrade Zotamba K. S., Peralta Guanuche A. L. Engagement de la publicidad emocional en tiempos de pandemia. Caso Movistar Ecuador. – 2021.
8. Bayle-Tourtoulou A. S., Badoc M. *The Neuro-consumer: Adapting Marketing and Communication Strategies for the Subconscious, Instinctive and Irrational Consumer's Brain*. – Routledge, 2020.
9. Bolinger D. *Language—the loaded weapon: The use and abuse of language today*. – Routledge, 2021.
10. *Cómo será el gasto en publicidad en 2021* // [Recurso electrónico] – URL: <https://ceo-latam.com/noticias/24342/> (Дата обращения: 17.01.2022)
11. Dziuba A. et al. Los juegos de palabras en la publicidad de aerolíneas españolas e hispanoamericanas: una propuesta de clasificación // *Colindancias-Revista de la Red de Hispanistas de Europa Central*. – 2017. – №. 8. – С. 161-173.
12. *La publicidad en TV es percibida como la más molesta para los consumidores de medios*. 28 de noviembre de 2018. [Recurso electrónico] – Régimen de acceso: <https://dircomfidencial.com/marketing/la-publicidad-en-tv-es-percibida-como-la-mas-molesta-para-los-consumidores-de-medios-20181129-0403/> (Дата обращения: 17.01.2022)
13. Ledeneva S. Advertising as specific discourse type: ontology and functional pragmatics // *SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts*. – 2018. – Т. 5. – №. 3.1. – С. 3-10.
14. Leech G. N. *English in advertising: A linguistic study of advertising in Great Britain*. – Longman, 1972. – Т. 2.
15. Mendoza Pacheco L. Publicidad digital y redes sociales dirigidas a jóvenes de la ciudad de Sucre // *Revista Investigación y Negocios*. – 2017. – Т. 10. – №. 15. – С. 186-198.
16. Rodríguez del Pino D. et al. *Publicidad Online. Las claves del éxito en Internet*. – ESIC, 2020.

17. Rosario G. Gómez La televisión pierde el liderazgo de la publicidad // 25 de febrero de 2020. [Recurso electrónico] – Régimen de acceso: https://elpais.com/cultura/2020/02/24/television/1582556457_449625.html (Дата обращения: 19.01.2022)
18. Tanaka K. Advertising language: A pragmatic approach to advertisements in Britain and Japan. – Routledge, 2005.
19. Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. – Routledge, 2013.
20. Yi-bo Y. A. N. Analysis of puns in English advertising language from the relevance theory // Sino-US English Teaching. – 2015. – T. 12. – №. 8. – С. 602-607.
21. Yus F. Humor and the search for relevance // Journal of pragmatics. – 2003. – T. 35. – №. 9. – С. 1295-1331.

References:

1. Vlasova E. A., Ispaeva K. A. Leksicheskie priemy yazykovoj igry (na materiale anglijskogo yazyka) [Lexical methods of the language game (on the material of the English language)] // Obshcheteoreticheskie i chastnye voprosy sovremennogo yazykoznanija [General theoretical and particular issues of modern linguistics.]. – 2020.
2. Makarycheva A. V. Informacionnoe obshchestvo v Latinskoj Amerike: perspektivy stanovleniya [Prospects of the Information Society Establishment in Latin America] // Latinskaya Amerika. 6 (2017): 49-61.
3. Malyuga E. N., Ponomarenko E. V., Minaeva A. A. Stilicheskie priemy kak sposob formirovaniya diskursivnyh svojstv malofornatnyh reklamnyh tekstov (na materiale angloyazychnyh ekonomiko-politicheskikh mediaresursov) [Stylistic techniques as a way of forming discursive properties of small-format advertising texts (on the material of English-language economic and political media resources)] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. [Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology.] T. 26, 4 (2020): 82-87.
4. Moskvina V. P. Vyzritel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi: Tropy i figury. [Expressive Means of Modern Russian Speech: Paths and Figures.] Terminologicheskij slovar'. [Terminological dictionary]. – M.: LENAND, (2006): 376 p.
5. Pirogova YU. K. Rechevoe vozdejstvie i igrovye priemy v reklame [Speech event and game techniques in advertising] // Reklamnyj tekst: Semiotika i lingvistika. [Advertising Text: Semiotics and Linguistics]. (2000): 167-190.
6. Florin S. i dr. Muki perevodcheskie [Translation flour] // M.: Vysshaya shkola [Higher school]. – 1983.
7. Andrade Zotamba K. S., Peralta Guanuche A. L. Engagement de la publicidad emocional en tiempos de pandemia. [The introduction of emotional advertising during a pandemic] Caso Movistar Ecuador, 2021.
8. Bayle-Tourtoulou, Anne-Sophie, and Michel Badoc. The Neuro-consumer: Adapting Marketing and Communication Strategies for the Subconscious, Instinctive and Irrational Consumer's Brain. Routledge, 2020.
9. Bolinger D. Language—the loaded weapon: The use and abuse of language today. Routledge, 2021.
10. Cómo será el gasto en publicidad en 2021 [What will advertising spending be like in 2021?] [Electronic resource] – Mode of access: <https://ceo-latam.com/noticias/24342/> (accessed 17.01.2022)
11. Dziuba, Aleksandr. "Los juegos de palabras en la publicidad de aerolíneas españolas e hispanoamericanas: Una propuesta de clasificación." [Puns in Spanish and Latin American airline advertising: A proposal for classification] Colindancias: revista de la red de hispanistas de Europa Central [Colindancias: journal of the network of Central European Hispanists] 8 (2017): 161-172.
12. La publicidad en TV es percibida como la más molesta para los consumidores de medios. [TV advertising is perceived as the most annoying for media consumers.] November 28, 2018. [Electronic resource] – Mode of access: <https://dircomfidencial.com/marketing/la-publicidad-en-tv-es-percibida-como-la-mas-molesta-para-los-consumidores-de-medios-20181129-0403/> (accessed 17.01.2022)
13. Ledeneva, Svetlana. "Advertising as specific discourse type: ontology and functional pragmatics." SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. Vol. 5. №3.1, 2018.
14. Leech, Geoffrey N. English in advertising: A linguistic study of advertising in Great Britain. Vol. 2. Longman, 1972.
15. Mendoza Pacheco, Lizbeth. "Publicidad digital y redes sociales dirigidas a jóvenes de la ciudad de Sucre." [Digital advertising and social networks aimed at young people in the city of Sucre] Revista Investigación y Negocios [Research and Business Magazine] 10.15 (2017): 186-198.
16. Rodríguez del Pino, Daniel, et al. Publicidad Online Las claves del éxito en Internet. [Internet advertising. Keys to Success in the Internet] ESIC, 2020.
17. Rosario G. Gómez La televisión pierde el liderazgo de la publicidad // 25 de febrero de 2020. [Television is losing its leading position in advertising // February 25, 2020] [Electronic resource] – Mode of access: https://elpais.com/cultura/2020/02/24/television/1582556457_449625.html (accessed 19.01.2022)
18. Tanaka, Keiko. Advertising language: A pragmatic approach to advertisements in Britain and Japan. Routledge, 2005.
19. Wittgenstein, Ludwig. Tractatus logico-philosophicus. Routledge, 2013.
20. Yi-bo, Y. A. N. "Analysis of puns in English advertising language from the relevance theory." Sino-US English Teaching 12.8 (2015): 602-607.
21. Yus, Francisco. "Humor and the search for relevance." Journal of pragmatics 35.9 (2003): 1295-1331.

Сведения об авторах:

Макарычева Анна Владимировна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: латиноамериканский регион, проблематика новых вызовов и угроз, международная безопасность, лингвострановедение.

E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

Смирнова Екатерина Валерьевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, национальный характер, лингвострановедение, лингвокультурология, семиотика, языковая картина мира.

E-mail: e.smirnova@my.mgimo.ru

About the authors:

Anna V. Makarycheva, PhD in political sciences, is senior Lecturer, Department of Spanish Language, MGIMO (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interests: Latin American region, new challenges and threats, international security, cultural linguistics. E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

Ekaterina V. Smirnova, PhD in linguistics, is Lecturer, Department of Spanish Language, MGIMO (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interests: intercultural communication, national character, linguistic and cultural studies, cultural linguistics, semiotic studies, language picture of the world.

E-mail: e.smirnova@my.mgimo.ru

* * *

SPEECH GENRES OF THE SOCIAL NETWORK INSTAGRAM IN THE SPANISH SEGMENT

Ekaterina S. Syschikova, Elena A. Savchuk

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The purpose of this particular article is to analyse the main features of the Spanish speech genres of the Instagram's content being a social network and an application used to share photos and videos. Nowadays the topic is completely up to date because in Spanish-speaking countries there are a huge number of Instagram followers, which often is significantly greater than the number of users of any other social platform.

Instagram is a special type of digital communication that has defined speech genres. The Instagram discourse is a hypertext – a structure that includes links to other texts. The underlying Instagram genre is a post that contains a photo or a video with a short text message. The post, in turn, can be presented by various sub-genres depending on the communicative purpose of the author: self-presentation, news, gratitude, congratulations, advice, request, invitation, appeal, obituary, advertisement, and joke. Stories are a separate Instagram genre with special purposes and functions. They are audiovisual content that has a limited lifespan, unlike a regular post. The article highlights such features of Instagram speech genres as interactivity, the polycode nature of messages (communication takes place in different levels – verbal and visual), the usage of hashtags and the availability of comments. Digital comment itself is a speech genre; it is characterized by informality, brevity and emotionality typical of oral communication.

The conducted study allows us to conclude that the boundaries of Instagram speech genres are blurred. At the same time genres are closely connected, they often mix, they change due to the constant updating of the digital platform itself. The source of the illustrative material of this article was the content of the profiles of Spanish-speaking Instagram users, both private individuals and organizations.

Keywords: information technology, social network, Instagram, speech genre, hypertext, Instagram post, hashtag, digital comment

For citation: Ekaterina S. Syschikova, Elena A. Savchuk (2022). Speech Genres of the Social Network Instagram in the Spanish Segment. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 189–203. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-189-203>

GÉNEROS DISCURSIVOS DE LA RED SOCIAL INSTAGRAM EN EL SEGMENTO HISPANOHABLANTE

E. Syschikova, E. Savchuk

La Universidad de Relaciones Internacionales de Moscú (la Universidad de MGIMO),
119454, Rusia, Moscú, av/ Vernadskogo, 76

Resumen. El objetivo del presente artículo es analizar las características genérico-discursivas del contenido hispanohablante de Instagram, red social y aplicación de intercambio de fotos y vídeos. El tema es muy actual a la luz de que hoy en día Instagram en el mundo hispano cuenta con un número de usuarios más alto que cualquier otra plataforma social.

Instagram es un tipo de comunicación digital especial que posee sus propios géneros discursivos. El discurso de Instagram es un hipertexto, es decir, una estructura que contiene enlaces a otros textos. El género básico de Instagram es el post que representa una foto o un vídeo acompañados de algún texto corto. El post, a su vez, puede representar diferentes subgéneros discursivos en función del objetivo comunicativo del autor del mensaje: autoperseñación, noticias, agradecimiento, felicitación, consejo, petición, invitación, llamamiento, esquelá, anuncio publicitario, chiste etc. Un género especial de Instagram que tiene objetivos y funciones peculiares son las así llamadas “stories” que representan contenidos audiovisuales y que, a diferencia de los posts habituales, tienen una duración determinada. En el artículo se destacan tales características de los géneros discursivos de Instagram como la interactividad, el carácter multimodal (la comunicación se realiza a varios niveles – verbal y visual), el uso de hashtags y la presencia de comentarios. El comentario digital constituye en sí mismo un género discursivo que se caracteriza por la informalidad, la brevedad y la emotividad típicos para la comunicación oral.

El estudio realizado permite sacar la conclusión de que los límites genérico-discursivos de Instagram son confusos, los géneros están estrechamente vinculados, muy a menudo se combinan y no dejan de sufrir cambios debido a la constante actualización de la plataforma digital. Las fuentes del material ilustrativo del artículo son los contenidos de los perfiles de los usuarios hispanohablantes de Instagram, tanto personas como organizaciones.

Palabras clave: las TIC, red social, Instagram, género discursivo, hipertexto, post de Instagram, hashtag, comentario digital

Para citación: E. Syschikova, E. Savchuk (2022). “Géneros discursivos de la red social Instagram en el segmento hispanohablante. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 189–203. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-189-203>

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНСТАГРАМ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ

Е.С. Сыщикова, Е.А. Савчук

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Целью настоящей статьи является проведение анализа основных особенностей речевых жанров испаноязычного контента Инстаграм – социальной сети и приложения по обмену фото и видеоматериалов. Тема работы представляется актуальной в свете того, что в настоящее время в испаноговорящих странах регистрируется огромное количество подписчиков Инстаграм, которое зачастую значительно превышает число пользователей любой другой социальной платформы.

Инстаграм является особым типом цифровой коммуникации, который имеет определённые речевые жанры. Дискурс Инстаграм представляет собой гипертекст, то есть такую структуру, в которую включены ссылки на другие тексты. Базовый жанр Инстаграм – это пост, который содержит фото или видео, сопровождаемые коротким текстовым сообщением. Пост, в свою очередь, может быть представлен различными субжанрами в зависимости от коммуникативной цели автора: самопрезентация, новости, благодарность, поздравление, совет, просьба, приглашение, призыв, некролог, рекламное объявление, шутка и т.д. Отдельным жанром Инстаграм, обладающим особыми целями и функциями, являются так называемые «сториз», которые представляют собой аудиовизуальный контент, имеющий ограниченный срок существования в отличие от обычного поста. В статье выделяются такие особенности речевых жанров Инстаграм, как интерактивность, поликодовый характер сообщений (коммуникация происходит на разных уровнях – вербальном и визуальном), использование хэштегов и наличие комментариев. Цифровой комментарий сам по себе является речевым жанром: он отличается неформальным характером, краткостью и эмоциональностью, типичными для устного общения.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что границы речевых жанров Инстаграм размыты, жанры тесно взаимосвязаны, зачастую происходит их смешение, они видоизменяются по причине постоянного обновления самой цифровой платформы. Источником иллюстративного материала данной статьи послужил контент профилей испаноязычных пользователей Инстаграм, как частных лиц, так и организаций.

Ключевые слова: информационные технологии, социальная сеть, Инстаграм, речевой жанр, гипертекст, пост Инстаграм, хэштег, цифровой комментарий

Для цитирования: Е.С. Сыщикова, Е.А. Савчук (2022). «Напиток для души»: кофейное дерево и кофе как символ арабского национального менталитета. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 189–203. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-189-203>

La revolución informática y la incorporación de Internet a distintas esferas de la vida han transformado los discursos sociales creando nuevos géneros discursivos que representan diferentes sistemas de comunicación con sus propias estrategias de intercambio de información, producción y comprensión de textos. Hasta ha surgido una nueva esfera de investigaciones llamada “lingüística 2.0” cuyo objetivo es analizar las particularidades del funcionamiento de los “géneros 2.0”, es decir, de los géneros digitales [2].

El papel más importante en la comunicación digital lo desempeñan las redes sociales. La invención del término “red social” (“social network”) se atribuye al antropólogo social británico John Arundel Barnes.

En su estudio describió el sistema social de una comunidad noruega distinguiendo varios campos sociales: el territorial, el industrial y el parentesco, la amistad y otras relaciones cambiantes y sin organización estable ni coordinación global, o sea se refería a patrones de vínculos entre individuos, como los que se pueden registrar en determinados grupos sociales: familias, tribus o etnias. Los principales componentes de una red social son un conjunto de actores, que pueden ser individuos o grupos, y un conjunto de relaciones entre pares de actores [9]. En los últimos años la definición del término “red social” ha sufrido modificaciones, actualmente las redes sociales son un recurso digital que permite a los actores comunicarse vía Internet. Existe una gran variedad de tipos de las redes sociales: hay redes abiertas y cerradas, nacionales, colectivas, profesionales, de entretenimiento y de noticias etc.

Los nuevos géneros de las redes sociales surgen debido al desarrollo de las tecnologías de la información y de la comunicación (TIC). Las TIC “son tecnologías que utilizan la informática, la microelectrónica y las telecomunicaciones para dar a la luz nuevas formas de comunicación vía herramientas de carácter tecnológico y comunicacional con el fin de *facilitar la emisión, acceso y tratamiento de la información*” [15].

Las TIC han transformado las opciones de obtener la información por medio de las tecnologías de la comunicación (diario, radio y televisión), a través del desarrollo de Internet y de los nuevos dispositivos tecnológicos como el ordenador, la tableta y el teléfono inteligente, así como las plataformas y softwares disponibles.

No cabe la menor duda de que las TIC son productos innovadores donde la ciencia y la ingeniería colaboran para desarrollar aparatos y sistemas que solucionen los problemas de cada día. Sintetizan elementos de las llamadas tecnologías de la comunicación o TC (radio, prensa y TV) con las tecnologías de la información.

Como resultado del desarrollo de las TIC y el deseo de comunicarse las redes sociales se convirtieron en una de las partes integrantes e inherentes de nuestra vida. Las redes sociales modernas proporcionan la plataforma tecnológica para diferentes tipos de comunicación: noticias, bitácoras, comentarios, sistemas de intercambio instantáneo de mensajes, historias (“stories”), pruebas, encuestas, juegos en directo etc. Fue el aspecto tecnológico el que condicionó el surgimiento y el desarrollo de Instagram.

Instagram, comúnmente abreviado como Insta, es una red social y una aplicación de intercambio de fotos y vídeos, propiedad de Facebook. Esa plataforma fue creada por Kevin Systrom y Mike Krieger y lanzada el 6 de octubre de 2010. Desde su lanzamiento Instagram ha crecido de manera constante. Tiene una base de usuarios masiva y cuenta con tasas de interacción por publicación más altas que cualquier otra plataforma social. A nivel mundial, Instagram totaliza 1.08 mil millones de usuarios. Los internautas pasan de media 53 minutos al día en la plataforma. En Instagram se contabilizan cada día 4,2 mil millones de *likes* [13].

En 2015 Instagram lanzó una cuenta global destinada solo para los hispanohablantes @InstagramES. Se trataba de la primera cuenta global en un idioma distinto del inglés. Empezó a publicar contenidos exclusivamente en español producidos en cualquier parte del mundo. En 2022 “Instagram marca un nuevo hito al llegar a los 24 millones de usuarios en España, superando por primera vez a Facebook” [12]. Instagram, es la segunda red social que más usan los latinoamericanos. Hoy en día en América Latina hay alrededor de 160 millones de usuarios activos.

El desarrollo permanente de las redes sociales, en particular, de Instagram, dificulta la tarea de describir y clasificar los nuevos géneros digitales, ya que el uso de tecnologías avanzadas, la elaboración de nuevos programas y aplicaciones contribuye a que el carácter de la comunicación en el ciberespacio vaya cambiando sin parar.

En los estudios lingüísticos el término “género” suele entenderse como el uso típico de grupos de enunciados con características relativamente estables en las mismas situaciones comunicativas. Pero en cuanto a los géneros 2.0 entre los científicos todavía no hay opinión común respecto a sus identificadores genéricos. Existen numerosas clasificaciones de géneros del discurso digital basados en diferentes criterios. El filólogo español Cassany distingue entre los cibergéneros los siguientes tipos: los géneros transferidos (los que se basan en textos impresos) y los géneros autónomos (los que dependen de las posibilidades de Internet). Los géneros transferidos se subdividen en reproducidos (se trata de la reproducción de textos impresos) y adaptados (pueden contener hipervínculos). Los géneros autónomos, a su vez, se subdividen

en los emergentes (se trata de la evolución de los adaptados) y autóctonos (son los que no tienen equivalente impreso: chats y redes sociales). La lingüista argentina Puebla M. divide los géneros digitales en dos tipos: los géneros ya existentes (diarios, biografías, diccionarios) y los géneros nuevos (páginas de inicio, narraciones hipertextuales, juegos) [10].

Los lingüistas rusos han elaborado el así llamado “modelo dinámico de la tipología de géneros” según el tipo de discurso [1]. Su clasificación incluye los géneros personales (que representan el discurso personal: chats, foros, blogs personales, redes sociales), los géneros publicitarios (carteles electrónicos, publicidad contextual, anuncios emergentes), los géneros de información masiva (páginas web de los medios de comunicación y de las agencias de noticias, boletines informativos), los géneros jurídicos (páginas web de compañías jurídicas, foros jurídicos), los géneros políticos (páginas web, foros, blogs, chats políticos), los géneros pedagógicos (páginas web de colegios, universidades y otras instituciones educativas, foros, chats dedicados a la enseñanza). Otros científicos, a la hora de clasificar los géneros 2.0, consideran relevante su función comunicativa en Internet [6]. Así pues, se destacan los géneros informativos (páginas web de diferentes instituciones, agencias de noticias y medios de comunicación; buscadores, enciclopedias en línea, catálogos, bibliotecas electrónicas, archivos), los géneros directivos (que alientan al destinatario a realizar una acción: publicidad electrónica, tiendas y subastas online), los géneros comunicativos (chats, cartas electrónicas, foros), los géneros presentativos (que sirven para la autopresentación del usuario y la promoción de tal o cual producto suyo: páginas web personales, blogs), los géneros estéticos (su objetivo es realizar las capacidades creativas y ejercer una influencia estética en el destinatario: literatura digital, fanfic o fan-fiction).

Hablando de los géneros discursivos de las redes sociales la mayoría de los investigadores destaca tales identificadores genéricos como: imagen de la página inicial, objetivo comunicativo, tema, remitente y destinatario, aspecto temporal, elementos lingüísticos y extralingüísticos de las publicaciones [2]. El género básico de Instagram que corresponde a los aspectos mencionados es **el post** (en español “la entrada”) que sube el autor de la cuenta y que representa una foto o un vídeo acompañados de un texto. Cabe mencionar que la estructura formal y el diseño de la cuenta del usuario de Instagram es un parámetro que diferencia esta plataforma de otros tipos de la comunicación digital. La página personal de Instagram contiene tanto componentes introducidos automáticamente por el programa informático como elementos que son el resultado de la actividad del autor. La personalidad del usuario, su mentalidad, sus gustos, su nivel de educación desempeñan un papel importante en Instagram. A eso se debe la diversidad estilística de las publicaciones de esa plataforma. Inicialmente, el componente textual de Instagram era opcional: los usuarios a veces acompañaban sus fotos con un pie corto. Sin embargo, actualmente el uso de los textos en la red es mucho más amplio y tiene diversos objetivos. El discurso de Instagram (como el de otras formas de comunicación por Internet – bitácora, foro, chat) representa un hipertexto [5]. “El hipertexto es una estructura que organiza la información de forma no lineal. La estructura hipertextual permite saltar de un punto a otro en un texto -o a otro texto- a través de los enlaces” [14].

Una de las características principales del post de Instagram es su interactividad. Subiendo un mensaje el remitente lo dirige a su público meta, es decir, a sus suscriptores (seguidores) reales y potenciales. En otras palabras, el destinatario del post es una audiencia muy amplia lo que representa un rasgo típico de Instagram. El contenido publicado en seguida recibe una respuesta tanto en forma de likes (“*Me gusta*”) como en forma de comentarios. Los comentarios, a su vez, pueden originar mensajes de respuesta. Sin embargo, en la “cinta” o “bandeja” de Instagram se ve solamente la entrada (la foto o el vídeo y unas palabras iniciales del pie) y el número total de likes o comentarios. Para seguir leyendo es necesario “desplegar” los comentarios y las respuestas. El número de comentarios es el índice principal del éxito del autor y sirve de señal para los posibles seguidores de que tal o cual perfil es interesante y merece la atención [4].

El post de Instagram puede representar diferentes subgéneros discursivos en función de la intención del autor (del objetivo comunicativo del mensaje): autopresentación, noticias, agradecimiento, felicitación, consejo, petición, invitación, llamamiento, esquila, anuncio publicitario, chiste etc. Analicemos los más difundidos.

Para promoverse en las redes sociales la persona que acaba de crear su perfil en Instagram publica su **biografía (autopresentación)** acompañada de fotos, emoticonos, elementos gráficos etc. Es bien sabido

que las primeras impresiones cuentan mucho, por eso los novatos han de esforzarse por redactar una autopresentación atractiva para potenciar su presencia en esta plataforma y para que sus usuarios no se vayan sin clicar "Seguir".

El texto de las biografías en Instagram está limitado a 150 caracteres, por eso uno debe ser selectivo para que la autopresentación incluya toda la información importante. Se recomienda indicar quién eres, qué haces, cuáles son tus intereses, tus principales logros y tus pasatiempos, qué pueden encontrar los usuarios en tu cuenta y por qué deberían seguirte. El autor puede incluir otra información importante, como sus colaboraciones con marcas, los próximos eventos en los que participará, las últimas mercancías que promociona. También vale la pena añadir un correo electrónico o teléfono de contacto, publicar la ubicación en el caso de que el autor del perfil promueva sus propios artículos o servicios. Instagram permite, además, añadir enlaces a la página web o al blog de la persona o de la empresa.

En el *Dibujo 1* se puede ver un ejemplo de autopresentación. Es el perfil de la fotógrafa cubana Dania Beatriz:

Los autores que ya tienen millones de seguidores a menudo incluyen en sus posts episodios interesantes de su biografía para cautivar aún más a su audiencia y llamar la atención a su vida y obra. *Dibujo 2*:

En el *Dibujo 2* se ve un post publicado por Julio Iglesias en el cual el famoso cantante español cuenta a sus seguidores un episodio de su vida que le inspiró la composición de uno de sus hits.

Las **noticias** son otro subgénero discursivo de Instagram. La noticia puede contarse de diferentes formas, pero una narración emocional consigue conmover al público, generar empatía. *Dibujo 3:*

En el *Dibujo 3* vemos un post de la organización “Médicos sin fronteras”. La noticia sobre la salvación de los refugiados de Libia, acompañada de la narración en primera persona de uno de los participantes de la tragedia, hace a los usuarios de Instagram emocionarse y sentirse identificados con situaciones que consideraban lejanas, atrae la atención a los problemas globales.

Muy a menudo los autores de Instagram, en primer lugar, personas famosas con el mayor número de seguidores, recurren a esa red social para hacer un **llamamiento** a su audiencia. *Dibujo 4:*

En su post (*Dibujo 4*) el famoso futbolista Lionel Messi habla de la necesidad de las vacunas y publica un vídeo que alienta a sus seguidores a que se vacunen contra enfermedades infecciosas.

Instagram es una plataforma ideal para que uno se dirija a sus familiares, amigos, seguidores, a todo el mundo con una **felicitación**. *Dibujo 5:*

La actriz española Penélope Cruz publicó en su perfil una foto de su mamá (Dibujo 5) acompañada de un comentario en el cual la felicitó, así como a todas las mujeres del mundo, con el Día internacional de la mujer.

Otro subgénero de Instagram es la nota de **agradecimiento** que suele enviarse a familiares, amigos valiosos, colegas, socios comerciales, clientes etc. En el *Dibujo 6* Penélope Cruz se dirige con las palabras de gratitud al director de cine Pedro Almodóvar y a sus colegas actores por el trabajo conjunto en la nueva película “Madres paralelas” que acaban de rodar:

A veces en los posts se publica un anuncio que da noticia del fallecimiento de una persona – **esquela**. Así, por ejemplo, el actor Antonio Banderas publicó un post en el cual informó a sus seguidores de la defunción de la actriz Pilar Bardem y dio el pésame a sus familiares. *Dibujo 7*:

Hoy en día Instagram no es solo uno de los más populares medios de comunicación, es también una herramienta muy eficaz de **publicidad** y autopromoción de celebridades, organizaciones, marcas, mercancías y servicios. Instagram representa una plataforma singular para promover diferentes cursos y talleres, programas de entretenimiento, servicios de comida a domicilio, artículos “handmade” etc. Por ejemplo, los deportistas de renombre mundial a menudo hacen publicidad de las marcas de ropa de deporte en sus posts. *Dibujo 8:*

Muchos usuarios de Instagram promueven en la red sus propias marcas. Así, por ejemplo, la cantante Jennifer López en uno de sus posts aconseja a sus seguidoras que cuiden la piel con una de las máscaras de su marca JLoBeauty. *Dibujo 9:*

Sin embargo, como vemos en el Dibujo 9, el post publicitario no siempre gana la reacción deseada. Una de las seguidoras de Jennifer López publicó un comentario bastante incisivo al vídeo de la cantante: “Botox antes de la mascarilla”.

Una de las particularidades propias de casi todos los géneros discursivos de Instagram es el uso de *hashtags* (en español *etiquetas*) que son palabras o frases precedidas por el signo numeral # (también llamado *almohadilla* o *gato*) sin espacios ni caracteres especiales. Este fenómeno lingüístico apareció en el año 2007. En la red Twitter empezó a usarse el hashtag *#sandiegofire* en los mensajes sobre los incendios forestales en San Diego (California) de octubre de 2007 [7].

Los hashtags se usan para clasificar los contenidos publicados en la red social, son como un hipervínculo que lleva a otras publicaciones relacionadas al mismo tema. Antonio Banderas, por ejemplo, a menudo publica en su página de Instagram fotos con su perro de raza chihuahua y pone en su posts hashtags como *#chihuahua*, *#chihuahuualovers*, *#chihuahuallife*, *#chihuahualllove*, *#chihuahuas*, *#chihuahuaworld*, *#pet*, *#dog*, *#perro*, *#perrosdeinstagram*, *#lucille*. Haciendo clic sobre estos hashtags todos los usuarios pueden encontrar en Instagram contenidos relacionados – otras imágenes o vídeos de perros en general y de perros chihuahua en particular.

Cabe destacar que muy frecuentemente los autores ponen en el hashtag sus datos personales (nombre, apellido) publicando así un enlace a sí mismos: *#penelopecruzoficial*, *#antoniobanderasoficial*, o a sus propias marcas de ropa, cosméticos etc., las que promueven en las redes sociales : *#JLOBEAUTY* (Dibujo 9).

Los hashtags pueden ser clasificados según el tema que tratan, por ejemplo: comida (*#dieta*, *#tapas*, *#desayuno*), mascotas (*#perros*, *#perrosdeinstagram*, *#perrosfelices*, *#cachorros*), viajes (*#viajar*, *#turismo*, *#vacaciones*, *#viajaresvivir*), fiestas (*#diadelamadre*, *#diadelamujer*, *#felizdiadelpadre*), amor (*#teamo*, *#amorinfinito*, *#corazon*), religión (*#Dios*, *#diosesbueno*, *#diostebendiga*), negocios (*#emprendedores*, *#tiendaonline*, *#marketingdigital*), moda (*#modelo*, *#estilo*, *#accesorios*) etc.

Instagram se ha convertido en una poderosa herramienta para promocionar cualquier evento presencial u online – concierto, estreno de una película o espectáculo, conferencia, fiesta, entrega de premios etc. Los hashtags con el nombre del evento ayudan a informar con mayor visibilidad a los usuarios de las redes sociales del acto que va a celebrarse o que ya se ha celebrado y animan a la audiencia a participar en él o a ver reportajes al respecto: *#StarliteGala2021*, *#BiennaleCinema2021*, *#InaugurationNightSpecial2021*, *#sinfonicapopdelsoho*, *#ElectionWeek*, *#oscars2020*, *#SelenaMovie24thAnniversary*.

Hay que notar que los hashtags van mucho más allá de marcar el tema de la conversación y facilitar la búsqueda de la información sobre el tema deseado. Las etiquetas son herramientas multitarea y cumplen

diferentes otras funciones (que pueden combinarse): función persuasiva, función evaluativa, función expresiva etc.

Analicemos, por ejemplo, el hashtag *#MeQuedoEnCasa* o su variante *#YoMeQuedoEnCasa* que se hizo popular en el segmento hispanohablante de Instagram en el año 2020 cuando en muchos países se declaró el estado de alarma sanitaria de la COVID-19. Este estado de alarma impuso medidas duras de aislamiento para los ciudadanos, entre ellas la permanencia obligatoria en el domicilio. El hashtag *#MeQuedoEnCasa* funcionó como un llamamiento a que la población tomara conciencia de la importancia del distanciamiento físico como medida preventiva contra la expansión del virus. Al mismo tiempo ese hashtag fue un elemento sobre el cual se agruparon diferentes iniciativas que ayudaban a la gente en este esfuerzo. O sea, se puede hablar del impacto social de la etiqueta *#MeQuedoEnCasa*, ya que sirvió para fomentar la actitud responsable y positiva de los ciudadanos hacia el confinamiento desde las funciones persuasiva y expresiva.

Otra característica común de todos los géneros discursivos de Instagram es, como hemos mencionado anteriormente, la presencia indispensable de comentarios que hacen los usuarios a tal o cual post. Pero el **comentario digital** constituye en sí mismo un género discursivo que ya desde hace mucho se ha afianzado en el ciberespacio. “El comentario del lector (o comentario digital) es un género dialógico -en el sentido de que los roles de emisor y de receptor resultan en su interior perfectamente intercambiables y de que remite a discursos previos-, producido en el ámbito de los nuevos medios. Su naturaleza es eminentemente interactiva y polifónica, puesto que constituye un género construido a medio camino entre lo social y lo individual” [16].

El comentario digital se parece a la conversación de “cara a cara” ya que es una comunicación informal, espontánea, supone discusión, disputa, intercambio de opiniones. Sin embargo, a diferencia del diálogo normal, la recepción de información no es siempre inmediata, porque el interlocutor puede estar ausente durante la producción discursiva y solo al cabo de algún tiempo visualiza las respuestas y preguntas en la bandeja de comentarios. Otro aspecto característico del comentario digital es “la no existencia de turnos de habla”, pues los interlocutores participan en la conversación de manera simultánea [11].

El comentario digital es un discurso casi anónimo ya que detrás de un avatar, que determina la identidad del usuario en el ciberespacio, a menudo se esconde un autor desconocido que no se responsabiliza de sus palabras. Por lo tanto, no es de sorprender que el anonimato prácticamente absoluto que presenta este mensaje textual reduzca en el autor del comentario el autocontrol sobre sus enunciaciones que por lo general son menos meditadas y cuidadas que en un diálogo normal. La argumentación a veces se caracteriza por debilidad o falta de razonamiento, se recurre a prejuicios, frases estereotipadas, insultos, difamaciones. No obstante, el comentario digital carece de libertad de expresión absoluta ya que está condicionado a la aprobación del autor del post que puede eliminar los comentarios que no le gusten, borrar las publicaciones que contengan crítica, insultos, condena, provocaciones, amenazas, y hasta puede “bloquear” al seguidor o a cualquier otro usuario que no le caiga bien.

Los comentarios de Instagram representan toda una variedad de reacciones de los usuarios de la plataforma ante un post (en los ejemplos conservamos la ortografía y la puntuación original):

- felicitación (“*Felicidades eres un grande te envío un abrazo desde México por su merecidísimo Leon de Oro en el Festival de Venecia*” – en Instagram de Pedro Almodóvar);
- agradecimiento (“*Muchas gracias por tu generosidad*” – en Instagram de Antonio Banderas);
- cumplido (“*Que estilazo!!! ...muchos se ponen smoking trajes, pero pocos lucen tan bien!*” – en Instagram de Antonio Banderas);
- admiración (“*¡¡Eres una mujer hermosa por dentro y por fuera!! ¡Muy orgulloso de ti! Te amo*” – en Instagram de Jennifer López);
- petición (“*Habla en español Ricky. Sos puertorriqueño ante todo*” – uno de los seguidores de Ricky Martin le pide que hable en español y no en inglés en su Instagram);
- deseo (“*Que nunca llegue tu final*” – en Instagram de Lionel Messi);
- pregunta (“*¿Puedo venir y revisar tu yate?*” – comentario de un seguidor de Jennifer López a su foto en bañador a bordo de un yate);

- crítica (“*Que manía con el Photoshop extremo!*” – en Instagram de Penélope Cruz);
- condena (“*joder total pides poco 70 euros, págalo tu y el otro que sale en la foto que estáis forrados, no todos estamos forrados por si no lo sabes, no todos nacemos siendo estrellas otro nacemos estrellados en fin. lo que daría yo por 70 euros que me hacen tanta falta me los das tu simpatica ???*” – es un comentario al post de Penélope Cruz en que ella pide que sus seguidores hagan un donativo de 70 euros en la Cruz Roja de Madrid);
- acusación (“*FarMafia te paga bien, vendida!*” – en Instagram de Penélope Cruz);
- aprobación (“*Palabras verdaderas, Antonio. Nunca tengas miedo de mostrar tus verdaderos colores. El amor no tiene límites. Solo la gente lo hace*” – comentario al post de Antonio Banderas “Ama como quieras, es nuestro derecho”);
- discrepancia (“*Esta vez no puedo estar de acuerdo contigo. No al bloqueo*” – comentario de uno de los seguidores de Ricky Martin al post en que el cantante afirma que todos los problemas del pueblo cubano se deben a las acciones del gobierno y hace caso omiso del bloqueo económico de EE.UU.);
- consejo (“*Echate cremita que eres muy Blanquito amor!!!!*” – comentario de un seguidor de Pedro Almodóvar a su foto en la playa);
- sarcasmo (“*Cuando te regalan muchas rosas así son los cuernos que te están poniendo pero una no se da cuenta*” - en Instagram de Jennifer López);
- dolor (“*Lloramos todos a la par tuya, Leo! Esa emoción se reflejó en cada uno de tus seguidores y en los que no, también*” – a los hinchas de Messi les da muchísima pena que su ídolo haya abandonado el Barça) etc.

El mal uso del lenguaje en las redes sociales en general y en los comentarios digitales en particular es un tema de conversaciones y disputas constantes. En Internet las personas escriben de una manera casi instantánea, la comunicación tiene una dinámica más cercana a la de una conversación oral, priorizan la rapidez y el contenido del mensaje por delante de la forma. No hay una reflexión previa al envío del mensaje al público, el autor intenta usar cuantos menos signos mejor y rara vez utiliza herramientas de corrección ortográfica para asegurarse de que un comentario que pone en Instagram está bien escrito. Además, en las redes sociales pueden escribir de manera pública personas de cualquier nivel educativo.

Al carácter coloquial de los comentarios se le debe la tendencia de usar abreviaturas (en las redes sociales españolas se usan más abreviaturas de las frases inglesas que de las españolas: *BFF - Best Friends Forever, MAPS - Mejores Amigos Para Siempre, OMG - Oh My God!, BRB - Be Right Back, LOL - Laughing Out Loud, YOLO - You Only Live Once, ADV - Asco De Vida, IMO - In my opinion, PTAT - People Talking About This*), acortar palabras a sus letras consonantes (“*dnd kdms?*” en vez de “¿dónde quedamos?”, “*ps*” en vez de “pues”, “*bn*” en vez de “bien”), eliminar letras o añadir otras (“*asta aora*” en vez de “hasta ahora”, “*exar*” en vez de “echar”), usar alargamientos expresivos (“*bieeeee*”, “*Jajajajaja*”, “*perooooo*”) o recurrir al empleo expresivo de las mayúsculas como gritos (“*SIIIIIII*”, “*YO NO ESTOY GRITAAAANDDDDOOOOOOOO*”), omitir tildes (“*debera*”, “*mercedisimo*”, “*serian*”, “*relacion*”) o recurrir a la atildación incorrecta (“*exámen*”, “*explicaciones*”, “*debído*”, “*minútos*”), suprimir signos de puntuación (escribiendo, por ejemplo, frases sin puntos ni comas que aparentemente son infinitas pero que se podría dividir en varias: “*Felicidades eres un grande te envió un abrazo desde México por su mercedisimo Leon de Oro*”, o eliminando signos de exclamación o interrogación), confundir palabras homófonas (“*a ver*”/“*haber*”, “*a*”/“*ha*”, “*¡Ay!*”/“*ahí*”/“*hay*”), expresarse a través de emojis y emoticonos en vez de palabras etc.

Así pues, se puede afirmar que el comentario digital es un género que se caracteriza por la informalidad y la brevedad típicos para la comunicación oral. Es, además, un género evaluativo ya que activa juicios y valores sobre tal o cual contenido. En consecuencia, los elementos constantes del lenguaje del comentario digital son la emotividad y la subjetivización.

Un género especial de Instagram que va haciéndose muy popular en la red son las así llamadas “**stories**” (historias). Las stories son contenidos audiovisuales de esta plataforma que, a diferencia de los posts habituales, son volátiles, es decir, tienen una duración determinada. Pueden verse durante 24 horas desde su publicación y, tras ese período, desaparecen. Al contrario de lo que ocurre con las publicaciones normales en Instagram, en las stories no se permiten “me gusta” ni comentarios. Si un seguidor reacciona, el

autor recibirá un mensaje directo. El objetivo principal de las stories consiste en permitir a los usuarios que compartan de una manera informal todos los momentos del día, no solo los que quieran mantener en su perfil.

Hoy en día las stories de Instagram se usan ampliamente en la estrategia de marketing digital de casi todas las marcas y empresas, pues ayudan a crear un mayor sentido de intimidad y mayor interacción con sus seguidores. Se puede mostrar, por ejemplo, cómo se está haciendo una prenda de ropa, cómo es el ambiente de la empresa o cómo va la preparación de algún evento que pronto va a celebrarse.

El componente textual de las stories no desempeña el papel principal en tales publicaciones. Lo hacen las fotos y los vídeos a los cuales los autores también pueden añadir stickers, música de fondo, emojis, filtros, elementos gráficos (líneas, flechas) etc. Las funciones básicas de los textos de las stories son las siguientes:

- 1) Función informativa (“¡Nos embarcamos en la 39ª Copa del Rey de Vela!!!” – pie de la foto de stories de Antonio Banderas que informa del comienzo de las competiciones de vela).
- 2) Función espacio-temporal: el autor indica el lugar y la fecha de la imagen.
- 3) Función de evaluación (aprobación, condena, compasión).
- 4) Función nominativa (“Atardecer malagueño” – pie de la foto de stories de Antonio Banderas que representa la puesta del sol en Málaga).
- 5) Función fática: encuestas, preguntas “sí”/“no”. Esta función es muy importante, pues permite al autor conocer a su audiencia y darles una voz dentro de la plataforma. El autor de stories puede invitar a sus seguidores a que le hagan cualquier tipo de pregunta o pedirles su opinión sobre sus productos, servicios, eventos o actividades. Después de participar en la encuesta, los usuarios pueden ver los resultados automáticamente, el autor también visualiza quién votó y su respuesta. Además, en las stories hay un emoji slider que permite calcular las opiniones negativas o positivas hacia la publicación [8]. *Dibujo 8:*

La información que el autor extrae de las respuestas es un indicador de lo que a su público le gustaría ver en la cuenta. Además, este tipo de comunicación directa con la audiencia fortalece el sentido de confianza: los seguidores se dan cuenta de que hay una persona real detrás del perfil.

Resumiendo lo expuesto anteriormente podemos sacar las siguientes conclusiones. El desarrollo de las TIC ha revolucionado los modos de comunicación a través de nuevos formatos. En el ciberespacio van surgiendo nuevos géneros y subgéneros discursivos, se transforman los géneros tradicionales.

Los géneros discursivos de Instagram se destacan por interactividad y tienen carácter multimodal pues las publicaciones de esa red social representan un conjunto de diferentes sistemas semióticos: fotos o vídeos acompañados de un texto [3]. Es decir, la comunicación se realiza a varios niveles – verbal y visual, registrándose la tendencia hacia el predominio del componente visual y audiovisual con respecto al componente textual lo que contribuye a una comprensión más completa entre el remitente y los destinatarios ya que una foto o un vídeo reflejan la realidad con mayor claridad que la descripción verbal.

Los límites genérico-discursivos son imprecisos, los géneros están estrechamente vinculados y muy a menudo se combinan, se transforman uno en otro, sufren cambios en función de las posibilidades tecnológicas de la plataforma digital y debido a su constante actualización. Nos parece importante seguir investigando los nuevos modos de comunicación e interacción social en el entorno digital, diferentes sistemas de organización del comportamiento comunicativo en el ciberespacio.

© Сыщикова Е.С., Савчук Е.А. 2022

Referencias bibliográficas

1. Горошко Е.И. К построению типологии жанров социальных медий / Т.И. Горошко, Т.Л. Полякова // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
2. Горошко Е.И. Инстаграм как жанр 2.0 (на примере политической коммуникации) / Е.И. Горошко, Т.Л. Полякова // *Жанры речи*. 2019. № 4 (24). С. 300–313.
3. Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 49–55.
4. Карпоян С. М. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. III. С. 84–88.
5. Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 256 с.
6. Шипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография / Л. Ю. Шипицина. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
7. Щурина Ю. В. Хэштег как составляющая дискурсивной практики в сети Интернет // *Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Междунар. науч. конф.* Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. С. 149–154.
8. Adame A. Todo lo que siempre quisiste saber acerca de las Instagram Stories [recurso electrónico] – URL: <https://blog.hootsuite.com/es/instagram-stories/> (fecha de acceso 07.06.22).
9. Aguirre J.L. Introducción al Análisis de Redes Sociales [recurso electrónico] – URL: <https://www.ciepp.org.ar/images/ciepp/docstrabajo/doc%2082.pdf> (fecha de acceso 22.01.22).
10. Ayala Pérez T., Soto Salgado G. Géneros discursivos digitales: fanfiction y tuitatura [recurso electrónico] – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7524029> (fecha de acceso 25.06.22).
11. Cervera Rodríguez Á. La irrupción del coloquialismo en Internet y las nuevas tecnologías [recurso electrónico] – URL: https://cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/nuevas_fronteras_del_espanol/4_lengua_y_escritura/cervera_a.htm (fecha de acceso 15.12.21).
12. Estadísticas de uso de Instagram (y también en España) [2022] [recurso electrónico] – URL: <https://thesocialmediafamily.com/estadisticas-uso-instagram/> (fecha de acceso 06.06.22).
13. Instagram, las cifras imprescindibles para el 2021 [recurso electrónico] – URL: <https://blog.digimind.com/es/insight-driven-marketing/instagram-cifras-imprescindibles-2021> (fecha de acceso 22.12.21).
14. Lamarca Lapuente M.J. Hipertexto: El nuevo concepto de documento en la cultura de la imagen [recurso electrónico] – URL: <http://www.hipertexto.info/documentos/hipertexto.htm> (fecha de acceso 02.02.22).
15. ¿Qué son las TIC? Y ¿Por qué son tan importantes? [recurso electrónico] – URL: <https://www.claro.com.co/institucional/que-son-las-tic/> (fecha de acceso 12.01.22).
16. Sal Paz J. C. El comentario digital como género discursivo periodístico. Análisis de la gaceta de Tucumán [recurso electrónico] – URL: <https://www.redalyc.org/pdf/4959/495952431007.pdf> (fecha de acceso 06.06.22).

References

1. Goroshko, E.I., Poliakova, T.L. K postroeniiu tipologii zhanrov sotsial'nykh medii [On the constructiypology of social media] // *Zhanry rechi* [Genres of speech]. 2015. № 2 (12). P. 119–127.
2. Goroshko E.I., Poliakova, T.L. Instagram kak zhanr 2.0 (na primere politicheskoi kommunikatsii) [Instagram as genre 2.0 [on the example of political communication]] // *Zhanry rechi* [Genres of speech]. 2019. № 4 (24). P. 300–313.
3. Karasik, V. I. Zhanry setevogo diskursa [Genres of net discourse] // *Zhanry rechi* [Genres of speech]. 2019. № 1 (21). P. 49–55.
4. Karpoian, S. M. Instagram kak osoby zhanr virtual'noi kommunikatsii [Instagram as a special genre of virtual communication] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2015. № 12 (54): v 4-h ch. Ch. III. P. 84–88.
5. Riazantseva, T. I. *Gipertekst i elektronnaia kommunikatsiia* [Hypertext and electronic communication]. M.: Izd-vo LKI, 2010. 256 p.
6. Shhipitsina, L. Ju. *Zhanry komp'yuterno-oposredovannoi kommunikatsii: monografiia* [Genres of computer-mediated communication: monograph] / L. Ju. Shhipicina. Arhangel'sk: Pomor. un-t, 2009. 238 p.

7. Shhurina, Ju. V. Heshteg kak sostavliaiushhaia diskursivnoi praktiki v seti Internet [Hashtag as a component of discursive practice in the Internet] // *Iazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii* [Language in different spheres of communication: materials of the 11 international conference] materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Chita: Zabaikal'skiy gosudarstvenny universitet, 2016. P. 149–154.
8. Adame, A. Todo lo que siempre quisiste saber acerca de las Instagram Stories [recurso electrónico], blog.hootsuite.com/es/instagram-stories/ (fecha de acceso 07.06.22).
9. Aguirre, J.L. Introducción al Análisis de Redes Sociales [recurso electrónico], www.ciepp.org.ar/images/ciepp/docstrabajo/doc%2082.pdf (fecha de acceso 22.01.22).
10. Ayala Pérez T., Soto Salgado, G. Géneros discursivos digitales: fanfiction y tuitatura [recurso electrónico], dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7524029 (fecha de acceso 25.06.22).
11. Cervera Rodríguez Á. La irrupción del coloquialismo en Internet y las nuevas tecnologías [recurso electrónico], cvc.cervantes.es/obref/congresos/valladolid/ponencias/nuevas_fronteras_del_espanol/4_lengua_y_escritura/cervera_a.htm (fecha de acceso 15.12.21).
12. Estadísticas de uso de Instagram (y también en España) [2022] [recurso electrónico], thesocialmediafamily.com/estadisticas-uso-instagram/ (fecha de acceso 06.06.22).
13. Instagram, las cifras imprescindibles para el 2021 [recurso electrónico], blog.digimind.com/es/insight-driven-marketing/instagram-cifras-imprescindibles-2021 (fecha de acceso 22.12.21).
14. Lamarca Lapuente M.J. Hipertexto: El nuevo concepto de documento en la cultura de la imagen [recurso electrónico], www.hipertexto.info/documentos/hipertexto.htm (fecha de acceso 02.02.22).
15. ¿Qué son las TIC? Y ¿Por qué son tan importantes? [recurso electrónico], www.claro.com.co/institucional/que-son-las-tic/ (fecha de acceso 12.01.22).
16. Sal Paz J. C. El comentario digital como género discursivo periodístico. Análisis de la gaceta de Tucumán [recurso electrónico], www.redalyc.org/pdf/4959/495952431007.pdf (fecha de acceso 06.06.22).

Сведения об авторе:

Сыщикова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Сферы научных интересов: лингвистика, межкультурная коммуникация, методика обучения иностранным языкам.

E-mail: e.sycshikova@my.mgimo.ru

Савчук Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент ВАК, доцент кафедры испанского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Сферы научных интересов: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация. E-mail: e.savchuk@my.mgimo.ru

About the author:

Ekaterina S. Syschikova, PhD, is Associate professor of Spanish Department at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Research interests: linguistics, intercultural communication, methodology of teaching foreign languages. E-mail: e.sycshikova@my.mgimo.ru

Elena A. Savchuk, PhD in Pedagogy, is Associate professor of Spanish Department at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Research interests: pedagogy, linguistics, intercultural communication. E-mail: e.savchuk@my.mgimo.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-4-33-204-218

MODERN EGYPTIAN NOVEL: DEVELOPMENT TRENDS

Nina A. Uspenskaya, Ella V. Iakovenko

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The purpose of the work is to consider two trends in the development of the Egyptian novel on the examples of the works by Tawfiq al-Hakim, Yahya Haqqi, Naguib Mahfouz, Abd ar-Rahman ash-Sharkawi on the one hand, and Ibrahim Abd al-Qadir al-Mazini, and Abbas al-Akkad, on the other hand; to trace their development and manifestation in the works by famous contemporary Egyptian authors, winners of the Man Booker Prize – Bahaa Taher and Yusuf Zeidan. It is necessary to point out the main features laid down by the founders of the novel genre, are awareness of national tasks, ideas of national unity, subordination of personal interests to public ones, attention to social problems, and high spiritual content. These features were equally inherent in such works as *Return of the Spirit*, *A Bird from the East*, *The Lamp of Umm Hashim*, *Earth* and many novels by Naguib Mahfouz. The democratism of these novels, their high moral potential, focus on national themes, and patriot-ism are noted. On the other hand, the works *Ibrahim the Writer and Sarah* are considered, where the philosophy of egoism, the opposition of the individual to public interests, the ideas of free love and ‘liberation of the flesh’ are cultivated. Novels that demonstrate these two different tendencies have one thing in common – the influence of an external model, as, for example, in the novel *The Writer Ibrahim* of M. Artsybashev’s novel *Sanin*. The continuation of these two directions of the Egyptian novel is demonstrated by the example of the works *Love in Exile* and *The Nabatean*.

Keywords: Egyptian novel, the Man Booker Prize, traditions of realism, generation of innovators, influence of an external model, moral and ethical attitude, genre development trends

For citation: Uspenskaya N.A., Iakovenko E.V. (2022). Modern Egyptian novel: development trends. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 204–218. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-204-218>

СОВРЕМЕННЫЙ ЕГИПЕТСКИЙ РОМАН – ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Успенская Н.А., Яковенко Э.В.

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Цель работы – рассмотрение двух тенденций развития египетского романа на примерах произведений Тауфика ал-Хакима, Йахья Хакки, Нагиба Махфуза, Абд ар-Рахмана аш-Шаркави с одной стороны, и Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини и Аббаса ал-Аккада, с другой стороны; проследить их развитие и проявление в произведениях известных современных египетских авторов, получивших Букеровскую премию, – Баха Тахира и Юсуфа Зейдана. Необходимо отметить основные черты, заложенные основателями египетского романного жанра, такие как осознание общенациональных задач, идеи национального единства, подчинения личных интересов общественным, внимание к социальным проблемам, высокое духовное содержание. Эти особенности в равной мере были присущи таким произведениям, как «Возвращение духа» и «Птичка с Востока» Тауфика аль-Хакима, «Лампадка Умм Хашим» Йахья Хакки, «Земля» Абд ар-Рахмана Шаркави и многим романам Нагиба Махфуза. Отмечается демократизм данных романов, их высокий моральный потенциал, нацеленность на национальную тематику, патриотизм. С другой стороны, рассмотрены произведения «Писатель Ибрагим» Аль-Мазини и «Сара» Аббаса ал-Аккада, где культивируется философия эгоизма, противопоставление личности общественным интересам, идеи свободной любви и «раскрепощения плоти». Романы, демонстрирующие эти две различные тенденции, имеют одну общую особенность – влияние внешнего образца, как, например, в романе «Писатель Ибрагим» Ибрагима абд ал-Кадира ал-Мазини, романа М. Арцыбашева «Санин». Продолжение этих двух направленностей египетского романа продемонстрированы на примере сочинений «Любовь в изгнании» Баха Тахира и «Набатеец» Юсуфа Зейдана.

Ключевые слова: египетский роман, Арабская Букеровская премия, поколение обновителей, влияние внешнего образца, морально-этическая установка, тенденции развития жанра

Для цитирования: Успенская Н.А., Яковенко Э.В. (2022). Современный египетский роман – тенденции развития. *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 204–218. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-204-218>

Целью представленной статьи является выявить и проследить развитие двух тенденций в египетском романе середины XX века и их продолжение в романах, опубликованных в конце прошлого тысячелетия и начале нынешнего.

К середине прошлого века в египетской литературе сложились новые современные прозаические жанры, в том числе (ривайа) роман. Данным термином часто обозначали произведения, которые по терминологии, принятой в русском литературоведении, попадали под определение «повесть». Таковым было, например, произведение Йахья Хакки «Лампадка Умм Хашим». Происходило освоение стилей, художественных средств, композиционных приёмов из западной и русской литератур в целях эстетического отображения действительности [18]. Постоянным девизом литературного движения стало «обновление». Каждое новое поколение литераторов объявляло достигнутое предыдущими авторами устаревшим. При этом связь с традицией никогда не прерывалась. Рассмотренный в статье роман «Любовь в изгнании» (Ал-хубб фи ал-манфа) является ярким доказательством данного тезиса. Он принадлежит Баха Тахиру, писателю поколения обно-

вителей, критиковавших своих предшественников и считавших их произведения не соответствующими духу времени. Но, несмотря на претензии на радикальное изменение и объявление себя некоторыми представителями «поколения без отцов», данный роман показывает, что отцы были, и среди них Нагиб Махфуз, Йахья Хакки и Тауфик ал-Хаким. Именно морально-этическую установку, данную в их произведениях, продолжил в своём романе Баха Тахир. В статье рассматривается и другая тенденция, заложенная сочинениями Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини и Аббаса ал-Аккада, и продолжение её в романе современного автора Йусуфа Зейдана, который в отличие от романов, указанных выше, демонстрирует совершенно отличные морально-этические нормы.

В статье использованы индуктивный, описательный, сравнительно-исторический методы, а также контекстуальный анализ. Материалом исследования послужили произведения египетских писателей: Тауфика ал-Хакима, Йахья Хакки, Нагиба Махфуза, Абд ар-Рахмана аш-Шаркави, Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини, Аббаса ал-Аккада, Баха Тахира и Юсуфа Зейдана. В статье также упоминаются и анализируются романы «Прощай, оружие!» (1929) Э. Хемингуэя и «Санин» (1907) М. Арцыбашева, оказавших непосредственное влияние на некоторые из вышеупомянутых произведений. При написании статьи авторы опирались на теоретические взгляды В.Г. Белинского – типизм, как один из законов творчества, пафос, который отличает искусство от беспристрастной науки и сближает её с повседневным постижением жизни, а также взгляды В.М. Жирмунского, который считал, что «основной предпосылкой сравнительной истории литературы является единство процесса социально-исторического развития человечества, которым в свою очередь обусловлено единство развития литературы» [4, с. 8]. Он полагал, что любая идеология не возникает на пустом месте, она опирается при своём оформлении на идеологическое наследие, которое было создано на передовых участках исторического развития. Этот тезис был особенно важен для нас, чтобы проследить преемственность новых романов и произведений писателей старой школы. Также его высказывания о заимствованиях, свидетельствующих об усвоении определённых тенденций литературного мастерства, мы применили при исследовании влияния творчества Э. Хемингуэя [9] на египетского писателя Баха Тахира. Нами также была использована работа В.Е. Хализева, в которой нет монистической жёсткости, – автор отвергает всякий догматизм и не приемлет притязания на полноту владения истиной, схематизм и априоризм. Он считает, что недопустимо сведение литературы и её достижений (в духе постмодернизма) к ироническим играм, разрушающим всё и вся, «важно, чтобы теоретическое литературоведение впитало в себя как можно больше живого и ценного из разных научных школ» [8, с. 10]. Мы опирались также на работы египетских критиков, исследователей современного египетского романа Али ар-Раи [15] и Абд ал-Мухсина Таха Бадра [14], авторов наиболее значительных исследований египетского романа различных периодов, содержащих концептуальный взгляд на развитие этого жанра, представляющих историколитературное изучение процесса трансформации традиционных повествовательных жанров, в работах которых проводится подробный анализ практически всех вышеназванных авторов. Большое значение в написании данной статьи имели исследования В.Н. Кирпиченко и, в частности, «История египетской литературы XIX–XX вв.», в которых прослеживается весь путь развития египетского романа с момента его возникновения до конца прошлого века, даётся общая картина эволюции египетской литературы XX века в её связях с историческими событиями и изменениями общественной обстановки.

До середины XX века в египетском общественном сознании стояли общенациональные задачи. Идеи национального единства заслоняли в литературных произведениях изображение общественных различий. Египет, как некая общность, единое целое, противопоставлялся Европе. Эта общность была крепко связана едиными духовными ценностями. Их отражение мы находим в романе Тауфика ал-Хакима «Возвращение духа» (1933), который, по мнению многих критиков, считался первым египетским романом, достойным именоваться художественным [6, т. 1, с. 316]. В его основу были положены автобиографические воспоминания, что позволило изобразить живые картины из жизни близких автору людей, нарисовать в образе главного героя Мухсина собственный портрет в юные годы, свою первую любовь, стремление ко всему прекрасному, ощущение себя частицей египетской нации, веру в будущее Египта. Мухсин воспринимает Египет

как страну древней культуры, которая возрождается после многовекового сна. Такие же идеи мы находим в продолжении этого романа – «Птичка с Востока» (1938), в котором писатель отрицает пользу промышленного развития. Он считает, что все беды современного общества обязаны своим появлением развитию крупной промышленности, «которая поделила европейское общество на две части: небольшую группу людей, наживающих капиталы, и на огромное большинство тех, кто вынужден трудиться за кусок хлеба. Для первых нет другой религии, кроме золота, для вторых – религии вообще не существует» [16, с. 169]. По мнению автора, Европу может спасти только Восток, где ещё живы высокие нравственные идеалы, хотя «золотой век ислама» остался далеко в прошлом.

В романе проводится важная идея – подчинённость своего частного существования национальному, его высшей и общей ценности. Эта мысль нашла своё наиболее зрелое выражение в повести Йахья Хакки «Лампадка Умм Хашим» (1945) [17], которую многие критики определяют как «ривайа» так как терминологически роман и повесть в большинстве случаев обозначались этим термином. Принципиальное убеждение автора состоит в том, что нельзя отрекаться от своего народа, каким бы отсталым и невежественным он ни был, необходимо служить ему до конца своих дней, как это делает главный герой Исмаил.

В 50-е годы, после достижения Египтом национальной независимости в литературе на первый план выступают социальные проблемы. Социальное исследование общества, прежде всего его среднего класса как главного носителя «национальной идеи», доминирует в произведениях основоположника современного египетского романа Нагиба Махфуза, который создал в египетской литературе на арабском языке почти все известные типы романа: исторический, психологический, социально-бытовой, роман-эпопею, роман-метафору, роман-притчу. В каждом из них он ставил наиболее существенную для данного исторического момента проблему египетской действительности и наполнял свои произведения национальным содержанием. Нагиб Махфуз всю жизнь провёл в Каире, долгие годы жил в квартале Гамалийя, который называл «Хара», его он сделал источником для всех своих произведений, в нём черпал персонажей и события. Мир этого квартала заставлял его жить и творить [7].

Несомненно, что произведения западной и русской литературы оказали колоссальное влияние на развитие египетской литературы. Нагиб Махфуз, прочитав «Войну и мир» Л.Н. Толстого, писал своему другу: «Я не успокоюсь, пока не напишу такой же или подобный роман» [6, с. 269]. Известно, что на творчество Нагиба Махфуза оказали влияние такие писатели, как Д. Голсуорси («Сага о Форсайтах»), Б. Брехт, Т. Манн («Буденброки») и другие западные авторы.

При этом влияние западных авторов часто носило чисто технический характер: заимствование идеи, героя, художественные приёмы и т. д. [11, с. 74].

Так, некоторые критики упрекали Тауфика ал-Хакима в том, что в романе «Возвращение духа» слишком чувствуются «французские веяния», а египтянка Санийа напоминает француженку [6, т. 1, с. 316]. Литературное влияние становится возможным лишь тогда, «когда в самом обществе возникает потребность в идеологическом импорте. При этом всякое влияние претерпевает «социальную трансформацию» в зависимости от общественных условий и запросов воспринимающей среды» [4, с. 491].

В 1953 году был опубликован роман «Земля» Абд ар-Рахмана аш-Шаркави, в котором писателю удалось создать реалистический образ египетской деревни, раскрыть психологические мотивы поведения своих крестьянских персонажей. События романа происходят в 1934 году, в период правления правительства Сидки-паши, защищавшего интересы крупных феодалов. Жизнь египетских крестьян (феллахов) связана с землёй, которая является для них единственным источником существования, и угроза потерять её становится катализатором, приводящим в движение всех жителей деревни, вынуждающим их выступить против властей. В этом произведении впервые возникает тема классовой борьбы в деревне, хотя, по мнению многих критиков, автор сильно преувеличил уровень политического сознания своих героев. Не обошлось здесь и без влияния внешнего источника – фабула «Земли» восходит к роману «Фонтамара» (1934) итальянского писателя Иньяцио Силлоне, который неоднократно переводился на арабский язык [6, т. 2, с. 35].

Традиции, заложенные творчеством прозаиков первой половины XX века несли в себе такие отличительные черты, как демократизм, который выражался в проявлении интереса к жизни простых людей, представителей среднего класса, которые всегда занимали центральное место в произведениях этих писателей; высокий моральный потенциал, идеи патриотизма, пристальный интерес авторов к социальным проблемам, нацеленность взгляда на реалии национальной жизни, использование опыта зарубежной литературы. Это отвечало провозглашённой в начале 20-х годов установке на эстетическое воплощение национальной действительности и создание художественного образа «героя времени», носителя черт национального египетского характера.

Говоря о египетском романе прошлого века, нельзя обойти вниманием ряд произведений, которые отражают иную тенденцию. Это, прежде всего, роман Ибрагима Абд ал-Кадира ал-Мазини «Писатель Ибрагим» [13] и роман Аббаса ал-Аккада «Сара» [1]. Первое произведение появилось под непосредственным влиянием романа М. Арцыбашева «Санин», в котором в философии свободной любви запечатлена идея эгоцентризма и аморализма. Проповедником этой идеи выступает его главный герой – Владимир Санин. «Чувственное наслаждение без каких-либо ограничений» – его главный лозунг. Санин преподносится читателю как образец «естественного человека», который характеризуется следующим образом: «Он делает то, что для человека совершенно естественно. Он видит вещь, которая ему не принадлежит, но которая хороша, он её берёт, видит женщину, которая ему не отдаётся, он возьмёт её силой или обманом. И это вполне естественно, потому что потребность и понимание наслаждений и есть одна из немногих черт, которыми естественный человек отличается от животного» [2, с. 3]. Главный персонаж произведения в своих взглядах заходит далеко: он готов спать с родной сестрой, и только «отсталость» Лиды препятствует этому. Родную мать он называет грубым «животным», толкает на самоубийство других персонажей романа. Санин воплощает идеи Ф. Ницше, провозгласившего идеал человека, упоённого своей силой и ни с какими ограничениями не считающегося [8, с. 38].

В 20-х годах прошлого века Ибрагим ал-Мазини выпустил перевод романа «Санин» с французского языка на арабский под названием «Естественный человек», который пользовался большой популярностью, что сподвигло египетского писателя на создание собственного произведения, романа «Писатель Ибрагим». Египетский автор не воспринял многие радикальные идеи М. Арцыбашева, ограничившись главным образом постулатом «свободной любви». Его главный герой – писатель Ибрагим, которого скука гонит из города в город. Он богат и живёт жизнью, не обременённой заботами и обязательствами. Смысл его существования – это свободная любовь, которая проявляется в том, что Ибрагим любит и одновременно имеет связи с тремя женщинами: Шушу, Лейлой и Мери. Критики отмечают автобиографизм романа, заключающийся в психологическом портрете героя, в котором Ибрагим ал-Мазини изобразил себя. По воспоминаниям современников, писатель всегда страдал от отсутствия женского внимания [14, с. 337].

Роман египетского автора во многом совпадает с русским прототипом: совпадают главные герои – каждый персонаж «Санина» обрёл в романе своего двойника, много текстуальных совпадений. Этот феномен подробно исследован в монографии Н.А. Успенской «Восток – Запад – Россия» [10, с. 31–40].

В египетской литературе тема освобождения человека, и, в частности, женщины, ассоциируется с борьбой за её эмансипацию, право утверждения в обществе. Поэтому в требовании физического раскрепощения читатели усмотрели вызов феодальным традициям, отсталости.

Следует отметить, что вопрос освобождения человека в обоих произведениях касается только избранных, тех, кто представляет «сливки общества». Отношение к простым людям в них является уничижительно-презрительным. Про крестьян Санин говорит, «что они живут, как скоты, и продолжают влачить скотское существование» [2, с. 308]. В романе «Писатель Ибрагим» чернокожая прислуга является объектом издевательств и презрения со стороны главного героя, который называет её «тупым животным».

В 1943 году Ибрагим ал-Мазини напечатал продолжение романа «Писатель Ибрагим» под заголовком «Снова об Ибрагиме» (Ибрагим ас-сани), в котором развил философские рассуждения, начатые в первом романе.

В 1938 году вышел роман Аббаса ал-Аккада «Сара», также посвящённый анализу любовных чувств, – герой Хумам любит двух женщин: Сару и Хинд. В основном описывается страсть, которая полностью поглотила Хумама к Саре, женщине, у которой он не первый и, возможно, не единственный любовник. По мнению критиков [6, с. 318], события, описанные в «Саре», имеют автобиографическую основу, и Аккад здесь полностью сосредоточился на психологическом аспекте любовных отношений, когда-то имевших место в его жизни [14, с. 356].

Последние три романа демонстрируют тенденцию, отличную от представленной произведениями Тауфика ал-Хакима и других основателей романного жанра. Герои этих романов полностью сконцентрированы на себе, на своих любовных переживаниях, они поглощены исследованием женской природы, их не интересуют общественные проблемы – например, Ибрагим из романа Ибрагима ал-Мазини противопоставляет себя обществу. Эти произведения уже не отмечены чертами демократизма, их отношение к бедным слоям презрительное. Для данных писателей, так же, как и для авторов, упомянутых в начале статьи, характерной особенностью является сильное влияние зарубежной литературы.

Данные две тенденции, которые проявились практически у истоков египетского романа, можно наблюдать и в самых последних произведениях египетских писателей. Рассмотрим два, на наш взгляд, совершенно противоположных по художественному уровню и идейному содержанию романа: Баха Тахира «Любовь в изгнании» (1995) и Йусуфа Зейдана «Набатеец» (2015, год издания на русском языке).

Баха Тахир – известный египетский новеллист начал свою литературную деятельность в середине XX века. Автор рассказов, повестей и романов. В 2007 году получил Арабскую Букеровскую премию за роман «Оазис, где заходит солнце» (2007). Его роман «Любовь в изгнании» описывает события, которые произошли в 1982 году во время войны Израиля против Ливана. В то же время он рисует трагическую историю искренней любви. Главный герой – известный журналист, сделавший карьеру в эпоху Гамалы Абд ан-Насера, политику и идеи которого он искренне разделял. Поэтому естественным является то, что после смерти президента он лишается своей высокой должности. Журналиста отправляют работать штатным корреспондентом в одну из небольших европейских стран, не названную в произведении, но по контексту можно предположить, что это Швейцария.

Помимо политической темы в романе прослеживается и личная история жизни каждого из персонажей: это и коллега главного героя, журналист Ибрагим, и его западный коллега Бернар, и молодая женщина Бриджит, выпускница филологического факультета из Австрии, некий эмир Хамид, египтянин эмигрант Юсуф и ряд других. Все эти персонажи, скорее всего, имеют своих прототипов, взятых из жизни, поэтому они выглядят очень достоверно. Главный герой, работая в Европе, пытается честно выполнять свой долг – писать правду о происходящих событиях, но оказывается, что его начальству эта правда абсолютно не нужна.

После крушения карьеры рушится и семейная жизнь журналиста. Его амбициозная жена Манар, также журналистка, является инициатором развода.

В романе разработан и изображён целый ряд самых различных персонажей, связанных друг с другом прочной нитью. На первый план выдвигается душевное состояние людей, воспроизведены процессы формирования мыслей, чувств, намерений человека. Вот, например, история Бриджит: она потеряла ребёнка при трагических обстоятельствах – нападении бесчинствующих молодчиков. После этих событий она и её муж Альберт впали в депрессию, прекратили занятия в университете, в котором учились. В этой ситуации молодой женщине помогает отец, который заставляет её окончить университет; каждый вечер приходит домой к ней и её мужу, приносит еду, прибирает квартиру. Отец находит молодчиков из университета, из-за которых Бриджит потеряла ребёнка, и выигрывает судебное дело против них. Ей удалось преодолеть то состояние депрессии, в котором она находилась, а её муж Альберт этого сделать не смог. Вот как рассказывает об этом Бриджит после сданных экзаменов: «Мне было стыдно за свой успех, за то, что у меня есть отец, готовый ради меня на всё, в то время как Альберт один, и у него нет ни семьи, ни родственников в этом ненавидящем его городе. Я начала приходить в себя. Нет, окончательно я не пришла

в себя до сих пор. С кровью, которая вытекла из меня в ту субботнюю ночь, ушло нечто, что уже никогда не вернётся. Появилась другая Бриджит» [3, с. 133]. В этом высказывании открывается многое о характере молодой женщины, например, то, что в самый ужасный период жизни она думает прежде всего не о себе, а о своём муже.

Постоянно занимается «самокопанием» и главный герой, пытаюсь понять, как они дошли с женой до развода. Очевидно, что ему не удалось совладать с амбициями и сложным характером Манар. Но чаще всего он винит в случившемся себя: «Где та червоточина, которая разъедает и разрушает нас? И почему так безнадежно испортились отношения между мной и Манар? Я имею в виду существо отношений, а не те мелкие неурядицы, которые возникают между супругами много раз на дню. Я хорошо помню ту пустыню молчания, в которой жили мы с Манар долгие месяцы перед разводом. Избегали встречаться взглядами, избегали бывать в одном месте с (детьми) Ханади и Халидом. Чувствовали себя, как солдаты, сдавшиеся в плен врагу и не осмеливающиеся, из чувства стыда, взглянуть в лицо друг другу.» [3, с. 56].

Переживания этих людей направлены на некий смысл, попытку найти корни своих ошибок или причин случившегося, но не на самих себя. Здесь нет жажды самовозвышения или самооправдания, или оглядки на мнение о себе окружающих. Таким предстаёт перед читателем и египетский журналист в Ливане коммунист Ибрагим. Он исповедуется своему другу, безымянному главному герою, во многих своих поступках, пытаюсь отыскать ответы на мучающие его вопросы: «Я не раз слышал твои рассказы о нищем детстве и, поверь мне, иногда завидовал тебе! Мне хотелось быть на твоём месте! Вообще хотелось быть другим человеком, не тем, кем был я ... Я часто спрашиваю себя, какие случайные обстоятельства влияют на нас и формируют нас? Нужно ли было, чтобы я родился сыном богатого землевладельца? И нужно ли было, чтобы наш дом был полон книг, которые отец приобретал, переплетал, выводил на корешках своё имя золотыми буквами и никогда не читал, предоставив это мне, когда я выучился читать. А если бы одно из этих обстоятельств отсутствовало? Жизнь моя с самого начала сложилась бы иначе? Я не научился бы смотреть на вещи критически? Почему я не наслаждался той жизнью, как наслаждался бы любой другой на моём месте? ... Почему? Я пытаюсь вспомнить, когда начались мои терзания?» [3, с. 100].

Ибрагим старается найти ответы на вопросы, мучившие его всю жизнь. Он человек с тонкой душевной организацией, очень эмоциональный. Желая объяснить своему другу причину, по которой стал коммунистом, он говорит: «Я страдал не от воображаемых комплексов, а от несправедливости. Точно так же я страдал позже, когда уже подрос, наблюдая, как отец и его люди грабят феллахов – обвешивают при приёмке хлопка, при расчётах» [3, с. 101].

У этих героев самосознание реализуется в виде рефлексии, которая заставляет человека «возвращаться» к самому себе. В данном случае этот акт обусловлен разладом между героями и окружающим их обществом. Главный герой и Ибрагим олицетворяют журналистов, такими, какими должны быть представители этой профессии – честными, самоотверженными, готовыми нести людям правду, чего бы это ни стоило. Происходят ужасные вещи: под пытками умирают люди, во время войны Израиля против Ливана организована кровавая бойня, которую устроили вооружённые и охраняемые Израилем фалангисты против мирных жителей: женщин, детей, стариков в лагерях Сабра и Шатила – и в результате которой погибли тысячи невинных людей. И только одна газета согласилась на публикацию материалов об этом. Уже три дня продолжалась резня в палестинских лагерях, но телевидение и радио в стране, где живёт журналист, ни словом не обмолвились об этом. Главный герой пытается что-нибудь узнать, но по телевидению идёт сериал «Даллас», а по радио лёгкая весёлая музыка. Всё объяснялось очень просто: есть люди настоящие, есть люди ненужные, вроде палестинцев, которые не имеют права на жизнь.

Ибрагим погибает в Ливане при обстоятельствах, которые читателю не сообщаются. Возможно, его убили израильтяне или фалангисты, когда он собирал материал о войне. Возможно, не выдержала его нервная система при виде гор трупов и роящихся вокруг них миллионов мух. Свой последний репортаж он диктовал своему другу по телефону, голос его постоянно прерывался, а связь обрывалась. Его друг поклялся, что опубликует этот материал, во что бы то ни стало, но это

удалось ему только частично. Европейцев не волновали чужие проблемы, но и египетская газета также не была заинтересована в материале.

Роман можно было бы назвать политическим, особенно ещё и потому, что в него вкраплены документальные материалы: отрывки из интервью очевидцев событий, из выступлений политических деятелей, из прессы. Но эти материалы не портят художественной ткани произведения. Тем более что в нём подробно описывается личная жизнь героев, истории любви и предательства, ненависти и прощения, проступков и раскаяния.

Кроме того, данный роман выполнен на высокохудожественном уровне. В нём присутствуют многочисленные диалоги: речь персонажей играет большую роль, помогает характеризовать их. Вот, например, слова Элен, хозяйки кафе, в котором на кухне работает её муж Юсуф, молодой египтянин: «– Я люблю Юсуфа. – Это естественно. В ответ она тихо рассмеялась. – Нет, нет, это вовсе не естественно, ведь он годится мне в сыновья. Он почти окончил университет, а у меня нет никакого образования. Но я его люблю, и он ко мне хорошо относится. Не спрашивайте почему. Женился ли он на мне, потому что ему нужна была работа и уверенность в завтрашнем дне? Возможно. После отъезда эмира в прошлом году он переживал трудное время, у него не было разрешения на работу. Однако у меня до него работали многие молодые люди ещё моложе его и красивее, но я не думала ни об одном мужчине с тех пор, как умер мой первый муж...» [3, с. 190]. Этот, можно сказать, монолог разъясняет многое, в какой-то мере он характеризует не только Элен, но и её молодого мужа, особенно если сопоставить её слова с его поведением.

В качестве другого примера можно привести слова Бернара в ответ на реплику журналиста о том, что всюду в газетах творится одно и то же: «– Про «всюду» не знаю, знаю только про самого себя. Помню, с какими большими надеждами начинал, и вижу, к чему пришёл. Знаю, что мой собственный сын, которому я с детства пытался привить любовь к правде, передать своё понимание мира, сейчас торгует оружием, продаёт его африканцам, чтобы они убивали друг друга, и наживает на этом сотни тысяч, а возможно, и миллионы. А когда я пытался убедить его отказаться от этого бизнеса, он лишь посмеялся и обвинил меня в том, что я хочу превратить его в такого же неудачника, каков сам. Только что идиотом не обозвал! Он не присылает мне даже поздравительной открытки на день моего рождения! А Жан Батист (приёмный ребёнок), кто знает, что с ним станет, когда он вырастет?» [там же, с. 224]. Здесь и мировоззрение журналиста, и его разочарование в профессии, в жизни, боль за сына, обида и неуверенность в будущем.

Большую роль в романе играет портрет героев. Вот, например, портрет Бриджит, составленный героем сразу после пресс-конференции, на которой выступал свидетель пыток в чилийской тюрьме: «Я отметил про себя, что её большие глаза всё ещё хранят выражение, появившееся в них к концу пресс-конференции с Педро Ибаньесом: зрачки беспокойно бегают, а веки то и дело вздрагивают. Она пыталась справиться с собой, непрерывно курила и улыбалась какой-то застывшей улыбкой. С близкого расстояния я разглядел, что черты её лица несколько крупноваты – нос длинен, рот широк. Но всё вместе необыкновенно пропорционально и прелестно. Особенно её украшал широкий лоб и густые, блестящие золотистые волосы, разделённые прямым пробором и заплетённые в длинную косу, которая была аккуратно уложена на затылке и оставляла открытой высокую белую шею. Наблюдая за ней, я отметил также, что её улыбка не нарочита, просто её лицо от природы улыбочиво» [там же, с. 61]. Подробная характеристика касается не только внешности, она затрагивает мимику, поведение. Учитывая характер пресс-конференции, можно объяснить нервозность девушки, которая с трудом справлялась с собой, будучи не в силах пережить все жестокости, о которых было рассказано. Кроме прочего, это описание характеризует и того, кто его делал. Очевидно, что главный герой сразу проникся к Бриджит большой симпатией, а возможно, и ощутил нечто большее.

Приведём совершенно другой портрет, сделанный тем же самым человеком. Придя в отель на встречу с эмиром, журналист отмечает: «Эмиру Хамиду было лет тридцать пять. Круглое лицо, бритый подбородок, кожа довольно светлая, но черты лица явно восточные, что подтверждали и густые чёрные волосы, и блестящие карие глаза. На нём был тёмносиний костюм и галстук с мелким рисунком в спокойных голубых и жёлтых тонах. Он был скорее невысокого роста, но я

моментаً ощутил исходящую от него силу» [там же, с. 171]. Цепкий взгляд журналиста ухватил сразу самое главное и подсознательно почувствовал сложность характера этого человека и даже возможную опасность, исходящую от него, что очень скоро нашло своё подтверждение. Это свидетельствует о том, что портрет в данном романе раскрывает сложность и многоплановость персонажей, и живописание наружности сочетается с психологическим анализом, проникновением вглубь, в душу.

О высоком художественном уровне романа говорит и пейзаж, используемый автором в разные моменты жизненной эволюции главного героя. Пейзаж в каждом случае подчёркивает его эмоциональное состояние, гармонично сочетаясь с его настроением. Приведём описание пейзажа в момент, когда Бриджит призналась в любви к журналисту и жизнь вспыхнула для него яркими красками: «Как же я до сих пор не замечал, не обращал внимания на чудесную, раньше обычного наступившую в этом году осень?! Зелень деревьев, которые росли в этом тихом квартале по обеим сторонам улицы, поблекла и была расшита блистающей на солнце желтизной. Каждое дерево на этом празднике осени напоминало гигантский цветок, раскрашенный в бледнозелёные, жёлтые, жёлто-коричневые, красные, серебристые и другие, не поддающиеся определению тона. Срываемые ветерком листья, прежде чем упасть на землю, медленно кружились в воздухе, словно золотистые бабочки. На земле, вокруг каждого ствола лежал, как отражение самого дерева, жёлтый круг из листьев. Их слабое шевеление и сухой шелест рождали волнение в груди. Я долго стоял, отрешившись от всяких мыслей и переводя взгляд от чистого синего неба на теряющие своё убранство деревья. Из глаз катились слёзы, но я с ними не боролся. Что-то внутри подсказывало мне, что в этом тихом золотом огне возродится и оживёт моя душа» [там же, с. 165].

Образы природы обладают уникальной значимостью, в данном отрывке они символизируют возрождение героя, жизнь которого перед этим зашла в глухой тупик и снова возродилась.

Но возьмём другой отрывок, в котором пейзаж оттеняет трагический момент, когда журналист, сломленный безжалостным поворотом судьбы и своим бессилием что-либо изменить, умирает от инфаркта в окружении тех же деревьев: «Туманная завеса окутывает всё вокруг, завеса из мельчайших переливающихся капель, за которой дрожат и колеблются силуэты дворцов и деревьев. Я спускаюсь. Подниматься нет сил. Я забыл про карту, забыл про машину и просто иду по улице, спускающейся к реке. Всё ниже и ниже. Наконец достигаю маленького садика на берегу. В изнеможении сажусь. Река передо мной застыла в свинцовой неподвижности. Город – скопление серых дрожащих пятен» [3, с. 269]. Нет надобности говорить, насколько этот пейзаж соответствует трагическому моменту.

Данному произведению присущ глубокий лиризм, мягкость и тонкость эмоционального начала. Всё это присутствует во всех любовных сценах, и это неудивительно. Но этим настроением окрашены и другие, трагические моменты: «Знаешь, кто приходил сегодня попрощаться со мной? Пришёл утром, вошёл через балкон. В квартире оставалось только то, что ты видишь – маленький столик и два кресла. – Кто вошёл через балкон, Бриджит? – Он вошёл и прощелбетал утренний привет. Осмотрелся. Ему понравилось эхо трепета его крыльев в пустой комнате, и он долго ходил по ней. Я стояла неподвижно возле балконной двери, чтобы не спугнуть его. Потом он взлетел на столик и чирикнул два раза, глядя на меня. Я поняла и поблагодарила. Он покрутил головкой, почесал её вытянутой ножкой, поискал, что бы мне ещё сказать, и не нашёл. Сделал последний круг по комнате и выпрыгнул на балкон, задев меня крылом. Неужели умер твой друг Ибрагим?» [там же, с. 262]. Так преподносится первое известие о смерти журналиста Ибрагима. Не менее лирично, как это ни парадоксально, звучит описание смерти главного героя. Он умирает на скамейке в садике на берегу реки от инфаркта: «Откуда-то издалека доносился голос: – Месье, месье... вам плохо? Мне не было плохо. Я соскальзывал в спокойное море, меня несла на своём гребне мягкая волна, я слышал отдалённый звук свирели. – Вот это и есть конец? – думал я. – Как хорошо! А голос где-то вдали повторял: – Месье... месье! Но он отдалялся и затихал, а свирель звучала всё громче. Волна несла меня вдаль. Медленно качая, убаюкивая... И печальный напев свирели сопровождал меня на пути к миру и покою» [там же, с. 270].

Другой важной особенностью является то, что многое роднит «Любовь в изгнании» с романом Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!». Ощущение близости двух произведений невольно возникает при чтении.

Два антивоенных произведения о любви, две человеческие трагедии, написанные с разрывом в 65 лет. В обоих, практически, единственный главный герой – это война. Два романа, которые написаны на одну тему и которые могут быть поставлены на одну полку. Герой арабского – журналист и писатель, автор другого – тоже профессиональный журналист и писатель. Действие в обоих романах происходит в Швейцарии (в романе «Прощай, оружие!» события в Швейцарии происходят во второй половине романа). Оба автора выступают против войны. Сцены, рисующие её ужасы, достоверны и создают впечатление документальной хроники или дневника очевидца. Влияние Э. Хемингуэя на арабского автора было бесспорным, сам Тахир в данном романе говорит о своей увлечённости сочинениями американского писателя, в частности он упоминает «По ком звонит колокол». Многие герои в египетском романе в молодости воевали в Испании: это и отец Бриджит, и доктор Мюллер. Отец Бернара устраивал лагерь для бежавших после поражения республиканцев, а Бернар ребёнком работал в них.

Это влияние носит чисто духовный характер. Баха Тахир был пленён американским писателем: манерой его письма, его взглядами, и та история, которую он создал в романе «Любовь в изгнании», полностью созвучна с историей, поведанной Э. Хемингуэем в романе «Прощай, оружие!». Данный вопрос подробно рассмотрен в статье «Баха Тахир и Эрнест Хемингуэй о любви и о войне» Н.А. Успенской [12].

Баха Тахир принадлежит к поколению 60-х годов XX века, так называемым писателям «новой волны», которые выступали за радикальное обновление литературы, критиковали своих предшественников. «Обновление стало постоянным девизом литературного движения, и каждое новое поколение литераторов начинало с того, что объявляло достигнутое предшественниками устаревшим» [6, т. 2, с. 194], однако этот один из последних и поздних романов Баха Тахира служит доказательством преемственности принципов, заложенных старым поколением египетских авторов.

По высокой идейной и моральной составляющей роман Баха Тахира можно поставить в один ряд с ранними произведениями Тауфика аль-Хакима, Нагиба Махфуза, Йахья Хакки. Его героям присуще то же чувство патриотизма, проявляющееся в боли, которую они испытывают за свою страну. Все они такие же простые люди, которые служат прежде всего общественным интересам. Им противопоставляются сильные мира сего, которые во имя собственной выгоды готовы убивать, подавлять, рушить жизнь других людей. «Любовь в изгнании» – образец реалистического произведения, написанного на высоком художественном уровне. Так же, как и у писателей первой волны, здесь можно отметить влияние западной литературы, которое на этот раз выразилось не в подражании, а в чисто духовной близости двух авторов.

Что касается другого современного романа «Набатеец», то он принадлежит перу Йусуфа Зейдана, автора более позднего поколения, ставшего известным в 2009 году, после получения Арабской Букеровской премии за роман «Азазель». «Набатеец» появился несколько позднее и в 2015 году был переведён на русский язык. Он состоит из трёх частей, его события разворачиваются в VII веке. В основе романа история египтянки-коптки по имени Мария, которая вышла замуж за араба-набатейца.

Повествование ведётся от имени самой героини, которая не обладает ни острым умом, ни решительным характером, ни способностью анализировать события.

В начале романа девушке восемнадцать лет. Она подробно описывает свою жизнь в деревне и в самом начале повествования даёт свой портрет: «Счастья у меня в жизни мало, хотя я белокожая, как сердцевина пшеничного зёрнышка, и красивая, чуточку худая, но красивая. Женщины в деревне болтали, что, если я выйду замуж, то обязательно поправлюсь и стану ещё красивей. Мои глаза чистые и большие цвета мёда, который собирают пчёлы во время цветения клевера. Вокруг глаз густые ресницы цвета зимних ночей. У меня широкие дугообразные брови, а волосы мягкие и длинные. Сплетены они в толстые косы, хотя я их не люблю. Распущенные волосы смотрятся

красивее. Моя подруга Домиана говорила, что, когда я распускаю косы и крашу сурьмой ресницы, то становлюсь такой же очаровательной, как женщины Белого города» [5, с. 20].

По словам Марии, в деревне жили «добрые, беспричинно хмурившиеся мужчины и трудолюбивые женщины» [там же, с. 20], всех девушек выдавали замуж ещё в возрасте пятнадцати лет, и они уехали со своими мужьями кто куда. При этом ничего не сказано, каким трудом были заняты женщины и хмурые мужчины и чем целыми днями занималась сама героиня и члены её семьи. Девушке исполнилось восемнадцать, вся деревня считала её старой девой, и жители были этим сильно озабочены и выражали ей и её матери сочувствие. Но приехали арабы из Набатеи и посватали Марию за молодого купца. Девушка покидает родительский дом и следует со своим мужем с арабским караваном на своё новое место жительства в Аравийскую пустыню. По пути они посещают христианский монастырь, главным образом чтобы продать свой товар и забрать монастырский мёд. Девушка знакомится с монахинями, они вместе часто плачут по разным поводам, в том числе по причине того, что мужчины не проявляют к женщине достаточного уважения. На новом месте свекровь даёт Марии новое имя – Мавия, и молодая женщина не возражает. Заканчивается роман исходом набатейцев из своих земель, так как мусульмане потребовали освободить для них территорию.

С самого начала повествование поражает огромным количеством бытовых деталей и подробностей, которые не служат раскрытию характеров действующих лиц и не имеют отношения к развитию сюжета. Например, Мария рассказывает о своих новых платьях: «Каждое из платьев выглядело так, будто сшито из двух лоскутов ткани. Но на самом деле из одного, и смотрится оно как абая. Первое платье было из мягкой, как шёлк, ткани жёлтого цвета, как новые сверкающие динары. Другое платье – тёплого гранатового цвета. Если любое из них разложить на кровати, то оно будет выглядеть, вроде квадратного покрывала. Края платья прошиты цветной лентой шириной в два пальца. Когда я облачаюсь в него, то они свисают с подмышек, а когда расправляю руки, края становятся похожими на крылья. Оба платья мне широки в ногах и узки в груди, а при ходьбе подол и рукава развеваются. К одному платью внизу на расстоянии двух пядей мама пришила жёлтую ткань с гранатовой подкладкой. Обе они хорошо просматриваются от моих колен до ступней. На груди, так же, как и на подоле, отчётливо видна подкладка абая, и создаётся впечатление, что под ней у меня надето ещё платье» [5, с. 93]. И такого рода описаний множество.

История семейной жизни Марии также пестрит подробностями, касающимися предметов быта, домашней утвари, пиршеств, на которых арабы выглядят как толпа грубых, неотёсанных, нередко агрессивных людей. Своего мужа Салуму она не любит, особенно часто женщина жалуется на мерзкий запах, который исходит из его рта – дело в том, что он пьёт вино, которое и даёт этот запах. Родственники зовут его «вонючка», он уже сменил трёх жён, но детей у него нет. У Салумы шесть родных братьев и две сестры. Многие братья женаты, и у всех членов семьи разное вероисповедание: здесь есть христиане, иудеи, язычники разного сорта – кто-то верит в богиню Ал-Лат, кто-то в других богов. Многочисленные истории браков, разводов, рождения детей у новых жён, празднеств, свадеб, траура и прочих событий сопровождаются разговорами о завоеваниях персов, резни иудеев, устроенной христианами в отместку за распятие Христа, и оставляют впечатление калейдоскопа, который без остановки вращает невидимая рука.

Младшего брата Салумы все зовут Набатеец, он тоже язычник, многие считают его пророком. Он иногда сидит по вечерам в окружении соплеменников и учит их разным премудростям. Вот одна из его проповедей: «Женщина и мужчина – две стороны сущности человека, и обе они сближаются друг с другом в начале жизни и в её конце. В период кормления материнской грудью мужское и женское сливаются, а затем разделяются, когда девочка становится девушкой, а мальчик юношей. И снова притягиваются, и страстно желают, чтобы мужское растворилось в женском, а женское в мужском, чтобы при их воссоединении максимально реализовалась сущность человека. А когда кто-то из них стареет, то приближается к своей противоположности. Старуха становится как мужчина, и у неё на лице даже могут вырасти волосы. Старик же, как женщина, обретает нежность и, как мать, проявляет заботливость. Словно женщина меняется с мужчиной жизненными ролями. Тогда увядает их стремление друг к другу и пропадает страсть» [5, с. 286].

Важной отличительной чертой романа является большое количество подробных сексуальных сцен, выписанных с большой долей натурализма. Марию лишает девственности в пятнадцатилетнем возрасте незнакомый араб, которого она встречает случайно в укромном месте по дороге домой. Это событие оставляет у неё приятное впечатление, она долгое время надеется, что ещё встретит этого человека, имени которого она не знает. Описание брачной ночи с Салумой также исполнено множеством натуралистических подробностей и растянуто на несколько страниц. История Марии включает также интимную связь с сестрой Салумы – Лейлой, которая была дважды замужем, развелась и на некоторое время сблизилась с молодой женщиной. Позднее она вышла замуж за египтянина. Героиня была так расстроена этим событием, что пыталась покончить с собой. В романе также много других сцен подобного рода: совокупления Лейлы с джином на каменном возвышении в горном ущелье, попытки изнасилования Марии перед свадьбой её соседом и т. д. Мария на протяжении романа часто рассказывает, как она моется, уделяя внимание разным частям своего обнажённого тела.

Что касается персонажей романа, то сложно судить об их характерах, несмотря на множество деталей в их описаниях. Мария любит свою мать и привязана к ней, та жалеет её, заботится о дочери, спит с ней в одной кровати. Но дочь не поделилась с матерью своими чувствами и ничего не рассказала после случайной встречи с арабом, который лишил её девственности. При этом мать с радостью отдаёт дочь замуж за никому не известного арабского купца и отправляет её с ним в далёкие края, полагая, что остаться старой девой гораздо страшнее.

О своём муже молодая женщина пишет следующее: «Всё, что меня сейчас волнует, ограничивается тем, что я жена арабского купца по имени Салума, косоглазого пьяницы с отвратительным запахом изо рта. К косоглазую я привыкла ещё до его отъезда, но к запаху не привыкну никогда. Места здесь много, и я могу спать вдалеке от мужа и не задыхаться от его вонючей глотки. Вскоре я вообще позабуду о его косом глазе и не буду смотреть ему в лицо, словно смущаясь чего-то, как я это делала раньше» [там же, с. 273].

Мария – христианка, но ей неприятно принимать причастие, потому что его раздаёт священник пальцами с длинными ногтями. Она молится Деве Марии, когда боится джинов или бесов, и в то же время в одночасье без сожаления принимает ислам, когда Салума просит её об этом.

Роман называется «Набатеец», по прозвищу одного из героев – родного брата Салумы. Во время сватовства Мария обратила внимание на его красоту: «У араба я заметила тонкие черты лица и накрашенные сурьмой выразительные глаза. Его одежда была безупречно белой, а от чалмы исходил тонкий аромат. С обеих сторон его спокойного худого лица свисало тонкое головное покрывало... Красавец напоминает мне безгрешного юношу или ангела, заблудившегося на небесном пути и спустившегося на землю просто так, без какой-либо цели, чтобы только пожить какое-то время среди людей» [там же, с. 29]. В том же духе выполнены и другие портреты, они не имеют психологической глубины несмотря на то, что выписаны с множеством деталей.

Роман кончается тем, что Набатеец решает остаться на старом месте и не покидать его вместе с остальными. Мария горячо просит его пойти с ними, она была бы готова остаться вместе с ним, если надо умереть и потом воскреснуть в виде птицы удода.

Речь персонажей напоминает речь современных людей. Особенно это касается речи главной героини, хотя, судя по содержанию романа, Мария нигде не училась: «За стоянкой животных установили две палатки: маленькую и большую. Они были покрыты тонкой льняной тканью, закреплённой посередине на высоких шестах верёвками. Проходя мимо большой палатки, муж кричал: «Я привёл свою жену из монастыря, Хатиб. Мы поедем с моими братьями и придём к тебе через час». Ему ответил из палатки громкий и повелевающий голос: “Не опаздывай, вонючий”» [5, с. 191].

Трудно сказать, так ли разговаривали купцы в VII веке, были ли у них часы, позволил бы араб называть себя так грубо.

Что касается женщин, то чаще всего они обсуждают сексуальные проблемы, различные части тела, их роль в отношениях с мужчинами.

Или ещё один пример разговоров среди женщин: «Когда муж был в отъезде, я много времени проводила в палатке Умм аль-Банин (свекрови). Рядом с ней безопасно, и я одной из первых узнавала обо всех новостях. Вечерами женщины разговаривали, шевеля в очаге угли, чтобы лучше согреться, обменивались мнениями и рассказывали кто что:

«Караван из Йемена придёт через несколько дней. Положение в Византии беспокойное. Шуйкайла остаётся здесь со своими детьми. Дожди не идут в большинстве областей. В центральной части полуострова и в его окрестностях стало много мусульман, и они стали нападать на окраины Византии» [там же, с. 314],

или:

«Фарва ибн Амр аль-Джузами объявил, что принял ислам, будучи эмиром. За это византийцы схватили его и распяли на деревянном кресте в окрестностях Палестины. В Йемене беспокойно: там пророк по имени Аль-Асвад сражается с правителем мусульман. Другой пророк, по имени Мусайлима на краю полуострова спорит с курейшитским пророком. Он использует глупые откровения и заявляет, что они снисходят к нему с небес. Церковники в Леванте борются друг с другом, утратив своё могущество, и царь Иракий не знает, к какому из течений примкнуть. Караваны в этом году не пойдут в Эфиопию, потому что там тоже беспокойно – корабли пропадают, и совсем немногие купцы проходят в Ясриб по суше. Христиане повсеместно уничтожают иудеев, мстя им за то, что произошло раньше по их вине. Уже убиты десятки тысяч» [там же, с. 134].

Эти разговоры женщин во время вечерних посиделок напоминают телевизионный обзор новостей.

Можно сказать, что данное произведение является логическим продолжением традиции, заложенной романами Ибрагима ал-Мазини и Аббаса ал-Аккада. Однако «Набатеец» сильно проигрывает в художественном отношении. Несмотря на многочисленные красочные пейзажи, подробные бытовые описания, судьбоносные исторические события, которые даются только через разговоры персонажей, он не производит впечатления достоверности. Герои выглядят искусственными, созданными воображением писателя, и не соответствующими реалиям того времени. Кроме того, поток сексуальных подробностей, выписанных с большой долей натурализма, выдаёт стремление автора эпатировать читающую и пишущую публику, но не говорит в пользу данного произведения. О романе «Санин» в своё время писали как о порнографическом элементе в русской литературе, при этом в нём присутствовали крамольные идеи, но не было ни одной откровенной сексуальной сцены.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Романы Тауфика ал-Хакима, Йахья Хаки и Нагиба Махфуза середины XX века стали той основой, на которой было воздвигнуто здание современного египетского романа. Это были самые читаемые произведения в начале 50-х годов. Идеологическая ориентация – важный компонент характеристики героев этих произведений, которые в основном представлены выходцами из среднего класса. Их характерными чертами являются патриотизм, трудолюбие, демократизм, стремление найти решение социальных проблем бедности и богатства, вера в высокие нравственные идеалы. Общациональная судьба волнует этих писателей больше, чем судьба отдельного человека.

2. Другую тенденцию морально-нравственного характера представляют романы Ибрагима ал-Мазини и Аббаса ал-Аккада. Их герои, сконцентрированные на себе разочарованные индивидуалисты с сознанием своей непричастности к общественным проблемам и жизни общества, полностью сосредоточены на своих любовных переживаниях.

3. Обе вышеобозначенные тенденции имеют одну общую особенность – влияние внешнего источника – произведения западноевропейского, русского или американского автора.

4. Приведённые в статье два романа Баха Тахира и Йусуфа Зейдана – примеры произведений интроспективного типа, в которых образ внешнего мира преломляется через восприятие героя. Реалистический способ изображения зачастую происходит в форме его самопознания.

5. В романе «Любовь в изгнании» прослеживается непосредственное продолжение первой морально-нравственной тенденции, представленной произведениями Тауфика ал-Хакима, Йахья

Хакки и Нагиба Махфуза середины XX столетия. Роман «Набатеец», с точки зрения своей идейно-эстетической установки, тяготеет к линии, представленной романами Аббаса ал-Аккада и Ибрагима ал-Мазини.

Причём роман Баха Тахира, несмотря на его высокий художественный уровень, не был встречен столь шумно, как роман Йусуфа Зейдана, и был опубликован в русском переводе лишь в количестве двухсот экземпляров, что объясняется исключительно обстоятельствами материального характера.

Популярности «Набатейца», если обратиться к высказыванию В.Е. Хализева, «в немалой мере способствует громкость и эффектность “заявления” автором собственной оригинальности и новизны» [14, с. 173]. В литературно-художественной жизни широко бытуют ситуации «раздутой славы», нет основания измерять достоинство произведения и писателя его успехом у публики, его известностью. Немалое значение имеет и поощрение автора официальными и влиятельными кругами [8, с. 173], в частности в данном случае присвоением Арабской Букеровской премии.

Из многочисленных романов, опубликованных в Египте, «сколько-нибудь заметный след в литературе оставили считанные единицы несмотря на то, что некоторые романы выдержали в своё время по два-три издания» [6, с. 303].

Образы, созданные в художественных произведениях, выстраиваются в систему устойчивых духовных и нравственных ценностей, которые, как это демонстрируют приведённые примеры, могут не только не совпадать, но и быть совершенно противоположными.

© Сыщикова Е.С., Савчук Е.А. 2022

Список литературы

1. Аль-Аккад Аббас Махмуд. Сара. Каир: 1938.
2. Арцыбашев М.П. Санин. М.: Московское книгоиздательство. 1908г.
3. Баха Тахир. Любовь в изгнании //Перевод с араб. В.Н. Кирпиченко. М.: Изд центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино; ИВ РАН, 2010. 270 с.
4. Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. Ленинград: Наука, 1982. 558 с.
5. Зейдан Юсуф. Набатеец /Перевод с араб. М. Наср аль-Гибали, В. Кункова М.: Изд. Российские новости, 2015. 391 с.
6. Кирпиченко В.Н. История египетской литературы XIX–XX веков. В 2-х томах /Кирпиченко В.Н., Сафронов В.В. М.: Восточная литература РАН, 2003. Т. 1. 408 с. Т. 2. 269 с.
7. Кирпиченко В. Н. Нагиб Махфуз – эмир арабского романа. М.: Наука, 1992. 301 с.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 473 с.
9. Хемингуэй Эрнест. Собрание сочинений. М.: Художественная литература. 1981. Т. 2. 687 с.
10. Успенская Н. А. Восток – Запад – Россия: процесс культурного взаимодействия. М.: Изд. МГИМО – Университет, 2011. 120 с.
11. Успенская Н. А. Становление реалистического направления в египетской прозе первой половины XX века. М.: Изд. МГИМО – Университет, 2017. 192 с.
12. Успенская Н. А. Баха Тахир и Эрнест Хемингуэй о любви и о войне // Арабская филология, традиции и современность. Труды Института Востоковедения РАН. 2018. Выпуск 18. 308 с. С. 134–151.
13. إبراهيم عبد القادر المازني. إبراهيم الكاتب. القاهرة، ١٩٣٦
14. عبد المحسن طه بدر. تطور الرواية العربية الحديثة في مصر، ١٨٧٠-١٩٣٨، القاهرة، ١٩٦٨
15. علي الراعي. الرواية المصرية. دراسات في الرواية المصرية. القاهرة، ١٩٦٦
16. توفيق الحكيم. عودة الروح. القاهرة، ١٩٣٨
17. يحيى حقي. قنديل أم هاشم. القاهرة، ١٩٧٥
18. يحيى حقي. خطوات في النقد. القاهرة، ١٩٧٦

References

1. Al-Akkad Abbas Mahmud. Sara. Kair: 1938.
2. Artsybashev, M. P. *Sanin*. M.: Moskovskoe knigoizdatelstvo, 1908.
3. Baha Tahir. *Lyubov v izgnanii* /Perevod s arab. V.N. Kirpichenko. M.: izd TSentr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino; IV RAN, 2010. 270 s.
4. Zhirmunskiy, V.M. *Gyote v russkoj literature*. Leningrad: Nauka, 1982. 558 s.

5. Zejdan, Yusuf. *Nabateec / Perevod s arab.* M. Nasr al-Gibali, V. Kunkova M.: Izd. Rossiyskie novosti, 2015. 391 s.
6. Kirpichenko, V.N. *Istoriia egipetskoj literatury XIX–XX vekov.* V 2-h tomakh /V.N. Kirpichenko, V.V. Safronov. M.: Vostochnaia literatura RAN, 2003. T. 1. 408 s. T. 2. 269 s.
7. Kirpichenko, V. N. *Nagib Mahfuz – emir arabskogo romana.* M.: Nauka, 1992. 301 s.
8. Halizev, V.E. *Teoriia literatury.* M.: Vysshaia shkola. 2002. 473 s.
9. Heminguei, Ernest. *Sobranie sochineniy.* M.: Hudozh. Literatura. 1981. T. 2. 687 s.
10. Uspenskaia, N. A. *Vostok – Zapad – Rossiia: prtscess kulturnogo vzai-mo-deistviia.* M.: Izd. MGIMO – Universitet, 2011. 120 s.
11. Uspenskaia, N. A. *Stanovlenie realisticheskogo napravleniia v egipetskoj proze pervoi poloviny XX veka.* M.: Izd. MGIMO – Universitet. 2017. 192 s.
12. Uspenskaia, N. A. Baha Tahir i Ernest Heminguej o lyubvi i o vojne // *Arabskaia filologii, traditsii i sovremennost. Trudy Instituta Vostokovedeniia RAN.* 2018. Vypusk 18. 308 s. S. 134–151.
13. Ibrahim Abd al Qadir al Mazini. Ibrahim al katib. Al Qahirah, 1931.
14. Abd al Muhsin Taha Badr. Tatawwur ar riwaiah al arabiih al hadisah fi Misr, 1870-1938, Al Qahirah, 1968.
15. Ali ar Rai. Ar riwaiah al misriiah. Dirasat fi ar riwaiah al misriiah. Al Qa-hirah, 1966.
16. Tawfiq al Hakim. Awdat ar ruh. Al Qahirah, 1938.
17. Iahia Haqqi. Qandil Umm Hashim. Al Qahirah, 1975.
18. Iahia Haqqi. Khutuwat fi an naqd. Al Qahirah, 1976.

Сведения об авторе:

Успенская Нина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: арабская филология. E-mail: ni.a.uspenskaia@my.mgimo.ru

Яковенко Элла Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: арабская лексикография, грамматика. E-mail: e.yakovenko@inno.mgimo.ru

About the author:

Nina A. Uspenskaya, PhD, is Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Middle East languages, MGIMO. Spheres of research and professional interests: Arabic philology.

E-mail: ni.a.uspenskaia@my.mgimo.ru

Ella V. Yakovenko, PhD, is Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Middle East languages, MGIMO. Spheres of research and professional interests: lexicography, philology.

E-mail: e.yakovenko@inno.mgimo.ru

* * *

ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО» ЗА 2022 ГОД

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Анищенко А.В., Тумасян К.А.

Вербализация ценностного концепта «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» в речи немецкоязычной молодёжи (на материале репортажей TRU DOKU). Том 8, №4

Асадова К.А.

Эволюционные процессы в итальянском языке Интернета: лексика и словообразование. Том 8, №1

Банков А.С.

Гендерно обусловленные синтагматические особенности фразового ритма при неподготовленном чтении вслух (американский вариант английского языка). Том 8, №2

Бутко В.А., Иванов Н.В.

Функция артикля в модусах субстантивной номинации в португальском языке. Том 8, №4

Ковалев Н.А.

Концепт NEW COLD WAR на фоне вызовов современности (на материалах англоязычной прессы). Том 8, №2

Кукина Н.В.

Функции документонимов-аббревиатур в немецком отраслевом языке экономики и менеджмента. Том 8, №1

Малахова В.Л.

Значение и смысл как основа функционального пространства английского дискурса. Том 8, №1

Мурзин Ю.П.

Отантропонимические контаминанты как объект языковой игры (на материале испаноязычных СМИ). Том 8, №4

Нестерова М.Е.

Стратегия оценочной аргументации как средство лингвистического моделирования образа полиции в оппозиционных российских и американских газетах. Том 8, №4

Сапрыкина О.А.

Активные процессы в современной португальской неологии: новые слова и пандемия. Том 8, №2

Седова А.В.

Хеджи в экономическом дискурсе (на материале швейцарского варианта немецкого языка). Том 8, №2

Федулова М.Н.

Феномен аксиологической энантиосемии в юридическом дискурсе (по материалам текстов судебной риторики). Том 8, №1

Филичкина Т.П.

Синхронизм и диахронизм фразеологизмов античного происхождения в англоязычном медийном дискурсе. Том 8, №2

Хамаева Е.А.

Знаки с дипломатической семантикой в древнекитайском словаре «шо вэнь цзе цзы»: верификация этимологии. Том 8, №1

Чиринов С.В.

Опыт аннотирования коннекторов в японоязычном тексте: уроки и перспективы. Том 8, №4

Шестерина Е.А.

Фоноэстетика немецкой речи в восприятии русскоговорящих реципиентов. Том 8, №2

Шубина Э.Л., Семёнова О.О.

Фразеологические единицы как компоненты языковой игры в рекламных слоганах (на материале немецкого языка). Том 8, №2

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Дастамуз С.

От прагматики к переводу: к вопросу об эффективности онлайн-переводчиков при переводе с русского языка на персидский. Том 8, №2

Мохаммади Мохаммад Реза, Бахарлу Хади, Голкар Абтин, Хагзаре Давуд
Параметрический анализ русско-персидских словарей военных терминов. Том 8, №4

Фомина С.Б.

Лексико-структурные характеристики авиационной терминологии и способы её передачи на русский язык. Том 8, №1

Сиями Эйдлак Халида

Способы и приёмы интерпретации имён мифических и волшебных персонажей русских народных сказок при переводе на персидский язык. Том 8, №4

Соловьёва Е.А.

Передача персонификации во франкоязычных переводах XIX столетия романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Том 8, №4

Эстири М.

Сложные случаи употребления неопределённых местоимений и наречий с аффиксами *-нибудь, -либо, -то, кое-* со значением неопределённости в иранской аудитории. Том 8, №4

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Бовшик, А.С., Гайворонская С.О.

Инклюзивный потенциал сторителлинга при обучении иностранному языку. Том 8, №1

Вишнякова О.Д., Вишнякова Е.А., Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.

Реализация сокращений как новая тенденция в профессиональном языке связей с общественностью: лингвистические и лингводидактические аспекты. Том 8, №4

Савчук Е.А., Същикова Е.С.

Влияние пандемии на высшее образование: новые вызовы и перспективы. Том 8, №1

Салими К.А., Эслами М.

Индивидуальные и психологические различия при усвоении русского языка как второго. Том 8, №4

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Балмагова Т.М.

Фитонимы и зоонимы в поэзии фламенко. Том 8, №1

Бикмуллина Э.Р.

Актуализация речевого жанра приветствия в лингвокультурах-носителях разноструктурных языков. Том 8, №2

Кухарева Е.В.

«Напиток для души»: кофейное дерево и кофе как символ арабского национального менталитета. Том 8, №4

Макарычева А.В., Смирнова Е.В.

Игра слов в испаноязычном рекламном дискурсе. Том 8, №4

Овчаренко Е.Ф.

Особенности политического дискурса Рене Левека в контексте борьбы за Квебекскую идентичность. Том 8, №2

Същикова Е.С., Савчук Е.А.

Речевые жанры социальной сети Инстаграм в испаноязычном сегменте. Том 8, №4

Тали Кигель

Сопоставительный анализ английских, русских и ивритских идиом с лексемой «серый». Том 8, №2

Успенская Н.А., Яковенко Э.В.

Современный египетский роман – тенденции развития. Том 8, №4

Яковлева В.В., Алимова Р.Р.

Особенности речевого поведения представителей некоторых молодёжных субкультур Испании. Том 8, №1

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИГЛОТИИ

Алешкевич-Суслов Я.В.

Оценка ускорения усвоения языка при последовательном изучении германских языков: редложение парадигмы исследования. Том 8, №3

Виролайнен А. В., Коваленко Н. С., Комаров Д. С.

Образ полиглота глазами студентов МГИМО. Том 8, №3

Кулаков С. Л.

Тематика полиглотии сквозь года: данные круглых столов с 2013 г. Том 8, №3

Никуличева Д. Б.

Апробация методики полиглота Алана Бигулова по суперинтенсивному вхождению в разговорную практику. Том 8, №3

Тараканов И. О.

О состоянии мультилингвизма и полиглотии в Японии. Том 8, №3

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ГЕОЛИНГВИСТИКА

Бишовкарма Б. Р., Бишовкарма А.

Критическое осознание студентами-далитами своей языковой идентичности для педагогической поддержки: геоллингвистическая перспектива из Непала. Том 8, №3

Брицьна Н. М.

Англоязычный дискурс ООН: особенности и практическое применение в описании современного миропорядка. Том 8, №3

Петрова Г. В.

Староверы в Бразилии: сохранение языковой идентичности. Том 8, №3

Сагал А. Б.

Языковая политика в индустрии гостеприимства в России. Том 8, №3

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

Бишовкарма А.

Геоллингвистическое движение в непальских Гималаях. Том 8, №2

Китабаяси Х.

Геоллингвистика и полиглотия на службе мира. Том 8, №2

Казаков Г.А.

Исследования полиглотии весной 2022 г. Том 8, №2

Казаков Г.А.

Лекции в Гданьском университете 2022 г. Том 8, №1

Дискуссия о социоллингвистических тенденциях в мире. Том 8, №3